

Министерство науки и высшего образования РФ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ВЕСТНИК

**НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО**

**Серия
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ**

№ 1 (73)

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского государственного университета
2024

В 38 **Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.**
№ 1 (73). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2024. – 179 с.
Информационная продукция для детей старше 16 лет

Выходит 4 раза в год

Главный редактор

С.Н. Яшин – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Редакционная коллегия:

Б.И. Бедный (*зам. главного редактора*) – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
В.Н. Бобков – д.э.н., проф. (ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», г. Москва);
П.Б. Болдыревский – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); М.А. Вахрушина –
д.э.н., проф. (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации);
Ю.Р. Вишневецкий – д.филос.н., проф. (УрФУ им. Б.Н. Ельцина); М.Л. Горбунова – д.э.н.,
проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.В. Гребенев – д.пед.н., проф. (ННГУ
им. Н.И. Лобачевского); И.А. Григорьева – д.соц.н., проф. (СПбУ); Т. Зарицкий – Dr. Hab.,
Associate Prof. (Варшавский университет, Польша); Л.Н. Захарова – д.психол.н., проф.
(ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.В. Золотов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
Р.Г. Каспина – д.э.н., проф. (Казанский федеральный университет); А.В. Кузнецов –
д.э.н., чл.-корр. РАН (Институт мировой экономики и международных отношений РАН);
Ю.А. Кузнецов – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Д.Н. Лапаев – д.э.н., проф.
(ННГУ им. Р.Е. Алексеева); О.В. Лебедева – д.пед.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
С.В. Ледаева – PhD, Assistant Prof. (Университет Аалто, Финляндия); А.С. Макаров – д.э.н.,
проф. (ВШЭ, г. Нижний Новгород); Н.В. Малиновская – д.э.н., доц. (РУДН);
М.Ю. Малкина – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.Е. Мизиковский – д.э.н.,
проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); М. Помпелла – PhD, Prof. (Университет г. Сиена,
Италия); В.В. Николина – д.пед.н., проф. (НИРО); Г.И. Осадчая – д.соц.н., проф.
(Институт социально-политических исследований РАН); И.Э.Петрова – д.соц.н., проф.
(ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Н.С. Пурышева – д.пед.н., проф. (МПГУ); Н.В. Рыбаков –
к.соц.н., доц. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); З.Х. Саралиева – д.и.н., проф.
(ННГУ им. Н.И. Лобачевского); С.А. Судьин – д.соц.н., проф. (ННГУ
им. Н.И. Лобачевского); М.Л. Теодорович – д.соц.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
Ю.В. Трифонов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); О.В. Трофимов – д.э.н.,
проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); В.Г. Фролов – к.э.н., доц. (ННГУ
им. Н.И. Лобачевского); А.Ю. Чепуренко – д.э.н., проф. (НИУ ВШЭ, г. Москва);
Н.И. Яшина – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); С.Н. Яшин – д.э.н., проф.
(ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

ББК С

Электронная версия журнала:
<http://www.vestnik-soc.unn.ru/>

© Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, 2024

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

VESTNIK
OF
LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY
OF NIZHNY NOVGOROD
SOCIAL SCIENCES

No. 1 (73)

Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod University Press
2024

Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Social Sciences. No. 1 (73). – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod University Press, 2024. – 179 pp.

The journal appears four times a year

Editor-in-Chief

S.N. Yashin – D.Sc. (Economics), Prof.

Editorial Board:

B.I. Bednyi (*Deputy Editor-in-Chief*) – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; P.B. Boldyrevskii – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; V.N. Bobkov – D.Sc. (Economics), Prof.; M.A. Vakhrushina – D.Sc. (Economics), Prof.; Yu.R. Vishnevsky – D.Sc. (Philosophy), Prof.; M.L. Gorbunova – D.Sc. (Economics), Prof.; I.V. Grebenev – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; I.A. Grigorieva – D.Sc. (Sociology), Prof.; T. Zarycki – Dr. Hab., Associate Prof.; L.N. Zakharova – D.Sc. (Psychology), Prof.; A.V. Zolotov – D.Sc. (Economics), Prof.; R.G. Kaspina – D.Sc. (Economics), Prof.; A.V. Kuznetsov – D.Sc. (Economics), Corresponding Member of the RAS; Yu.A. Kuznetsov – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; D.N. Lapaev – D.Sc. (Economics), Prof.; O.V. Lebedeva – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; S.V. Ledyeva – PhD, Assistant Prof.; A.S. Makarov – D.Sc. (Economics), Prof.; N.V. Malinovskaya – D.Sc. (Economics), Assoc. Prof.; M.Yu. Malkina – D.Sc. (Economics), Prof.; I.E. Mizikovskiy – D.Sc. (Economics), Prof.; M. Pompella – PhD, Prof.; V.V. Nikolina – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; G.I. Osadchaya – D.Sc. (Sociology), Prof.; I.E. Petrova – D.Sc. (Sociology), Prof.; N.S. Puryшева – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; N.V. Rybakov – Cand. Sc (Sociology), Assoc. Prof.; Z.H. Saralievа – D.Sc. (History), Prof.; S.A. Sudyin – D.Sc. (Sociology), Prof.; M.L. Teodorovich – D.Sc. (Sociology), Prof.; Yu.V. Trifonov – D.Sc. (Economics), Prof.; O.V. Trofimov – D.Sc. (Economics), Prof.; V.G. Frolov – Cand. Sc. (Economics), Assoc. Prof.; A.Yu. Chepurenskiy – D.Sc. (Economics), Prof.; N.I. Yashina – D.Sc. (Economics), Prof.; S.N. Yashin – D.Sc. (Economics), Prof.

Electronic version of the journal can be found at:

<http://www.vestnik-soc.unn.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки

<i>Коляда А.А., Плехова Ю.О.</i> Определение понятия бизнес-модели и требований к нему в целях стратегического менеджмента организации	7
<i>Логинова Т.П., Лядова Е.В.</i> Структурные сдвиги в занятости как важнейший фактор укрепления технологического суверенитета России	17
<i>Павленков М.Н., Парамонов А.В.</i> Факторы неопределенности и риска при прогнозировании развития муниципального образования	24
<i>Полазнов А.И., Корнилов Д.А.</i> Классификация и применение нейронных сетей для прогнозирования финансовых показателей	30
<i>Чкалова О.В., Муранова Т.Д.</i> Развитие розничной торговли в контексте инновационно-инвестиционных преобразований	41
<i>Шинкевич А.И., Галимулина Ф.Ф.</i> Специфика и факторы отраслевых структурных сдвигов в условиях опережающего роста обрабатывающей промышленности России	49
<i>Яшина Н.И.</i> Методический инструментарий оценки бюджетной стабильности регионов в условиях санкционного давления	57

Социологические науки

<i>Гурко Т.А.</i> Репродуктивные намерения и поведение мужчин	66
<i>Ростовская Т.К., Васильева Е.Н.</i> Брачные, репродуктивные, самосохранительные стратегии членов студенческих семей: по результатам глубинного интервью	74
<i>Иудин А.А., Ротанова М.Б., Шпилев Д.А.</i> Отношение россиян к вакцинации в период пандемии ковид-19	83
<i>Галкин К.А.</i> Особенности повседневной жизни пожилых женщин в период пандемии COVID-19 в городе и в сельской местности	93
<i>Кульминская А.В., Забокрицкая Л.Д.</i> Противоречивая роль массмедиа в развитии современной культуры	101
<i>Мозильчак Е.Л.</i> События финансовой жизни студентов в условиях экономического кризиса	110
<i>Золотов С.А.</i> Оценка рабочими типичного оборонного предприятия перспектив своего профессионального развития	118
<i>Капитанова Н.В.</i> Адаптация преподавателей вузов МВД России к дистанционной форме работы и цифровизации образования	126
<i>Мазанова А.Е.</i> Структура поля волонтерства в медицинских вузах России	135
<i>Мамлев Д.О.</i> Анализ миграционных настроений городского социума в Приволжском федеральном округе	145

Педагогические науки

<i>Кручинина Г.А., Пушкарева Е.А.</i> Модель формирования профессионально-деловой иноязычной компетенции будущих инженеров с применением средств цифровых технологий	151
<i>Нагаева И.А., Кузнецов И.А.</i> Арт-информатика как новая область знаний в условиях профессиональной направленности межпредметных связей	160
<i>Сухристина А.С.</i> Виртуальная академическая мобильность в инженерных вузах	166
<i>Трухачева Л.А., Васильева М.А., Скороходова Ю.М., Фаренбрух А.С.</i> Исследование влияния методики визуализации на результаты соревновательной деятельности студентов	170

Научная жизнь

<i>Стронгин Р.Г.</i> Российская наука перед вызовами времени: будущее российской цивилизации	177
--	-----

CONTENTS

Economic sciences

<i>Kolyada A.A., Plekhova J.O.</i> Definition of the concept of a business model and requirements for it for the purposes of strategic management of an organization	7
<i>Loginova T.P., Liadova E.V.</i> Structural shifts in employment as the most important factor in strengthening Russia's technological sovereignty	17
<i>Pavlenkov M.N., Paramonov A.V.</i> Uncertainty and risk factors in forecasting municipal development	24
<i>Polaznov A.I., Kornilov D.A.</i> Classification and application of neural networks for forecasting financial indicators	30
<i>Chkalova O.V., Muranova T.D.</i> Development of retail trade in the context innovation and investment transformations	41
<i>Shinkevich A.I., Galimulina F.F.</i> The specifics and factors of sectoral structural shifts in the conditions of advanced growth of the Russian manufacturing	49
<i>Yashina N.I.</i> Methodological toolkit for assessing the budget stability of regions under sanctions pressure	57

Sociological sciences

<i>Gurko T.A.</i> Reproductive intentions and behavior of men	66
<i>Rostovskaya T.K., Vasilieva E.N.</i> Marriage, reproductive, self-preservation strategies of student families: according to in-depth interviews	74
<i>Iudin A.A., Rotanova M.B., Shpilev D.A.</i> Motivational attitudes of Russians during the COVID-19 pandemic	83
<i>Galkin K.A.</i> Features of the daily life of older women during the COVID-19 pandemic in urban and rural areas.....	93
<i>Kulminskaya A.V., Zabokritskaya L.D.</i> The controversial role of the media in the development of modern culture	101
<i>Mogilchak E.L.</i> Events in the financial life of students in the context of the economic crisis: sociological analysis	110
<i>Zolotov S.A.</i> The workers of a typical defense enterprise evaluation of their professional development prospects.....	118
<i>Kapitanova N.V.</i> Adaptation of university teachers of the Ministry of Internal Affairs of Russia to the remote form of work and digitalization of education	126
<i>Mazanava A.E.</i> Structure of the volunteering field in Russian medical universities.....	135
<i>Mamlev D.O.</i> Analysis of migration attitudes of urban society in the Volga Federal District	145

Pedagogical sciences

<i>Кручинина Г.А., Пушкарёва Е.А.</i> Модель формирования профессионально-деловой иноязычной компетенции будущих инженеров с применением средств цифровых технологий	151
<i>Nagaeva I.A., Kuznetsov I.A.</i> Art-informatics as a new knowledge field in conditions of professional orientation of interdisciplinary relations.....	160
<i>Sukhristina A.S.</i> Virtual academic mobility in engineering universities.....	166
<i>Trukhacheva L.A., Vasilyeva M.A., Skorokhodova Yu.M., Farenbrukh A.S.</i> Research of the influence of visualization techniques on the results of students' competitive activities	170

Scientific life

<i>Strongin R.G.</i> Russian science faced the challenges of the time: the future of Russian civilization	177
---	-----

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 65.012

DOI 10.52452/18115942_2024_1_7

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ БИЗНЕС-МОДЕЛИ И ТРЕБОВАНИЙ К НЕМУ В ЦЕЛЯХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА ОРГАНИЗАЦИИ

© 2024 г.

А.А. Коляда, Ю.О. Плехова

Коляда Андрей Александрович, ректор Бизнес-школы EMAS
(Евразийская школа менеджмента и администрирования),
соискатель кафедры экономики предприятий и организаций
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
kolyada@emasrussia.ru

Плехова Юлия Олеговна, д.э.н.; проф.; заведующая кафедрой экономики предприятий и организаций
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
y.plekhova@unn.ru

*Статья поступила в редакцию 01.11.2023**Статья принята к публикации 17.01.2024*

Целью статьи является определение понятия бизнес-модели и требований, предъявляемых к этому понятию, для методического обеспечения бизнес-моделирования, стратегического менеджмента и планирования деятельности организации. Авторами сформулированы универсальные требования, которым должно отвечать понятие бизнес-модели: методическая обеспеченность, комплексность и полнота, универсальность применения, научная интегрированность, устойчивость, гибкость, аналитичность и прогнозируемость, фундаментальность. С учётом наличия в науке множества зачастую противоречащих друг другу версий понятия бизнес-модели указанные требования будут полезны для систематизации научной работы в данной области. После анализа российских и зарубежных научных публикаций предложена авторская версия понятия бизнес-модели, удовлетворяющая указанным требованиям, в которой выделены следующие составляющие: продуктовый портфель, способ и технологические особенности производства, целевой рынок, целевая рыночная ниша, способы и каналы продаж. Предложенный подход к определению понятия бизнес-модели охватывает все ключевые аспекты деятельности организации, является универсальным и практически применимым, что выгодно отличает его от многих других версий данного понятия. Предложенное понятие бизнес-модели лежит в основе универсальной межотраслевой методики разработки и прогнозирования производительности и экономической эффективности бизнес-модели организации (методики бизнес-моделирования), которая апробирована в консалтинговых и образовательных внедренческих проектах Бизнес-школы EMAS в России и за рубежом. Понятие может использоваться в науке для дальнейшего изучения феномена бизнес-модели, а также в практической деятельности в качестве основы для бизнес-моделирования и разработки корпоративной стратегии организации. Разработанные требования, предъявляемые к понятию бизнес-модели, могут использоваться в качестве основы для формулирования альтернативных версий этого понятия.

Ключевые слова: бизнес-модель, стратегический менеджмент, бизнес-моделирование, понятие бизнес-модели, методика разработки бизнес-модели, корпоративная стратегия, стратегия организации, стратегическое планирование, требования к понятию бизнес-модели.

Введение

Тема бизнес-моделирования является неотъемлемой частью стратегического менеджмента и привлекает к себе внимание руководителей организаций, которые задумываются о достижении устойчивого преимущества в конкурентной борьбе с другими участниками рынка. Однако среди отечественных и зарубежных исследователей отсутствует консенсус по главному вопросу бизнес-моделирования – понятию бизнес-модели. Различные зарубежные авторы по-разному трактуют понятие бизнес-модели, что

затрудняет использование теоретических разработок в практической деятельности. Компилирование сходных версий англоязычных исследователей даёт нам следующее понятие бизнес-модели, которого придерживается ряд авторов за рубежом: «бизнес-модель – система деятельности организации, которая охватывает её внутренние и внешние границы, чтобы соединить создание ценности с получением выручки и преобразованием её в прибыль» [1, с. 542; 2, с. 1020; 3, с. 173; 4, с. 484]. Вместе с тем эту версию нельзя назвать доминирующей, существует множество других версий.

В целом вопросы бизнес-моделирования вызывают значительный интерес у англоязычных исследователей, о чем свидетельствует значительное количество научных публикаций, посвящённых как бизнес-моделям в общем, так и различным частным вопросам, касающимся этого понятия. Так, например, в 2019 г. более 10 тысяч публикаций в научных журналах были посвящены вопросам бизнес-модели [5]. Актуальность темы подтверждает и то, что научная мысль рассматривает не только универсальные, но и отдельные узкие аспекты бизнес-моделирования. Например, С. Silvia и S. Truzzi в обзоре англоязычных научных публикаций в базах EBSCO, Scopus и Web of Science за период 2008–2019 гг. выделяют 104 научных статьи, в которых рассматриваются понятия «устойчивая бизнес-модель», «бизнес-модель устойчивого развития» [6, с. 12]. Кроме обсуждения понятия бизнес-модели зарубежные учёные уделяют внимание и созданию методик бизнес-моделирования. Среди авторов таких методик У.Ч. Ким, Р. Моборн [7], С.С. Fleisher [8], Е. Ries [9; 10], А. Остервальдер [11; 12], Д. Бланд [13], А. Ramadan [14], Аl. Firend [15] и другие.

Тема бизнес-моделирования вызывает интерес и отечественных учёных. Так, В.Ю. Котельников полагает, что бизнес-модель является представлением об организации в настоящем и будущем, которое выражено в форме, показывающей её свойства и характеристики, связанные с конкурентоспособностью и генерацией прибыли [16]. А.Д. Бобрышев, М.Б. Тарабрин, К.М. Тарабрин утверждают, что бизнес-модель представляет собой схематическое изображение деятельности организации, отражающее её ключевые элементы и представляющее схему зарабатывания денег [17, с. 80]. Позднее А.Д. Бобрышев в соавторстве с Н.Л. Пироговым и В.П. Хайдуковым выделяет 10 элементов бизнес-модели: сегменты потребителей, ключевые ценности, каналы доставки ценности, взаимоотношения с сегментами потребителей, объём и структура потоков доходов, ключевые ресурсы, ключевые действия, партнёры, расходы, организационная культура [18, с. 30]. По словам Е.В. Неходы, Н.А. Редчиковой и Н.А. Тюленевой, бизнес-модель показывает продукты, способ зарабатывания денег, используемые ресурсы и ключевые бизнес-процессы организации [19, с. 11]. В свою очередь, Д.Е. Климанов и О.А. Третьяк отмечают отсутствие у исследователей единого понимания понятия бизнес-модели. По их словам, существующие определения демонстрируют широкий спектр идей, начиная от узкого до максимально широкого взгляда на это понятие [20, с. 110–111]. Они также предлагают соб-

ственное понятие бизнес-модели, которое близко с приведённым выше обобщённым определением некоторых зарубежных исследователей. В их версии бизнес-модель также связана с созданием ценности, причём речь идёт о взаимосвязи различных организаций, участвующих в этом процессе. Эта ценность приносит доход задействованным организациям и отражает структуру взаимодействия организаций на рынке [20, с. 113]. Как видим, взгляд указанных исследователей на бизнес-модель скорее связан с обзором состояния дел в отрасли в целом, нежели в отдельной организации. С.И. Трапезников полагает, что составляющими бизнес-модели являются место в отраслевой системе, формула зарабатывания денег и принципы развития организации [21, с. 116]. По мнению А.А. Ордынец и С.Ю. Федорук, бизнес-модель отражает работу организации и её ценность для клиентов [22, с. 228].

Проблема наличия огромного количества трактовок понятия «бизнес-модель» не прошла мимо внимания отечественных исследователей, что привело к попытке их классифицировать. Например, Е.В. Груздева и А.О. Гостилович отмечают, что разнообразие понятий «бизнес-модель» может быть сведено к двум группам. Первая группа включает совокупность понятий, в которых внимание исследователя сосредоточено на рассмотрении бизнес-процессов организации (направлены внутрь организации). Вторая группа содержит понятия, в которых исследователь сосредоточен на изучении клиента и создаваемой для него ценности (направлены вовне организации) [23, с. 32]. С ними согласны белорусские исследователи О.Г. Мандрик и Т.П. Стасеня, которые также подтверждают, что в настоящее время в науке отсутствует единое понимание бизнес-модели, и предлагают аналогичную группировку различных версий этого понятий. По их мнению, выбор подхода зависит от цели деятельности организации [24, с. 214]. В.С. Карагод, Н.А. Голубева, Е.И. Ерохина и М.В. Мотолянец также подчёркивают, что понятие бизнес-модели характеризуется множественностью трактовок. В подтверждение они приводят примеры 20 различных версий этого понятий [25, с. 56–57]. Наконец, С.В. Орехова, Ю.С. Баусова делают свою попытку систематизации научного массива в области бизнес-моделей – обозначают этапы формулирования, прослеживают эволюцию и выполняют классификацию множества существующих понятий бизнес-модели. При этом они отмечают отсутствие системности, множественность критериев и, как следствие, значительную вариативность типологий по этому вопросу [26, с. 66].

Таким образом, современная наука содержит множество зачастую противоречащих друг другу версий понятия бизнес-модели, что значительно затрудняет применение этой концепции в практической деятельности. С точки зрения авторов настоящей статьи, указанная проблема может быть решена с помощью определения комплекса требований, предъявляемых к понятию бизнес-модели. Как следствие, предлагаемые различными авторами версии понятия бизнес-модели, соответствующие таким требованиям, будут находиться в рамках единой научной системы – дополнять и развивать, а не исключать друг друга, внося путаницу в практическую деятельность руководителей организаций.

В зарубежной и отечественной литературе рассматриваются различные подходы к анализу бизнес-моделей [27; 28]. Тем не менее, как показывает анализ, проведённый авторами настоящей статьи, за исключением методики А.А. Коляды [29; 30], до настоящего момента не созданы универсальные методики, прогнозирующие производительность и экономическую эффективность бизнес-модели организации в сравнении с её конкурентами, позволяющие определить количественные показатели (объём производства, выручка, прибыль, доли на рынке, рентабельность и др.), которые организация достигнет в горизонте планирования в результате использования выбранной бизнес-модели. С нашей точки зрения, одной из причин являются размытые формулировки понятия бизнес-модели, элементы которых не поддаются математическому оцениванию, что делает невозможным проведение количественного экономического анализа и прогнозирования их производительности и эффективности. Проведённый анализ научной литературы привёл авторов настоящей статьи к выводу, что большинство научных работ, в которых исследуется понятие «бизнес-модель», упускают из вида необходимость увязки предлагаемого понятия с методикой разработки и прогнозирования производительности и экономической эффективности бизнес-модели организации на основе общепринятых количественных экономических показателей. В научной литературе в основном предлагаются понятия бизнес-модели без методического сопровождения либо разрабатываются методики, предлагающие пользователю оперировать относительными, т.е. неколичественными, показателями при оценке экономического потенциала бизнес-модели (лучше/хуже, эффективно/неэффективно и т.п.). Такой подход не приносит достаточной пользы руководителям организаций, так как не позволяет прогнозировать экономические последствия возмож-

ных решений в области бизнес-моделирования в практической деятельности. Отдельные попытки создать методику количественной оценки эффективности бизнес-модели [31] тем не менее не дают возможности выполнять полноценное прогнозирование экономических показателей, которые будут достигнуты организацией, опираясь на её бизнес-модель.

В соответствии со сказанным выше, целью статьи является определение комплекса требований, предъявляемых к понятию бизнес-модели, а также соответствующего им авторского понятия бизнес-модели. Использование указанных требований и понятия будет полезным в рамках методического обеспечения бизнес-моделирования, стратегического менеджмента и планирования деятельности организации. Указанные требования ранее не предлагались в науке стратегического менеджмента и будут полезны для систематизации научной и практической работы в данной области.

Методология

Методологическую базу исследования составляют общенаучные методы анализа, сравнение, обобщение, а также метод наблюдения. Представленные результаты получены в рамках многолетней работы (начиная с 2005 г.) по развитию отечественной научной школы стратегического менеджмента и бизнес-моделирования, которая ведётся в Евразийской школе менеджмента и администрирования (Бизнес-школа EMAS). Они основаны на консалтинговых проектах школы и образовательных внедренческих проектах учащихся программ MBA, Executive MBA, DBA (реализуются на основе данных организаций учащихся) за период 2010 – 2023 гг. в более чем 70 странах на русском и английском языках – несколько сотен проектов в различных отраслях народного хозяйства (производство товаров и услуг, оптовая и розничная торговля, финансы) для организаций разных размеров: малый, средний, крупный бизнес.

Результаты

В основе практического инструментария, позволяющего прогнозировать экономическую эффективность решений в области бизнес-моделирования и определять количественные показатели (выручка, прибыль, доли на рынке, рентабельность и др.), которые организация достигнет в результате использования выбранной бизнес-модели, должно лежать понятие бизнес-модели, удовлетворяющее, по мнению авторов, ряду обязательных требований.

Авторами были сформулированы следующие требования, которым должно отвечать понятие бизнес-модели:

1. Методическая обеспеченность;
2. Комплексность и полнота;
3. Универсальность применения;
4. Научная интегрированность;
5. Устойчивость;
6. Гибкость;
7. Аналитичность и прогнозируемость;
8. Фундаментальность.

Методическая обеспеченность. Понятие бизнес-модели должно быть частью комплексной методики бизнес-моделирования, позволяющей добиться превосходства над конкурентами в рыночной борьбе, на основе выполнения работ, направленных на улучшение характеристик, заложенных в понятие бизнес-модели.

Комплексность и полнота. Понятие бизнес-модели должно охватывать все аспекты деятельности организации. В нём должны быть указаны все существенные характеристики.

Универсальность применения. Понятие бизнес-модели должно быть применимо для построения бизнес-модели организации любого вида деятельности и размера. Требование универсальности понимания «опорных точек» бизнес-модели получает всё большую поддержку в научном сообществе [27, с. 116].

Научная интегрированность. Для достижения улучшений в соответствующих элементах бизнес-модели, помимо собственной комплексной методической обеспеченности, применительно к отдельным своим элементам понятие бизнес-модели должно иметь возможность применения узких научных методик, которые получили признание в сообществе учёных и практикующих экспертов.

Устойчивость. Понятие бизнес-модели должно характеризоваться устойчивостью, т.е. обладать достаточной степенью научной глубины, чтобы не быть предметом постоянных изменений и доработок. Указанная характеристика обусловлена требованием практики бизнес-моделирования и стратегического планирования: в случае неустойчивости понятия, его частого изменения в силу недостаточной проработанности, оно не будет браться за основу при разработке бизнес-модели и стратегического плана развития организаций.

Гибкость. Будучи устойчивым, понятие при этом должно иметь возможность дальнейшей доработки по мере развития научной мысли через его дополнение новыми элементами или устранение устаревших элементов. Противоречия с требованием устойчивости при этом нет, так как научная гибкость не предполагает частых изменений.

Аналитичность и прогнозируемость. Понятие бизнес-модели должно предполагать возможность выполнения количественного анализа и прогнозирования производительности и экономической эффективности (результатов) описанной с его помощью бизнес-модели организации, а также возможных вариантов её изменения, в сравнении с эффективностью (результатами) бизнес-моделей конкурирующих организаций. Должна иметься возможность описания бизнес-моделей конкурирующих организаций на основе понятия и, как следствие, возможность анализа и прогнозирования производительности и экономической эффективности (результатов) их бизнес-моделей, а также влияния возможных изменений в их бизнес-моделях на экономические показатели собственной организации. Указанные анализ и прогнозирование производительности и эффективности (результативности) должны выполняться по общепринятым количественным экономическим показателям (валовая и чистая прибыль, выручка, объём производства, рентабельность компании, рентабельность продаж, рентабельность производства, доли на рынке в стоимостном и натуральном выражениях и т.п.). Данные требования обусловлены потребностями практики организаций реального бизнеса. Нет смысла тратить усилия управленческой команды организации на разработку её бизнес-модели, следуя логике того или иного теоретического понятия, если производительность и эффективность новой предлагаемой бизнес-модели не может быть доказана количественными методами анализа и прогнозирования. Без этого у управленческой команды будут отсутствовать основания для утверждения указанной бизнес-модели и внедрения её в работу.

Фундаментальность. В дискуссии о соотношении бизнес-модели и стратегии организации авторы настоящей статьи придерживаются мнения, что бизнес-модель первична по отношению к корпоративной стратегии организации. Исходя из опыта практического бизнес-моделирования и стратегического планирования в России и за рубежом, мы полагаем, что стратегия вытекает из бизнес-модели и является набором мероприятий, призванных воплотить эту бизнес-модель в жизнь и, таким образом, добиться превосходства над конкурентами и реализации стратегических целей. Из сказанного вытекает, что стратегической задачей руководителя является сначала разработать такую бизнес-модель организации, которая будет более производительной (производит больше) и эффективной (производит быстрее и дешевле), чем бизнес-модели конкурентов, и затем разра-

ботать корпоративную стратегию, которая позволит воплотить указанную бизнес-модель в жизнь в течение горизонта планирования. Именно наличие более производительной и эффективной, чем у конкурентов, бизнес-модели и работа организации на её основе приводит организацию к достижению желаемых стратегических целей. Бизнес-модель является фундаментом, основой для корпоративной стратегии. Любые стратегические замыслы руководства организации должны опираться на её бизнес-модель и использовать созданное в ней превосходство над бизнес-моделями конкурентов. Стратегические цели организации должны корреспондировать прогнозам производительности и экономической эффективности бизнес-модели (в части выручки, чистой и валовой прибыли, объёмов производства, долей на рынке в стоимостном и натуральном выражениях и др.) и не могут быть оторваны от них. Иные виды стратегий (производственная, маркетинговая, финансовая и др.) также должны опираться на бизнес-модель. Таким образом, в логике процесса стратегического планирования разработка бизнес-модели предшествует разработке корпоративной стратегии организации, стратегия опирается на бизнес-модель и вытекает из неё. Отметим, что указанная авторская позиция близка не всем исследователям, имеются и иные мнения по этому вопросу [26; 32; 33].

Понятие бизнес-модели, изначально предложенное А.А. Колядой [34, с. 28] и доработанное авторами настоящей статьи с учётом вышеобозначенных требований, выглядит следующим образом.

Бизнес-модель – совокупность организационно-экономических элементов организации, которые являются основой её стратегического развития и используются в конкурентной борьбе, в частности:

1. Продуктовый портфель – совокупность продуктовых групп, которые производит/продаёт организация (поисковый вопрос: что производит/продаёт организация?);

2. Способ и технологические особенности производства (поисковый вопрос: как производит организация?);

3. Целевой рынок (поисковый вопрос: на какой административно-географической территории продаёт организация?);

4. Целевая рыночная ниша (поисковый вопрос: какой кластер и сегмент в кластере являются целевыми для организации на целевом рынке?);

5. Способы и каналы продаж (поисковый вопрос: как продаёт организация?).

Предложенный подход к определению понятия бизнес-модели коммерческой организации

охватывает все ключевые аспекты деятельности организации, является универсальным (описывает бизнес-модель организации любого размера в любой отрасли народного хозяйства) и практически применимым, что выгодно отличает его от многих других версий данного понятия.

Рассмотрим каждый из элементов, содержащийся в предложенном понятии.

Продуктовый портфель. Представляет собой совокупность продуктовых групп, которые производит (производственная или оказывающая услуги) или перепродаёт (торговая) организация. Продуктовый портфель имеется у любой организации, осуществляющей экономическую деятельность в любой отрасли народного хозяйства. Под продуктовой группой понимаются продукты, объединённые однородными признаками, которые позволяют рассматривать их в качестве гомогенной группы. Например, продуктовая группа *молоко* объединяет отдельные виды молока с разной жирностью, продуктовая группа *сверильные станки* объединяет станки разной мощности и производительности, продуктовая группа *химчистка* объединяет услуги химчистки разных видов одежды, типов и степени загрязнений, и т.д. При описании продуктового портфеля используется поисковый вопрос: «Что производит/продаёт организация?»

Способ и технологические особенности производства. Является описанием процесса производства продуктовых групп (производственной и оказывающей услуги) или процесса закупки и получения продуктовых групп (торговой) организации. Любая организация, участвующая в экономических отношениях и генерирующая выручку (доход), признаётся в качестве производителя. Настоящий элемент также присутствует в бизнес-модели любой такой организации. Примеры данного элемента: вертикально интегрированное производство хлебобулочных изделий (собственное растениеводческое хозяйство, выращивающее пшеницу, собственная мельница, собственное пекарное производство, при этом закупки закваски у стороннего поставщика), крупноузловая сборка автомобилей (закупка крупных узлов и деталей у сторонних поставщиков, затем собственная их сборка на конвейере), бытовая электроника (ОЕМ-производство, т.е. закупка готовых изделий у сторонних поставщиков с брендингом их под торговую марку организации), оптовая торговля продуктами питания (закупка продуктов питания у широкого перечня производителей и доставка их на арендованные склады организации собственным автотранспортом). Для того чтобы описать способ и технологические особенности производства, отвечают на поисковый вопрос: «Как производит организация?»

Целевой рынок. В настоящем элементе описываются рынки, на которых организация продаёт продуктовые группы. Рынки описываются следуя административно-географическому делению. Например, Россия (если продажи осуществляются на всей территории России), Индия (если продажи осуществляются на всей территории Индии), Москва (если продажи осуществляются в г. Москве), Нижегородская область (если продажи осуществляются в Нижегородской области). Настоящий элемент также является универсальным для любой организации, участвующей в экономических отношениях. При описании элемента отвечают на поисковый вопрос: «На какой административно-географической территории продаёт организация?»

Целевая рыночная ниша. Этот элемент бизнес-модели посвящён определению целевого кластера и целевого сегмента в кластере. Под сегментом подразумевается классическое понятие сегмента, как оно принято в маркетинге [35, с. 228; 36, с. 5], с той разницей, что сегмент определяется не на рынке в целом, а в целевом кластере. Кластер в контексте бизнес-моделирования – понятие, изначально сформулированное в универсальной межотраслевой методике разработки и прогнозирования производительности и экономической эффективности бизнес-модели организации (методике бизнес-моделирования) А.А. Коляды [29, с. 42; 30]. Там же обоснована необходимость двухшагового сегментирования: первоначальной кластеризации рынка, выбора целевого кластера (кластеров) и затем сегментации целевого кластера и выбора целевого сегмента (сегментов). Двухшаговое сегментирование заменяет распространённую в маркетинге идею рассматривать сегментирование в качестве одношагового процесса, т.е. сегментации непосредственно рынка. Под кластером понимается укрупнённая группа сегментов, часть целевого рынка. Кластеры описываются на основе заданных характеристик, которые являются сквозными для всего рынка (обычно 2–3 характеристики, каждая характеристика предполагает не менее 2 переменных) и отличаются от характеристик, которые позже используются для сегментирования кластера. Соответственно, каждый кластер имеет не менее 2 сегментов (чаще всего 3–5) [29, с. 338–366; 30]. Таким образом, сначала выполняется кластеризация рынка и выбор целевого кластера (один или несколько), затем производится сегментирование каждого целевого кластера и выбор целевого сегмента (сегментов). В результате появляется связка «целевой кластер (кластеры) – целевой сегмент (сегменты)», которая отображается в указанном элементе бизнес-модели

организации. Поисковый вопрос: «Какой кластер и сегмент в кластере являются целевыми для организации на целевом рынке?» Например, продуктовая группа производителя мебели для дома – диваны. Один из целевых кластеров для этой продуктовой группы может быть задан тремя характеристиками: средний по рынку ценовой диапазон, покупка в специализированном магазине, покупка в кредит. В основе выделения целевого сегмента может лежать доминирующий потребительский мотив «быстрая поставка».

Способы и каналы продаж. Данный элемент посвящён описанию способов и каналов, которые организация использует в сбыте своих продуктовых групп. Также подробно описываются применяемые методы продаж. При описании даётся ответ на поисковый вопрос: «Как продаёт организация?» Например, для производителя промышленного оборудования с продуктовой группой «сверлильные станки» способы продаж могут быть следующие: дилерская сеть, участие в выставках, участие в госзакупках, установление прямых контактов с заводами – потенциальными покупателями, SEO-оптимизация веб-сайта для продвижения в поисковой выдаче интернет-поисковиков, сотрудничество с банками для льготного кредитования покупателей.

Предложенное понятие бизнес-модели является универсальным и позволяет описать и разработать бизнес-модели коммерческих организаций с любыми видами деятельности. В случае необходимости учёта специфики деятельности организации понятие может быть расширено за счёт дополнительных элементов, которые отражают особенности генерирования дохода в конкретной отрасли.

Следует отметить, что в некоторых аспектах предложенное понятие бизнес-модели близко к понятию, сформулированному, например, О. Gassmann, К. Frankenberger и М. Csik [37, с. 6–7]. Эти авторы включают в понятие бизнес-модели следующие элементы: клиент – кто является целевыми клиентами; предложение ценности – что предлагается клиентам; цепочка ценности – как создаётся предложение для клиента; механизм прибыли – почему организация генерирует прибыль. Тем не менее изложенный в настоящей статье авторский подход, по нашему мнению, представляет собой иной, более глубокий и прикладной взгляд на этот вопрос. Также имеются очевидные отличия по элементам бизнес-модели. Отметим, что изначально А.А. Коляда сформулировал понятие бизнес-модели с использованием указанных в настоящей статье элементов в 2014 г., что говорит о том, что сопоставимые элементы рассмат-

Рис. Понятие бизнес-модели согласно универсальной межотраслевой методике разработки и прогнозирования производительности и экономической эффективности бизнес-модели организации (методике бизнес-моделирования), разработанной А.А. Колядой

ривались в обеих научных работах параллельно, независимо друг от друга [34, с. 28]. Предложенный А.А. Колядой комплекс элементов, включённых в понятие бизнес-модели, не встречается в работах других авторов.

Заключение

Предложенное понятие бизнес-модели отвечает заявленным выше требованиям и характеризуется практической ценностью. Проиллюстрируем сказанное.

Методически обеспечено. Понятие является частью комплексной методики бизнес-моделирования, позволяющей добиться превосходства над конкурентами в рыночной борьбе.

Демонстрирует комплексность и полноту. Понятие охватывает все ключевые аспекты деятельности организации, направленные на генерирование дохода на рынке. Содержит все существенные признаки характеризуемого понятия. При этом понятие может расширяться за счёт дополнительных частных элементов, отражающих те или иные тенденции в менеджменте, которым организация желает следовать в своей деятельности. Например, в качестве отдельного дополнительного элемента понятия бизнес-модели может быть добавлен элемент Environmental, social, and corporate governance (ESG)¹ (управление с учётом интересов окружающей среды, социальной и корпоративной ответственности. – Перевод авторов).

Является универсальным. Понятие универсально и применимо для описания бизнес-модели организации независимо от вида деятельности. Это подтверждается консалтинговыми проектами Бизнес-школы EMAS, а также об-

разовательными внедренческими проектами, выполненными учащимися программ MBA, Executive MBA и DBA из более чем 70 стран мира². При этом с целью учёта отраслевой специфики деятельности организации, как и в предыдущем случае, понятие может быть расширено за счёт дополнительных элементов, отражающих особенности конкретного вида деятельности.

Научно интегрировано. Помимо собственной методической обеспеченности, применительно к отдельным элементам предложенного понятия также поддерживается применение других ранее зарекомендовавших себя методик. Так, например, при разработке элемента бизнес-модели «продуктовый портфель» могут использоваться ABC- и XYZ-анализ; разработка элемента «способ и технологические особенности производства» может осуществляться с применением методик бережливого производства, QRM, 6 сигм и других; при формировании элементов «целевой рынок» и «целевая рыночная ниша» могут применяться методы современного маркетинга и брендинга; при разработке элемента «способы и каналы продаж» могут использоваться техники и инструменты продаж.

Обладает устойчивостью. Понятие характеризуется достаточной степенью научной глубины и потенциалом развития. Содержащиеся в нём элементы охватывают все практические аспекты деятельности организации, необходимые для генерирования выручки на конкурентном рынке. Такая практико-ориентированность и научная обоснованность даёт бизнес-модели организации, описанной с использованием указанных элементов, возможность быть устойчивой основой для долгосрочных проектов по бизнес-моделированию и стратегическому планированию.

Обладает гибкостью. Имеется возможность доработок понятия в ходе развития экономической мысли. Возможно дополнение понятия новыми элементами (демонстрировалось выше) либо устранение устаревших элементов.

Отличается аналитичностью и прогнозируемостью. Каждый элемент в понятии предполагает аналитическую обработку, по нему может быть выполнен прогноз его вклада в совокупную производительность и эффективность бизнес-модели организации в сравнении с аналогичным элементом в бизнес-моделях конкурирующих организаций. Аналогично может быть выполнен прогноз производительности и эффективности любых возможных изменений в элементах. Анализ и прогнозирование выполняются в разрезе общепринятых количественных экономических показателей. Это может быть сделано с применением методики бизнес-

моделирования А.А. Коляды [29; 30] либо иной методики, разработанной в будущем.

Является стратегическим фундаментом. В силу комплексности, которая выражается в наличии всех элементов, проработка которых необходима для успешной работы организации на конкурентном рынке, предлагаемое определение бизнес-модели является основой для стратегического планирования и менеджмента организации. Корпоративная, а также иные виды стратегий могут опираться на таким образом описанную бизнес-модель в силу того, что эти стратегии либо прямо вытекают из элементов бизнес-модели, либо посвящены улучшениям в их рамках. Например, производственная стратегия вытекает из элемента «способ и технологические особенности производства», маркетинговая стратегия вытекает из элементов «продуктовый портфель», «целевая рыночная ниша» и «способы и каналы продаж», финансовая стратегия вытекает из сочетания всех элементов.

Предложенное в статье понятие бизнес-модели лежит в основе универсальной межотраслевой методики разработки и прогнозирования производительности и экономической эффективности бизнес-модели организации (методики бизнес-моделирования) А.А. Коляды [29; 30]. Методика апробирована в учебных и консалтинговых проектах Бизнес-школы EMAS в России и за рубежом в 2010–2023 гг., служит инструментом количественной оценки и прогнозирования производительности и экономической эффективности управленческих решений в области бизнес-моделирования и стратегического планирования.

Примечания

1. Environmental, social, and corporate governance [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Environmental,_social,_and_corporate_governance (дата обращения: 28.09.2023).

2. Данные Бизнес-школы EMAS, консалтинговые проекты и учебные проекты, выполненные учащимися программ MBA, Executive MBA и DBA в более чем 70 странах мира, за период 2011–2023 гг.

Список литературы

1. Lanzolla G., Markides C. A business model view of strategy // *Journal of Management Studies*. 2021. Vol. 58. Issue 2. P. 540–553.
2. Zott C., Amit R. and Massa L. The business model: Recent developments and future research // *Journal of Management*. 2011. Vol. 37. P. 1019–1042.
3. Teece D.J. Business models, business strategy and innovation // *Long Range Planning*. 2010. Vol. 43. P. 172–194.

4. McDonald R.M., Eisenhardt K.M. Parallel play: startups, nascent markets, and effective business-model design // *Administrative Science Quarterly*. 2020. Vol. 65. Issue 2. P. 483–523.

5. Yahaya I.S., Senin A.B.A., Yusuf M.M.B. et al. Review of literature on business models and innovation // *J. of Adv. Research in Dynamical & Control Systems*. 2020. Vol. 12. 05-Special Issue. P. 1470–1486.

6. Silvia C., Truzzi S. Sustainable business models: Literature review of main contributions and themes // *International Journal of Business and Management*. 2020. Vol. 15. № 5. P. 11–25.

7. Ким У.Ч., Моборн Р. Стратегия голубого океана: Пер. с англ. М.: Hippo, 2005. 272 с.

8. Fleisher C.S., Bensoussan B.E. Business and competitive analysis effective application of new and classic methods. New Jersey: Pearson Education, 2007. 491 p.

9. Ries E. The lean startup: How today's entrepreneurs use continuous innovation to create radically successful businesses. New York: Crown Business, 2011. 336 p.

10. Ries E. The startup way: How modern companies use entrepreneurial management to transform culture and drive long-term growth. New York: Currency, 2017. 400 p.

11. Остервальдер А., Пинье И. Построение бизнес-моделей: настольная книга стратега и новатора: Пер. с англ. 2-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2012. 288 с.

12. Osterwalder A., Pigneur Y., Smith A., Etienne F. The invincible company: How to constantly reinvent your organization with inspiration from the world's best business models. New Jersey: John Wiley, 2020. 400 p.

13. Bland D.J., Osterwalder A. Testing business ideas. New Jersey: John Wiley, 2020. 368 p.

14. Ramadan A., Peterson D., Lochhead C., Maney K. Play bigger: How pirates, dreamers, and innovators create and dominate markets. New York: HarperCollins, 2016. 272 p.

15. Firend A.R. Business model: Simplified with examples from global companies. CreateSpace Independent Publishing Platform, 2018. 262 p.

16. Котельников В.Ю. ТЕНЗ: Новые бизнес-модели для новой эпохи быстрых перемен, движимых инновациями. М.: Эксмо, 2007. 96 с.

17. Бобрышев А.Д., Тарабрин М.Б., Тарабрин К.М. Анализ динамики развития представлений о бизнес-моделях и основных подходов к их построению // *Вестник МИТХТ им. М.В. Ломоносова*. 2014. Т. 9. № 4. С. 80–87.

18. Бобрышев А.Д., Пирогов Н.Л., Хайдуков В.П. Методический подход к оценке потенциала бизнес-модели предприятия // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2018. Т. 9. № 1. С. 25–39.

19. Нехода Е.В., Редчикова Н.А., Тюленева Н.А. Бизнес-модели компаний: от прибыли к устойчивому развитию и созданию ценности // *Управленец*. 2018. Т. 9. № 4. С. 9–19.

20. Климанов Д.Е., Третьяк О.А. Бизнес-модели: основные направления исследований и поиски содержательного фундамента концепции // *Российский журнал менеджмента*. 2014. Т. 12. № 3. С. 107–130.

21. Трапезников С.И. Развитие бизнес-моделей компаний: организационные инновации // *Сибирская финансовая школа*. 2010. № 1 (78). С. 115–118.

22. Ордынец А.А., Федорук С.Ю. Понятие и классификация современных бизнес-моделей в сфере гостеприимства и разработка бизнес-модели устойчивого развития организации // *Инновационное развитие техники и технологий в промышленности (ИНТЕКС-2021): Сборник материалов Всероссийской научной конференции молодых исследователей с международным участием, Москва, 12–15 апреля 2021 года. Часть 6.* М.: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», 2021. С. 226–229.
23. Груздева Е.В., Гостилович А.О. Типология бизнес-моделей в экономике совместного потребления // *Трансформация бизнес-моделей в условиях цифровой экономики: Сборник материалов научно-практической конференции, Москва, 12–18 декабря 2017 года.* М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (экономический факультет), 2018. С. 28–40.
24. Мандрик О.Г., Стасеня Т.П. Теоретические и аналитические аспекты формирования коммерческой бизнес-модели // *Инженерная экономика и управление в современных условиях: Материалы научно-практической конференции, приуроченной к 50-летию инженерно-экономического факультета.* Донецк, 9 октября 2019 года. Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2019. С. 212–221.
25. Карагод В.С., Голубева Н.А., Ерохина Е.И., Мотолянец М.В. Генезис и идентификация понятия бизнес-модели в национальном и зарубежном научном пространстве // *Финансовая экономика.* 2020. № 3. С. 54–61.
26. Орехова С.В., Баусова Ю.С. К вопросу о феномене бизнес-модели // *Современная конкуренция.* 2020. Т. 14. № 1 (77). С. 58–75.
27. Третьяков О.А., Климанов Д.Е. Новый подход к анализу бизнес-моделей // *Российский журнал менеджмента.* 2016. Т. 14. № 1. С. 115–130.
28. Бариленко В.И., Бутусов Д.В., Гавель О.Ю. Аналитическое обоснование бизнес-модели коммерческой организации. М.: ООО «Изд-во «КноРус», 2023. 224 с.
29. Коляда А. Следующий уровень: Стратегический менеджмент новой эпохи. М.: Альпина ПРО, 2023. 616 с.
30. Коляда А.А., Плехова Ю.О. Методика разработки бизнес-модели организации и прогнозирования её экономической эффективности // *Теория и практика общественного развития.* 2023. Вып. 8. С. 101–112.
31. Бутусов Д.В. Аналитическое обоснование бизнес-модели компании – оператора автомобильного рынка: Дис. ... канд. экон. наук. М.: Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», 2021. 206 с.
32. Маркова В.Д. Бизнес-модель: сущность и инновационная составляющая // *Проблемы современной экономики.* 2010. № 2 (34). С. 38–42.
33. Орехова С.В., Мисюра А.В., Баусова Ю.С. Стратегия vs. бизнес-модель: эволюция и дифференциация // *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика.* 2020. № 3. С. 160–181.
34. Коляда А. Эффективные инструменты стратегического анализа. Как принять верное решение о стратегии развития предприятия. Н. Новгород: Изд-во Бизнес-Школы EMAS, 2014. 174 с.
35. Котлер Ф. Маркетинг. Менеджмент. Экспресс-курс. 2-е изд. / Пер. с англ. под ред. С.Г. Божук. СПб.: Питер, 2006.
36. Третьяков В.П., Колеснёва Е.П., Любецкий П.Б. Сегментация рынка. Методические указания для студентов экономических и неэкономических специальностей. Горки: Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, 2005. 40 с.
37. Gassmann O., Frankenberger K., Csik M. The business model navigator. 55 models that will revolutionise your business. Pearson Education Limited, 2014. 387 p.

DEFINITION OF THE CONCEPT OF A BUSINESS MODEL AND REQUIREMENTS FOR IT FOR THE PURPOSES OF STRATEGIC MANAGEMENT OF AN ORGANIZATION

A.A. Kolyada¹, J.O. Plekhova²

¹ EMAS Business School (Eurasian Management and Administration School)

² Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The purpose of the article is to define the concept of a business model and the requirements for this concept for methodological support of business modeling, strategic management and planning of the organization's activities. The authors formulated universal requirements that the concept of a business model must meet: methodological security, complexity and completeness, universality of application, scientific integration, sustainability, flexibility, analyticity and predictability, fundamentality. Taking into account the presence in science of many often contradictory versions of the concept of a business model, these requirements will be useful for systematizing scientific work in this area. After analyzing Russian and foreign scientific publications, an author's version of the concept of a business model is proposed that satisfies the specified requirements, in which the following components are highlighted: product portfolio, method and technological features of production, target market, target market niche, methods and sales channels. The proposed approach to defining the concept of a business model covers all key aspects of an organization's activities, is universal and practically applicable, which distinguishes it from many other versions of this concept. The proposed concept of a business model is the basis of a universal cross-industry methodology for developing and forecasting the productivity and economic efficiency of an organization's business model (business modeling methodology), which has been tested in consulting and educational implementation projects of the EMAS Business School in Russia and abroad. The concept can be used in science to further study the phe-

nomenon of a business model, as well as in practice as a basis for business modeling and the development of a corporate strategy for an organization. The developed requirements for the concept of a business model can be used as a basis for formulating alternative versions of this concept.

Keywords: business model, strategic management, business modeling, business model concept, business model development methodology, corporate strategy, organization strategy, strategic planning, requirements for the concept of a business model.

УДК 331.5
DOI 10.52452/18115942_2024_1_17

СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ В ЗАНЯТОСТИ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ

© 2024 г.

Т.П. Логинова, Е.В. Лядова

Логинова Татьяна Павловна, к.э.н.; доц.; доцент кафедры экономической теории и методологии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
taanya1@yandex.ru

Лядова Елена Владимировна, к.э.н.; доц.; доцент кафедры экономической теории и методологии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
lyadova_ev@mail.ru

Статья поступила в редакцию 22.12.2023

Статья принята к публикации 29.01.2024

Объектом настоящего исследования стали качественные структурные сдвиги занятости в российской экономике за последние 5 лет. Предмет – структура занятости в отраслевом разрезе, по уровню квалификации и образования. Целью работы выступает анализ качества структурных сдвигов в занятости и их влияния на становление технологического суверенитета российской экономики. Методологической базой исследования стала методика «индекса качества сдвигов», разработанная в Институте макроэкономических исследований Министерства экономического развития РФ, применение которой позволило детально проанализировать качественные изменения в структуре занятости за 2018–2022 гг. Основным научным результатом исследования является выявление положительных и отрицательных тенденций в структуре занятости в российской экономике. Сделаны выводы, согласно которым численность и доля занятых в условно-прогрессивных отраслях российской экономики постепенно увеличиваются, что является положительной тенденцией, но происходит это медленными темпами, что не позволяет достичь технологического суверенитета в короткие сроки. В качестве негативной тенденции отмечено снижение уровня квалификации работников в системе национальной экономики и обострение проблемы кадровой потребности предприятий в высококвалифицированных работниках. Кроме того, межотраслевое перемещение работников с высшим образованием в условно-регрессивные отрасли происходит более быстрыми темпами, чем в условно-прогрессивные. Обозначенные проблемы требуют создания институциональных механизмов, способствующих устранению регуляторных барьеров, а также организации условий для эффективного взаимодействия между наукой и производством.

Ключевые слова: индекс качества сдвигов, инновационно ориентированный рост, подготовка кадров, структурные сдвиги в занятости, технологический суверенитет.

Введение

В новых геополитических условиях перед нашей страной стоят серьезные экономические вызовы по укреплению технологического суверенитета и активации инновационно ориентированного роста российской экономики. Анализ публикаций по данной теме показал большое разнообразие исследуемых аспектов. В исследованиях А.А. Афанасьева [1] особое внимание обращается на интеллектуальную основу технологического суверенитета – отечественную науку, представляющую собой организационный каркас интеллектуального обеспечения технологической независимости. В работах О.С. Сухарева [2] в качестве важнейшей причины слабого технологического развития российской экономики и медленного процесса обеспечения технологического суверенитета выделяется отток высококвалифицированных кадров из наукоемких

секторов и обрабатывающей промышленности по причине низкого уровня заработной платы.

В контексте нашего исследования особый интерес представляют работы, где обосновывается важнейшая роль человеческого капитала как ключевого фактора усиления инновационного вектора социально-экономического развития. В связи с этим в качестве стратегического приоритета развития российской экономики выделяется разработка и реализация эффективной политики управления человеческими ресурсами, а именно инвестирование отраслей, непосредственно формирующих человеческий капитал [3]. Накопление человеческого капитала на основе российских ценностных ориентиров становится необходимым для осуществления трансформационных преобразований в ключевых сферах промышленности и отраслевых сегментах экономики на основе интеллектуализации производственно-технологических

процессов [4]. Д.М. Хлопцов, М.А.О. Гасанов, С.В. Потягайлов [5] подчеркивают необходимость формирования человеческого капитала новой формации с учетом специфики шестого технологического уклада за счет развития интеллектуального труда. В условиях санкций достижение Россией технологического суверенитета, по мнению Т.Н. Блиновой и др. [6], предполагает обязательное устранение сложившихся диспропорций обеспечения потребностей экономики кадрами с высшим образованием.

Следует выделить ряд работ, посвященных анализу влияния структурных сдвигов на экономический рост. Так, Р.М. Узяков [7] подчеркивает, что необходимо определять характер воздействия структурных сдвигов (положительный или отрицательный) и оценивать потенциал роста различных отраслей прежде всего с позиций потенциала роста спроса и уровня насыщенности потребностей людей и экономики в целом. М.И. Абузярова [8] обращает внимание на то, что ускорить прогрессивные структурные сдвиги возможно посредством грамотной и продуманной государственной политики в области структурной модернизации и устойчивого экономического развития, опирающейся на объективные экономические законы. В.Г. Фролов, М.Н. Павленков [9] предлагают внедрение «модели достижения системных эффектов» сбалансированной инновационно-инвестиционной промышленной политики, где центральное место занимает сфера материального производства – высокотехнологичная промышленность.

Таким образом, вопросы, связанные с укреплением технологического суверенитета России, проведением структурной адаптации в условиях внешних ограничений, имеют первостепенное значение для российской экономики. Решение возникших задач, на наш взгляд, тесно связано с качеством рабочей силы и со структурными сдвигами в сфере занятости.

Гипотеза исследования: чем выше индекс качества сдвигов в структуре занятости, тем больше вектор развития страны направлен в сторону инновационной экономики и укрепления технологического суверенитета.

Целью данного исследования является анализ качества структурных сдвигов в занятости и их влияния на становление технологического суверенитета российской экономики за счет инновационного развития.

В число поставленных задач входит выполнение расчетов индексов качества структурных сдвигов в занятости по разным критериям, выявление существующих тенденций движения занятых в отраслевом разрезе и изменения качественной структуры занятости по уровню квалификации и образования в российской экономике.

Методология и методы

В процессе исследования были использованы методы статистической группировки показателей, индексный метод, индукция, структурный анализ, синтез, сравнение, метод корреляции.

Для оценки направленности вектора движения России на пути к технологическому суверенитету авторами использована методика «индекса качества сдвигов» (ИКС), разработанная в Институте макроэкономических исследований (ИМЭИ) Министерства экономического развития РФ [10, 11]. Данная методика предполагает разделение всех отраслей экономики на три условные группы: условно-прогрессивные, условно-нейтральные и условно-регрессивные – с точки зрения вектора экономического развития. На основе экспертных оценок к условно-прогрессивным отраслям относят отрасли, связанные с развитием высокотехнологичного производства и человеческого капитала: обрабатывающие производства, строительство, транспортировка и хранение, деятельность в области информации и связи, финансовая и страховая деятельность, профессиональная научная и техническая деятельность, образование, деятельность в области здравоохранения и социальных услуг, культуры, спорта, организации досуга и развлечений, предоставление прочих видов услуг. К условно-регрессивным относят: сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство; добыча полезных ископаемых; обеспечение электроэнергией, газом и паром, кондиционирование воздуха; водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений.

При расчете индекса качества структурных сдвигов в занятости сальдо происходящих изменений в группах условно-прогрессивных и условно-регрессивных отраслей делится на модуль прироста численности занятых по всем отраслям экономики, что позволяет определить долю сальдо условно-прогрессивно-регрессивных изменений в абсолютной величине приростов и оттоков численности работников, происшедших за исследуемый период во всех отраслях [12, с. 284]. Чем выше индекс качества сдвигов в структуре занятости, тем больше вектор развития страны направлен в сторону инновационной экономики и укрепления технологического суверенитета. Данный принцип также был использован в настоящем исследовании при расчете индекса качества сдвигов для анализа занятости по категориям работающих, исходя из их квалификации и уровня образования. Полученные по данной методике результаты

Таблица 1

Динамика изменения некоторых показателей, определяющих вектор развития российской экономики*

Показатель	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Темп роста ВВП за год, % к предыдущему году	102.8	102.2	97.3	105.6	97.9
Индекс качества структурных сдвигов по группам отраслей	-0.2	-1.66	-2.45	1.16	1.08
Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП, %	21.3	22.2	25.0	23.9	22.6

* Рассчитано авторами на основе данных [13].

позволяют оценить интенсивность изменений в структуре занятости и влияние этих изменений на вектор инновационного развития российской экономики.

Применение корреляционного анализа позволило определить положительную взаимосвязь направленности изменений индекса качества межотраслевых структурных сдвигов и доли специалистов высшей квалификации и квалифицированных рабочих в общей численности занятого населения.

Эмпирической базой исследования стали статистические данные Росстата.

Результаты

Одной из важнейших задач в рамках достижения технологического суверенитета становится формирование эффективной структуры занятости, обеспечивающей взаимоувязку науки и производства под конкретные технологические приоритеты.

С целью анализа соответствия сложившейся в настоящее время структуры занятости в российской экономике необходимым приоритетам проведем количественную оценку изменения качества структуры занятости в отраслевом разрезе. Для этого рассчитаем и проанализируем динамику некоторых показателей, позволяющих определить направленность происходящих изменений на современном этапе (таблица 1).

Отрицательное значение индекса качества межотраслевых структурных сдвигов в 2019 г. объясняется сокращением численности занятых в обрабатывающих отраслях, в сферах производства человеческого капитала (образование, культура, здравоохранение), в науке. Численность занятых в группе условно-прогрессивных отраслей сократилась за год на 2560.70 тыс. чел., а доля – на 4.08%. В то же время увеличивалась доля занятых в сфере добычи полезных ископаемых (из-за роста спроса на энергоносители), операций с недвижимостью (предложение банками льготных ипотечных программ для семей с детьми), в оптовой и розничной торгов-

ле. Доля занятых в условно-регрессивных отраслях в 2019 г. выросла на 0.6% [13].

Резкое падение индекса качества структурных сдвигов до -2.45 в 2020 г. связано с изменением структуры экономики в условиях пандемии COVID-19 и, следовательно, структуры занятости. Наибольший отток численности занятых в условно-прогрессивных отраслях произошел в строительстве (-316 тыс. чел.), обрабатывающей промышленности (-239 тыс. чел.), здравоохранении и социальных услугах (-195 тыс. чел.), образовании (-165 тыс. чел.), профессиональной научной и технической деятельности (-113 тыс. чел.), а в условно-регрессивных отраслях – в сельском хозяйстве (-41 тыс. чел.), добыче полезных ископаемых (-22 тыс. чел.). Необходимо отметить, что сокращение низкоквалифицированных работников в таких отраслях, как строительство, сельское хозяйство, могло произойти не только по причине снижения экономической активности, но и в результате закрытия границ и, следовательно, снижения потока трудовых мигрантов в Россию.

Прирост занятости по «среднегодовой численности» в условно-прогрессивных отраслях в 2020 г. произошел в сфере информатизации и связи (+71 тыс. чел.). Мощный толчок в развитии получила такая ниша технологического сектора, как видеосвязь, – технокомпании Yandex, Mail.Ru Group, «ВКонтакте» запустили российские проекты организации видеоконференции. Разработаны и внедрены новые технологии для оптимизации доставки продуктов и готовых блюд на дом – только за первые три месяца локдауна в России появилось 30 приложений по заказу продуктов со смартфонов. Перевод школьников и студентов на дистанционную форму обучения привел к развитию рынка EdTech. Локдаун активировал развитие онлайн-кинотеатров и стриминговых платформ, целого ряда стартапов в области телемедицины. Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП выросла с 22.2% до 25%, на 1.7% повысился уровень инновационной активности организаций.

Таблица 2

**Структура занятости в соответствии с уровнем квалификации работников
в российской экономике***

	Специалисты высшей квалификации, квалифицированные рабочие		Специалисты средней квалификации		Низкоквалифицированные специалисты	
	Численность занятых, тыс. чел.	Доля в общей численности занятого населения, %	Численность занятых, тыс. чел.	Доля в общей численности занятого населения, %	Численность занятых, тыс. чел.	Доля в общей численности занятого населения, %
2018	33983.37	46.97	11807.92	16.32	26563.12	36.71
2019	33593.96	46.81	12050.64	16.79	26119.94	36.40
2020	33578.88	47.66	11640.98	16.52	25240.91	35.82
2021	33886.49	47.33	11790.43	16.47	25920.82	36.20
2022	32911.53	45.80	12460.47	17.34	26488.95	36.86

* Рассчитано авторами на основе данных [13].

В 2021 г. значение индекса качества структурных сдвигов выросло до 1.16, что демонстрировало достаточно быстрое восстановление рынка труда и улучшение отраслевой структуры занятости в российской экономике. Полностью не восстановилась численность занятых в таких отраслях, как обрабатывающая промышленность (+101 тыс. чел.), образование (+147 тыс. чел.), профессиональная научная и техническая деятельность (+83 тыс. чел.), а в области информации и связи даже сократилась (–56 тыс. чел.), что нашло отражение в уменьшении доли продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП в 2021 г. до 23.9%.

Беспрецедентные по объему пакеты санкций в отношении РФ в 2022 г., направленные на финансовую, энергетическую и транспортную отрасли, поставку товаров, технологий и оборудования, уход из России многих иностранных компаний, прекращение инвестиций отразились на снижении индекса качества структурных сдвигов до 1.08 и уменьшении доли продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП до 22.6%.

Анализ структурных сдвигов занятости в российской экономике за 3 квартала 2023 г. демонстрирует положительную тенденцию: при увеличении общей численности занятых в экономике на 2119.01 тыс. чел., 78% (1653.03 тыс. чел.) прироста приходится на группу условно-прогрессивных отраслей. Так, число занятых в обрабатывающих производствах увеличилось на 226.34 тыс. чел.; в сфере образования – 356.34 тыс. чел.; в отраслях транспортировки и хранения – на 319.74 тыс. чел.; науке – 258.81 тыс. чел.; в области здравоохранения – на 203.12 тыс. чел.; строительстве – на 192.60 тыс. чел. Изменения занятости в этих секторах экономики связаны с увеличением бюджетного финансирования и процессами импортозамещения. В группе условно-регрессивных отраслей численность

занятых в течение 2023 г. снизилась на 121.56 тыс. чел. главным образом за счет сокращения занятых в сферах обеспечения электроэнергией и газом, добывающей промышленности, что обусловлено более сложными условиями экспорта продукции данных отраслей. В отраслях сельского хозяйства численность занятых выросла на 39.17 тыс. чел., что в принципе имеет важное значение для обеспечения продовольственной безопасности России.

В целом за период 2018–2023 гг. индекс качества структурных сдвигов занятости имеет положительное значение и составляет +1.01. За последние 6 лет численность занятых в условно-прогрессивных отраслях выросла на 1653.03 тыс. чел., главным образом за счет отраслей, стимулирующих развитие человеческого капитала, – на 818.27 тыс. чел. Также за этот период следует отметить рост численности занятых специалистов в сфере информационно-коммуникационных технологий на 23.6% [13]. Однако надо отметить негативную тенденцию снижения индекса, отражающую ухудшение ситуации в структуре занятости за последние 3 года.

Анализ структуры занятых по квалификационному признаку (таблица 2) демонстрирует взаимосвязь направленности изменений индекса качества межотраслевых структурных сдвигов и доли специалистов высшей квалификации и квалифицированных рабочих в общей численности занятого населения. Полученное при расчетах значение коэффициента корреляции, равное 0.31, показывает умеренную положительную связь между данными показателями.

Увеличение доли высококвалифицированных специалистов в 2020 г. на 0.85% по сравнению с 2019 г. объясняется как возникновением и быстрым развитием новых высокотехнологичных производств в период пандемии COVID-19, так и снижением доли низкоквалифициро-

Таблица 3

**Динамика индексов качества сдвигов в российской экономике в 2019–2022 гг.
по уровню квалификации занятых ***

Категории занятых	2019	2020	2021	2022
Высшая/средняя квалификация занятых	-1.07	0.30	0.14	-6.25
Высшая/низшая квалификация занятых	0.09	0.66	-0.33	-5.86
Средняя/низшая квалификация занятых	1.16	0.36	-0.47	0.39

* Рассчитано авторами на основе данных [13].

Таблица 4

**Доля занятых по уровню образования работников в общей численности занятых
в российской экономике, % ***

Отрасли	Высшее образование		Среднее профессиональное образование		Среднее общее и без образования	
	2017	2021	2017	2021	2017	2021
Условно-прогрессивные	21.52	22.06	27.03	27.33	10.57	10.14
Условно-регрессивные	2.36	2.52	5.29	5.40	3.71	3.50

* Рассчитано авторами на основе данных [13].

ванных работников за счет уменьшения трансграничного миграционного потока. Причиной снижения в 2022 г. на 1.53% доли специалистов высшей квалификации являются сложная демографическая ситуация и увеличение в 2.81 раза по сравнению с 2021 г. числа выбывших в зарубежные страны в связи с геополитической ситуацией. Сокращение численности высококвалифицированных рабочих произошло прежде всего в сельскохозяйственной сфере (235.92 тыс. чел.), промышленности и строительстве (порядка 817 тыс. чел.). Несмотря на то, что в целом за последние 5 лет численности неквалифицированных работников сократилась на 74.17 тыс. чел., доля данной категории работников в 2022 г. выросла до 36.86%, что свидетельствует о усилении негативных тенденций в квалификационной структуре занятого населения. В качестве положительного момента необходимо отметить увеличение численности и доли специалистов средней квалификации в национальной экономике.

Расчеты индекса качества структурных сдвигов по квалификационным категориям занятых (высшая, средняя, низкоквалифицированные работники) (таблица 3) подтверждают выводы авторов об усилении в 2022 г. негативных тенденций снижения уровня квалификации работников в системе национальной экономики и обострении проблемы высокой кадровой потребности предприятий в высококвалифицированных работниках. Так, в июле 2023 г. 42% российских промышленных предприятий столкнулись с нехваткой кадров. Критический уровень обеспеченности высококвалифицированными работниками был выявлен в отраслях легкой промышленности, машиностроения, химической и пищевой промышленности [14].

Еще одной тенденцией, оказывающей негативное влияние на переход российской экономики к инновационно ориентированной модели

роста, является межотраслевое перемещение работников с высшим образованием в условно-регрессивные отрасли более высокими темпами, чем в условно-прогрессивные (таблица 4).

Так, за период 2017–2021 гг. темп прироста доли занятых с высшим образованием в условно-прогрессивных отраслях составил 2.51%, а то время как в условно-регрессивных – 6.78%. А темп снижения занятых со средним общим или без образования, наоборот, более быстрый в условно-регрессивных отраслях и составляет 5.66% по сравнению с 4.07% в условно-прогрессивных отраслях.

Таким образом, за последние годы наблюдаются тенденции снижения индекса качества сдвигов в структуре занятости, снижения уровня квалификации работников, обострение проблемы высокой кадровой потребности предприятий в высококвалифицированных работниках, что негативно сказывается на переходе российской экономики на инновационный путь развития.

Заключение

Укрепление технологического суверенитета Российской Федерации, переход к инновационно ориентированному экономическому росту предполагает создание институциональных механизмов, способствующих устранению регуляторных барьеров, а также организации условий для эффективного взаимодействия между наукой и производством в формате сквозных технологий, механизмов стимулирования спроса и предложения российской инновационной продукции. Не менее важной представляется необходимость создания экосистемы поддержки технологических компаний, что возможно сделать на базе технопарков [15].

Решение задачи технологической устойчивости российской экономики тесно связано с

системой подготовки и переподготовки высококвалифицированных кадров, развитием новых компетенций у работников, востребованных рынком, а значит, и с качественными структурными сдвигами в сфере занятости.

За последние несколько лет в России начали действовать различные образовательные программы, призванные повысить качество подготовки кадров для национальной экономики. В 2022 г. запущен федеральный проект «Профессионалитет», нацеленный на преодоление дефицита рабочих кадров за счет реформирования системы среднего профессионального образования (СПО). На данный момент в 68 регионах России создан 201 кластер, где готовят специалистов для 23 отраслей экономики. Для подготовки квалифицированных кадров для высокотехнологичных и наукоемких секторов экономики, нацеленных на создание инновационных разработок и продуктов, создан федеральный проект «Передовые инженерные школы». На базе ведущих вузов страны уже действуют 30 передовых инженерных школ в 15 регионах. В 2023 г. по программе бесплатного переобучения востребованным специальностям по федеральному проекту «Содействие занятости» около 180 тыс. россиян освоили новую профессию или повысили квалификацию [16]. Повышенный спрос на высококвалифицированные кадры на фоне оттока специалистов и необходимость адаптации имеющихся работников под потребности бизнеса в условиях непрерывного развития технологий усилили тенденцию создания корпоративных университетов, лидерами среди которых являются «Сбер», «Сибур», Банк России, РЖД, НЛМК, «Газпромнефть». Именно такой подход, заключающийся в объединении усилий государства, бизнеса, системы образования, сможет решить задачу обеспечения экономики высококвалифицированными кадрами, необходимыми для укрепления технологического суверенитета России и перехода к инновационно ориентированному экономическому росту.

Список литературы

1. Афанасьев А.А. Технологический суверенитет: основные направления политики по его достижению в современной России // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12. № 4. С. 2193–2212.
2. Сухарев О.С. Специфика технологического развития России // Экономические стратегии. 2023. № 4 (190). С. 64–71. DOI: <https://doi.org/10.33917/es-4.190.2023.64-71>.
3. Филатов С.А. Стратегические приоритеты развития российской экономики // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 11. С. 576–581.
4. Щепакин М.Б., Хандамова Э.Ф., Бженникова Д.Г. Человекоцентричный ресурс – драйвер инновационных изменений в условиях мобилизационной экономики // Вопросы инновационной экономики. 2023. Т. 13. № 1. С. 381–404.
5. Хлопцов Д.М., Гасанов М.А.О., Потягайлов С.В. Эволюция технологической платформы структурных сдвигов в экономике // Экономика и управление инновациями. 2022. № 1 (20). С. 20–32. DOI: [10.26730/2587-5574-2022-1-20-32](https://doi.org/10.26730/2587-5574-2022-1-20-32).
6. Блинова Т.Н., Коваленко А.А., Семионова Е.А. и др. Кадры технологического суверенитета России – прежние проблемы и назревшие решения // Университетское управление: практика и анализ. 2022. Т. 26. № 4. С. 37–55. DOI: [10.15826/umpra.2022.04.029](https://doi.org/10.15826/umpra.2022.04.029).
7. Узяков Р.М. Метрики структурных сдвигов и необходимость учета межотраслевых связей // Проблемы прогнозирования. 2020. № 2. С. 25–35.
8. Абузярова М.И. Методологические основы структурных сдвигов в экономике // Экономические науки. 2011. № 77. С. 181–185.
9. Фролов В.Г., Павленков М.Н. Основные инструменты сбалансированной инновационно-инвестиционной промышленной политики в условиях цифровой трансформации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2023. № 3 (71). С. 56–61.
10. Кашепов А.В. Отраслевая структура занятости населения: методология и направления исследований // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 5. С. 24–33.
11. Кашепов А.В. Экономика и занятость: Монография. М.: ИМЭИ, 1999. 232 с.
12. Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году: [Коллективная монография] / Г.В. Осипов и др.; под ред. Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской; отв. ред. В.К. Левашов. М.: ИТД «Перспектива», 2020. 532 с.
13. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 16.12.2023).
14. Цухло С. Кадровый дефицит в промышленности достиг рекордных значений / Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара. Режим доступа: <https://www.iep.ru/ru/kommentarii/sergey-tsukhlo-kadrovyu-defitsit-vpromyshlennosti-dostig-rekordnykh-znacheniya.html> (дата обращения: 16.12.2023).
15. Zolotov A.V., Bylinskaya A.A., Loginova T.P. et al. Technoparks as an Integration Element of Innovative Interaction // Book Series «Advances in Research on Russian Business and Management». 2023. P. 155–164.
16. Правительство России. Официальный сайт. Режим доступа: <http://government.ru/news/49808/> (дата обращения: 19.12.2023).

**STRUCTURAL SHIFTS IN EMPLOYMENT AS THE MOST IMPORTANT FACTOR
IN STRENGTHENING RUSSIA'S TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY**

T.P. Loginova, E.V. Liadova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The object of this study is qualitative structural shifts in employment in the Russian economy over the past 5 years. The subject is the structure of employment by industry, by skill level and education. The aim of the work is to analyze the quality of structural shifts in employment and their impact on the formation of technological sovereignty of the Russian economy. The methodological basis of the study was the methodology of the «quality index of shifts» (QIS), developed at the Institute of Macroeconomic Research The Ministry of Economic Development of the Russian Federation, the application of which made it possible to analyze in detail the qualitative changes in the employment structure for the period 2018–2022. The main scientific result of the study is the identification of positive and negative trends in the structure of employment in the Russian economy. Conclusions are drawn according to which the number and share of employees in conditionally progressive sectors of the Russian economy are gradually increasing, which is a positive trend, but this is happening at a slow pace, which does not allow achieving technological sovereignty in a short time. As a negative trend, a decrease in the level of qualification of employees in the national economy system and an aggravation of the problem of personnel needs of enterprises for highly qualified workers were noted. In addition, the intersectoral movement of workers with higher education into conditionally regressive industries is occurring at a faster rate than in conditionally progressive ones. The identified problems require the creation of institutional mechanisms that contribute to the elimination of regulatory barriers, as well as the organization of conditions for effective interaction between science and industry.

Keywords: the quality index of shifts, innovation-oriented growth, personnel training, structural shifts in employment, technological sovereignty.

УДК 332

DOI 10.52452/18115942_2024_1_24

ФАКТОРЫ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И РИСКА ПРИ ПРОГНОЗИРОВАНИИ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2024 г.

М.Н. Павленков, А.В. Парамонов

Павленков Михаил Николаевич, д.э.н.; профессор кафедры социально-экономических дисциплин Дзержинского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
pavlenkov@dzu.unn.ru

Парамонов Александр Васильевич, к.э.н.; директор Нижегородского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
paramonov-nn@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 19.12.2023**Статья принята к публикации 16.01.2024*

Исследованы проблемы прогнозирования развития муниципального образования. Целью работы является исследование факторов неопределенности и риска, которые необходимо учитывать при разработке прогнозов развития муниципального образования. Методология исследования построена на макроэкономическом анализе государственных и региональных нормативных документов, научных публикаций, посвященных проблемам прогнозирования. В ходе исследования использован комплексный подход, сочетающий в себе такие методы научного познания, как наблюдение, сравнение, анализ и синтез, исторический метод. Выделены факторы национальной экономики, которые влияют на уровень неопределенности развития экономики муниципального образования. Определены основные виды рисков в прогнозировании и предложена их классификация. Рассмотрены цели и приоритеты перспективного развития муниципального образования. Классификация рисков повышает эффективность управления рисками и расширяет диапазон методов и инструментов прогнозирования развития муниципального образования.

Ключевые слова: муниципальное образование, стратегическое планирование, прогнозирование, факторы неопределенности и риска, принципы управления, цели развития, приоритетные направления.

Введение

В российской экономике происходят трансформационные изменения, которые связаны с неопределенностью в управлении и санкциями, поэтому повышается роль стратегического планирования развития национальной экономики, регионов страны, а также муниципальных образований. Органы власти всех уровней должны обеспечивать рост экономики, ее конкурентоспособность и повышать качество жизни населения в Российской Федерации [1–3].

Разработка прогнозов становится важнейшим направлением реализации стратегического планирования на всех уровнях национальной экономики. Для разработки стратегических планов: собираются и анализируются данные; оцениваются ресурсы; анализируются всевозможные ограничения и факторы; определяются цели и задачи; разрабатываются и реализуются прогнозные модели, на основе которых формируется программа развития [2, 4–6].

Прогнозы разрабатываются для обоснования эффективного развития регионов, учитывая конкурентоспособность и особенности территории. Прогнозы развития служат основой целеполагания развития региона и муниципальных

образований, формирования направлений, программ и мероприятий по их реализации [2, 4, 6, 7].

Прогнозирование показателей развития территорий является важным направлением деятельности менеджмента региональных и муниципальных образований.

Методологические предпосылки необходимости прогнозирования социально-экономического развития территорий:

- муниципальное образование является подсистемой региона и выполняет определенную функцию по производству продукции и (или) оказанию услуг по своей специализации;
- показатели деятельности муниципального образования влияют на социально-экономическое состояние региона;
- негативные тенденции развития региона влияют на эффективное функционирование муниципальной экономики;
- режим функционирования муниципальной экономической системы зависит от существующей системы регионального управления.

Рассмотренные положения определяют содержание и общую схему процесса разработки прогноза муниципального развития, который включает следующие этапы: аналитический, концептуальный и прогнозный.

Аналитический этап включает исследование:

- внутреннего состояния территории муниципального образования;
- важнейших структурных связей территории муниципального образования;
- экономического ядра, обеспечивающего эффективность функционирования муниципального образования.

Этап концептуального исследования заключается в разработке концепции развития территории муниципального образования с учетом достижения целей экономического и социального развития.

На этапе прогнозирования выполняется прогноз и определяются количественные значения показателей развития муниципального образования. При этом выполняется прогноз развития:

- в целом муниципального образования;
- отдельных сфер и отраслей муниципального образования;
- отдельных административно-территориальных единиц территории муниципального образования.

Основным подходом к разработке перспективного развития является сценарный, в котором описываются:

- вероятные ситуации развития муниципальной системы и ее отдельных сфер;
- взаимосвязь с региональной системой;
- прогнозные показатели с учетом различных факторов, влияющих на развитие.

В условиях развития информационных технологий прогнозирование позволяет обосновывать расчеты плановых показателей развития. Традиционные подходы к прогнозированию показателей основаны на гипотезе сохранения основных тенденций на период прогнозирования. Однако при прогнозировании требуется учитывать различные факторы неопределенности и риска и своевременно реагировать при принятии управленческих решений. В этих условиях к результатам прогнозирования предъявляются повышенные требования.

Неопределенность в управлении экономическими системами оказывает значительное влияние на эффективную их работу, поэтому исследование факторов неопределенности имеет особую актуальность. Этой проблеме посвящено множество отечественных и зарубежных публикаций [8–13]. В исследованиях отмечают неопределенность как следствие научно-технического прогресса в результате инновационной деятельности, что в современных условиях развития науки и техники становится неизбежным. В условиях рыночной экономики факторы неопределенности проявляются и по другим причинам, которые влияют на стабильную деятельность экономических систем [14–17].

Можно выделить факторы национальной экономики, которые влияют на уровень неопределенности развития экономики муниципального образования [8, 18, 19]:

1. Наличие организаций различных форм собственности;
2. Курс валют;
3. Цены на энергию и топливо;
4. Распределение доходов;
5. Коррупция и взяточничество.

Проблемы неопределенности влияют на прогнозирование экономического развития муниципального образования, поскольку прогнозные показатели не всегда совпадают с динамикой развития показателей муниципального образования. Как показывает практика, уровень неопределенности возрастает в зависимости от горизонта прогноза [17, 19–21].

Проблема заключается не только в совершенствовании методов прогнозирования, что относится к специалистам, использующим методы прогнозирования, но и в том, чтобы снизить уровень неопределенности, что относится к функциям менеджмента муниципального образования.

Теоретико-методологические подходы

На качество долгосрочного прогноза муниципального образования в первую очередь влияет общая национальная и региональная политика, ее основные перспективы. Важнейшим фактором разработки долгосрочного сценария развития муниципального образования является обоснованная система целей и приоритетов перспективного развития региона и страны в целом.

Следует отметить, что вопросам целеполагания и формирования приоритетов государственного и регионального долгосрочного развития за последние годы стали уделять большее внимание. Эти приоритеты должны отражать возможные направления действий муниципальных образований в снижении негативных воздействий на экономическое, социальное и технологическое развитие территорий, т.е. сформировать макроприоритеты и цели как на краткосрочную, так и долгосрочную перспективу.

При этом разрабатываемые целевые установки отражают развитие максимум на три года. Даже в этих условиях набор показателей в большинстве случаев слабо характеризует социальные и экономические изменения.

Естественно, прогнозирование будущего – сложный процесс, поэтому уровень неопределенности остается очень высоким. Проблема неопределенности влияет на качество прогнозирования развития регионов и муниципальных образований, поэтому снижение уровня неопре-

деленности позволит повысить устойчивость социально-экономического развития территории и уровень жизни граждан. Естественно, не удастся полностью нивелировать все факторы неопределенности развития, поскольку будут возникать факторы, которые сложно проконтролировать [11, 20, 22]. Когда сложно проконтролировать все факторы неопределенности, прогноз на перспективу становится при принятии решений лишь ориентиром. Главной задачей специалистов в этих условиях является использование методов снижения рисков при принятии решений в условиях неопределенности.

Неопределенность в развитии систем ставит перед человеком, как видим, проблему непредсказуемости в процессе ее функционирования.

К параметрам неопределенности в прогнозных задачах можно отнести:

- параметры, которые не зависят от человека и не поддаются управлению;
- параметры, которые в рамках исследуемой системы изменению не поддаются.

Управленческие решения, которые принимаются по результатам прогноза, должны учитывать роль этих параметров и возможные последствия, т.е. выбирать наиболее вероятные условия.

Неоднозначность целей развития системы является также источником неопределенности, так как цель прогнозирования должна быть конкретно сформулирована, а задача прогноза развития системы в будущем – определить область достижимых целей при учете различных параметров исследуемой системы. Кроме этого, неопределенность проявляется и в том, что до начала выполнения принятого управляющего воздействия может:

- устареть информация;
- произойти изменение параметров прогнозирования;
- произойти изменение факторов внешней среды.

Любое управленческое решение является прогнозным, поэтому эффективность управленческих решений в значительной степени обеспечивается единством прогнозирования и системы планирования.

Выполнение последовательности этапов планирования дает возможность снизить уровень неопределенности факторов внешней среды, а также факторов внутренней среды самого объекта и риски принимаемых решений [13, 22–25].

Снижение риска в прогнозировании имеет не только прикладное, но и научное значение, так как прогнозирование осуществляется в условиях неопределенности. Процесс прогнозирования

социально-экономических систем позволяет выделить следующие виды:

- риски субъективные (процесс прогнозирования объекта);
- риски объективные (процессы развития объекта).

Риски создают потенциальную опасность нанесения ущерба различному виду ресурсов муниципального образования. Кроме этого, вероятность риска может проявиться при выборе альтернатив.

Процесс прогнозирования показателей развития муниципального образования включает:

- объект управления (управляемую систему);
- субъекта управления (управляющую систему);
- воздействие управляющее на объект управления;
- управленческое решение (конечный результат);
- цель прогнозирования;
- информацию о фактическом состоянии (обратная связь).

Экономический риск характеризуется:

- неопределенностью, раскрытие которой обеспечивается совершенствованием моделирования процессов прогнозирования на основе учета объективных источников и субъективных факторов развития;
- противоречивостью, когда решения принимаются без учета знаний о закономерностях развития, что способствует замедлению социального прогресса и увеличению социально-экономических издержек;
- альтернативностью, когда для принятия решений имеется несколько альтернатив развития событий.

Основными видами рисков в прогнозировании можно выделить (рис.):

1. Нестабильность факторов внешней среды:
 - изменение законодательства и стандартов;
 - нестабильная работа объектов прогнозирования;
2. Негативные изменения:
 - несогласованность действий элементов объектов прогнозирования;
 - аварийные ситуации;
3. Ограниченность всевозможных ресурсов;
4. Недостовверную информацию;
5. Недостаток инструментария прогнозирования.

На современном этапе не разработана единая технология прогнозирования развития муниципальных образований;

6. Невыполнение требований надзорных и контролирующих органов;
7. Низкую квалификацию разработчиков;

Рис. Основные виды рисков в прогнозировании
 Источник: разработан авторами

8. Природные, технологические и другие форс-мажорные обстоятельства;

9. Нарушение договорных условий.

На муниципальном уровне можно выделить следующие особенности рисков:

- необходимо учитывать степень реализации государственных и региональных программ;
- необходимо учитывать систему показателей региональной и национальной экономики;
- необходимо учитывать при прогнозировании потребности населения;
- необходимо учитывать при прогнозировании различные социальные, экономические и административные взаимосвязи;
- необходимо учитывать специфику муниципального образования при оценке возможных рисков.

Исследование опыта прогнозирования показывает, что для научного обоснования прогнозов требуется совершенствование методического обеспечения этапа подготовки прогнозов и вопросов управления рисками, которые различаются:

- по возможным источникам возникновения;
- по временному воздействию;
- по масштабу проявления.

Управленческое решение принимается с учетом воздействия каждого риска, поэтому необходимо их систематизировать:

- по характеру возникновения;
- по источникам возникновения;
- по влиянию на процесс прогнозирования;
- по возможности предупреждения его проявления;
- по виду и структуре неопределенности.

Источники рисков могут характеризоваться как субъективными условиями возникновения, так и объективными. Субъективные являются следствием внутренних процессов и возникают в системе управления вследствие:

- слабого контроля показателей;
- отсутствия внутренних регламентов управления;
- низкой компетентности исполнителей;
- низкой мотивации разработчиков.

Объективные риски являются следствием внешних факторов и возникают в системе управления вследствие:

- низкого качества внешней информации;
- низкой технологии прогнозирования;
- слабой оснащенности технической и методическими материалами прогнозирования.

Вопросы измерения степени возможного влияния исследуемых факторов на величину уровня риска имеют в управлении важное методологическое значение, так как без знания величины риска сложно принять обоснованные выводы о результатах прогнозирования.

Оценке риска предшествует этап анализа факторов, далее выполняется ранжирование факторов для последующего выявления влияния на показатели прогноза.

Для проведения классификации факторов можно выделить внешние и внутренние признаки.

Внешние являются факторами риска внешней среды, на которые муниципальное образование влиять не может. Внутренние являются факторами риска самой системы управления.

Риски, влияющие на эффективность управления, подразделяются на прогрессивные, направленные на совершенствование технологии управления, и регрессивные, тормозящие внедрение новых технологий прогнозирования.

Риски, зависящие от времени влияния, рассматриваются как временные или постоянные. Выделяют и риски процесса прогнозирования, которые требуется учитывать на любом этапе

процесса прогнозирования. К таким рискам чаще относят полноту и достоверность информации.

Любые риски, возникающие в прогнозировании, необходимо ранжировать по их важности:

– первостепенные риски: могут привести к значительным потерям;

– второстепенные риски: необходимость их нивелирования возникает в процессе наблюдения за ними;

– незначительные риски: не оказывают прямого влияния на результаты.

Классификация рисков повышает эффективность управления рисками, расширяет диапазон методов и механизмов прогнозирования и позволяет выявлять по конкретному риску индивидуальный инструментарий управления им.

Заключение

В сфере государственного прогнозирования наметились позитивные тенденции как в расширении масштабов, так и в совершенствовании методологии прогнозирования, однако практика выполнения работ по прогнозированию, особенно на региональном и муниципальном уровне, еще далека от широкого внедрения методов прогнозирования.

Разработка прогнозов становится важнейшим направлением реализации стратегического планирования на всех уровнях национальной экономики. Для разработки стратегических планов: собираются и анализируются данные; оцениваются ресурсы; анализируются всевозможные ограничения и факторы; определяются цели и задачи; разрабатываются и реализуются прогнозные модели, на основе которых формируется программа развития.

Прогнозы разрабатываются для обоснования эффективного развития регионов, учитывая конкурентоспособность и особенности территории. Прогнозы развития служат основой целеполагания развития региона и муниципальных образований, формирования направлений, программ и мероприятий по их реализации.

Традиционные подходы к прогнозированию показателей основаны на гипотезе сохранения основных тенденций на период прогнозирования. Однако при прогнозировании требуется учитывать различные факторы неопределенности и риска и своевременно реагировать при принятии управленческих решений. В этих условиях к результатам прогнозирования предъявляются повышенные требования.

Проблема заключается не только в совершенствовании методов прогнозирования, что относится к специалистам, использующим методы прогнозирования, но и в том, чтобы сни-

зить уровень неопределенности, что относится к функциям менеджмента муниципального образования.

Выделены факторы национальной экономики, которые влияют на уровень неопределенности развития экономики муниципального образования. Определены основные виды рисков в прогнозировании и предложена их классификация. Рассмотрены цели и приоритеты перспективного развития муниципального образования. Все это расширяет диапазон методов и инструментов прогнозирования развития муниципального образования.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 08.11.2021 № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в РФ» // СПС «Гарант»: нормативно-правовая документация.
2. О государственном прогнозировании, индикативном планировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации: федеральный закон от 20.07.1995 № 15-ФЗ с изменениями от 08.09.2000 // Собрание законодательства РФ. 1995. № 30.
3. О стратегическом планировании в Российской Федерации: федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ // СПС «Гарант».
4. Постановление Правительства Нижегородской области от 21 декабря 2018 г. № 889 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года» (с изменениями и дополнениями) // СПС «Гарант»: нормативно-правовая документация.
5. Постановление Правительства Нижегородской области от 18 октября 2021 г. № 917 «О прогнозе социально-экономического развития Нижегородской области на среднесрочный период (на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов)» // СПС «Гарант»: нормативно-правовая документация.
6. Европейская Хартия местного самоуправления («Charte européenne de l'autonomie locale» = «European Charter of Local Self-Government») // Дипломатический вестник. 1998. № 10.
7. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/.
8. Геец В.М. Общество, государство, экономика. Единство и противоречия. М.: Институт экономики РАН, 2012. 66 с.
9. Забоев М.В. Характеристика различных видов неопределенности и методы их учета в процессе обоснования инвестиционно-строительных проектов // Проблемы современной экономики. 2017. № 3 (27).
10. Камалян А.К. Принятие управленческих решений в условиях риска и неопределенности: Автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / Воронеж. гос. аграр. ун-т им. К.Д. Глинки. Воронеж, 2015.

11. Капустин В.Ф. Неопределенность: виды, интерпретации, учет при моделировании и принятии решений // Вестник СПбГУ. 2013. Вып. 2. С. 108–114.
12. Павленков М.Н., Парамонов А.В., Павленков И.М. Контроллинг стратегического планирования муниципального образования // Финансовые рынки и банки. 2023. № 10. С. 22–27.
13. Curkovic S., Scannell T.V., Wagner B.J. ISO 31000:2009 Enterprise and Supply Chain Risk Management: A Longitudinal Study // American Journal of Industrial and Business Management. 2013. Vol. 3. № 7. P. 614–630. DOI: 10.4236/ajibm.
14. Кандинская О.А. Риски компании. М.: Экономика, 2013. 296 с.
15. Качалов Р.М. Управление хозяйственным риском. М.: Наука, 2012. 192 с.
16. Смоляк С.А. Оценка эффективности инвестиционных проектов в условиях риска и неопределенности (теория ожидаемого эффекта). М.: Наука, 2012. 182 с.
17. Южаков В.Н. Государственное управление по результатам. Модель для России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 2. С. 165–174.
18. Клейнер Г. Системная экономика как платформа развития современной экономической теории // Вопросы экономики. 2013. № 6. С. 4–28.
19. Кузнецова О.В. Экономическое развитие регионов: теоретические и практические аспекты государственного регулирования. М., 2005. 304 с.
20. Клейнер Г. Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории. Ч. 1 // Вопросы экономики. 2015. № 12. С. 107–123.
21. Павленков М.Н., Парамонов А.В., Павленков И.М. Анализ показателей среднесрочного регионального прогнозирования // Инновации и инвестиции. 2023. № 10. С. 554–557.
22. Управление муниципальным экономическим развитием / Под ред. Г.Ю. Ветрова. М.: Фонд «Институт экономики города», 2009. 258 с.
23. Качалов Р.М. Управление экономическими рисками: Теоретические основы и приложения. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. 420 с.
24. Найт Ф.Х. Риск, неопределенность и прибыль: Пер. с англ. М.: Дело, 2003. 360 с.
25. Павленков М.Н., Парамонов А.В., Павленков И.М. Анализ показателей долгосрочного регионального прогнозирования // Экономика строительства. 2023. № 10. С. 89–93.
26. Постановление Правительства РФ от 21.09.2021 № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации» // СПС «Гарант».
27. Белолипец И.И., Горбатков С.А., Романов А.Н. и др. Моделирование управленческих решений в сфере экономики в условиях неопределенности / Под ред. А.Н. Романова. М.: Инфра-М, 2015. 299 с.

UNCERTAINTY AND RISK FACTORS IN FORECASTING MUNICIPAL DEVELOPMENT

M.N. Pavlenkov,¹ A.V. Paramonov²

¹Dzerzhinsky Branch Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

²Nizhny Novgorod Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration

The article investigates the problems of forecasting the development of a municipal entity. The aim of the work is to study the factors of uncertainty and risk, which should be taken into account when developing forecasts of municipal development. The research methodology is based on the macroeconomic analysis of state and regional regulatory documents, scientific publications devoted to the problems of forecasting. In the course of the study a comprehensive approach was used, combining such methods of scientific knowledge as observation, comparison, analysis and synthesis, historical method. The factors of the national economy that affect the level of uncertainty in the development of the economy of a municipal entity have been identified. The main types of risks in forecasting are defined and their classification is proposed. The goals and priorities of prospective development of the municipal entity are considered. The classification of risks increases the efficiency of risk management and expands the range of methods and tools for forecasting the development of a municipal entity.

Keywords: municipal formation, forecasting, uncertainty and risk factors, management principles, development goals, strategic planning, priority directions.

УДК 338.1

DOI 10.52452/18115942_2024_1_30

КЛАССИФИКАЦИЯ И ПРИМЕНЕНИЕ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ФИНАНСОВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

© 2024 г.

А.И. Полазнов, Д.А. Корнилов

Полазнов Алексей Игоревич,
магистр Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексева;
техник отдела научно-технического развития ОАО «Атомэнергопроект»
witlex21@gmail.com

Корнилов Дмитрий Анатольевич, д.э.н.; проф.;
профессор кафедры управления инновационной деятельностью
Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексева
dkornilov2020@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 23.12.2023**Статья принята к публикации 29.01.2024*

Данная статья представляет собой исследование методов построения нейронных сетей для прогнозирования финансовых показателей, в частности для прогнозирования курсов валют. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью разработки эффективных моделей прогнозирования курсов валют, акций, криптовалют и других финансовых показателей. Цель исследования – сделать обзор нейронных сетей, сформировать их классификацию, выбрать оптимальные методы и предложить модели применения нейронных сетей для прогнозирования финансовых показателей, в том числе курсов валют. В рамках работы были рассмотрены различные архитектуры нейронных сетей, включая простые рекуррентные нейронные сети (RNN), сверточные нейронные сети (CNN), глубокие нейронные сети (DNN) и другие. Более 40 методов было классифицировано и представлено их описание. Для каждого метода проанализированы их преимущества и недостатки с точки зрения прогнозирования курса. Результаты исследования показали, что выбор оптимального метода для прогнозирования курса зависит от характеристик конкретной задачи. Например, RNN показали себя лучше в задачах с временными рядами, в то время как CNN оказались эффективными в задачах с пространственной структурой. Рассмотрены вопросы повышения точности предсказания и недопущения переобучения нейронной сети. Составлена блок-схема SA-алгоритма, которая позволяет наглядно представить последовательность шагов и операций. Эта работа может быть полезным руководством для исследователей и практиков, занимающихся прогнозированием курсов финансовых активов. Результаты работы могут способствовать более точной и надежной разработке моделей прогнозирования, что имеет большое значение для финансового сектора и других областей, где важно предсказание курсов валют и повышение эффективности финансового планирования.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейронные сети, прогнозирование, классификация, процессная модель, прогнозирование, курс валют, курс рубля, методы.

Введение

Исследование методов построения нейросетей для прогнозирования является актуальным по нескольким причинам.

Во-первых, прогнозирование является важной задачей во многих областях, включая финансовые рынки, экономику, климатологию, медицину и т.д. Точные прогнозы позволяют принимать более обоснованные решения и снизить потери.

Во-вторых, нейронные сети являются мощным инструментом для прогнозирования благодаря своей способности обучаться на данных и находить сложные взаимосвязи между входными и выходными переменными. Однако существует множество различных архитектур и методов обучения нейросетей, и выбор наиболее

подходящего метода для конкретной задачи является сложной темой.

Также нейросети часто используются для прогнозирования в условиях нестационарности данных, то есть когда статистические свойства данных изменяются со временем. Нестационарность представляет особую сложность для нейросетей, так как требуется обработка и изменение архитектуры модели по мере изменения статистических свойств данных.

И, наконец, разработка новых методов построения нейросетей для прогнозирования может привести к улучшению качества прогнозов и повышению эффективности работы моделей. Исследователи постоянно ищут новые способы улучшить производительность нейросетей, уменьшить их сложность, ускорить время обучения и так далее [1–4].

Рис. 1. Методы построения нейросетей
Составлено авторами на основе данных [5–9]

Методы построения нейросетей и их классификация

Методы построения нейросетей представлены на рисунке 1, а далее дается их краткое описание с целью дальнейшей классификации и разделения на группы (рис. 2).

1. Метод обратного распространения ошибки (Backpropagation) – метод обучения нейронной сети, основанный на вычислении и распространении ошибки обратно по сети.

2. Градиентный спуск (Gradient Descent) – метод оптимизации, используемый для минимизации функции путем поиска направления наискорейшего убывания.

3. Стохастический градиентный спуск (Stochastic Gradient Descent) – модификация градиентного спуска, при которой обновление весов происходит для каждого примера обучающего набора.

4. Метод адаптивного градиентного спуска (Adaptive Gradient Descent) – метод оптимизации, который адаптирует скорость обучения для каждого параметра в зависимости от его исторического градиента.

5. Методы оптимизации второго порядка (Second-order optimization methods) – методы оптимизации, которые учитывают информацию о вторых производных функции.

6. Методы регуляризации (Regularization methods) – методы, используемые для предотвращения переобучения путем внесения штрафа на сложность модели.

7. Конволюционные нейронные сети (Convolutional Neural Networks) – архитектура нейронных сетей, специально разработанная для обработки и анализа данных с пространственной или временной структурой, таких как изображения или звуковые файлы.

8. Рекуррентные нейронные сети (Recurrent Neural Networks) – архитектура нейронных сетей, способная моделировать последовательности данных и сохранять информацию о предыдущих состояниях.

9. Глубокое обучение (Deep Learning) – подраздел машинного обучения, связанный с обучением и использованием глубоких нейронных сетей.

10. Автоэнкодеры (Autoencoders) – нейронные сети, которые используются для обучения

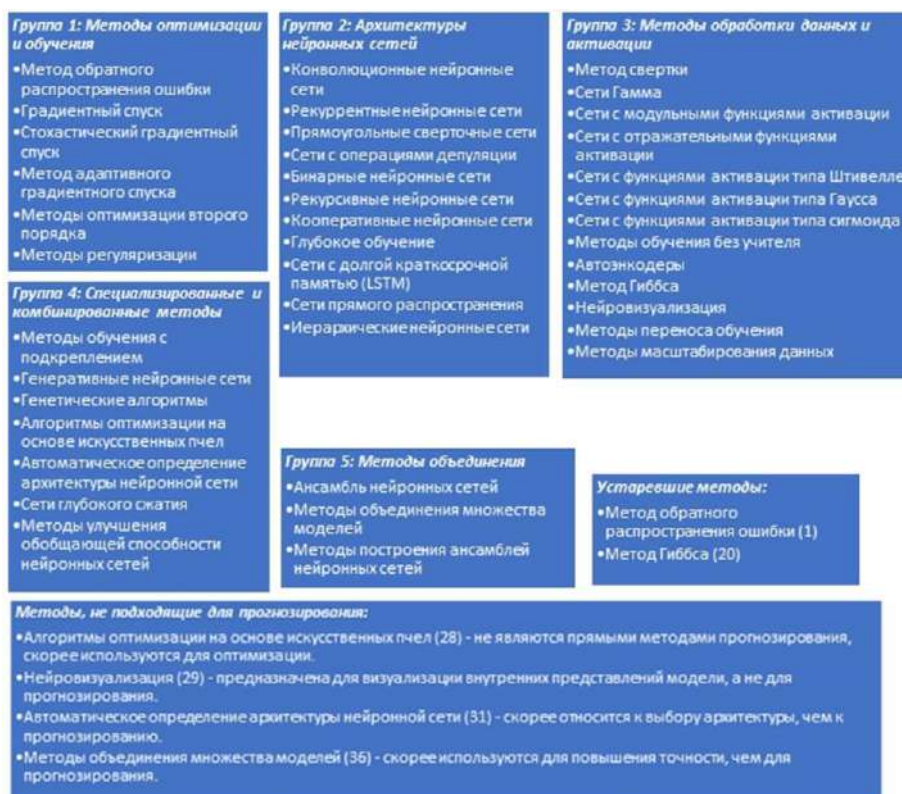

Рис. 2. Группировка методов по признакам
Составлено авторами на основе данных [10–14]

компактного представления данных через обучение без учителя.

11. Метод свертки (Pooling) – метод, используемый в сверточных нейронных сетях для уменьшения размерности выходного показателя на основе весовых коэффициентов ядра свертки, которые определяются в процессе обучения.

12. Прямоугольные сверточные сети (Rectangular Convolutional Networks) – реализация сверточной нейронной сети, которая позволяет использовать прямоугольные фильтры для анализа изображений или данных в двухмерном пространстве.

13. Сети с операциями деупляции (Sparse Networks) – нейронные сети, в которых используются разреженные связи между нейронами, что позволяет снизить вычислительную сложность и улучшить обобщающую способность модели.

14. Методы обучения без учителя (Unsupervised Learning methods) – методы машинного обучения, где модель обучается на размеченных данных без явно заданной цели.

15. Методы обучения с подкреплением (Reinforcement Learning methods) – методы машинного обучения, где модель обучается взаимодействуя с окружающей средой и получая обратную связь в виде награды или штрафа.

16. Генеративные нейронные сети (Generative Neural Networks) – нейронные сети, которые ис-

пользуются для генерации новых данных, таких как изображения, звуки или тексты, на основе имеющегося обучающего набора.

17. Сети с долгой краткосрочной памятью (Long Short-Term Memory Networks) – вид рекуррентных нейронных сетей, которые способны обрабатывать последовательности данных с долгосрочной зависимостью между элементами последовательности.

18. Сети Гамма (Gamma Networks) – нейронные сети, которые используются для моделирования и анализа гамма-распределений, которые часто встречаются в статистике и вероятностном моделировании.

19. Бинарные нейронные сети (Binary Neural Networks) – нейронные сети, в которых используются бинарные значения (–1 и 1) вместо стандартных вещественных чисел, что позволяет снизить требования к вычислительным ресурсам и ускорить обучение.

20. Метод Гиббса (Gibbs Sampling) – метод, используемый для сэмплирования из многомерных вероятностных распределений, основанный на итеративном обновлении переменных с использованием условных распределений. Часто используется в байесовском машинном обучении.

21. Рекурсивные нейронные сети (Recursive Neural Networks) – архитектуры нейронных сетей, в которых нейроны могут иметь связи с

предыдущими входными данными. Они позволяют обрабатывать данные, имеющие структуру дерева или графа, такие как естественный язык или изображения.

22. Сети с модульными функциями активации (Networks with modular activation functions) – нейронные сети, в которых для каждого слоя или модуля используется отдельная функция активации. Это позволяет настраивать каждый модуль независимо и улучшает обобщающие способности сети.

23. Генетические алгоритмы (Genetic algorithms) – эволюционные алгоритмы, основанные на принципах естественного отбора и генетики. Они используют случайный поиск и последующий выбор лучших вариантов для решения оптимизационных задач.

24. Кооперативные нейронные сети (Cooperative neural networks) – нейросети, работающие в группах или командах для выполнения сложных задач совместно. Каждая нейронная сеть может иметь свою собственную функцию активации, и они обмениваются информацией и сотрудничают друг с другом для достижения общей цели.

25. Сети с отражательными функциями активации (Networks with reflective activation functions) – нейронные сети, в которых используются отражательные функции активации, такие как ReLU (Rectified Linear Unit). Они помогают устранить проблему затухающего градиента и позволяют сети обучаться быстрее.

26. Сети с функциями активации типа Штивелле (Networks with Stivelle-type activation functions) – нейронные сети, в которых используется функция активации типа Штивелле, которая имеет более широкий диапазон аргументов, чем сигмоидная функция активации. Это позволяет сети представлять более сложные зависимости в данных.

27. Ансамбль нейронных сетей (Ensemble of neural networks) – метод, в котором несколько нейронных сетей объединяются вместе для решения задачи. Каждая сеть вносит свой вклад в решение, и их предсказания объединяются для получения более точного результата.

28. Алгоритмы оптимизации на основе искусственных пчел (Optimization algorithms based on artificial bees) – методы оптимизации, вдохновленные поведением пчел в природе. Они используют идеи поиска пищи и коммуникации в пчелиных колониях для эффективного поиска оптимального решения.

29. Нейровизуализация (Neuroimaging) – процесс визуализации результатов обработки данных нейронной сетью. Он позволяет визуально представить и интерпретировать резуль-

таты работы сети, например показать активации нейронов или веса связей между нейронами.

30. Методы переноса обучения (Learning transfer methods) – методы, позволяющие использовать знания и навыки, полученные в ходе обучения на одной задаче, для решения другой, связанной задачи. Это позволяет сокращать время и объем данных, необходимых для обучения новых моделей.

31. Автоматическое определение архитектуры нейронной сети (Automatic determination of neural network architecture) – методы, которые позволяют автоматически находить оптимальную архитектуру нейронной сети для решения конкретной задачи. Эти методы основаны на использовании алгоритмов оптимизации и поиска, таких как генетические алгоритмы или алгоритмы глубокого обучения, которые изменяют архитектуру сети, добавляя или удаляя слои или модифицируя размеры слоев, чтобы достичь лучших результатов.

32. Методы масштабирования данных (Data scaling methods) – методы, которые используются для изменения масштаба значений данных перед их подачей на вход нейронной сети. Популярными методами масштабирования данных являются нормализация, стандартизация и масштабирование в диапазоне. Эти методы позволяют улучшить производительность и сходимость нейронной сети, так как они помогают обеспечить более однородное распределение значений входных данных.

33. Сети глубокого сжатия (Deep compression networks) – методы, которые позволяют уменьшить размер и объем нейронной сети, не сильно снижая ее производительность. Они используются для сжатия и упрощения архитектуры сети, чтобы она занимала меньше памяти и быстрее выполнялась. Одним из популярных методов глубокого сжатия является метод прунинга, который удаляет ненужные или слабые связи между нейронами в сети.

34. Методы улучшения обобщающей способности нейронных сетей (Methods of improvement of generalization ability of neural networks) – методы, которые позволяют увеличить способность нейронной сети обобщать и делать точные прогнозы на новых данных. К таким методам относятся регуляризация (например, L1- или L2-регуляризация), добавление шума во время обучения, использование аугментации данных, признаковое извлечение и др.

35. Сети с функциями активации типа Гаусса (Networks with Gauss-type activation functions) – сети, которые используют функции активации, основанные на гауссовом распределении, например радиальные базисные функции (RBF).

Функции активации типа Гаусса позволяют нейронной сети моделировать нелинейные зависимости с помощью гладких кривых и гауссовых пиков.

36. Методы объединения множества моделей (Methods of combining multiple models) – методы, которые используют несколько моделей для решения задачи и объединяют их прогнозы или веса для достижения лучших результатов. Такие методы могут включать использование ансамблей нейронных сетей, стекинг, бэггинг и другие подходы к комбинированию моделей.

37. Сети прямого распространения (Direct propagation networks) – самый простой и стандартный тип нейронной сети, где сигнал передается только в одном направлении – от входных слоев к выходным. Они состоят из последовательного соединения нескольких слоев, где каждый слой состоит из нейронов, связанных взвешенными связями. Сети прямого распространения широко используются для решения различных задач, таких как классификация, регрессия и обработка текста.

38. Иерархические нейронные сети (Hierarchical neural networks) – сети, которые организованы в иерархическую структуру с несколькими уровнями. Каждый уровень нейронной сети обрабатывает данные на разных уровнях абстракции или разрешения, что позволяет сети выявлять сложные зависимости в данных. Иерархические нейронные сети широко используются в обработке изображений и распознавании образов.

39. Сети с функциями активации типа сигмоида (Networks with sigmoid-type activation functions) – сети, которые используют сигмоидальные функции активации, такие как логистическая функция или гиперболический тангенс. Эти функции активации преобразуют взвешенные суммы сигналов в ограниченный диапазон значений (обычно от 0 до 1 или от –1 до 1), что позволяет нейронной сети моделировать нелинейные зависимости.

40. Методы построения ансамблей нейронных сетей (Methods of building ensembles of neural networks) – методы, которые используют несколько нейронных сетей для решения задачи и комбинируют их прогнозы для достижения лучших результатов. Ансамбли нейронных сетей могут быть построены путем обучения независимых сетей на разных наборах данных, случайного исключения некоторых нейронов или слоев во время обучения или комбинирования прогнозов отдельных нейронных сетей с помощью голосования или взвешивания.

Рассмотрим подробнее несколько самых распространенных методов построения нейронных сетей [11, 15–18].

1. *Метод обратного распространения ошибки (Backpropagation)*. Самый популярный метод обучения нейронных сетей, который основывается на вычислении градиентов ошибки для каждого параметра модели и их последующем обновлении в направлении, противоположном градиенту. Он состоит из двух фаз: прямого прохода для вычисления выходных значений и обратного прохода для расчета градиента и обновления весов.

2. *Сверточные нейронные сети (Convolutional Neural Networks, CNN)*. Особый тип нейронных сетей, наиболее широко применяемый для обработки изображений. Они используют сверточные слои для поиска локальных шаблонов и пулинговые слои для уменьшения размерности изображения, что позволяет создавать специализированные фильтры для изображений.

3. *Рекуррентные нейронные сети (Recurrent Neural Networks, RNN)*. Тип нейронных сетей, используемый для обработки последовательных данных, таких как тексты, речь или временные ряды. Они имеют обратные связи между своими нейронами, что позволяет сохранять информацию о предыдущих состояниях и использовать ее для принятия решений.

4. *Генетические алгоритмы*. Это эволюционный метод, использующий принципы естественного отбора и мутации для оптимизации параметров нейронных сетей. Генетические алгоритмы создают случайные популяции моделей, затем выбирают лучшие и изменяют их параметры, чтобы найти наилучшее решение.

5. *Обучение без учителя*. Некоторые методы обучения нейронных сетей не требуют аннотированных данных или явных меток классов. Эти методы, такие как автоэнкодеры или генеративные состязательные сети (GAN), позволяют моделям самим извлекать иерархические признаки из неаннотированных данных или генерировать новые примеры на основе заданного распределения.

6. *Трансферное обучение*. Метод, который позволяет использовать знания, полученные при решении одной задачи, для улучшения работы на другой задаче. Этот метод может быть полезен, если у нас есть ограниченное количество размеченных данных для тренировки, но при этом есть доступ к большему количеству неразмеченных данных или данных из другой задачи.

Существует множество других методов и алгоритмов для построения нейронных сетей, и выбор оптимального метода зависит от конкретной задачи и доступных данных.

Методы, подходящие для прогнозирования курса

Для прогнозирования курсов валют часто используются методы временных рядов и регрессионные модели [10, 16, 17, 19]. Некоторые из наиболее эффективных методов в этой области:

1. *Стохастический градиентный спуск* (3) – метод оптимизации, часто применяемый в регрессионных задачах;

2. *Методы оптимизации второго порядка* (5) – используются для оптимизации параметров модели в регрессии;

3. *Методы регуляризации* (6) – помогают предотвратить переобучение, что важно при прогнозировании курса валют;

4. *Глубокое обучение* (9) – в некоторых случаях нейронные сети глубокого обучения могут успешно прогнозировать временные ряды, включая курсы валют;

5. *Рекуррентные нейронные сети (RNN)* (8) – эффективны для работы с последовательными данными и могут быть применены к временным рядам. RNN позволяют учитывать зависимости в прошлых значениях входных данных при прогнозировании будущих значений. Например, можно использовать LSTM (Long Short-Term Memory) нейронные сети для учета долгосрочных трендов;

6. *Методы обучения без учителя* (14) – возможно использование для обнаружения паттернов в данных курсов валют;

7. *Глубокие рекуррентные нейронные сети (Deep RNN)* – эти сети являются комбинацией рекуррентных слоев и обычных слоев нейронных сетей. Они могут применяться для обработки большого объема данных и создания более сложных временных моделей. Это особенно полезно при прогнозировании курса рубля, так как он может быть подвержен сезонным или более сложным паттернам;

8. *Глубокие автокодировщики (Deep Autoencoders)* – это нейронные сети, обученные реконструировать входные данные. Они могут быть использованы для сжатия и анализа временных рядов. После обучения они могут использоваться для прогнозирования будущих значений путем кодирования текущего состояния ряда и декодирования его в будущих точках времени.

Выбор конкретного метода зависит от характеристик и объема доступных данных, требуемого уровня точности прогнозирования и других факторов. Рекомендуется провести тщательный анализ данных и эксперименты, чтобы выбрать наиболее подходящий метод для вашей задачи прогнозирования курса.

Методы, которые не подходят для прогнозирования курса

Для прогнозирования курса рубля не рекомендуется использовать некоторые методы построения нейронных сетей, которые хорошо работают для других задач [18, 20]. Вот некоторые из таких методов.

1. *Полносвязные нейронные сети*. Анализ курса рубля обычно требует работы с временными рядами, которые имеют сложную зависимость между значениями в разные моменты времени. Полносвязные сети не всегда хорошо моделируют такую зависимость, поэтому они могут показать плохие результаты.

2. *Простейшие рекуррентные нейронные сети (RNN)*. Ранее указывалось, что RNN эффективны для прогнозирования, но есть ряд ограничений:

- *Проблема затухающего/взрывающегося градиента*. При обучении RNN данные могут передаваться на несколько временных шагов, и при этом градиенты могут уменьшаться или увеличиваться экспоненциально. Это может привести к проблемам с обучением модели и ограничить ее способность к долговременной памяти;

- *Ограниченная память*. RNN имеют ограниченную память и могут терять информацию из начала или середины последовательности, особенно если последовательность очень длинная. Это может затруднить точное прогнозирование в отдаленном будущем или на большом временном интервале;

- *Вычислительная сложность*. Обучение и использование RNN может быть вычислительно сложным, особенно если модель имеет много слоев и временных шагов. Это может ограничить их применимость для прогнозирования в реальном времени или на устройствах с ограниченными вычислительными ресурсами.

Несмотря на эти ограничения, RNN все еще являются полезным инструментом для прогнозирования и могут быть эффективно применены во многих задачах. Кроме того, существуют различные улучшения RNN, такие как LSTM (*долгая краткосрочная память*) и GRU (*обновляемые единицы*), которые были разработаны для решения некоторых из указанных проблем.

3. *Сверточные нейронные сети (CNN)*. Хотя CNN широко используются для обработки изображений, они, вероятно, не дадут хороших результатов при работе с временными рядами, такими как курс рубля, поскольку CNN не учитывают временные зависимости и могут проигрывать по сравнению с другими архитектурами.

4. *Метод обратного распространения ошибки* (1). Устаревший метод, который может иметь ограниченную эффективность при прогнозировании валютных курсов.

5. *Метод Гиббса* (20). Устаревший метод, преимущественно использовавшийся в марковских случайных полях, что не является типичным для задач прогнозирования валютных курсов.

6. *Алгоритмы оптимизации на основе искусственных пчел* (28). Эти алгоритмы обычно используются для решения задач оптимизации, а не для прогнозирования временных рядов, включая валютные курсы.

7. *Нейровизуализация* (29). Хотя нейровизуализация полезна для понимания работы нейронных сетей, она не предназначена для конкретного прогнозирования валютных курсов.

8. *Автоматическое определение архитектуры нейронной сети* (31). Этот метод скорее связан с выбором архитектуры, чем с прогнозированием конкретных значений временных рядов.

9. *Методы объединения множества моделей* (36). Хотя ансамбли моделей могут быть полезными, но в их использовании для прогнозирования валютных курсов может быть ограниченный смысл, если не учитываются специфические факторы, влияющие на валютные рынки.

Обычно для прогнозирования временных рядов, включая курс рубля, применяются *рекуррентные нейронные сети с долгой краткосрочной памятью (LSTM)* или *сверточные LSTM (ConvLSTM)*, которые способны лучше улавливать долгосрочные временные зависимости.

Результаты

Способы улучшения точности предсказания

Существует несколько способов минимизировать ошибку при прогнозировании нейронными сетями курса рубля [21, 22].

1. *Увеличить объем и качество данных*. Чем больше и качественнее данные, используемые для обучения нейронной сети, тем точнее будет прогноз. Важно использовать разнообразные и актуальные данные, например исторические данные о курсе рубля, макроэкономические показатели, политические и экономические события.

2. *Настроить архитектуру и параметры нейронной сети*. Разработчикам следует экспериментировать с различными архитектурами нейронных сетей и параметрами обучения, чтобы найти наилучшую модель. Например, можно попробовать различные типы слоев (рекуррентные, сверточные, полносвязные) и количество скрытых нейронов.

3. *Регуляризация и предотвращение переобучения*. Переобучение может привести к низкой обобщающей способности нейронной сети. Для предотвращения переобучения можно использовать методы регуляризации, такие как

L1- или L2-регуляризация, а также можно использовать методы сокращения размерности данных, например *PCA (Principal Component Analysis)* или *t-SNE (t-distributed Stochastic Neighbour Embedding)*.

4. *Внедрение дополнительной информации*. Курс рубля может зависеть от других внешних факторов, таких как политические события, экономические показатели и рыночные тренды. Внедрение таких данных в обучающий набор может улучшить прогноз.

5. *Использование ансамблей моделей*. Ансамблирование моделей позволяет комбинировать прогнозы нескольких нейронных сетей, что может улучшить точность прогнозирования.

6. *Регулярное обновление модели*. Как только новые данные становятся доступными, модель нейронной сети должна быть обновлена и переобучена на этих данных, чтобы сохранять актуальность и точность прогнозов.

Важно отметить, что нейронные сети не всегда дают абсолютно точные прогнозы, так как рынки валют подвержены множеству факторов и сложным взаимосвязям между ними. Однако правильное применение вышеуказанных способов может помочь минимизировать ошибку при прогнозировании.

Подробнее рассмотрим второй и третий пункты, которые можно считать более сложными.

Количество скрытых нейронов в нейронной сети может оказывать влияние на точность прогнозирования курса рубля, на способность сети извлекать сложные или нелинейные зависимости из данных.

Если количество скрытых нейронов слишком мало, то сеть может быть недостаточно гибкой для моделирования сложных паттернов и зависимостей в данных. В таком случае прогнозы сети могут быть не очень точными.

С другой стороны, если количество скрытых нейронов слишком велико, то сеть может начать переобучаться, то есть запоминать шумовые или случайные зависимости из обучающих данных, которые не обобщаются на новые данные. В таком случае точность прогнозов сети также снижается.

Таким образом, необходимо подобрать оптимальное количество скрытых нейронов, чтобы балансировать между гибкостью модели и ее способностью обобщать новые данные. Это может потребовать экспериментирования и оптимизации на основе результатов валидации модели.

Переобучение нейронных сетей при прогнозировании курса рубля может иметь следующие последствия:

Рис. 3. Блок-схема SA-алгоритма
Составлено авторами

1. *Потеря обобщающей способности.* Переобучение может привести к тому, что нейронная сеть будет очень хорошо предсказывать значения курса рубля на обучающей выборке, но плохо справляться с новыми данными. Сеть может запоминать шум или случайные корреляции в данных, что приводит к искаженным прогнозам на новых данных;

2. *Высокая чувствительность к изменениям.* Переобученная нейронная сеть может быть слишком чувствительной к небольшим изменениям в данных, что может привести к непредсказуемым и нестабильным прогнозам курса рубля. Это может быть особенно проблематично в случае значительных изменений в экономике или политике;

3. *Неправильные выводы.* Переобучение может привести к неправильным выводам о том, какие факторы на самом деле влияют на курс рубля. Нейронная сеть может недооценивать или переоценивать важность определенных факторов, что может привести к неверным прогнозам;

4. *Отсутствие способности обучения на новых данных.* Если нейронная сеть переобучена на доступных данных, она может не справиться с новыми данными или не сможет обучиться на них эффективно. Это может привести к постепенному ухудшению качества прогнозов или невозможности адаптироваться к новым условиям.

Для предотвращения переобучения нейронных сетей при прогнозировании курса рубля можно использовать методы регуляризации, такие как L1- и L2-регуляризация, ранняя остановка обучения, а также можно ограничить сложность модели при помощи выбора правильной архитектуры сети и оптимальных гиперпараметров. Кроме того, необходимо обеспечить разнообразие и репрезентативность данных, используемых для обучения, и проводить оценку качества модели на валидационной выборке.

Прогнозирование курса рубля – сложная задача, и эффективность методов может зависеть от различных факторов, таких как экономические условия, политическая обстановка и т.д.

Приведем методы, кроме вышеописанных нейронных сетей, которые могут быть полезны для прогнозирования курса рубля.

Временные ряды и статистические методы:

1. *ARIMA (авторегрессия с интегрированным скользящим средним).* Хорошо подходит для моделирования временных рядов и учета трендов;

2. *GARCH (общий авторегрессивный условный дисперсионный процесс).* Подходит для моделирования волатильности во временных рядах курсов валют.

Регрессионные модели:

1. *Линейная регрессия* может быть использована для учета влияния различных факторов (например, экономических показателей) на курс рубля;

2. *Методы машинного обучения (например, градиентный бустинг, случайные леса)* могут обрабатывать нелинейные зависимости и улучшать прогнозы при наличии большого объема данных.

Эконометрические модели:

1. *Модель множественной регрессии с использованием эконометрических переменных* позволяет учитывать фундаментальные экономические показатели, которые могут влиять на курс рубля.

Важно отметить, что прогнозирование валютных курсов – это сложная задача, и ни один метод не гарантирует абсолютную точность. Самый эффективный подход – это комбинирование различных методов и учет экспертных оценок. Все это поможет улучшить результаты.

Примерная блок-схема SA-алгоритма (см. рис. 3)

1. Подготовка данных:

- Загрузка исторических данных о курсах валют и соответствующих факторов;
- Очистка данных от выбросов и пропущенных значений.

2. Инженерия признаков:

- Создание временных окон, лагов, скользящих средних и других признаков для учета долгосрочных и краткосрочных зависимостей;

Рис. 4. Блок-схема SA-алгоритма для оптимизации гиперпараметров
Составлено авторами

- Нормализация данных для обеспечения стабильности обучения.

3. Выбор архитектуры НС:

- Выбор между RNN, LSTM и другими архитектурами в зависимости от особенностей данных;

- Настройка гиперпараметров, таких как количество слоев, нейронов, скорость обучения.

4. Разделение данных на обучающий и тестовый наборы

5. Обучение НС:

- Процесс обучения с использованием обучающего набора;

- Мониторинг функции потерь и метрик производительности.

6. Оценка производительности:

- Тестирование НС на тестовом наборе;
- Вычисление и анализ метрик производительности.

7. Прогнозирование будущих значений:

- Использование обученной НС для прогнозирования будущих курсов валют.

8. Обновление модели (по мере необходимости):

- Периодическое обновление модели с использованием новых данных [22, 23].

Пример SA-алгоритма (Simulated Annealing) для оптимизации гиперпараметров (рис. 4)

1. Инициализация:

- Задание начальных значений гиперпараметров.

2. Повторение:

2.1. Выбор начальной точки:

- Изменение случайного гиперпараметра или комбинации гиперпараметров.

2.2. Оценка старой и новой модели:

- Обучение модели с текущими гиперпараметрами и оценка ее производительности.

2.3. Принятие/отклонение изменения:

- Принятие изменения с вероятностью, зависящей от разницы в оценках производительности;

- Если новая модель лучше, она становится текущей, в противном случае остается старая.

2.4. Понижение ошибки:

- Уменьшение вероятности принятия худшего решения по мере продвижения по процессу оптимизации.

2.5. Проверка условия завершения:

- Повторение процесса до достижения определенного критерия остановки (например, заданного числа итераций или достижения определенной производительности);

- Если нет, возвращение к шагу 1.

3. Завершение:

- Возврат оптимальных гиперпараметров или лучшей модели.

SA-алгоритм используется для эффективного поиска оптимальных гиперпараметров, обеспечивая баланс между исследованием пространства гиперпараметров и эксплуатацией наилучших находок.

Обзор применения нейронных сетей для прогнозирования валютных курсов

1. Подготовка данных:

- Исторические данные: сбор данных о валютных курсах за определенный период времени;

- Финансовые показатели: включение дополнительных факторов, таких как данные о ВВП, инфляции, процентных ставках, курсе нефти и других макроэкономических показателях.

2. Выбор архитектуры нейронной сети:

- Рекуррентные нейронные сети (RNN) или LSTM: учет временных зависимостей в последовательных данных курсов валют;

- Глубокие нейронные сети (DNN): обработка сложных нелинейных зависимостей в данных.

3. Учет факторов при прогнозировании

3.1. Технические индикаторы:

- Скользящие средние, индикаторы стохастичности, относительной силы и др.

3.2. Экономические показатели:

- ВВП, инфляция, ставки, цена нефти, объемы экспорта и импорта, безработица и другие макроэкономические факторы, влияющие на валютные курсы.

3.3. Геополитические события:

- Политическая стабильность, международные отношения и другие события, которые могут повлиять на рынок.

3.4. Объемы торгов:

- Информация о том, сколько активов было куплено или продано.

3.5. Учет ставок:

- Разница в процентных ставках между разными странами.

4. Обучение и оценка:

- Разделение данных на обучающий и тестовый наборы для оценки производительности;

- Обучение сети: использование обучающего набора для настройки весов нейронной сети;

- Оценка производительности: использование метрик, таких как среднеквадратичная ошибка (MSE), коэффициент детерминации (R²) и другие, для оценки точности модели.

5. Адаптация к изменениям на рынке:

- Обновление модели: периодическое обновление модели с использованием новых данных для адаптации к изменениям на финансовых рынках.

Аналитики могут подчеркивать важность разных факторов, которые следует учитывать при анализе и прогнозировании курсов финансовых активов.

Заключение

В данной статье были рассмотрены различные методы и модели построения нейронных сетей для прогнозирования курсов финансовых активов. Было проведено исследование, в ходе которого изучено влияние различных факторов на точность при прогнозировании курса рубля и определены наиболее эффективные методы.

Рассмотрены разные параметры нейронных сетей, включая количество скрытых нейронов, их взаимосвязь и влияние на точность прогноза. Результаты исследования показали, что, помимо количества скрытых нейронов, важными факторами являются правильный выбор входных данных, методы нормализации данных, а также параметры обучения и оценки модели. Более того, использование нескольких структур нейронных сетей и их комбинаций может привести к еще более точным прогнозам курса.

Финансовые рынки чрезвычайно сложны и подвержены воздействию множества факторов. Опытные аналитики используют сочетание фундаментального и технического анализа, а также учитывают макроэкономические и геополитические события для более точного прогнозирования, при этом важность различных факторов будет меняться со временем.

Список литературы

1. Artificial intelligence (AI) market size worldwide in 2021 with a forecast until 2030. URL: <https://www.statista.com/statistics/1365145/artificial-intelligence-market-size/> (дата обращения: 10.12.2023).

2. Концепция технологического развития на период до 2030 года. Утв. Правительством РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-п. // СПС «Гарант».

3. Мусаев Т.А., Федоров О.В., Шагеев С.Р., Прохорова М.В. Интеллектуальные системы учета как инструмент снижения потерь электрической энергии // Строительство: новые технологии – новое оборудование. 2021. № 2. С. 52–55.

4. Будущее e-commerce: как Amazon применяет генеративный ИИ для оптимизации товарных описаний. URL: <https://vc.ru/u/2204210-neyrosfera/838753-budushchee-e-commerce-kak-amazon-primenyayet-generativnyu-ii-dlya-optimizacii-tovaryh-opisaniy?from=rss> (дата обращения: 12.12.2023).

5. Манжула В.Г., Федяшов Д.С. Нейронные сети Кохонена и нечеткие нейронные сети в интеллектуальном анализе данных // Фундаментальные исследования. 2011. № 4. С. 108–114.

6. Червяков Н.И., Тихонов Э.Е. Применение нейронных сетей для задач прогнозирования и проблемы идентификации моделей прогнозирования на нейронных сетях // Нейрокомпьютеры: разработка, применение. 2003. № 10-11. С. 25–31.

7. Качалов О.И., Миронов А.Н., Володина А.М. Сравнение точности прогнозирования стоимости акций компании с использованием сверточной нейронной сети (CNN), простой рекуррентной нейронной сети (SIMPLE RNN) и рекуррентной нейронной сети на базе долгой краткосрочной памяти (LSTM) // ИТ-Стандарт. 2018. № 4 (17). С. 49–61.

8. Белобородова Н.А. Модели прогнозирования роста производства с использованием нейронных сетей // Известия высших учебных заведений. Нефть и газ. 2002. № 4 (34). С. 110–117.

9. Мухаметшин Р.Р. Инновационный подход к оценке и управлению инвестиционными рисками на фондовом рынке РФ с использованием нейронных сетей // Вестник Казанского технологического университета. 2009. № 5. С. 164–171.

10. Костина Л.Н., Гареева Г.А. Нейронные сети в задачах прогнозирования временных рядов // Инновационная наука. 2015. Т. 2. № 6 (6). С. 70–73.

11. Пальчиков И.А. Применение нейронных сетей при управлении бизнесом // Инновации, технологии и бизнес. 2021. № 2 (10). С. 63–67.

12. Атнабаев И.Ю. Прогнозирование цен акций Сбербанка на основе искусственных нейронных сетей // Перспективы развития информационных технологий. 2016. № 29. С. 7–11.

13. Лазарева И.Е. Моделирование уровня финансовой стабильности предприятий на основе нейронных сетей // Торговля и рынок. 2021. № 1 (57). С. 282–294.

14. Кочнев А.А. Применение искусственных нейронных сетей в прогнозировании // Научные горизонты. 2023. № 1 (65). С. 48–57.

15. Кумратова А.М., Чумаренко К.Э. Прогнозирование сложных процессов нейронными сетями //

Современная экономика: проблемы и решения. 2023. № 3 (159). С. 27–36. DOI: 10.17308/meps/2078-9017/2023/3/27-36.

16. Абрамов А.В. Прогнозирование валютного курса EUR/USD с использованием нейронных сетей // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. № 4-2 (24). С. 71–76.

17. Ломакин Н.И., Максимова О.Н., Экова В.А. и др. Нейронные сети для прогнозирования курса доллара с использованием астрологических циклических индексов Гюшон и Ганю // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 6-1. С. 133–136.

18. Гринева Н.В. Построение нейронной сети для прогнозирования цены опциона // Проблемы экономики и юридической практики. 2022. Т. 18. № 5. С. 190–199.

19. Bloomberg создал аналог модели искусственного интеллекта GPT в области финансов. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/487606-bloomberg-sozdal-analog-modeli-iskusstvennogo-intellekta-gpt-v-oblasti-finansov> (дата обращения: 12.12.2023).

20. Кочеваткина Э.Ф., Миляева Н.В., Устинова Н.Н. Применение нейронных сетей для прогнозиро-

вания экономических явлений // Modern Economy Success. 2022. № 2. С. 100–106.

21. Как Яндекс применил генеративные нейросети для поиска ответов. URL: <https://habr.com/ru/companies/yandex/articles/561924/> (дата обращения: 12.12.2023).

22. ESG and artificial intelligence (AI) – statistics & facts. URL: <https://www.statista.com/topics/11077/esg-and-ai/#topicOverview> (дата обращения: 10.12.2023).

23. Бардаков А.А., Корнилов Д.А. Реинжиниринг бизнес-процессов в структуре методов повышения эффективности деятельности организации // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2019. № 8 (126). С. 3.

24. Global total corporate artificial intelligence (AI) investment from 2015 to 2022. URL: <https://www.statista.com/statistics/941137/ai-investment-and-funding-worldwide/> (дата обращения: 10.12.2023).

25. Корнилова Е.В., Захаров В.Я., Корнилов Д.А. Оценка устойчивого развития и формирование рейтинга устойчивости регионов страны // Развитие и безопасность. 2023. № 1 (16). С. 30–49. DOI: 10.46960/2713-2633_2023_1_36.

CLASSIFICATION AND APPLICATION OF NEURAL NETWORKS FOR FORECASTING FINANCIAL INDICATORS

A.I. Polaznov^{1,2}, D.A. Kornilov²

¹Atomenergoproekt Open Joint Stock Company

²Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R.E. Alekseev

This article is a study of various methods for constructing neural networks for forecasting financial indicators, in particular for forecasting exchange rates. The relevance of this study is due to the need to develop effective models for forecasting exchange rates, stocks, cryptocurrencies and other financial indicators. The purpose of the study is to review neural networks, formulate their classification, select the optimal methods and models for using neural networks for forecasting financial indicators, including forecasting exchange rates. As part of the work, various neural network architectures were considered, including simple recurrent neural networks (RNN), convolutional neural networks (CNN), deep neural networks (DNN) and others. More than 40 methods were classified and their descriptions were presented. For each method, their advantages and disadvantages were analyzed from the point of view of course forecasting. The results of the study showed that the choice of the optimal method for predicting heading depends on the characteristics of a particular task. For example, RNNs performed better on problems with time series, while CNNs were effective on problems with spatial structure. The issues of increasing the accuracy of prediction and preventing overtraining of the neural network were considered. A block diagram of the SA algorithm is presented, which allows you to visualize the sequence of steps and operations. This work can be a useful guide for researchers and practitioners involved in course forecasting. The results of the work can contribute to more accurate and reliable development of forecasting models, which is of great importance for the financial sector and other areas where predicting exchange rates and improving the efficiency of financial planning is important.

Keywords: artificial intelligence, neural networks, forecasting, classification, process model, forecasting, exchange rate, ruble exchange rate, methods.

УДК 338

DOI 10.52452/18115942_2024_1_41

РАЗВИТИЕ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ В КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИОННО-ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

© 2024 г.

О.В. Чкалова, Т.Д. Муранова

Чкалова Ольга Владимировна, д.э.н.; проф.; заведующая кафедрой торгового дела
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
ochkalova@iee.unn.ru

Муранова Татьяна Дмитриевна, старший преподаватель кафедры торгового дела
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
muranova@iee.unn.ru

*Статья поступила в редакцию 22.12.2023**Статья принята к публикации 19.01.2024*

Показано, что современная розничная торговля в России имеет устойчивые тенденции развития и становится ведущим сектором экономики. Процессы трансформации в торговле происходят интенсивно. Современная торговля стала лидером по инновационно-инвестиционным преобразованиям, в т.ч. цифровым. На отдельных этапах развития торговли инновационно-инвестиционные трансформации имеют определенные особенности. В этой связи целью настоящего исследования является выделение особенностей и проведение периодизации инновационно-инвестиционных преобразований в розничной торговле. Объектом исследования являются российские розничные торговые организации. Методология исследования включает контент-анализ современной базы материалов Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, отчетов Министерства экономического развития РФ, авторитетных деловых и информационных агентств, научных публикаций. Используются такие методы, как анализ и синтез, группировка, сравнение, индукция, дедукция, описание, обобщение и др. *Основные результаты.* Изучены тенденции развития розничной торговли под влиянием инновационно-инвестиционных факторов. Выявлены особенности инновационно-инвестиционных преобразований на мезо- и микроуровнях. Показана эволюция инноваций в торговле от приватизации до использования цифровых инноваций и возникновения новой отраслевой бизнес-модели – электронной торговли. Изучены особенности инвестирования торговли от частных капиталов предпринимателей на первом этапе до коллабораций в области цифровых инноваций на последнем пятом этапе. *Выводы/значимость.* За период с 1991 г. до настоящего времени выделены пять этапов развития розничной торговли. Каждый этап характеризуется определенными стратегическими, инфраструктурными, ценностными характеристиками во взаимосвязи с инновационно-инвестиционными факторами. Результаты данного исследования являются основой для решения научных и прикладных проблем, связанных с развитием инновационно-инвестиционной деятельности в российской науке и практике.

Ключевые слова: розничная торговля, торговые сети, инновационно-инвестиционные преобразования, ценностные предложения, электронная торговля, цифровизация, коллаборации, потребительская ценность.

Введение

Розничная торговля за три последних десятилетия трансформировалась из второстепенного звена в цепи товародвижения в ведущий сектор экономики и доминирующего контрагента в системе поставок. Современная торговля является одним из самых значимых секторов экономики, о чем свидетельствует ряд показателей развития торговой отрасли. Так, доля торговли в ВВП России за 1991–2021 гг. выросла более чем в 5 раз и составляет в среднем около 20%. Для сравнения: этот показатель сопоставим с вкладом в ВВП таких вместе взятых секторов экономики, как электроэнергетика, строительство, транспорт, добыча полезных ископаемых. В начале 90-х годов прошлого столетия доля торговли в ВВП страны была очень незначительна и составляла около 5%.

Значение торговли в экономике страны усиливается влиянием на социально-экономические процессы. Торговля в преобладающей степени, чем другие отрасли, создает рабочие места и обеспечивает ими население. Этот сектор экономики является лидером по числу малых предприятий (сейчас их доля составляет почти 50%, а в начале 90-х годов прошлого столетия – около 75%). В настоящее время каждый четвертый работающий занят в торговле) [1, с. 12–22].

За последние три десятилетия торговля из второстепенного звена в цепи товародвижения трансформировалась в доминирующее звено в системе товароснабжения, изменив ее конфигурацию, бизнес-процессы стейкхолдеров и их зоны влияния [2]. В своем предыдущем исследовании мы сделали вывод о глубоких изменениях в системе товародвижения под влиянием

торговых сетей. Торговые сети расширили свои традиционные бизнес-процессы, вовлекают в них других стейкхолдеров, контролируют их и имеют определенную власть над ними [3].

Эти выводы коррелируют с результатами других исследований, авторы которых делают аналогичные выводы и говорят о разладе координации в цепях поставок и властном поведении торговых сетей по отношению к другим стейкхолдерам [2–4].

Процессы трансформации в торговле происходят интенсивно и отличаются многоаспектным проявлением. Но, как показали проведенные нами исследования, инновационно-инвестиционные факторы являются приоритетными в этих процессах [5–7].

В этой связи целью настоящего исследования является выделение особенностей и периодизация инновационно-инвестиционных преобразований в розничной торговле.

Объектом исследования являются российские розничные торговые организации.

Методология исследования включает контент-анализ современной базы материалов Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, отчетов Министерства экономического развития РФ, авторитетных деловых и информационных агентств, научных публикаций. Используются такие методы, как анализ и синтез, группировка, сравнение, индукция, дедукция, описание, обобщение и др.

Теоретико-методологические аспекты

В результате проведенного нами исследования выделено пять этапов развития торговли (табл. 1).

I этап: 1990–1994 гг. – приватизация и коммерциализация торговли. Торговля являлась первой отраслью, в которой началась приватизация. В результате приватизации и коммерциализации преобладающими стали негосударственные формы собственности, доля которых в общем объеме розничного товарооборота превысила 90%.

В России стала развиваться предпринимательская деятельность, пришедшая на смену монопольной государственной торговле. Первые частные структуры зародились в торговле и общественном питании. Появились негосударственные предприятия различных форм собственности. Их доля достигла 80% от всех приватизированных предприятий. Рост торговых предприятий за этот период составил 150%.

В 1994 г. в торговле насчитывалось уже более 100 тыс. частных организаций. Это были небольшие торговые точки, приближенные к

потребителям: киоски, павильоны, небольшие минимаркеты со смешанным ассортиментом товаров.

В этот период появляются новые формы торговли, через торговых агентов методом личных продаж. Примером являются косметические компании «Мэри Кей», «Орифлэйм», «Эйвон», «Фаберлик»; поставщики, реализующие товары для здорового питания и биологически активные добавки: «Гербалайф», «АкваСорс», «Нью Скин Энтерпрайзес», посуду «Цептер» и др.

Рост торговли повлиял на устранение товарного дефицита и постепенное насыщение потребительского рынка товарами. Главными стратегиями развития торговых предприятий были ассортиментные, ценовые стратегии, территориальная приближенность к потребителю. Качество торгового обслуживания находилось на прежнем, низком уровне.

Основными инвестициями в развитии торговли были собственные средства предпринимателей для открытия собственного бизнеса в торговых точках небольших форматов.

II этап: 1995–2005 гг. – появление и развитие торговых сетей на отечественном рынке. Первые сети появились в Москве и Санкт-Петербурге, затем они стали распространяться в городах-миллионниках. Появились торговые сети супермаркетов «Седьмой континент», «Пятерочка», «Магнит», «Патэрсон», гипермаркеты «Лента» (сегмент FMCG); «М.Видео», «Мир», «Техносила», «Эльдорадо», реализующие бытовую технику и электронику; «Старик Хоттабыч», «Максидом» – товары для дома и др. В 1997 году появляется новый формат торговых предприятий – гипермаркеты, изменивших систему закупок. Роль оптовой торговли в товароснабжении торговых сетей уменьшается и даже сводится к нулю. В составе торговых сетей для их товароснабжения появляются распределительные центры. Так, торговая сеть «Магнит» открыла 23 распределительных центра по всей стране, имела 6000 машин для обеспечения транспортной логистики. Аналогичным образом работали другие лидеры российского ретейла: X5 Retail Group, «Дикси», «Лента» и другие сети.

На российский рынок приходят первые зарубежные сети: «Рамстор» (Турция, 1997 г.), «ИКЕА» (Швеция, 2001 г.), Metro (Германия, 2001 г.), SPAR (Голландия, 2001 г.) и др. Усиливается консолидация рынка.

Приход на российский рынок западных торговых сетей, имеющих огромный инвестиционный потенциал и большой опыт ведения торгового дела, сопровождался инновационными изменениями в российской торговле.

Таблица 1

Особенности инновационно-инвестиционных процессов в розничной торговле

Этапы	Инновационные трансформации на мезоуровне	Инновационные трансформации на микроуровне в менеджменте торговых организаций	Источник инвестиций
I этап: 1990–1994 гг.	Приватизация в торговле. Развитие предпринимательской деятельности. Рост малых предприятий в формате киосков, павильонов, мини-маркетов. Рост уличной торговли, появление торговых агентов, реализующих форму личных продаж	Ассортиментные, ценовые стратегии, территориальная приближенность к потребителю	Собственные средства российских предпринимателей для открытия собственного бизнеса
II этап: 1995–2005 гг.	Появление и развитие торговых сетей регионального и федерального масштаба. Приход международных сетей	Мерчандайзинг, товары под собственными торговыми марками, логистические инновации	Собственные и привлеченные средства российских предпринимателей для развития бизнеса. Участие западных компаний в финансировании торговых объектов
III этап: 2006–2010 гг.	Появляются и развиваются крупные торговые центры и моллы площадью более 100 000 кв.м. Крупные торговые сети становятся их якорными арендаторами. Переход к экономике «впечатлений»	Инновации во взаимодействии с клиентом: сервис; каналы продаж; бренд-инновации; вовлеченность в жизнь клиента, программы лояльности	Собственные и привлеченные средства девелоперов и торговых организаций. Альянс девелоперов и торговых организаций, интеграция капиталов финансовых, промышленных, торговых организаций
IV этап: 2011– февраль 2020 г.	Усиление консолидации рынка. Развитие и рост торговых сетей федерального масштаба, уход с российского рынка международных сетей. Увеличилась доля современных форматов торговых предприятий до 70%	Переход к созданию ценностных предложений. Кастомизация услуг розничной торговли. Клиентоориентированные стратегии	Собственные и привлеченные средства девелоперов и торговых организаций. Уменьшение инвестиций со стороны международных сетей
V этап: март 2020 г. – по наст. время	Развитие новой отраслевой бизнес-модели – электронной торговли. Замещение иностранных брендов российскими проектами. Омниканальные продажи	Масштабирование цифровых инноваций, их проникновение во все бизнес-процессы off-line торговли	Коллаборации торговых сетей в области инноваций

Зарубежные торговые сети привнесли на российский рынок новые, неизвестные до этого инновационные технологии совершенствования качества торговых услуг за счет инструментов мерчандайзинга. Инновационные решения мерчандайзинга стали распространяться в российских торговых сетях при планировке внутреннего пространства торговых объектов, формировании покупательской тропы, выкладке товаров на палетах и полках. Значительным инновационным стратегическим решением торговых сетей стали стратегии производства товаров под собственными торговыми марками [3, 8, 9]. Приход зарубежных сетей сопровождался активным инвестированием торговли со стороны иностранного капитала.

На примере города-миллионника Нижнего Новгорода можно наблюдать изменения как в количестве, так и в структуре форматов торго-

вых предприятий как в целом по городу, так и в отдельных административных районах.

Число торговых предприятий значительно выросло, особенно за счет роста специализированных предприятий в центральных районах города (Нижегородском районе) (рис. 1).

Вместе с тем наблюдается снижение предприятий смешанных форматов, что свидетельствует о постепенном переходе к формированию рационального ассортимента и качеству торгового обслуживания (рис. 2).

На этом этапе происходит активное инвестирование торговли западными компаниями в качестве финансовых партнеров («Пятерочка» и ЕБРР, «Дикси» и Citigroup). Эксперты международной компании А.Т. Kearney проводили исследования по выявлению наиболее привлекательных рынков для инвестирования на основании Global Development Index. В 2002 г., 2005 г.

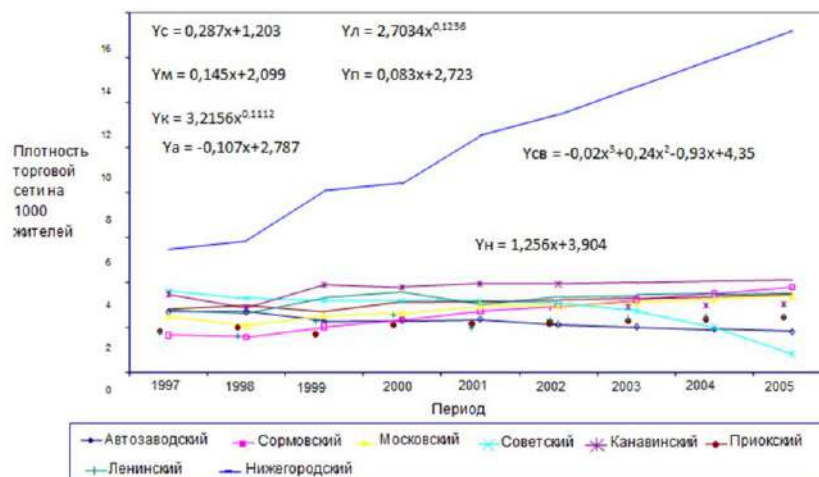

Рис. 1. Тенденция изменения числа торговых предприятий в Нижнем Новгороде за 1997–2005 гг.
Источник: разработано авторами

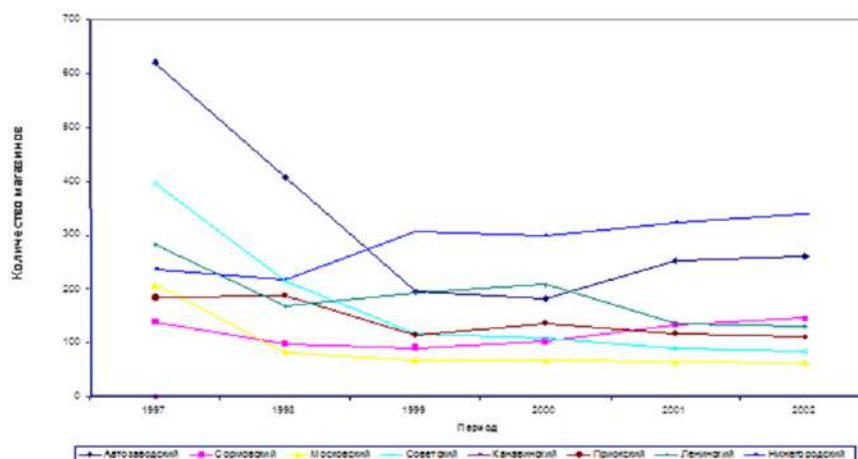

Рис. 2. Уменьшение числа торговых объектов мелкорозничной торговли в Нижнем Новгороде
Источник: разработано авторами

Россия занимала в этом рейтинге первое место, в 2003–2004 гг. – пятое место. Что касается привлекательности российской торговли для иностранных инвесторов, то в 2004 и 2005 г. отечественная торговля занимала соответственно первое и второе места в данном рейтинге [10].

В это период российская торговля активно развивалась за счет иностранных инвестиций. По оценкам международной аудиторской компании PricewaterhouseCoopers, в 2004 году в российскую торговлю было инвестировано почти 12 млрд долл., что составляет более 32% от общего объема иностранных инвестиций в экономику нашей страны.

III этап 2006 – 2010 гг. Особенностью этого периода, вызвавшей инновационно-инвестиционные трансформации, стало появление и масштабирование крупных торговых центров более 100 000 кв. м и моллов: «МЕГА Белая Дача» (300 000 кв. м), «Европейский» (180 000 кв. м), «Город» (134 000 кв. м), «Ашан Сити Капитолий» (130 000 кв. м) и др.

Вышеуказанные структуры данных форматов реализуют принципиально новые инновационные подходы: включение в состав торгового центра и молла не только торговых точек разной ассортиментной направленности, но и структур, включающих развлекательные или физкультурно-оздоровительные составляющие: кинотеатры, бассейны, ледовые катки, рестораны и др. Крупные торговые центры и моллы становятся местом не только покупок, но и развлечений, приятного времяпрепровождения. В торговые центры можно прийти с семьей, друзьями и провести там много времени. Таким образом, крупнейшим инновационным преобразованием становится переход к экономике впечатлений. Торговые услуги стали иметь эмоциональную выгоду.

Особенностью инвестиционных преобразований стало сотрудничество инвесторов – девелоперов и торговых сетей. Этот альянс является взаимовыгодным. Девелоперы заинтересованы в сотрудничестве с ритейлерами, т.к. спрос со сто-

роны торговых компаний стимулирует активность девелопмента. Торговые сети – лидеры российского рынка становятся якорными арендаторами моллов, обеспечивая трафик покупателей и рентабельность бизнеса. Такими якорями являлись: «М.Видео», «Техносила», «Мосмарт», «Перекресток», «Эльдорадо», «Спортмастер» и многие другие.

Кроме альянса девелоперов и торговых сетей, происходит слияние финансового, промышленного и торгового капитала: создаются объединения, корпорации торговых, промышленных, транспортных предприятий, предприятий сферы обслуживания: «Перекресток», «Седьмой континент», гипермаркеты, супермаркеты «Рамстор», «М.Видео», «Диал электроникс», «Техносила» и другие.

IV этап 2011 г. – февраль 2020 г. Характерной особенностью стало активное развитие и рост торговых сетей федерального масштаба. С каждым годом увеличивается число регионов, где доля оборота торговых сетей в общем обороте розничной торговли превышает 20%. С 2010 по 2015 год количество таких регионов увеличилось в 4.2 раза и стало составлять 63 региона. Укрепление позиций сетевого ретейла наблюдается на всей территории Российской Федерации [11, с. 643–648].

На данном этапе происходит ускоренный уход с российского рынка международных торговых сетей. Так, в 2014–2015 гг. с российского рынка ушли 16 зарубежных торговых сетей: в том числе 14 из сегмента одежды, по одному из сегментов товаров для дома и парфюмерии и косметики; всего в 2014–2015 гг. с российского рынка ушла 51 торговая сеть [12].

Доля форматов современных торговых предприятий (гипермаркетов, супермаркетов, универсамов, гастрономов) увеличилась и по итогам 2019 г. составила более 70%. Однако это ниже, чем в зарубежной практике, где этот показатель составляет: во Франции – почти 80%, в Польше – 82%, в Чехии, в Германии, в США – от 85 до 88.5% [6].

Несмотря на уход международных сетей, происходит дальнейшая консолидация рынка. По итогам 2019 г. доля пяти ведущих розничных сетей в России составила 29%.

Консолидация потребительского рынка усилила конкуренцию в розничном ретейле. Инновационным подходом в стратегическом менеджменте становятся стратегии создания ценностных предложений, когда ценностью становится торговая услуга [13].

В наиболее обобщенном виде потребительская ценность товаров предложена в работе С.Ю. Полонского. Автор выделяет шесть харак-

терных групп ценности товаров: сам товар с присущими ему потребительскими свойствами и дополнительные ценности в виде различных маркетинговых, коммерческих, финансовых, организационных составляющих [14].

По нашему мнению, такой подход к пониманию ценности отражает все общепринятые характеристики ценности. Вместе с тем потребительская ценность товаров народного потребления имеет свои особенности, которые необходимо учитывать при управлении потребительской ценностью. Рынок B2C в силу своей насыщенности в отличие от рынка товаров B2B характеризуется большой дифференциацией товаров и, соответственно, особенностями потребительской ценности. В этой связи для товаров рынка B2C, к которым относятся товары народного потребления, товарные характеристики необходимо выделить в отдельную группу и углубить их в соответствии с назначением товаров. В теории товароведения эти характеристики называются потребительскими свойствами товаров и делятся на группы: социального назначения, функциональные, надежность в потреблении, эргономичность, эстетичность, безопасность потребления, экологичность. Потребительские свойства в нашем понимании ценности являются ядром потребительской ценности. Очевидно, что значимость этих свойств для разных товаров отличается. Так, для органических продовольственных товаров на первое место из всех потребительских свойств выступают экологические свойства, для большинства других продовольственных товаров – пищевая ценность, для тортов это могут быть эстетические свойства и т.д. Те потребительские свойства, которые важны для потребителя в большей степени, являются функциональными. Помимо ядра потребительской ценности, выступают различные атрибуты, которые определяют ценностное предложение для потребителя. Они, как правило, создаются после производства товара в последующих звеньях цепи. Особую роль в создании ценностного предложения имеют торговые организации, обеспечивая клиентоориентированность и качество торгового обслуживания. Сервисные характеристики определяются формой торговли, методом продажи, технологиями обслуживания, наличием дополнительных услуг, инновационными составляющими. Они составляют эмоциональные выгоды и затраты.

В рамках концепции ценностного предложения появляются возможности улучшить потребительские свойства под индивидуальные потребности; участие потребителей в сопроизводстве ценностного предложения [15].

В условиях усиления конкуренции на рынке ритейлинга начинают развиваться новые стратегии клиентоориентированности [16].

V этап – с марта 2020 г. по наст. время – омниканальность и масштабирование цифровых инноваций.

Пандемия 2020 года детерминировала развитие новой отраслевой модели – электронной торговли и омниканальные системы сбыта торговых организаций.

За период с 2011 по 2019 год онлайн-продажи в России выросли почти в 7 раз. С начала пандемии эти процессы заметно ускорились. Рост электронной торговли в 2020 году составил 78% по сравнению с 2019 годом. За 2020 год было доставлено 883 млн отправок – на 35% больше, чем в 2019 году. Основным фактором роста электронной торговли становится рост числа заказов на основе повторных и новых покупок, перекрывающих рост за счет средней суммы заказа. Ассортимент товаров электронной торговли достаточно обширен, но наибольший рост наблюдается в категории FMCG – 145%.

Тенденция перехода в онлайн-пространство продолжает сохраняться. В 2022 году динамика онлайн-заказов составила 65%. Объем рынка в рублях вырос на 38% [17].

Инновационные технологии распространяются по всем бизнес-процессам торговых организаций off-line, формируя новые бизнес-модели и омниканальные системы быта. Эффективные торговые сети – лидеры российского рынка, занимающие высокие позиции в международном рейтинге британской консалтинговой фирмы Deloitte Touche Tohmatsu Limited, разрабатывают стратегии, основанные на цифровых инновациях [18]. Так, в сегменте FMCG (fast moving consumer goods – продовольственные товары повседневного спроса) торговые ритейлеры ООО «Тандер» (торговая сеть «Магнит») и X5 Retail Group (торговые сети «Пятерочка», «Перекресток», «Карусель») являются лидерами в разработке IT-продуктов. Этой же стратегии придерживаются и другие лидеры российского ритейла, занимающие ведущие позиции в мировом рейтинге самых успешных торговых сетей мира по итогам финансового 2021 года: «Меркурий ритейл холдинг», «Лента», «ДНС ритейл», «М.Видео», «Дикси Групп» [19, 20].

На фоне указанных тенденций вопросы развития отечественной торговли в условиях пандемии и новых вызовов находятся в центре внимания исследователей [8, 21–24].

Новый этап развития торговли ознаменовался новыми трендами в инвестировании инновационной деятельности торговых сетей – коллабо-

рации ритейлеров в области инноваций. Ряд торговых сетей разрабатывают новые инновационно-инвестиционные проекты: X5 Retail Group, «Билайн», «М.Видео-Эльдорадо», Hoff создали альянс по поиску и внедрению инноваций Retail Innovation Tech Alliance. Участники совместного проекта делятся внутри альянса лучшими практиками и кейсами стартапов. В финансировании участвуют все игроки на паритетной основе. И таких практик инвестирования инноваций в развитии торговли становится все больше.

Заключение

В результате проведенного исследования выявлены особенности развития розничной торговли, связанные с инновационно-инвестиционными преобразованиями торговли на этих этапах:

I этап – приватизация и развитие предпринимательства;

II этап – зарождение и рост торговых сетей;

III этап – строительство крупных более 100000 кв. м торговых центров и моллов;

IV этап – усиление консолидации сетевой торговли;

V этап – масштабирование цифровых инноваций, омниканальность, развитие новой отраслевой бизнес-модели – электронной торговли.

Выявлены особенности трансформаций торговли на мезоуровне и на микроуровне.

Определены подходы к инвестированию торговли: от частных капиталов предпринимателей на развитие собственного бизнеса (на I-м этапе) до коллабораций торговых сетей в области цифровых инноваций (5-й этап).

Данное исследование является основой для наших дальнейших исследований, в частности, в решении таких научных проблем, как определение современных подходов к классификации инноваций на предмет их соответствия выявленным новым практическим реалиям; исследование эффективности торговых организаций под влиянием цифровых инноваций.

Список литературы

1. Азоев Г.Л., Быкова О.Н., Гарнов А.П. и др. Развитие экономических систем в цифровой экономике: маркетинг, сфера услуг, логистика / Под ред. И.Б. Стукаловой, Р.Р. Сидорчука, О.В. Сагиновой [и др.]. М.: ООО «Русайнс», 2020. 262 с.
2. Синявская Е.Е. Современные парадигмы российского ритейла // Петербургский экономический журнал. 2020. № 3. С. 32–42.
3. Чкалова О.В., Ефремова М.В. Доминирование торговли в цепях поставок под влиянием торговых сетей // Вестник Нижегородского университета им.

- Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 1 (45). С. 61–67.
4. Маркин М.Е. Разлад координации в деловых отношениях участников рынка: к развитию экономической теории конвенций // Теоретическая экономика. 2013. № 6. С. 9–16.
5. Красюк И.А., Руднева Т.С. Обеспечение инновационного развития розничной торговли в условиях цифровизации: анализ опыта российских и зарубежных компаний // Экономический рост как основа устойчивого развития России: Сборник статей V Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 30-летию образования налоговых органов РФ, Курск, 12–13 ноября 2020 года. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2020. С. 262–267.
6. Попенкова Д.К., Стукалова И.Б. Трансформация розничной торговли в условиях цифровизации // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 2-1. С. 89–99.
7. Ramazanov I.A., Panasenko S.V., Cheglov V.P. et al. Retail Transformation under the Influence of Digitalisation and Technology Development in the Context of Globalisation // Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity. 2021. № 1. P. 1–21.
8. Шнорр Ж.П. Адаптация ритейла в условиях новых вызовов и внешних ограничений // Потребительский рынок: устойчивое развитие в условиях новых вызовов: Сборник материалов Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Новосибирск, 10 ноября 2022 года / Под ред. Ю.Ю. Миллер. Новосибирск: Сибирский университет потребительской кооперации, 2022. С. 73–77.
9. Красильникова Е.А., Липатов Н.С. Собственные торговые марки розничных торговых сетей как устойчивая тенденция развития торговли // Лизинг. 2023. № 1. С. 25–31.
10. Global Development Index [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www. Kearney.com/documents/291362523/291368136/GRDI_2005.pdf/70b8727f-69ad-732a-38a2-6c4406b69d8b?t=1497349362000 (дата обращения: 01.10.2023).
11. Чкалова О.В. Опыт развития торгово-развлекательных центров в России // Современная торговля: теория, практика, перспективы развития: Материалы Первой Российской инновационной научно-практической конференции. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2012. С. 643–648.
12. Knight Frank [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.knightfrank.ru/> (дата обращения: 02.02.2023).
13. Chkalova O.V., Efremova M.V., Muranova T.D. The Efficiency of Service Sector Organizations on the Basis of Customer Satisfaction // International Scientific Conference «Global Challenges of Digital Transformation of Markets – GDTM 2020». 24–25 September, 2020. Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Digitalization of trade networks and global markets. 2021. P. 122–128.
14. Полонский С.Ю. Стратегическое управление прибыльным ростом корпорации. СПб.: Изд-во СПбГАСУ, 2007. 233 с.
15. Медведева Ю.Ю., Воронов А.А., Волненко В.Н. Омниканальность как маркетинговая стратегия развития торговли // Актуальные проблемы науки и техники. 2022: Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 16–18 марта 2022 года / Отв. редактор Н.А. Шевченко. Ростов-на-Дону: Донской государственный технический университет, 2022. С. 394–395.
16. Парамонова Т.Н. Омниканальные продажи – перспективное направление развития розничной торговли России // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2017. № 11. С. 54–59.
17. Маркетинговое исследование «Интернет-торговля в России 2022» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://datainsight.ru/eCommerce_2022 (дата обращения: 02.02.2023).
18. Аналитический отчет компании Deloitte. Мировой сектор розничной торговли 2021 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://exportpartner.com/wp-content/uploads/2023/05/deloitte-nl-consumer-global-powers-of-retailing-2023.pdf> (дата обращения: 07.10.2023).
19. Брежнева В.М., Долгих О.С. Массовая кастомизация услуг розничной торговли // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2014. № 2 (50) С. 326–332.
20. Латышова Л.С., Липсиц И.В., Ойнер О.К. и др. Клиентоориентированность: исследования, стратегии, технологии: Монография. М.: ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2020. 241 с.
21. Жатикова Д.В., Полторако А.В., Матковская Я.С. Элементы цифрового маркетинга для формирования коммуникаций с потребителями // Российские регионы в фокусе перемен: Сборник докладов XVII Международной конференции, Екатеринбург, 17–19 ноября 2022 года. Екатеринбург: ООО «Издательский Дом «Ажур», 2023. С. 559–561.
22. Chkalova O.V., Bolshakova I.V., Kopasovskaya N.G. et al. Online food trade in non-capital regions // Global Challenges of Digital Transformation of Markets. New York: Nova Science Publishers, Inc., 2021. P. 143–157.
23. Симачев Ю.В., Федюнина А.А., Ершова Н.В., Мисихина С.Г. Российская розничная торговля до, во время и после коронакризиса // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2021. № 5 (563). С. 29–52.
24. Сейфуллаева М.Э., Чеглов В.П., Панасенко С.В. Проблемы и перспективы розничной торговли в России: первые итоги влияния пандемии и что нас ждет в обозримом будущем // Маркетинг в России и за рубежом. 2021. № 1. С. 75–84.

**DEVELOPMENT OF RETAIL TRADE IN THE CONTEXT INNOVATION
AND INVESTMENT TRANSFORMATIONS***O.V. Chkalova, T.D. Muranova*

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

It is shown that modern retail trade in Russia has stable development trends and is becoming a leading sector of the economy. It is indicated that trade from an intermediate link in the commodity distribution system has been transformed into a dominant sector that controls other participants in the supply chain. Trends in the development of retail trade under the influence of innovation and investment transformations have been studied. The features of innovation and investment transformations at the meso and micro levels are revealed. The evolution of innovations in trade from privatization to the use of digital innovations and the emergence of a new industry business model - electronic commerce - is shown. The features of trade investment from private capital of entrepreneurs at the 1st stage to collaborations of retail networks in the field of innovation at the last 5th stage were studied.

Keywords: retail trade, retail chains, innovation and investment transformations, value propositions, e-commerce, digitalization, collaborations, consumer value.

УДК 338.45

DOI 10.52452/18115942_2024_1_49

СПЕЦИФИКА И ФАКТОРЫ ОТРАСЛЕВЫХ СТРУКТУРНЫХ СДВИГОВ В УСЛОВИЯХ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РОСТА ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ

© 2024 г.

А.И. Шинкевич, Ф.Ф. Галимулина

Шинкевич Алексей Иванович, д.э.н.; д.т.н.; проф.; заведующий кафедрой логистики и управления
Казанского национального исследовательского технологического университета
shinkevichai@corp.knrtu.ru

Галимулина Фарида Фидаиловна, к.э.н.; доц.; доцент кафедры логистики и управления
Казанского национального исследовательского технологического университета
galimulinaff@corp.knrtu.ru

*Статья поступила в редакцию 27.12.2023**Статья принята к публикации 31.01.2024*

Тектонические перемены, протекающие в мировых масштабах, обуславливают необходимость поиска наиболее действенных инструментов и механизмов управления развитием отечественной промышленности. Современные инструменты управления развитием промышленных систем по-разному влияют на степень эффективности системы. Данный тезис заложен в основу гипотезы настоящего исследования, которая заключается в предположении о наличии факторной специфики отраслевых структурных сдвигов. Исходя из гипотезы определена цель исследования – выявление причинно-следственных связей между факторами структурных сдвигов и динамикой развития разнородных промышленных систем. Методами исследования послужили анализ рядов динамики, сравнительный анализ, корреляционный анализ, описание. Результатами исследования стали следующие сформулированные положения: обоснован подход к измерению структурных сдвигов, учитывающий значимость опережающего роста обрабатывающей промышленности в условиях укрепления технологического суверенитета страны; идентифицированы предпосылки структурных изменений в разрезе разнородных промышленных систем. Сформулированы выводы о неравномерном во времени вкладе исследуемых промышленных систем в формирование совокупной валовой добавленной стоимости; в добывающих промышленных системах структурный сдвиг определяется эффективностью управления ресурсами, в обрабатывающей – кооперацией. Сформулированные выводы могут быть приняты в качестве основы для совершенствования механизмов управления обрабатывающими производствами и приоритизации мероприятий в области развития технологической независимости.

Ключевые слова: отраслевые структурные сдвиги, структурные изменения, мезопромышленные системы, добывающая промышленность, обрабатывающая промышленность, опережающий рост, локализация производства, технологический суверенитет, корреляционная плеяда.

Введение

На фоне протекающих в мировой жизни тектонических перемен перед российской экономикой открылось «окно возможностей» для осуществления технологического прорыва, опережения действующих мировых лидеров в сфере технологий. Тесное сотрудничество науки, бизнеса и государства призвано стать фундаментом развития технологического суверенитета и национальной безопасности. Сегодня государством разработаны меры поддержки развития промышленности и подготовки кадрового обеспечения для решения конкретных технологических задач. Научно-исследовательская составляющая непрерывно занимается разработкой и совершенствованием эффективных технологических решений. Однако по-прежнему существует разрыв между научными разработками и спросом на них со стороны промышлен-

ного сектора экономики. Кооперация (в формате кластерных взаимодействий, технологических платформ, консорциумов и пр.) признается эффективным механизмом развития, способным внести вклад в повышение уровня импортнезависимости российской экономики [1].

Помимо кооперации, перед современными экономическими системами (промышленными системами) открыт широкий выбор действенных инструментов, способных оптимизировать производственные процессы, повысить эффективность управления ресурсами, укрепить конкурентные преимущества на фоне высокой динамики рыночной конъюнктуры. К числу таких инструментов относятся инновации, информационно-коммуникационные технологии, когнитивные технологии, наилучшие доступные технологии и прочие. Выбор в пользу тех или иных технологических решений обусловлен ситуационными факторами (стратегия развития экономической

системы; объем данных, подлежащих обработке в целях повышения качества управления информацией и принятия эффективных управленческих решений; квалификационное кадровое обеспечение и т.д.) и имеющимися ресурсами.

В свою очередь, интегрируемые в систему управления инструменты по-разному влияют на уровень эффективности системы. Данный тезис заложен в основу гипотезы настоящего исследования, которая заключается в предположении о наличии факторной специфики отраслевых структурных сдвигов.

Исходя из гипотезы определены цель и задачи исследования. Цель – выявление причинно-следственных связей между факторами структурных сдвигов и динамикой развития разнородных промышленных систем. К задачам исследования относится следующее:

1) обосновать методику измерения отраслевых структурных сдвигов в условиях опережающего роста обрабатывающей промышленности России;

2) определить предпосылки структурных изменений в разрезе разнородных промышленных систем.

Теоретико-методологические подходы

В центре внимания настоящего исследования находятся структурные сдвиги, отмечаемые в российской промышленности. Изучению данной категории посвящен обширный массив научных трудов. Так, О.С. Сухарев делает акцент на изменении взаимосвязей между элементами экономической системы, отмечая их влияние на качественные изменения в национальной экономике [2]. В терминах пропорций элементов системы и их изменения во времени структурные сдвиги освещены в работе М.И. Абузаровой [3]; с точки зрения экономической конвергенции Е.А. Таран уточняет дефиницию конвергентного структурного сдвига, т.е. изменений, способствующих сближению национальной экономики с технологическими лидерами [4].

Поскольку в настоящее время российская экономика решает задачу обеспечения технологического суверенитета, то важным становится развитие отечественных производственных систем, способных выводить на рынок собственную конкурентоспособную высокотехнологичную конечную продукцию. Важная роль в решении данной задачи возлагается на российскую обрабатывающую промышленность: рост индекса производства отечественной продукции, превалирование темпов роста обрабатывающей промышленности над соответствующим показателем в области добычи полезных иско-

паемых. В связи с этим в условиях глобальных трансформационных процессов и необходимости преодоления проблем сырьевой экономики под структурным сдвигом предлагаем понимать изменение превалирования динамических показателей от добывающих производственных систем к обрабатывающим.

В целях выявления закономерностей структурных сдвигов в российской промышленности предложено исследовать факторы отраслевых изменений. К факторам структурных сдвигов ученые относят эндогенные (экономические: рыночные шоки, финансовые кризисы, изменение темпов трудовой миграции, динамика инвестиций и пр.) и экзогенные (неэкономические: темпы инновационного развития, межотраслевая инновационно-технологическая кооперация и др.) [5]; рыночно-конъюнктурный, инвестиционный, институциональный, конвергентно-технологический, внешнешоковый [6]; экспортная ориентация и импортозамещение [7]; асимметричное экономическое развитие территорий страны [8]; интеллектуализация кадров, повышение патентной активности, использование отечественных технологий в производстве, освоение новых рынков и т.д. [9]; конвергентно-технологическое развитие [10, 11].

С позиции методического подхода интерес представляют обобщающие положения, изложенные в трудах А.Н. Петрова [12], С.В. Ореховой и Е.В. Кислицына [13], А.В. Аксяновой и Ю.В. Хайрутдиновой [14] и других ученых. Отмечается использование распространенных методов исследования: коэффициент абсолютных структурных сдвигов и средний квадратический коэффициент абсолютных структурных сдвигов [15], нормированный линейный коэффициент абсолютных структурных сдвигов [16], интегральный коэффициент структурных различий (сдвиг) К. Гатева [17], уровень относительных различий структур [18] и пр. В целом все показатели классифицируются на абсолютные (масса структурного сдвига) и относительные (индексы).

Вместе с тем в методических подходах к измерению структурных изменений слабо освещены вопросы значимости опережающего роста обрабатывающей промышленности, в связи с чем предложен авторский подход к диагностике развития промышленных систем в России. Поскольку в условиях перехода к новой модели экономики (ее основа – кадровый, финансовый и технологический суверенитет [19]) доминирует приоритетность развития обрабатывающей промышленности, то предложено использовать относительные показатели отраслевых структурных сдвигов и их соотношение на макроэкономическом уровне:

$$R_{\text{обр}} = d_{\text{обр}(1)} / d_{\text{обр}(0)},$$

$$R_{\text{доб}} = d_{\text{доб}(1)} / d_{\text{доб}(0)},$$

$$R = R_{\text{обр}} / R_{\text{доб}},$$

где $R_{\text{обр}}$, $R_{\text{доб}}$ – структурные сдвиги в сфере обрабатывающих производств и добычи полезных ископаемых соответственно; R – структурный сдвиг в макропромышленной системе; $d_{\text{обр}}$, $d_{\text{доб}}$ – доля валовой добавленной стоимости обрабатывающих производств и добывающей промышленности в структуре совокупной валовой добавленной стоимости соответственно; (1) и (0) – текущий и базисный периоды соответственно.

Оценивать полученные значения показателя предлагается следующим образом: чем большее значение принимает R , тем более существенным является структурный сдвиг в обрабатывающих промышленных системах относительно сферы добычи полезных ископаемых. Данный показатель также в определенной степени отражает процесс локализации производства в России.

Также предложено различать позитивный ($R_{\text{обр}}$ выше 1 или $R_{\text{доб}}$ ниже 1), негативный ($R_{\text{обр}}$ ниже 1 или $R_{\text{доб}}$ выше 1) и сбалансированный позитивный ($R_{\text{обр}}$ выше 1 и $R_{\text{доб}}$ ниже 1) характер структурных изменений в промышленности России.

В целях выявления факторов, определяющих структурные изменения в двух типах промышленных систем, предложено исследовать взаимосвязи показателя структурного сдвига в макропромышленной системе (R), факторов отраслевых структурных изменений с категориями эффективности, отражающими уровень управления ресурсной базой. Массив входных переменных охватывает следующий набор показателей (в разрезе разделов ОКВЭД – В «Добыча полезных ископаемых» и С «Обрабатывающие производства»):

- рентабельность произведенной продукции ($R_{\text{пр}}$);
- материалоотдача (МО) – отношение объема реализованной продукции к величине материальных затрат на производство и реализацию;
- производительность труда (ПТ) – отношение валовой добавленной стоимости к количеству отработанного времени;
- фондоотдача (ФО) – отношение объема реализованной продукции к стоимости основных фондов;
- энергоотдача (ЭО) – отношение объема реализованной продукции к объему потребления топливно-энергетических ресурсов;
- цифровизация (ЗЦ) – эффективность затрат на цифровизацию;
- локализация производства (ЭЛ) – эффективность локализации, рассчитанная согласно авторской методике [20];
- кооперация (К) – доля организаций отрасли, участвовавших в совместных проектах по выполнению НИОКР в составе бизнес-группы;

– инновационная деятельность (И) – доля инновационной продукции.

Уточняя методику расчета эффективности локализации производства, подчеркнем, что если ранее [20] расчет показателя осуществлялся в разрезе сырья, машин и оборудования и запасных частей, то в настоящем исследовании данная дифференциация не используется, а введен принцип взвешивания: мероприятиям в области замены сырья присвоен весовой коэффициент 0,4, в сфере замены машин и оборудования – 0,4, замены запчастей – 0,2. Для блока обрабатывающей промышленности приняты средние значения суммы взвешенных коэффициентов по всем обследованным отраслям (пищевая, легкая промышленность, химическое производство, фармацевтика, резина и пластмасса, прочая минеральная продукция, металлургия, электрооборудование, автотранспортные средства, прочие готовые изделия).

Эмпирическая база сформирована по данным Федеральной службы государственной статистики [21], Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» [22], а также сведениям, опубликованным в аналитической записке «Ограничения на импорт сдерживают экспорт: результаты опроса предприятий» Банка России [23]. Массив данных, подлежащих анализу, представлен в таблице 1.

Исходя из вышесказанного, исследование включает в себя следующие этапы:

- 1) выявление закономерностей развития отраслей российской экономики (обрабатывающей и добывающей промышленности);
- 2) определение характера структурных изменений в промышленности России;
- 3) оценка причинно-следственных связей между факторами структурных сдвигов и динамикой развития обрабатывающих и добывающих промышленных систем;
- 4) установление предпосылок структурных изменений в разрезе разнородных промышленных систем.

Методами исследования послужили анализ рядов динамики, сравнительный анализ, корреляционный анализ, описание.

Диагностика структуры русской промышленности в условиях опережающего роста обрабатывающей промышленности России

На первом этапе исследования оценена структурная динамика промышленных производств. Тенденции развития обрабатывающей промышленности более предсказуемы и равномерны, о чем свидетельствует высокое значение

Таблица 1

Показатели развития промышленных систем в России (рассчитано авторами на основе [21–23])

Добывающие промышленные системы									
	R _{пр}	МО	ПТ	ФО	ЭО	ЗЦ	ЭЛ	К	И
2011	31.4	3.76	2596	0.76	119	288	4.63	56.4	6.7
2012	28	4.03	2875	0.73	127	197	4.63	47.6	6.5
2013	22.1	3.80	3077	0.65	134	174	4.63	43.6	6.0
2014	19.2	3.84	3215	0.62	125	269	3.06	52.5	7.2
2015	24.9	3.99	3671	0.61	143	221	3.06	52.6	3.7
2016	26.2	3.71	3726	0.54	144	304	3.06	45.9	4.0
2017	24.6	3.97	4501	0.58	177	331	3.06	48.5	3.9
2018	31.4	4.95	6131	0.68	228	339	3.06	46.2	3.6
2019	28	4.50	6181	0.62	228	381	3.06	56.5	3.8
2020	21.9	3.64	4596	0.47	169	274	3.06	53.3	3.1
2021	35.5	4.78	7675	0.67	250	295	3.06	54.7	3.6
Обрабатывающие промышленные системы									
	R _{пр}	МО	ПТ	ФО	ЭО	ЗЦ	ЭЛ	К	И
2011	13.2	1.70	351	2.57	79	391	7.53	33.8	6.8
2012	10.7	1.68	397	2.55	87	268	7.53	32.7	9.6
2013	8.8	1.70	419	2.36	94	302	7.53	2.6	11.6
2014	9.9	1.72	459	2.19	107	254	4.36	32.5	9.9
2015	11.9	1.82	542	2.32	132	220	4.36	34.3	10.6
2016	10.1	1.68	524	2.20	133	366	4.36	34.6	10.9
2017	10.9	1.64	591	2.04	140	291	4.36	34.2	8.6
2018	12	1.73	703	2.14	161	270	4.36	35	7.7
2019	11.5	1.70	756	2.08	169	229	4.36	36.3	7.7
2020	11.6	1.86	797	2.03	180	220	4.36	40.9	8.5
2021	16.2	1.80	997	2.32	230	206	4.36	41.4	7.1

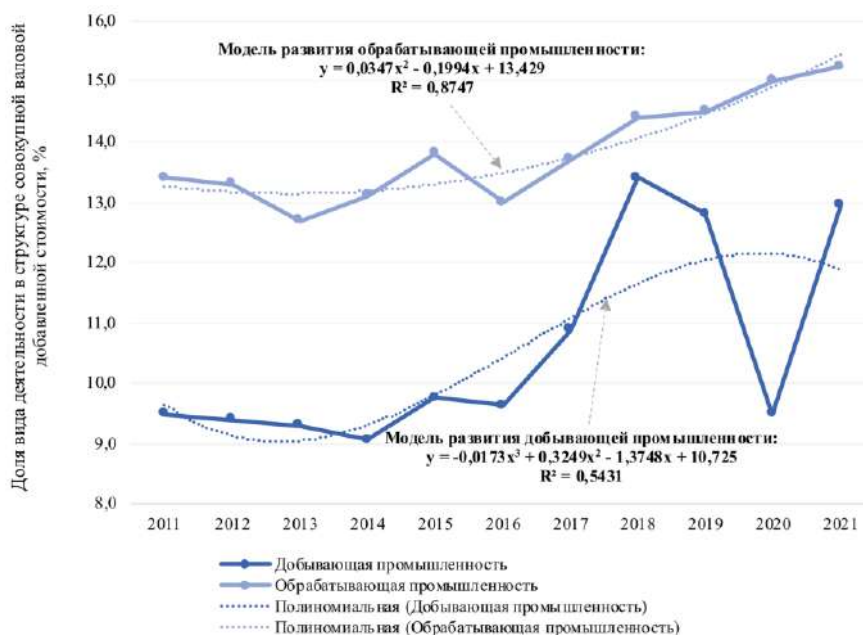

Рис. 1. Динамика развития промышленности в России (построено по данным [21])

достоверности аппроксимации R^2 (87% для полинома 2-й степени); менее стабильным элементом в структуре совокупной валовой добавленной стоимости является добывающая промышленность – качество тренда невысокое даже для полинома 3-й степени – 54% (рис. 1).

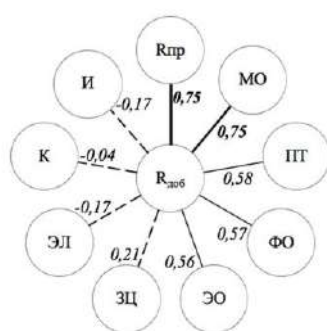
На втором этапе рассчитаны индексы R_i , позволяющие судить об особенностях струк-

турной трансформации промышленности в России. В таблице 2 представлены значения структурных сдвигов в разрезе отраслей промышленности, а также характер сдвигов. В целом отметим неравномерный во времени вклад исследуемых видов деятельности в формирование совокупной валовой добавленной стоимости. Опираясь на изложенные выше методические

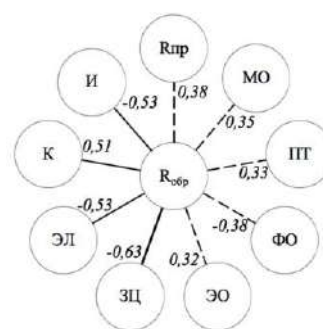
Таблица 2

Характер отраслевых структурных сдвигов в России (рассчитано авторами на основе [21])

Год	Добывающая промышленность		Обрабатывающая промышленность	
	Измерение структурного сдвига ($R_{доб}$)	Характер	Измерение структурного сдвига ($R_{обр}$)	Характер
2012	0.989	позитивный	0.993	негативный
2013	0.989	позитивный	0.955	негативный
2014	0.975	позитивный	1.031	позитивный
2015	1.077	негативный	1.053	позитивный
2016	0.987	позитивный	0.942	негативный
2017	1.131	негативный	1.054	позитивный
2018	1.230	негативный	1.051	позитивный
2019	0.955	позитивный	1.007	позитивный
2020	0.742	позитивный	1.034	позитивный
2021	1.365	негативный	1.016	позитивный

а) Добывающая промышленность

б) Обрабатывающая промышленность

Рис. 2. Корреляционные плеяды зависимостей факторов структурных сдвигов (построены авторами по результатам корреляционного анализа)

положения, можем констатировать сбалансированный позитивный характер структурных сдвигов в 2014, 2019 и 2020 годах.

Предпосылки структурных изменений в разрезе разнородных промышленных систем

В основе третьего этапа лежит оценка корреляционных зависимостей между значением структурных сдвигов и показателями, отражающими эффективность управления ресурсами и организации процессного подхода (цифровизации, кооперации, локализации производства). Для этого использованы данные таблиц 1 и 2, а также инструмент Excel – «Корреляция». На рисунке 2 отражены парные связи в виде корреляционных плеяд. Пунктирные линии отражают слабую силу связи, сплошные линии – высокую и заметную силу связи. Очевидны особенности, отличающие обусловленность структурных изменений в двух исследуемых типах систем.

По результатам корреляционного анализа на четвертом этапе исследования выявлены существенные факторы, детерминирующие характер структурных изменений, отмеченных в таблице 2.

Коэффициенты парной корреляции, отраженные на рисунке 2а, позволяют констатировать, что в добывающих промышленных системах структурный сдвиг определяется преимущественно классическими категориями эффективности (эффективности управления ресурсами – материальными, трудовыми, энергетическими, а также основными фондами):

- рентабельностью произведенной продукции (коэффициент корреляции $r = 0.75$);
- материалоотдачей ($r = 0.75$);
- производительностью труда ($r = 0.58$);
- фондоотдачей ($r = 0.57$);
- энергоотдачей ($r = 0.56$).

Напротив, структурные изменения в обрабатывающей промышленности обусловлены реализацией современных механизмов и инструментов (рисунок 2б):

- цифровизацией ($r = -0.63$);
- локализацией производства ($r = -0.53$);
- кооперацией ($r = 0.51$);
- инновационной деятельностью ($r = -0.53$).

Отмеченная ранее высокая значимость кооперации подтверждается относительно высоким значением корреляции. Положительное значение

свидетельствует о прямом влиянии совместных проектов на реструктуризацию российской промышленности, отвечающей принципам современного технологического развития страны.

Обратим внимание на обратные зависимости. Вложения в цифровую трансформацию предприятий обрабатывающей промышленности, инновационная деятельность и процессы локализации дают сильную, но обратную связь. В контексте затрат на внедрение и использование цифровых технологий, с одной стороны, их эффективность снижается: если в 2011 году на каждый рубль отмеченных затрат приходилось 390.6 руб. реализованной продукции, то в 2021 году показатель составил 205.6 руб./руб. (таблица 1). Темпы роста затрат на внедрение современных информационно-коммуникационных технологий превышают индексы производства (в целом за анализируемый период соотношение темпов роста различается в 2 раза). Как следствие, потенциал цифровизации предприятий обрабатывающей промышленности реализуется недостаточно эффективно.

Показатель эффективности локализации производства отражает дифференцированный подход к оценке проектов импортозамещения [20]. Если до 2014 года источник технологий не имел принципиального значения, приоритет отдавался импорту готовых изделий независимо от страны-поставщика, то на активной стадии развития технологического суверенитета (2014–2021 годы) предложено считать эффективными меры по импортозамещению (в том числе поставки из альтернативных стран). Безусловно, промышленным системам сложно в сжатые сроки адаптироваться к новым требованиям промышленной политики, форсировать перестройку технологических процессов с учетом перехода на отечественные аналоги. Выявленная связь ($r(R_{обз}; \text{ЭЛ}) = -0.53$) свидетельствует о негативных структурных сдвигах трансформирующей обрабатывающей промышленности.

Говоря об инновационной продукции, реализуемой отраслевыми предприятиями, отметим неравномерность ее выпуска – в 2011 году ее доля составляла 6.8%, в 2013 году увеличилась до 11.6%, к концу 2021 года сократилась до 7.1%. Нестабильность выпуска данной категории продукции негативно сказывается на структурных изменениях, как следствие, требуется совершенствование механизмов кооперации между предприятиями обрабатывающей промышленности и научно-исследовательскими организациями. В противном случае – разработки, игнорируемые промышленностью, препятствуют приращению инновационных результатов производства, как следствие, сдерживают усиление конкурентных преимуществ отечественной промышленности.

Заключение

Тектонические перемены, протекающие в мировых масштабах, обуславливают необходимость поиска наиболее действенных инструментов и механизмов управления развитием отечественной промышленности. Проведенное исследование подтверждает сформулированную выше гипотезу о наличии факторной специфики отраслевых структурных сдвигов. В процессе обоснования гипотезы и достижения цели исследовательской работы получены следующие научные результаты:

- обоснован подход к измерению структурных сдвигов, учитывающий значимость опережающего роста обрабатывающей промышленности в условиях укрепления технологического суверенитета страны, применимый для выявления характера структурных сдвигов как в разрезе промышленных систем, так и в комплексе, что позволяет выделять наилучшие практики в управлении развитием мезоэкономических (промышленных) систем; апробация подхода позволила констатировать неравномерный во времени вклад исследуемых видов деятельности в формирование совокупной валовой добавленной стоимости;

- методом корреляционного анализа идентифицированы предпосылки структурных изменений в разрезе разнородных промышленных систем, заключающиеся в различии обусловленности структурных изменений: в добывающей промышленности превалирует управление ресурсами, в обрабатывающей – кооперация, а также цифровая трансформация, локализация производства и импортозамещение, инновационная деятельность.

Сформулированные выводы могут быть приняты в качестве основы для совершенствования механизмов управления развитием обрабатывающих производств и приоритизации мероприятий в области развития технологической независимости. К сожалению, наличие разрыва между наукой и бизнесом негативно сказывается на отраслевых структурных сдвигах, а кооперация, наоборот, способствует формированию конкурентоспособной макроэкономической промышленной системы. Предложенный подход может быть также применен в отношении отдельных видов деятельности в обрабатывающем секторе промышленности.

Список литературы

1. Андрей Шпиленко: «Готовится глобальная «перезагрузка» кластеров» // Сайт Ассоциации кластеров, технопарков и ОЭЗ России. URL: <https://akitr.ru/press-center/publikacii-v-smi/andrey-shpilenko-gotovitsya-globalnaya-perezagruzka-klasterov/> (дата обращения: 26.12.2023).

2. Сухарев О.С. Структурная политика в экономике России: условия формирования // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. Т. 10. № 3 (240). С. 2–8.
3. Абузярова М.И. Методологические основы структурных сдвигов в экономике // Экономические науки. 2011. № 4 (77). С. 181–185.
4. Таран Е.А. Конвергентные структурные сдвиги в экономике: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2020. 27 с. [Текст из электронной базы данных РГБ, открытый доступ].
5. Алешина О.Г. Критерии, факторы и функции неиндустриальных структурных сдвигов в экономике // Экономика и управление инновациями. 2023. № 2 (25). С. 14–21.
6. Жаворонок А.В. Воздействие циклической динамики на структурные сдвиги российской экономики: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2020. 24 с. [Текст из электронной базы данных РГБ, открытый доступ].
7. Симачев Ю.В., Акиндинова Н.В., Яковлев А.А. и др. Структурная политика в России: новые условия и возможная повестка (Доклад НИУ ВШЭ) // Вопросы экономики. 2018. № 6. С. 5–28.
8. Красильников О.Ю. Асимметричность структурного развития экономики регионов России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2020. Т. 20. В. 4. С. 384–390.
9. Рахимова С.А. Структурные сдвиги в экономике, основанные на инновационном процессе // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2016. № 3 (35). С. 41–52.
10. Шавина Е.В. Инновационно-технологические и конвергентные детерминанты структурных сдвигов в современной экономике // Экономика и управление инновациями. 2019. № 2. С. 18–31.
11. Волкова А.Л., Корнева О.Ю. Факторность инноваций в инициировании структурных сдвигов в экономике // Экономика и управление инновациями. 2019. № 2. С. 32–38.
12. Петров А.Н. Процесс реструктуризации экономики региона: динамика сдвигов в отраслевой структуре // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. Т. 8. № 6 (147). С. 20–36.
13. Орехова С.В., Кислицын Е.В. Малый бизнес и структурные сдвиги в промышленности // Terra Economicus. 2019. № 17 (4). С. 129–147.
14. Аксянова А.В., Хайрутдинова Ю.В. Оценка структурных сдвигов в социально-экономическом развитии региона // Вестник Казанского технологического университета. 2014. Т. 17. № 15. С. 351–353.
15. Казинец Л.С. Измерение структурных сдвигов в экономике. М.: Экономика, 1969. 167 с.
16. Изард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах / Пер. с англ. В.М. Гохмана и др. М.: Прогресс, 1966. 659 с.
17. Гатев К. Статистическая оценка различий между структурами совокупностей // Теоретические и методологические проблемы статистики: Сб. ст. / Пер. с болг. М.: Статистика, 1979. С. 91–108.
18. Рябцев В.М., Чудилин Г.И. Структурно-динамический анализ индикаторов инновационного климата Самарской области // Вопросы статистики. 2002. № 3. С. 30–38.
19. Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам от 15 декабря 2022 года // Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70086> (дата обращения: 26.12.2023).
20. Галимулина Ф.Ф. Развитие методических инструментов оценки эффективности промышленных систем, адекватных стадиям становления технологического суверенитета // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 6 (119). С. 132–138.
21. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 26.12.2023).
22. Статистические сборники ВШЭ / НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/primarydata/> (дата обращения: 26.12.2023).
23. Карлова Н., Морозов А., Пузанова Е. Ограничения на импорт сдерживают экспорт: результаты опроса предприятий: аналитическая записка / Банк России. URL: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/144420/analytic_note_20230130_dip.pdf (дата обращения: 26.12.2023).

THE SPECIFICS AND FACTORS OF SECTORAL STRUCTURAL SHIFTS IN THE CONDITIONS OF ADVANCED GROWTH OF THE RUSSIAN MANUFACTURING

A.I. Shinkevich, F.F. Galimulina

Kazan National Research Technological University

Tectonic changes taking place on a global scale necessitate the search for the most effective tools and mechanisms for managing the development of domestic industry. Modern management tools for the development of industrial systems have different effects on the degree of efficiency of the system. This thesis is the basis for the hypothesis of this study, which consists in the assumption of the presence of factor specificity of sectoral structural shifts. Based on the hypothesis, the purpose of the study is to identify cause-and-effect relationships between the factors of structural shifts and the dynamics of the development of heterogeneous industrial systems. The research methods were the analysis of time series, comparative analysis, correlation analysis, and description. The results of the study were the following formulated provisions: an approach to measuring structural shifts is justified, taking into account the importance of outstripping the growth of the manufacturing industry in the context of strengthening the technological sovereignty of the country. The prerequisites for structural changes in the context of heterogeneous industrial systems are identified. Conclusions are formulated about the uneven

contribution of the studied industrial systems over time to the formation of total gross value added; in extractive industrial systems, the structural shift is determined by the efficiency of resource management, in manufacturing – by cooperation. The formulated conclusions can be adopted as a basis for improving the mechanisms for managing the development of manufacturing industries and prioritizing measures in the field of technological independence development.

Keywords: sectoral structural shifts, structural changes, meso-industrial systems, extractive industry, manufacturing industry, outstripping growth, localization of production, technological sovereignty, correlation galaxy.

УДК 336.14
DOI 10.52452/18115942_2024_1_57

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОЦЕНКИ БЮДЖЕТНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

© 2024 г.

Н.И. Яшина

Яшина Надежда Игоревна, д.э.н.; проф.; заведующая кафедрой финансов и кредита
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
sitnicof@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 25.01.2024
Статья принята к публикации 12.02.2024*

Целью статьи является разработка методического инструментария оценки бюджетной стабильности регионов России. Предмет исследования – теоретические и методологические аспекты оценки бюджетной стабильности в условиях внутренних и внешних вызовов. Объект исследования объединяет анализ и современный бюджетный менеджмент, целью которых выступает оценка стабильности функционирования государственных и муниципальных финансов в условиях санкционного давления. Теоретико-методологической основой послужили труды в области государственного финансового менеджмента, бюджетного анализа, налогово-бюджетной политики в рамках ежегодного бюджетного послания Президента России. Исследование основывается на методах экономического анализа, математической статистики и др. Оценка эффективности расходов в отличие от традиционного анализа расходов по функциональному содержанию строится на анализе расходов по экономическому содержанию, в том числе по первоочередным, социально значимым и прочим расходам. Финансирование фонда оплаты труда с начислениями работникам бюджетной сферы составляет значительную долю в первоочередных расходах.

Ключевые слова: бюджетная стабильность, экономическое содержание расходов, бюджетный менеджмент, стандартизация, санкционное давление, эффективность финансирования, собираемость государственных доходов.

Введение

Методический инструментарий оценки стабильности функционирования государственных и муниципальных финансов в условиях санкционного давления основан на системе бюджетных показателей, представленных Минфином России на портале iminfin.ru, и их стандартизации.

Оценка стабильности функционирования государственных и муниципальных финансов в условиях санкционного давления проводится по показателям, характеризующим исполнение бюджетов субъектов РФ в разрезе расходов по экономическому содержанию и собираемости доходов консолидированных бюджетов регионов России. Матрица анализа классов стабильности на основе комплексного стандартизованного показателя позволяет на основе бюджетного анализа разработать бюджетные стратегии регионов для реализации национальных целей России.

Теоретические и методические аспекты исследования

Миссия Минфина России – «способствовать развитию экономики, справедливому распределению национального дохода, обеспечению финансовой стабильности и национальной без-

опасности через эффективное и бережное управление государственными финансами, развитие и повышение надежности финансовой системы Российской Федерации» [1]. С.К. Дубинин, экс-председатель Центрального банка Российской Федерации (1995–1998), отмечает: «необходимость устойчивого пополнения бюджета ставит перед финансовыми властями и всеми государственными органами непростую задачу выработки гибкой политики, которая должна сохранить основные источники доходов: поступления средств от экспорта углеводородов; налогов на физических и юридических лиц в условиях спада экономической активности и доходов населения. Предстоит обеспечить приток сбережений в приобретение обязательств по внутреннему государственному долгу» [2].

Бюджетной стабильности регионов посвящены труды российских ученых и практиков. По мнению Э.В. Станкевич, «финансовая устойчивость бюджета – это состояние денежных фондов бюджета, обеспечивающее:

- развитие территории и возможность дополнительной мобилизации финансовых ресурсов;
- управляемость и оптимальность расходной части бюджета;
- сохранение субъектом финансовой сбалансированности бюджета при изменении внешних

и внутренних факторов, которая гарантирует постоянную платежеспособность и инвестиционную привлекательность территории;

– социально-экономическое и политическое развитие субъекта в перспективе» [3].

А.А. Михайлова, Е.Н. Тимушев утверждают, что «бюджетная устойчивость страны во многом определяется бюджетной устойчивостью ее регионов», и полагают, что «экономический кризис 2020 и налогово-бюджетные меры по его преодолению угрожают устойчивости бюджетной системы в наибольшей степени именно на региональном уровне». Авторы предлагают «под бюджетной устойчивостью понимать такое финансовое состояние общественного сектора, когда реализация целей государства, регионов и муниципалитетов в настоящее время не ставит под сомнение достижение целей в будущем» [4]. С.В. Мишкина связывает финансовую устойчивость бюджета с применением таких показателей, как результативность, финансовая независимость, сбалансированность регионального бюджета [5]. А.В. Минаков утверждает, что «устойчивость бюджета или бюджетная устойчивость – это своевременное финансирование заложенных в бюджете расходов, при погашении и обслуживания внешнего и внутреннего долга, обеспечение сбалансированности бюджета в долгосрочной перспективе, при наличии бюджетных инвестиций, большой величине собственных доходов» [6]. А.В. Галухин показывает основные компоненты финансовой устойчивости бюджетов территорий: самостоятельность (независимость), платёжеспособность и сбалансированность доходов и расходов [7]. Л.А. Туаева, И.З. Тогузова, С.К. Токаева в работе «Основные подходы к оценке устойчивости бюджетов субъектов Российской Федерации» считают важным разработать универсальную систему показателей с учетом среднесрочной и долгосрочной перспективы развития субъектов Федерации [8]. Г.В. Морунова, Д.И. Тимошенко, В.А. Королева, А.А. Аптекарев констатируют факт, что «если рассматривать ситуацию с субъектами РФ, то, по расчетам Министерства финансов, доходы субъектов в 2022 году составят 19.174 трлн рублей, что на 1.6 трлн рублей больше, чем в 2021 году. Бюджеты субъектов будут пополняться за счёт собственных доходов, трансферты из федерального бюджета увеличатся незначительно, на 30 трлн рублей по сравнению с 2021 годом» [9].

Финансовая стабильность является миссией Минфина России. Минфин России анализирует индикаторы финансирования бюджета по всем расходам по экономическому содержанию, в том числе по первоочередным, социально зна-

чимым, прочим расходам, в них – по фонду оплаты труда с начислениями работникам бюджетной сферы. Показатель собираемости доходов консолидированных бюджетов субъектов России является важнейшим индикатором исполнения бюджетов. С целью унификации индикаторов они стандартизируются. Например, показатели финансирования расходов стандартизируются по формуле:

$$\Phi P_i^* = \frac{\Phi P_{i \max} - \Phi P_{ij}}{\Phi P_{i \max} - \Phi P_{i \min}}, \quad (1)$$

где ΦP_i^* – стандартизованный показатель субъекта РФ; $\Phi P_{i \max}$ – максимальный показатель i -го субъекта РФ; ΦP_{ij} – показатель i -го субъекта РФ; $\Phi P_{i \min}$ – наименьший показатель i -го субъекта РФ.

Стандартизованные показатели имеют диапазон значений от 0 до 1 [10].

Значения стандартизованных показателей финансирования расходов по экономическому содержанию и собираемости доходов бюджета лежат в основе формирования рангов:

$$K\Phi P_j^* = \sum_{i=1}^n \Phi P_{ij}^*, \quad (2)$$

где $K\Phi P_j^*$ – комплексный стандартизованный показатель.

Для определения рангов считаем, что регион, имеющий наивысшее значение бюджетной стабильности, получает первый ранг. Например, первый ранг получает регион, имеющий высокую степень исполнения показателей финансирования расходов. Аналогично определяются ранги и собираемости доходов. Далее определяются классы стабильности. На основе предложенных классов стабильности сформируем матрицу распределения анализируемых регионов РФ по комплексным стандартизованным значениям государственного финансирования расходов и собираемости государственных доходов. Матрица представлена на рисунке.

В таблице 1 представлена интерпретация категорий бюджетной стабильности на основе сочетания классов государственного финансирования расходов и собираемости государственных доходов.

В таблице 2 представлено распределение регионов по категориям бюджетной стабильности.

Первая категория бюджетной стабильности характеризуется высокими показателями исполнения расходов по социально значимым и первоочередным расходам бюджета. Указанные расходы включают, в первую очередь, выплаты по заработной плате в соответствии с указами Президента России. Указанные регионы имеют высокий уровень собираемости государственных расходов. Справедливости ради, отметим, что долговая нагрузка регионов в системе показателей не рассчитывалась. В указанную об-

Класс финансирования расходов (ФР)	Третий класс бюджетной стабильности финансирования государственных расходов (ФР 3)	Область 1 – Шестая категория стабильности ФР 3-СД 1	Область 2 – Седьмая категория стабильности ФР 3-СД 2	Область 3 – Девятая категория стабильности ФР 3-СД 3
	Второй класс бюджетной стабильности финансирования государственных расходов (ФР 2)	Область 4 – Вторая категория стабильности ФР 2-СД 1	Область 5 – Пятая категория стабильности ФР 2-СД 2	Область 6 – Восьмая категория стабильности ФР 2-СД 3
	Первый класс бюджетной стабильности финансирования государственных расходов (ФР 1)	Область 7 – Первая категория стабильности ФР 1-СД 1	Область 8 – Третья категория стабильности ФР 1-СД 2	Область 9 – Четвертая категория стабильности ФР 1-СД 3
		Первый класс собираемости государственных доходов (СД 1)	Второй класс собираемости государственных доходов (СД 2)	Третий класс собираемости государственных доходов (СД 3)
Класс собираемости государственных доходов (СД)				

Рис. Матрица категорирования бюджетной стабильности регионов России

Источник: составлено автором.

Таблица 1

Таблица категорирования бюджетной стабильности регионов

Категории бюджетной стабильности	Сочетание классов бюджетной стабильности	Области на рисунке	Интерпретация
Первая категория	ФР 1 - СД 1	Область 7	чрезвычайно высокая степень стабильности
Вторая категория	ФР 2 - СД 1	Область 4	высокая степень стабильности
Третья категория	ФР 1 - СД 2	Область 8	значительная степень стабильности
Четвертая категория	ФР 1 - СД 3	Область 9	достаточная степень стабильности
Пятая категория	ФР 2 - СД 2	Область 5	средняя степень стабильности
Шестая категория	ФР 3 - СД 1	Область 1	удовлетворительная степень стабильности
Седьмая категория	ФР 3 - СД 2	Область 2	незначительная степень стабильности
Восьмая категория	ФР 2 - СД 3	Область 6	низкая степень стабильности
Девятая категория	ФР 3 - СД 3	Область 3	неудовлетворительная степень стабильности

Источник: составлено автором.

ласть попали регионы: г. Москва, Ивановская, Иркутская области, Краснодарский край, Нижегородская, Новгородская области, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Сахалинская, Смоленская и Тамбовская области.

Нижегородская область по праву относится к первой категории бюджетной стабильности.

В таблице 3 представлены показатели оплаты труда отдельных категорий работников бюджетной сферы, определенных указами Президента Российской Федерации, и уровень средней зара-

ботной платы наемных работников в Нижегородской области в 2022 году.

Анализ таблицы показывает, что Правительство Нижегородской области обеспечивает выполнение указов Президента Российской Федерации. Однако следует подчеркнуть, что во многих автономных и бюджетных организациях достижение значений оплаты труда работников бюджетной сферы сопровождалось переводом сотрудников на доли ставки и повышением их нагрузки, что приводит к

Таблица 2

Распределение регионов по категориям бюджетной стабильности

Регионы	Итоговый индикатор финансирования расходов (ФР)	Ранг по итоговому индикатору финансирования расходов (ФР)	Класс стабильности финансирования расходов бюджета	Индикатор собираемости доходов (СД)	Ранг по итоговому индикатору собираемости доходов (СД)	Класс стабильности собираемости доходов бюджета
Первая категория бюджетной стабильности						
г. Москва	3.275	4	1ФР	0.242	5	1 СД
Ивановская область	3.485	6	1ФР	0.296	20	1 СД
Иркутская область	3.667	16	1ФР	0.288	19	1 СД
Краснодарский край	3.702	30	1ФР	0.263	10	1 СД
Нижегородская область	3.495	7	1ФР	0.283	17	1 СД
Новгородская область	3.611	12	1ФР	0.253	7	1 СД
Республика Марий Эл	3.534	9	1ФР	0.277	15	1 СД
Республика Мордовия	3.677	20	1ФР	0.271	14	1 СД
Сахалинская область	3.614	13	1ФР	0.000	1	1 СД
Смоленская область	3.654	15	1ФР	0.267	13	1 СД
Тамбовская область	3.673	18	1ФР	0.303	22	1 СД
Вторая категория бюджетной стабильности						
Архангельская область	3.783	45	2ФР	0.284	18	1 СД
Брянская область	3.763	36	2ФР	0.266	11	1 СД
Еврейская автономная область	3.822	51	2ФР	0.234	4	1 СД
Курская область	3.872	61	2ФР	0.267	12	1 СД
Липецкая область	3.874	63	2ФР	0.251	6	1 СД
Ставропольский край	3.766	37	2ФР	0.260	9	1 СД
Челябинская область	3.768	40	2ФР	0.298	21	1 СД
Ямало-Ненецкий автономный округ	3.771	41	2ФР	0.279	16	1 СД
Третья категория бюджетной стабильности						
Вологодская область	3.672	17	1ФР	0.337	36	2 СД
Калужская область	3.675	19	1ФР	0.343	42	2 СД
Кировская область	2.756	1	1ФР	0.354	52	2 СД
Ленинградская область	3.713	31	1ФР	0.308	25	2 СД
Пензенская область	3.628	14	1ФР	0.348	46	2 СД
Приморский край	3.609	11	1ФР	0.361	56	2 СД
Псковская область	3.686	24	1ФР	0.360	55	2 СД
Республика Адыгея (Адыгея)	3.699	27	1ФР	0.337	37	2 СД
Республика Калмыкия	3.504	8	1ФР	0.390	70	2 СД
Ростовская область	3.433	5	1ФР	0.350	47	2 СД
Саратовская область	3.701	29	1ФР	0.380	63	2 СД
Тульская область	3.700	28	1ФР	0.355	53	2 СД
Ханты-Мансийский автономный округ	3.683	23	1ФР	0.345	44	2 СД
Чукотский автономный округ	3.694	26	1ФР	0.385	68	2 СД
Четвертая категория бюджетной стабильности						
Забайкальский край	3.683	22	1ФР	0.408	78	3 СД
Свердловская область	3.202	3	1ФР	0.390	72	3 СД
Хабаровский край	2.918	2	1ФР	0.390	71	3 СД
Ярославская область	3.687	25	1ФР	0.401	76	3 СД
Пятая категория бюджетной стабильности						
Волгоградская область	3.842	55	2ФР	0.352	50	2 СД
г. Санкт-Петербург	3.820	50	2ФР	0.327	32	2 СД
Калининградская область	3.838	54	2ФР	0.339	40	2 СД
Карачаево-Черкесская Республика	3.779	42	2ФР	0.373	61	2 СД

Окончание таблицы 2

Регионы	Итоговый индикатор финансирования расходов (ФР)	Ранг по итоговому индикатору финансирования расходов (ФР)	Класс стабильности финансирования расходов бюджета	Индикатор собираемости доходов (СД)	Ранг по итоговому индикатору собираемости доходов (СД)	Класс стабильности собираемости доходов бюджета
Кемеровская область	3.832	52	2ФР	0.383	67	2 СД
Красноярский край	3.782	43	2ФР	0.347	45	2 СД
Омская область	3.873	62	2ФР	0.352	49	2 СД
Орловская область	3.868	59	2ФР	0.353	51	2 СД
Республика Алтай	3.767	38	2ФР	0.382	65	2 СД
Республика Башкортостан	3.768	39	2ФР	0.342	41	2 СД
Республика Бурятия	3.724	32	2ФР	0.339	39	2 СД
Республика Карелия	3.802	47	2ФР	0.382	66	2 СД
Республика Крым	3.846	56	2ФР	0.357	54	2 СД
Республика Северная Осетия–Алания	3.738	34	2ФР	0.335	35	2 СД
Республика Татарстан (Татарстан)	3.815	49	2ФР	0.369	59	2 СД
Рязанская область	3.730	33	2ФР	0.321	30	2 СД
Тверская область	3.808	48	2ФР	0.314	29	2 СД
Ульяновская область	3.790	46	2ФР	0.363	57	2 СД
Чувашская Республика (Чувашия)	3.871	60	2ФР	0.332	34	2 СД
Шестая категория бюджетной стабильности						
г. Севастополь	4.294	84	3ФР	0.197	3	1 СД
Пермский край	4.114	79	3ФР	0.256	8	1 СД
Республика Коми	3.881	65	3ФР	0.089	2	1 СД
Самарская область	3.965	70	3ФР	0.303	23	1 СД
Седьмая категория бюджетной стабильности						
Алтайский край	3.917	67	3ФР	0.344	43	2 СД
Астраханская область	3.919	68	3ФР	0.366	58	2 СД
Белгородская область	3.983	71	3ФР	0.350	48	2 СД
Воронежская область	4.052	75	3ФР	0.309	26	2 СД
Кабардино-Балкарская Республика	4.171	81	3ФР	0.313	28	2 СД
Курганская область	4.230	83	3ФР	0.372	60	2 СД
Мурманская область	4.057	76	3ФР	0.377	62	2 СД
Новосибирская область	4.458	85	3ФР	0.322	31	2 СД
Оренбургская область	3.885	66	3ФР	0.338	38	2 СД
Республика Саха (Якутия)	3.880	64	3ФР	0.380	64	2 СД
Республика Хакасия	4.028	74	3ФР	0.310	27	2 СД
Тюменская область	4.211	82	3ФР	0.305	24	2 СД
Чеченская Республика	3.942	69	3ФР	0.329	33	2 СД
Восьмая категория бюджетной стабильности						
Амурская область	3.744	35	2ФР	0.392	73	3 СД
Камчатский край	3.782	44	2ФР	0.411	79	3 СД
Костромская область	3.861	58	2ФР	0.413	80	3 СД
Республика Дагестан	3.856	57	2ФР	0.428	81	3 СД
Республика Тыва	3.834	53	2ФР	0.398	74	3 СД
Девятая категория бюджетной стабильности						
Магаданская область	4.060	77	3ФР	0.517	85	3 СД
Республика Ингушетия	4.095	78	3ФР	0.440	82	3 СД
Томская область	4.025	73	3ФР	0.407	77	3 СД
Удмуртская Республика	4.023	72	3ФР	0.456	84	3 СД

Источник: составлено автором.

Таблица 3

Показатели оплаты труда отдельных категорий работников бюджетной сферы, определенных указами Президента Российской Федерации, и уровень средней заработной платы наемных работников в Нижегородской области в 2022 году

Показатели	Преподаватели учреждений высшего образования	Педагогические работники образовательных учреждений общего образования	Врачи и работники медицинских организаций, имеющие высшее медицинское образование	Педагогические работники учреждений дошкольного образования	Социальные работники	Работники учреждений культуры
Средняя зарплата, сложившаяся за 2022 год, руб. (мониторинг)	81146	40712	81146	38420	40516	42335
Прогноз среднемесячного дохода от трудовой деятельности (средней заработной платы), руб.	40 440.0	40 440.0	40 440.0	40 440.0	40 440.0	40 440.0
Установленный целевой показатель, %	200	100	200	100	100	100
Процент к прогнозному показателю	201.1	100.7	200.7	100.1	100.2	104.7

Источник: составлено автором.

«выгоранию» врачей и учителей и других социальных работников.

Вторая категория бюджетной стабильности характеризуется высокими показателями финансирования расходов и исполнения государственных доходов. В указанную область попали регионы: Архангельская область, Брянская область, Еврейская автономная область, Курская область, Липецкая область, Ставропольский край, Челябинская область, Ямало-Ненецкий автономный округ.

Третья категория бюджетной стабильности характеризуется достаточно хорошими значениями исполнения бюджетов. Это Вологодская область, Калужская область, Кировская область, Ленинградская область, Пензенская область, Приморский край, Псковская область, Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Ростовская область, Саратовская область, Тульская область, Ханты-Мансийский автономный округ, Чукотский автономный округ.

В указанных трех категориях высокими темпами роста характеризуются налог на доходы физических лиц, акцизы и налоги на имущество. Это бюджетообразующие собственные доходы регионов. Указанные субъекты России проводят взвешенную компромиссную бюджетно-налоговую политику. В большинстве

регионов доходы исполнены свыше ста процентов. По разным причинам, однако, расходы часто остаются недофинансированными.

Четвертая категория бюджетной стабильности характеризуется показателями финансирования расходов и исполнения государственных доходов, достаточными для выполнения государственных социальных обязательств. Это Забайкальский край, Свердловская область, Хабаровский край, Ярославская область.

Пятая категория бюджетной стабильности характеризуется средней степенью финансовой устойчивости и финансового суверенитета. Это самая большая группа регионов: Волгоградская область, г. Санкт-Петербург, Калининградская область, Карачаево-Черкесская Республика, Кемеровская область, Красноярский край, Омская область, Орловская область, Республика Алтай, Республика Башкортостан, Республика Бурятия, Республика Карелия, Республика Крым, Республика Северная Осетия – Алания, Татарстан, Рязанская, Тверская и Ульяновская области и Чувашия.

В целях обеспечения регионального бюджетного суверенитета и наращивания собственной налоговой базы органы государственной власти стимулируют инвестиционную активность всех субъектов хозяйствования. К таким

методам стимулирования можно отнести: поддержка грантами, субсидирование, льготное финансирование стратегических направлений развития, инвестиционные налоговые льготы по налогу на имущество, земельному и транспортному налогам, ставка которых может быть снижена до нуля, а также по налогу на прибыль до 13.5%, продажа земли по льготным ценам. Отметим, что следствием предоставления льгот являются выпадающие доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ. Актуальным является вопрос о разработке механизмов компенсации муниципальным образованиям недополученных доходов в связи с установлением Налоговым кодексом Российской Федерации льгот по местным налогам.

Шестая категория бюджетной стабильности характеризуется удовлетворительной степенью стабильности. Это г. Севастополь, Пермский край, Республика Коми, Самарская область.

Основными задачами таких регионов являются: сохранение преемственности действующих основных направлений бюджетной и налоговой политики; обеспечение сбалансированности и устойчивости консолидированного и областного бюджетов; повышение эффективности использования бюджетных средств; качественное формирование межбюджетных отношений; сохранение при формировании бюджета на 2024–2026 годы действующих приоритетов бюджетных расходов.

Седьмая категория бюджетной стабильности характеризуется незначительной степенью стабильности. Это Алтайский край, Астраханская область, Белгородская область, Воронежская область, Кабардино-Балкарская Республика, Курганская область, Мурманская область, Новосибирская область, Оренбургская область, Республика Саха (Якутия), Республика Хакасия, Тюменская область, Чеченская Республика. Указанные территории должны сконцентрировать свои усилия на сохранении и развитии налогового потенциала, соблюдении требований бюджетного законодательства по эффективному использованию бюджетных средств, реализации мероприятий «майских» указов Президента 2012 года, в части повышения заработной платы работникам бюджетной сферы, реализации новых задач, поставленных в Указе Президента «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года» в рамках национальных проектов.

Восьмая категория бюджетной стабильности характеризуется низкой степенью стабильности. Это Амурская область, Камчатский край, Костромская область, Республика Дагестан, Республика Тыва.

Девятая категория бюджетной стабильности характеризуется неудовлетворительной степенью стабильности. Это Магаданская область, Республика Ингушетия, Томская область, Удмуртская Республика. Причины неудовлетворительной степени стабильности связаны с отсутствием сбалансированности и устойчивости консолидированного и региональных бюджетов субъектов Российской Федерации, неэффективностью использования бюджетных средств, некачественным формированием межбюджетных отношений, недостаточностью финансовых ресурсов в первую очередь действующих расходных обязательств, отсутствием концентрации средств на достижении целей и результатов региональных проектов, направленных на реализацию национальных проектов, отсутствием приоритетной направленности расходования бюджетных средств – обеспечения параметров по уровню заработной платы, социальной поддержки населения, финансовой поддержки муниципалитетов, в том числе индексации общего объема дотации.

Указанные регионы должны больше внимания уделять мониторингу качества финансового менеджмента, осуществляемого главными администраторами средств региональных бюджетов, ужесточить контроль за соблюдением ОМСУ основных условий предоставления МБТ в соответствии со ст. 136 БК, реструктурировать государственные заимствования.

Расчеты агентства «Эксперт РА» по данным портала «Электронный бюджет» показали, что «по итогам 2022 года более половины регионов обеспечат исполнение бюджета с профицитом, размер общего агрегированного профицита составит не более 0.7% от ННД. Оставшаяся часть регионов для финансирования дефицита будет использовать остатки средств на счетах и привлекать коммерческие заимствования в конце года, в результате чего консолидированный долг вырастет до 2.9 трлн рублей, но долговая нагрузка сохранится на текущем уровне» [11]. С.И. Шабельникова отмечает, что «правительство Российской Федерации, Минфин России вынуждены работать по принципу «пожарной команды», бороться с угрозами, в т.ч. и возникающими в отношении региональных бюджетов, и для этого использовать все возможные методы в экстренном формате. Этому во многом способствует возможность перераспределения финансовых ресурсов бюджетной росписью, без внесения изменений в Закон о бюджете. Таким образом, современным трендом федеральной бюджетной политики становится точечное решение финансовых вопросов с учетом проблем конкретной территории» [12].

Система показателей представленного методического инструментария оценки бюджетной стабильности регионов в условиях санкционного давления может быть расширена. Представленный научный подход позволяет провести распределение и классификацию регионов по категориям стабильности и выработать стратегии управления государственными финансами в регионах.

Заключение

Методический инструментарий оценки бюджетной стабильности регионов в условиях санкционного давления, основанный на индикаторах государственного финансирования расходов по экономическому содержанию и собираемости государственных доходов, позволяет провести распределение и классификацию регионов по категориям стабильности и способствует принятию управленческих решений на всех уровнях государственного бюджетного менеджмента. Подобная оценка дает возможность определять факторы, способствующие сочетанию денежных притоков и оттоков бюджетов субъектов России.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01446, <https://rscf.ru/project/24-28-01446/>

Список литературы

1. План деятельности на 2022–2027 гг. утв. Минфином России 01.11.2022 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bazanra.ru/minfin-rossii-plan-ot15112021-h5399200/?ysclid=lpnz8noxnw71819639>
2. Дубинин С.К. Финансовая система под давлением санкций: логика противостояния // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 5. С. 168–187.
3. Станкевич Э.В. Сущность и принципы финансовой устойчивости бюджетов бюджетной системы Российской Федерации // Финансы и учетная политика. 2021. № 4. С. 11–15.
4. Михайлова А.А., Тимушев Е.Н. Бюджетная система России: насколько устойчива? // Экономический журнал ВШЭ. 2020. № 24 (4). С. 572–597.
5. Мишкина С.В. Сравнительный анализ методик оценки финансовой устойчивости регионального бюджета // Современные научные исследования и инновации. 2022. № 8 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://web.snauka.ru/issues/2022/08/98702> (дата обращения: 01.12.2023).
6. Минаков А.В. Оценка современного состояния финансовой устойчивости бюджетной системы России // Вестник Евразийской науки. 2020. № 3. Режим доступа: <https://esj.today/PDF/69ECVN320.pdf>
7. Галухин А.В. Устойчивость как базовый принцип ответственной бюджетной политики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 2 (32). С. 225–238.
8. Туаева Л.А., Тогузова И.З., Токаева С.К. Основные подходы к оценке устойчивости бюджетов субъектов Российской Федерации // Экономика и управление. 2020. № 26 (6). С. 577–583.
9. Морунова Г.В., Тимошенко Д.И., Королева В.А., Аптекарев А.А. Влияние западных санкций на бюджет Российской Федерации // Молодой ученый. 2022. № 47 (442). С. 116–118. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/442/96727>
10. Яшина Н.И., Прончатова-Рубцова Н.Н. Определение бюджетных рисков Нижегородской области на основе исполнения доходной и расходной части бюджета // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. № 4 (36). С. 16–24.
11. https://raexpert.ru/researches/regions/regional_budgets_2022/?ysclid=lps2g4qyg7384475524
12. Шабельникова С.И. Основные подходы к реализации бюджетной политики в условиях санкционных ограничений // Федерализм. 2022. Т. 27. № 4 (108). С. 87–106. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2022-4-87-106>.
13. Министерство финансов Нижегородской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mf.nnov.ru/> (дата обращения: 10.03.2023).
14. Министерство финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.minfin.ru/ru/> (дата обращения: 10.03.2023).
15. Федеральное казначейство [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzheto/> (дата обращения: 10.03.2023).
16. Федеральная налоговая служба [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nalog.ru/> (дата обращения: 10.03.2023).
17. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 10.03.2023).
18. Курылева О.И., Яшина Н.И., Богомолов С.В. Совершенствование методологии определения бюджетной устойчивости территорий и оценки результативности бюджетных расходов: Монография. Н. Новгород: Изд-во ВГИПУ, 2009.

METHODOLOGICAL TOOLKIT FOR ASSESSING THE BUDGET STABILITY OF REGIONS UNDER SANCTIONS PRESSURE

N.I. Yashina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The purpose of the article is to develop methodological tools for assessing the fiscal stability of Russian regions. The subject of the study is the theoretical and methodological aspects of assessing budget stability in the context of internal and external challenges. The object of the study combines analysis and modern budget management, the purpose of which is to

assess the stability of the functioning of state and municipal finances under conditions of sanctions pressure. Theoretical and methodological were the works in the field of public financial management, budget analysis, and fiscal policy within the framework of the annual budget message of the President of Russia. The research is based on methods of economic analysis, mathematical statistics, etc.

Keywords: budget stability, economic content of expenditures, budget management, standardization, sanction pressure, financing efficiency, government revenue collection.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316

DOI 10.52452/18115942_2024_1_66

РЕПРОДУКТИВНЫЕ НАМЕРЕНИЯ И ПОВЕДЕНИЕ МУЖЧИН

© 2024 г.

Т.А. Гурко

Гурко Татьяна Александровна, д.соц.н.; главный научный сотрудник Института социологии
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва
tgurko@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 16.10.2023**Статья принята к публикации 23.01.2024*

Научная проблема состоит в знании о снижении показателей рождаемости, с одной стороны, интенсификации отцовства – с другой, и недостаточной изученности факторов, связанных с репродуктивными намерениями и поведением мужчин.

Использовались базы данных Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения (РПН-2022) Федеральной службы государственной статистики и Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2004, 2013 и 2022).

Репродуктивные намерения мужчин анализируются в зависимости от уровня образования, отношения к религии (считают себя верующим или нет), частоты посещения религиозных служб, оценки уровня жизни домохозяйства, перспектив улучшения этого уровня в ближайшие три года и жилищных условий. Рассматриваются установки мужчин на бездетность в зависимости от уровня образования и возраста, уровень бездетности мужчин в возрастной группе 50–60 лет. Представлены данные о динамике среднего числа детей и состояния в браке у мужчин с различным уровнем образования. Анализируются особенности бездетных мужчин в зрелом возрасте в сравнении со сверстниками, имеющими детей, по индикаторам удовлетворенности жизнью, оценки здоровья, переживания депрессий и вредным привычкам. Представлены результаты зарубежных исследований о влиянии отцовства на благополучие мужчин.

Ключевые слова: мужчины, среднее число детей, репродуктивные намерения, бездетность, благополучие.

Введение

Не теряет актуальности поиск научного обоснования путей и мер социальной политики с целью повышения рождаемости. Начиная с 2016 г. суммарный коэффициент рождаемости (1.8) стал снижаться в связи с малочисленным поколением 1990-х гг. рождения, вступившим в репродуктивный период, и составил в 2022 г. 1.4 [1]. «За часто обсуждаемой статистикой снижения числа рождений и числа детей в семье стоит не стереотип «ухудшения» здоровья (плодовитости), плохих материальных и жилищных условий жизни («помех»), постоянно воспроизводимый большинством журналистов и политиков, а научно установленный факт потери ценностно-мотивационной привлекательности семейно-детного образа жизни в сравнении с одиночно-холостяцким существованием» [2, с. 344].

Тем не менее и это утверждение нуждается в эмпирическом подтверждении, недостаточно изучены факторы, связанные с репродуктивны-

ми намерениями и поведением мужчин, бездетность среди мужчин.

Методология

Проведен анализ российской и международной статистики, репрезентативных баз данных Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения, РПН-2022¹, и Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, 2004, 2013 и 2022².

В качестве объектов для анализа формировались подвыборки мужчин РПН-2022: мужчины в возрасте 25–44 года, имеющие детей ($n=2617$ отцов) и пока не имеющие детей ($n=1391$), мужчины, не имеющие детей, в возрасте 25–44 года, планирующие ($n=1234$) и не планирующие иметь детей ($n=157$), матери несовершеннолетних детей, проживающие с мужьями ($n=2824$), отцы несовершеннолетних детей, проживающие с женами ($n=2555$), мужчины в возрасте 50–60 лет ($n=1945$). РМЭЗ НИУ ВШЭ: мужчины 25–49 лет, 1994, 2000, 2009,

Рис. 1. Время, которое матери и отцы, имеющие несовершеннолетних детей, тратят в будние дни на индивидуальное общение с ребенком (детьми) – прогулки, игры, занятия, РПН-2022, %

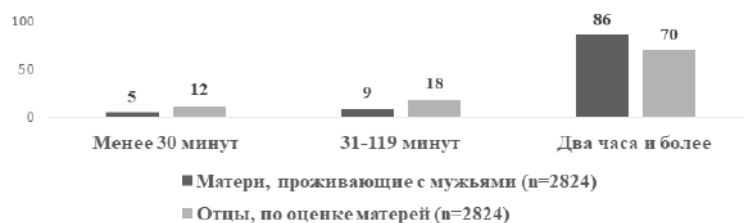

Рис. 2. Время, которое матери и отцы несовершеннолетних детей тратят в выходные дни на индивидуальное общение с ребенком (детьми) – прогулки, игры, занятия, РПН-2022, %

2022 ($n=1799$), мужчины в возрасте 50–60 лет 2004, 2013 и 2022 ($n=726$).

Для определения связей между переменными использовался коэффициент Крамера V. Обработка данных проводилась в системе SPSS.

Постановка проблемы

На основании результатов российских исследователей можно утверждать, что наблюдается положительная динамика отцовской вовлеченности, участия отцов в уходе за детьми и их воспитании [3, с. 5; 4]. Образованные городские отцы осваивают те практики, которые ранее считались исключительно или преимущественно женскими. Мужчины, ожидая рождения ребенка, посещают консультации вместе с женами, принимают решение о выборе роддома, присутствуют на родах, активно участвуют в уходе за новорожденным [5, с. 473].

Динамику количества времени, которое тратят матери и отцы на уход за детьми, в других странах обычно анализируют на основе исследований использования времени³. В таких странах, как Канада, США и Франция, сокращается различие во времени, в течение которого матери и отцы ухаживают за детьми; в других странах, таких как Дания и Испания, разрыв увеличивается [6]. Для того чтобы в российских условиях установить долговременную тенденцию количественных затрат времени отцов на уход и занятия с детьми в сравнении с матерями, репрезентативных данных недостаточно⁴. Согласно Выборочному наблюдению использования суточного фонда времени населением (ВНИСФВ, 2019)⁵, на уход за детьми и воспитание несовершеннолетних детей женщины тратят в будни 2.34 часа, в выходные – 2.09, мужчины соответственно 0.41

и 1.14, в предыдущем срезе 2014 г. этот показатель не включался. Для сравнения – американские отцы уделяют детям до 18 лет, проживающим с ними в одном домохозяйстве, в среднем 1.02 часа в день [7].

По данным РПН-2022, статистически значимо больше матерей, нежели отцов, тратят более двух часов на индивидуальное общение с ребенком (детьми) в будние дни (рис. 1). Различия между матерями и отцами в выходные дни не столь велики (рис. 2). В любом случае многие отцы тратят значительное время на индивидуальное общение с ребенком, по оценкам матерей.

Ответы отцов, проживающих с женами ($n=2555$), о времени на индивидуальное общение с ребенком (детьми), о себе и о женах сходны с материнскими в других парах родителей в табл. 1–2, то есть приведенные данные можно считать достоверными.

Во многих странах увеличилось время, которое родители проводят со своими детьми в последние пятьдесят лет, что отчасти связано с изменениями в социальных нормах и сокращением продолжительности рабочего дня [6]. Идеология интенсивного родительства распространяется во всех социальных группах, стандарт родительского времени с детьми становится все более высоким [8, р. 200].

По крайней мере, в советское время отцы с высшим образованием уделяли детям больше времени, нежели отцы со средним уровнем образования. По данным РПН-2022, время, которое тратят отцы на индивидуальное общение с детьми, не зависит от уровня их образования ни в одной из возрастных групп. В условиях уменьшения числа детей в семьях такая тенденция фиксируется и в других странах. Так, в США происходит конвергенция количества времени,

Таблица 1

Установки на бездетность (не планируют иметь детей) мужчин, не имеющих детей, в зависимости от уровня образования и возраста, РПН-2022, %

Уровень образования	25–35 лет	36–44 года	25–44 года
Среднее ($n=267$)	15	27	20
Среднее специальное ($n=559$)	6	20	10
Высшее ($n=565$)	4	19	8
Всего ($n=1391$)	6	22	11

Таблица 2

Жизненные цели мужчин, не имеющих детей, в возрасте 25–44 года ($n=1391$), планирующих и не планирующих иметь детей, %, ранжировано по величине коэффициента Крамера (V)

Жизненные цели	Планируют иметь детей ($n=1234$)	Не планируют иметь детей ($n=157$)	V* показывает степень различия
Воспитать ребенка	81	35	0.47
Получать высокую заработную плату за свою работу	60	29	0.29
Жить в зарегистрированном браке, своей семьей	64	34	0.28
Вырастить двоих детей	59	25	0.27
Быть многодетным родителем (иметь троих и более детей)	22	7	0.24
Быть свободным, независимым и делать то, что хочу только я	37	57	0.23
Материальное благополучие моей семьи	95	78	0.22
Получить образование, постоянно повышать квалификацию	95	80	0.21
Карьерный рост	65	51	–
Собственное хорошее жилье	93	85	–
Иметь семейное дело	53	46	–
Интересно проводить досуг	70	63	–
Много общаться с друзьями	56	54	–

* Приводится коэффициент Крамера 0.18 и выше, значимый на уровне $p \leq 0.001$.

которое тратят матери и отцы с различным уровнем образования на уход за детьми [9].

В какой мере отцовство является планируемым и добровольным? Как часто решения, связанные с беременностью, а следовательно, и с возложением на мужчину обязанностей отца, женщины принимают единолично, не информируя партнера? На эти вопросы еще предстоит ответить. По данным исследования молодых матерей в ЦФО РФ, лишь 63% отцов были рады появлению ребенка, 34% не были готовы к этому событию, по мнению самих матерей, т.е. рождение ребенка порой не планировалось [10, с. 53].

В числе инициатив РПЦ, которые рассматриваются в Государственной Думе, сокращение допустимых сроков проведения аборта и получение обязательного согласия супруга на прерывание беременности [11]. Очевидно, что вряд ли допустимо требовать от женщин официальное согласие супруга, ибо нарушаются их репродуктивные права, высока вероятность распространения нелегальных аборт. Предпочтительным вариантом видится пропаганда необходимости информирования супруга или партнера о намерении забеременеть или сделать

аборт, как в интересах самой матери, так и будущего ребенка.

Сложившиеся практики в постразводной ситуации, вероятно, негативно сказываются на желании мужчин иметь детей. Права отцов после развода ограничены, суды нередко ссылаются на неопределенность правоотношений и на оговорку «если такое общение не противоречит интересам детей», единой судебной практики нет [12, с. 95]. Все еще доминирует «явный перекосяк как в юридической практике, так и в общественном сознании – «ребенок должен воспитываться матерью» [13, с. 202]. Отцы отмечают тенденциозность в поведении судей, сотрудников органов опеки, минимум возможностей для встреч отцов с детьми в удобное время [13, с. 194], выстраивание матерями барьеров доступности детей после развода [14]. Возможно, и поэтому среди разведенных отцов более чем в два раза меньше удовлетворенных жизнью в сравнении с состоящими в браке [3, с. 12]. Неуверенность в возможности общаться с ребенком (детьми) вне зависимости от отношений с матерями не способствует формированию устойчивых репродуктивных намерений мужчин.

В то же время наблюдается и положительная динамика участия отцов в жизни детей после развода. По крайней мере с 1994 г. по 2022 г., более чем в два раза больше московских подростков стали общаться с отцами, проживающими в другом домохозяйстве, не реже раза в месяц [3, с. 8]. Увеличивается доля отцовских семейных ячеек с несовершеннолетними детьми. Так, в целом по России в 2002 г. было 3% отцовских ячеек, в 2010 г. – 4%, в 2020 г. – 7% (в Москве 18%) [15, с. 248].

Научная проблема заключается в знании о снижении показателей рождаемости, с одной стороны, интенсификации отцовства – с другой, и недостаточной изученности факторов, связанных с репродуктивными намерениями и поведением мужчин.

Репродуктивное поведение мужчин можно определить с помощью как минимум таких индикаторов, как участие в принятии решения о зачатии, прерывании беременности, использование контрацепции, поддержание своего репродуктивного здоровья, проведение диагностики в отношении заболеваний, влияющих на здоровье будущего ребенка, использование репродуктивных технологий, в том числе для того, чтобы быть единственным родителем ребенка. В данной работе рассматривается число детей либо отсутствие детей у мужчин.

Цель статьи – представить данные о среднем числе детей и репродуктивных намерениях мужчин с различным уровнем образования, проанализировать особенности бездетных мужчин в зрелом возрасте в сравнении со сверстниками, имеющими детей, и описать результаты зарубежных исследований о влиянии отцовства на благополучие мужчин.

Результаты и обсуждение

Факторы репродуктивных намерений

Колебания желаемого и ожидаемого числа детей у мужчин и женщин изучались на общероссийских выборках в разные временные периоды в зависимости от принимаемых государством материальных мер поддержки семей с детьми. И мужчины, и женщины с низким материальным достатком в семье хотели большее число детей, что было явно видно в периоды принятия мер [16, с. 81].

В этой работе на данных РПН-2022 анализировались репродуктивные намерения мужчин в возрасте 25–44 года, пока не имеющих детей, и отцов, исходя из того, что это наиболее активный брачный и репродуктивный период. Верующие ($V=0.20$), часто посещающие службы ($V=0.22$) мужчины, верующие ($V=0.15$), часто

посещающие службы ($V=0.21$) отцы чаще планируют иметь троих и более детей в сравнении с неверующими и теми, которые редко или никогда не посещают церковь. Оценка уровня жизни домохозяйства, перспектив улучшения этого уровня в ближайшие три года и жилищных условий статистически значимо не связаны с репродуктивными намерениями мужчин, пока не имеющих детей, и отцов.

Данные разных авторов об установках на бездетность различаются. Каждый десятый россиянин собирается остаться бездетным [16, с. 83]. Семья без детей является желаемой для 2.2% жителей Ивановской области, «мужчин, желающих иметь такую семью, больше на 1.2%» [17, с. 104].

По данным РПН-2022, в возрасте 25–44 года 11% мужчин не планируют иметь детей (в ответе на вопрос: «Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы собираетесь иметь?» – отметили ноль). Очевидно, что эта доля различается по возрастным группам. Среди не имеющих детей мужчин не планируют иметь детей в обеих возрастных группах больше мужчин со средним уровнем образования (см. табл. 1).

Анализировались ответы на вопрос в исследовании РПН-2022: «Обычно люди хотят достичь в своей жизни определенных целей. Отметьте, насколько эти цели важны для Вас лично». В таблице 2 приведены проценты ответивших «важна и очень важна», а также степень различия по каждому пункту между планирующими и не планирующими иметь детей мужчинами. Можно видеть, что для обеих групп мужчин важны такие жизненные цели, как карьерный рост, собственное хорошее жилье, семейное дело (предприятие, хозяйство, земельный участок), чтобы работать только в нем, вкладывать в него средства и силы, жить на полученный от него доход, интересно проводить досуг и много общаться с друзьями. Наибольшие различия в отношении целей, связанных с семьей и высокой заработной платой. Вероятнее всего, если такие мужчины и станут мужьями, то роль добытчика будет для них лишь декларативной, ритуальной. Большинство мужчин, не имеющих и не планирующих иметь детей, хотят «быть свободным, независимым и делать то, что хочу только я», то есть вести одиночно-холостяцкий образ жизни.

Мужчины в зрелом возрасте

Согласно данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, среди отцов в возрасте 50–60 лет значительны и различия числа детей в зависимости от уровня образования. Причем наметилась тенденция уменьшения среднего числа детей у отцов, имеющих среднее образование и среднее

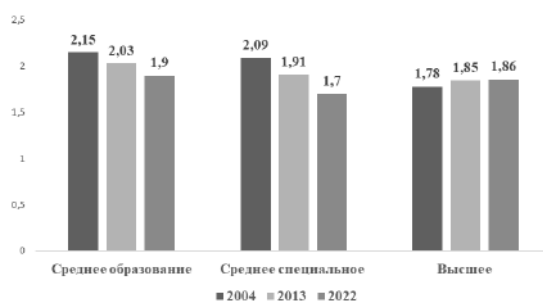

Рис. 3. Динамика среднего числа детей у отцов 50–60 лет различного уровня образования, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2004, 2013, 2022

специальное образование. У отцов с высшим образованием и научной степенью среднее число детей, пусть и незначительно, увеличивалось (рис. 3). В 2004 г. наибольшее среднее число детей было у мужчин-рабочих, наименьшее – у мужчин высшего уровня квалификации. В 2022 г. наибольшее среднее число детей у мужчин специалистов среднего и высшего уровня квалификации (1,79), наименьшее – у квалифицированных рабочих, использующих машины и механизмы (1,74).

Сходную тенденцию можно видеть и в отношении брака, то есть уменьшение доли состоящих в браке мужчин со средним и средним специальным уровнем образования в сравнении с имеющими высшее образование (рис. 4). Отсутствие специального образования в условиях постиндустриальной экономики не способствует стабильной занятости с высоким доходом, уверенности в создании материальной основы семьи и реализации своих репродуктивных намерений.

Еще в начале 1980-х гг. социолог Элис Росси отмечала, что вследствие разделения брака и родительства больше мужчин, нежели женщин, остаются без семейных и родительских обязанностей. Таких мужчин, по крайней мере в те годы, было существенно больше среди злоупотребляющих алкоголем и наркотиками, совершающих сексуальное насилие, преступления и мелкие правонарушения. И не появились новые институты, которые могли бы заменить семью и обеспечить индивидуальную привязанность и социально адаптировать таких мужчин, кроме армии и тюрьмы [18, р. 5].

В международной статистике приводится показатель окончательной бездетности женщин, который рассчитывается как доля бездетных женщин в возрасте 40–44 года, но не мужчин [19]. В США, по последним данным, в возрасте 50–60 было 23% бездетных мужчин [20, р. 4]. Анализ данных выборок бездетных мужчин американских репрезентативных исследований в последние два десятилетия показал, что на

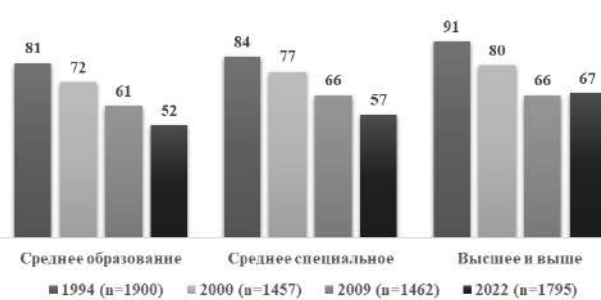

Рис. 4. Динамика состоящих в браке мужчин 25–49 лет с различным уровнем образования, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 1994, 2000, 2009, 2022

протяжении этого периода все большая доля бездетных мужчин не хотят иметь детей, при этом отсутствие детей их вообще не беспокоит [21, р. 293].

На основе лонгитюдного исследования американской молодежи анализировались репродуктивные намерения мужчин на протяжении жизненного пути от 22 до 47 лет, которые предшествовали бездетности среди мужчин. Выделено 4 группы бездетных мужчин. В первой группе (29%) решили оставаться бездетными в 18–24 года и впоследствии не меняли своих намерений. Во второй группе (29%) решили остаться бездетными после 35 лет, когда большинство сверстников уже стали отцами. В третьей группе (25%) продолжали надеяться иметь ребенка и после 40 лет. И в четвертой группе (17%) часто меняли свои намерения на протяжении жизненного пути в зависимости от отсутствия или наличия партнёрши, характера работы и дохода [22, р. 12].

На данных исследования итальянских домохозяйств было показано, что многие бездетные мужчины имеют низкий уровень образования, работают на низкооплачиваемой работе либо, наоборот, мужчины с высшим образованием имели нестабильную занятость на протяжении жизненного пути или в течение длительного периода получали образование [23, р. 453].

В России, согласно РПН-2022, среди мужчин в возрастной группе 50–60 лет не имели детей 13%, по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ – 2022, не имели родных или официально усыновленных детей в этом возрасте 11% мужчин (в 2004 и 2013 г. 9%). Небольшие различия могут быть связаны с формулировкой вопроса. Во втором случае вопрос задается и о родных, и об официально усыновленных детях.

В целом же по обеим базам данных наблюдаются сходные закономерности. В этом возрасте не имеют детей почти в два раза больше мужчин со средним уровнем образования в сравнении с имеющими высшее или среднее специальное. Среди них более трети никогда не

Таблица 3

Бездетные мужчины в сравнении с отцами в возрасте 50–60, РМЭЗ НИУ ВШЭ – 2022, n=726, %

Индикаторы	Отцы	Бездетные мужчины
Курят	47	47
Употребляют хотя бы иногда алкогольные напитки, включая пиво	73	67
Употребляли алкогольные напитки в течение последних 30 дней	70	65
Оценивают здоровье как хорошее	35	23
Удовлетворены жизнью	52	36
Не удовлетворены жизнью	19	33
Имели в течение последних 12 месяцев серьёзные нервные расстройства, депрессии	5	10

состояли в браке, около 40% не работают или имеют только случайные, нерегулярные заработки, по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ – 2022, среди работающих значительна доля (39%) квалифицированных рабочих, использующих машины и механизмы.

Стереотип, согласно которому бездетные мужчины эгоистичны, сложно проверить в эмпирическом исследовании, поскольку причинно-следственная связь может быть обратной. Именно отсутствие детей и необходимости заботиться о них формирует особый стиль жизни мужчин.

Среди бездетных мужчин в сравнении с отцами в возрасте 50–60 лет больше неудовлетворенных жизнью, имевших серьёзные нервные расстройства, депрессии и меньше оценивающих здоровье как хорошее (табл. 3). При этом по индикаторам курения и употребления алкоголя различий нет.

Благополучие отцов

Интерес исследователей к изучению отцовства при переходе к постиндустриальному обществу в развитых странах был обусловлен увеличением числа работающих женщин, изменением представлений о приоритете присутствия матери в жизни ребенка, все большим вниманием к благополучию детей. Методологически эти исследования в 1990-е гг. переориентировались от изучения влияния отсутствия отца на формирование личности детей («полные-неполные» семьи) на анализ вовлеченности отцов, в том числе и проживающих в другом домохозяйстве.

В последнее десятилетие наметилось новое направление исследований – влияние отцовства на благополучие самих отцов. Зарубежные ученые установили, что наличие детей в большей мере влияет на продолжительность жизни мужчин, нежели женщин [24, р. 69]. В процессе перехода к родительским ролям многие мужчины начинают вести более здоровый образ жизни. Так, городские отцы с низким уровнем дохода при переходе к отцовству отказывались от употребления психоактивных веществ [24, р. 72]. Согласно данным репрезентативного лонги-

тюдного исследования, после рождения ребенка снижается потребление алкоголя мужчинами [25, р. 447]. В исследовании румынских и шотландских отцов показано, что дети помогают мужчинам избавиться от таких вредных привычек, как курение, употребление наркотиков и неосторожное вождение [26, р. 287]. Согласно данным сравнительного исследования отцов в шести азиатских странах, отцы, которые были вовлечены в уход и общение с детьми, чаще отмечали хорошее состояние здоровья, удовлетворенность жизнью и значительно реже депрессии [27, р. 186].

Выводы

По данным РПН-2022 установлено, что в возрастной группе 25–44 года верующие и часто посещающие религиозные службы мужчины, не имеющие детей, и отцы в несколько раз чаще планируют иметь троих и более детей в сравнении с неверующими и теми, которые не посещают церковь/мечеть. Оценка уровня жизни своего домохозяйства, перспектив улучшения этого уровня в ближайшие три года и жилищных условий не связаны с числом детей, которое планируют иметь мужчины, не имеющие детей, и отцы.

Среди не имеющих детей в возрасте 25–44 года статистически значимо больше не планируют иметь детей мужчины со средним уровнем образования. В свою очередь, меньше таких мужчин считают для себя важными такие цели, как воспитание детей, жизнь в зарегистрированном браке, высокая заработная плата за свою работу. Большинство их хотят быть свободными, независимыми и делать то, что хотят только они, то есть вести одиночно-холостяцкий образ жизни.

Уровень бездетности среди мужчин невысок, в 2022 г. в возрастной группе 50–60 лет не имели детей 11–13% мужчин (РПН-2022, РМЭЗ НИУ ВШЭ – 2022). Установлена тенденция уменьшения среднего числа детей у мужчин в возрасте 50–60 лет, имеющих средний уровень образования, и незначительного увеличения этого числа среди мужчин с высшим образованием (РМЭЗ НИУ ВШЭ – 2004, 2013, 2022).

В дальнейшем изучении нуждаются причины установок на бездетность мужчин различных социальных и возрастных групп, характер участия мужчин в принятии решений о рождении ребенка партнёршей/супругой, динамики баланса времени, которое родители проводят с детьми различного возраста, распространенности партнерских родов, а также фактической совместной опеки над детьми после развода. Инициатива РПЦ о необходимости сокращения допустимых сроков проведения аборта и получения обязательного согласия супруга на прерывание беременности требует широкого общественного обсуждения.

Результаты зарубежных исследований свидетельствуют о положительном влиянии отцовства на благополучие мужчин. На данных РМЭЗ НИУ ВШЭ – 2022 показано, что среди бездетных мужчин в сравнении с отцами в возрасте 50–60 лет больше неудовлетворенных жизнью, имевших серьезные нервные расстройства, депрессии, а также меньше оценивающих здоровье как хорошее. Такие результаты могут быть востребованы для пропаганды преимуществ родительства среди российских юношей и мужчин.

Примечания

1. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения 2022. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN22/index.html (дата обращения: 23.08.2023). Выборка: 15 тыс. домохозяйств, опрошен один из членов домохозяйства, женщина в возрасте 18–44 года или мужчина в возрасте 18–60 лет (дата обращения: 12.08.2023).

2. «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (RLMS-HSE web sites: <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>, <https://www.hse.ru/org/hse/rlms>) (дата обращения: 20.09.2023).

3. Например, China Time Use Survey, American Time Use Survey, Canadian General Social Survey (GSS) – Time Use.

4. Данные РПН-2012 недоступны в связи с переходом Росстата на отечественные программные средства предоставления и визуализации статистических данных.

5. Выборочное наблюдение использования суточного фонда времени населением 2019. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond19/index.html (дата обращения: 20.08.2023).

Список литературы

1. Демография. Суммарный коэффициент рождаемости. 2023 / Федеральная служба государственной

статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 20.08.2023).

2. Антонов А.И. Социологический анализ репродуктивных установок на число детей и сроки их рождения // Социальная динамика населения и устойчивое развитие: I Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием: Сборник тезисов, Москва, 04 октября 2018 года / МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: ООО «МАКС Пресс», 2018. С. 344–347.

3. Гурко Т.А. Развитие института родительства: анализ эмпирических показателей // Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 3–14. DOI: 10.21064/WinRS.2022.4.1.

4. Янак А.Л. Факторная модель отцовской вовлеченности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25. № 4. С. 140–176. <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.4.6>.

5. Ангелова Е., Тёмкина А. Отец, участвующий в родах: гендерное партнерство или ситуативный контроль? // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности: Коллективная монография / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Роткирх, А. Тёмкиной. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. 524 с.

6. Ortiz-Ospina E. Are parents spending less time with their kids? // Our World in Data. 2020. URL: <https://ourworldindata.org/parents-time-with-kids> (дата обращения: 20.08.2023).

7. Schaeffer K. Key facts about dads in the U.S. / Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2023/06/15/key-facts-about-dads-in-the-us/> (дата обращения: 20.09.2023).

8. Nomaguchi K., Milkie M.A. Parenthood and well-being: A decade in review // Journal of Marriage and Family. 2020. Vol. 82. № 1. P. 198–223. DOI: 10.1111/jomf.12646.

9. Cha Y., Park H. Converging educational differences in parents' time use in developmental childcare // Journal of Marriage and Family. 2021. Vol. 83. № 3. P. 769–785. <https://doi.org/10.1111/jomf.12720>.

10. Гурко Т.А. Отцовство в молодых семьях и после развода // Актуальные проблемы родительства в России / Отв. ред. Т.А. Гурко. М.: Институт социологии РАН, 2013. С. 52–72.

11. Киселева А. В Госдуме обсудили предложения по ограничению абортот РПЦ и медиков // Ведомости. 2023. 30 октября. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/10/30/1003197-v-gosdume-obsudili-predlozheniya-po-ogranicheniyu-abortov?ysclid=lojucmr4up238166207> (дата обращения: 02.11.2023).

12. Кирса А.С. Проблемы дискриминации российского отцовства // Молодой ученый. 2021. № 42 (384). С. 93–95.

13. Шевченко И.О. Отцы и отцовство в современной России: социологический анализ. М.: Тривант, 2019. 300 с.

14. Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Материнский гейткипинг в России: молодые отцы о матерях и барьерах доступности детей после развода // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 463–498. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1680>.

15. Гурко Т.А. Диверсификации института семьи и репродуктивные установки в России // Городские миры России и Китая: модернизация и ее влияние: Монография / М.К. Горшков [и др.]; отв. ред. М.К. Горшков, Ли Пэйлинь, П.М. Козырева, М.Ф. Черныш; ФНИСЦ РАН. М.: Изд-во «Новый Хронограф», 2023. С. 245–271. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-415-4.2023.
16. Чурилова Е.В., Захаров С.В. Репродуктивные установки населения России: есть ли повод для оптимизма? // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2019. № 3–4 (129). С. 69–88.
17. Гафизова Н.Б., Цалко Е.О. Репродуктивные установки мужчин (на примере Ивановской области) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 3 (59). С. 102–106.
18. Rossi A.S. Gender and parenthood // *American Sociological Review*. 1984. Vol. 49. № 1. P. 1–19.
19. SF2.5. Childlessness // OECD Family Database: [online]. URL: https://www.oecd.org/els/family/SF_2-5-Childlessness.pdf (дата обращения: 15.09.2023).
20. Lindsay M., Knop B. Men's fertility and fatherhood: 2014. Current Population Reports, P70–162, U.S. Census Bureau, Washington, DC, 2019. 21 p.
21. Bozick R. An increasing disinterest in fatherhood among childless men in the United States: A brief report // *Journal of Marriage and Family*. 2023. Vol. 85. № 1. P. 293–304. <https://doi.org/10.1111/jomf.12874>.
22. Verweij R.M., Keizer R. Remaining childless: examining the different patterns of expectations that lead to a childless life for men // *SN Social Sciences*. 2023. Vol. 3. Article number 60. P. 1–24. <https://doi.org/10.1007/s43545-023-00642-6>.
23. Tocchioni V. Exploring the childless universe: Profiles of women and men without children in Italy // *Demographic Research*. 2018. Vol. 38. Article 19. P. 451–470. DOI: 10.4054/DemRes.2018.38.19.
24. Kotelchuck M. The impact of fatherhood on men's health and development // In: *Engaged Fatherhood for Men, Families and Gender Equality: Healthcare, Social Policy, and Work Perspectives*. Grau-Grau M., Las Heras, M. and Bowles H. eds. Barcelona: Springer, 2022. P. 63–92.
25. Torche F., Rauf T. The transition to fatherhood and the health of men // *Journal of Marriage and Family*. 2021. Vol. 83. № 2. P. 446–465. <https://doi.org/10.1111/jomf.12732>.
26. Macht A. The role of love and children's agency in improving fathers' wellbeing // In: *Engaged Fatherhood for Men, Families and Gender Equality: Healthcare, Social Policy, and Work Perspectives*. Grau-Grau M., Las Heras, M. and Bowles H. eds. Barcelona: Springer, 2022. P. 279–298.
27. Schoppe-Sullivan S.J. and Fagan J. The evolution of fathering research in the 21st Century: Persistent challenges, new directions // *Journal of Marriage and Family*. 2020. Vol. 82. № 1. P. 175–197. <https://doi.org/10.1111/jomf.12645>.

REPRODUCTIVE INTENTIONS AND BEHAVIOR OF MEN

T.A. Gurko

Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences

The problem of low birth rate in Russia and the search for ways to optimize this level continues to be relevant. The scientific problem consists in knowing about the decline in fertility rates, on the one hand, the intensification of fatherhood, on the other, and the lack of knowledge of factors related to the reproductive intentions and behavior of men. The databases of the «Selective observation of the reproductive plans of the population» (RPN-2022) of the Federal State Statistics Service and «The Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics» (RLMS-HSE-2004, 2013 and 2022) were used. The reproductive intentions of men are analyzed depending on the level of education, the frequency of attendance at religious services, the assessment of the standard of living of the household, the prospects for improving this level in the next three years and housing conditions.

The attitudes of men to childlessness are considered, depending on the level of education and age and the level of childlessness of men in the age group of 50–60 years. A comparative analysis of the life goals of men planning and not planning to have children was carried out. Data on the dynamics of the average number of children and marital status among men with different levels of education are presented.

It is shown that in comparison with fathers aged 50–60, more childless men dissatisfied with life, had serious nervous disorders, depression and fewer of them assess their health as good. At the same time, there are no differences in indicators of smoking and alcohol consumption. The results of foreign studies on the influence of fatherhood on the well-being of men are also analyzed.

Keywords: men, average number of children, reproductive intentions, childlessness, well-being.

УДК 316.4

DOI 10.52452/18115942_2024_1_74

БРАЧНЫЕ, РЕПРОДУКТИВНЫЕ, САМОСОХРАНИТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ЧЛЕНОВ СТУДЕНЧЕСКИХ СЕМЕЙ: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ГЛУБИННОГО ИНТЕРВЬЮ

© 2024 г.

Т.К. Ростовская, Е.Н. Васильева

Ростовская Тамара Керимовна, д.соц.н.; проф.; заместитель директора по научной работе
Института демографических исследований Российской академии наук, Москва
rostovskaya.tamara@mail.ru

Васильева Екатерина Николаевна, д.соц.н.; доц.; главный научный сотрудник
Института демографических исследований Российской академии наук, Москва
vasilevaen@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 12.12.2023

Статья принята к публикации 29.01.2024

Анализ статистических данных показывает, что демографическая ситуация в России остается неблагоприятной. Для предотвращения снижения численности населения, поддержки рождаемости в более ранних возрастах в некоторых регионах были введены единовременные выплаты при рождении первого ребенка женщинами в возрасте до 24 лет включительно. Снижение возраста первых рождений может благоприятно сказаться на суммарном коэффициенте рождаемости. Авторы предлагают для преодоления рисков студенческой брачности и рождаемости разработать стратегии поддержки института студенческих семей. Студенческая семья является моделью более раннего вступления в брак, а в некоторых случаях более ранней рождаемости по сравнению со среднестатистическими показателями в современном российском обществе. Цель исследования – описать брачные, репродуктивные и самосохранительные стратегии членов студенческих семей. Выводы в данной работе опираются на результаты глубинного интервью, проведенного в рамках всероссийского исследования ($n=80$).

Авторы приходят к выводу, что для развития института студенческой семьи необходимо не только разрабатывать механизмы обеспечения основных потребностей студенческой семьи, но и информировать социум об успешных практиках ее функционирования. Исследование брачного, репродуктивного, самосохранительного поведения членов студенческих семей показывает, что молодые люди в основном воспроизводят целерациональные и ценностно-рациональные стратегии поведения, ориентированы на самообеспечение. В то же время студенты плохо информированы о программах поддержки молодых семей. В некоторых случаях родители членов молодых студенческих семей формируют установки молодежи на отложенное родительство, передают отрицательное отношение к пожилому возрасту и повышению продолжительности жизни, что негативно влияет на стратегии самосохранительного поведения молодых людей. Образовательные организации являются институтами, которые могут оказывать поддержку студенческой семье, а также стать каналом повышения информированности молодежи о программах поддержки молодой семьи и сохранения здоровья.

Ключевые слова: демографическая ситуация, молодая семья, студенческая семья, брачное поведение, репродуктивное поведение, самосохранительное поведение, типы социального действия, благополучная семья.

Введение

В общественном дискурсе все большее внимание отводится демографическим проблемам, в первую очередь связанным с низкой рождаемостью в молодых семьях. На этом фоне актуальными становятся вопросы поддержки института студенческой семьи и рождения первого ребенка женщинами в возрасте от 18 до 24 лет включительно. Сегодня действуют программы поддержки молодых семей, в которых возраст каждого из супругов не превышает 35 лет, а в некоторых регионах осуществлялись единовременные выплаты при рождении первого ребенка женщинами в возрасте до 24 лет включительно¹. В то же время данные меры нельзя назвать

эффективными: во-первых, материальные выплаты женщинам при рождении детей в возрасте до 24 лет включительно нельзя назвать существенными для формирования материального благополучия семьи. Во-вторых, общемировые тренды, включая Россию, показывают увеличение возраста рождения женщиной первенцев [1]. В-третьих, есть много исследований, относящих ранние браки и раннюю рождаемость к спорным явлениям [2, 3], так как нет материальной базы для рождения детей [4], высока вероятность развода [5, 6], риск неготовности к родительству [7]. К ранним бракам и ранним рождением относят браки и рождения до достижения обоими или одним из супругов совершеннолетия. В нашем исследовании речь

будет идти о заключении брака или рождении детей в возрасте от 18 лет, но до завершения обучения по программам высшего образования.

Границы возраста студентов очной формы обучения можно определить следующим образом:

– для обучающихся, поступивших после получения общего среднего образования, окончания 11 классов или получения среднего профессионального образования в высшие образовательные учреждения на дневное отделение, – это 17–23 года;

– для обучающихся в высших учебных заведениях по программам магистратуры нет предельного возраста, так как если после окончания бакалавриата (специалитета) человек вышел на рынок труда, то вернуться к обучению он вправе в любом возрасте; в случае если обучение проходит сразу после окончания бакалавриата (специалитета), – это 23–25 лет.

Для фиксации понятия «студенческая семья» будем опираться, во-первых, на работу Т.К. Ростовской, Е.А. Князьковой: *«семья, в которой оба супруга находятся в возрасте до 25 лет (включительно), состоят в зарегистрированном браке и являются студентами очной формы обучения образовательных организаций высшего образования. Для детной (многодетной) студенческой семьи возраст может быть увеличен до 30 лет (при условии, что один из супругов является студентом очной формы обучения образовательной организации высшего образования)»* [8]. Во-вторых, на статистические данные, согласно которым около трети молодежи в возрасте 17–25 лет являются студентами вузов². Целью нашего исследования является описание брачных, репродуктивных и самосохранительных стратегий членов студенческих семей как специфического типа молодых семей. Основная задача исследования – раскрыть специфику функционирования студенческих семей, продолжая традиции российских авторов, рассматривающих студенческие семьи как ресурс демографического развития [9–13].

Методология и эмпирическая база научного исследования

Методология представленного исследования опирается на теорию социального действия М. Вебера [14], а также на российские фамилистские концепции [15]. Эмпирической базой послужили результаты авторского исследования, проведенного под руководством специалистов ИДИ ФНИСЦ РАН в 2022 г., полученные методом глубинного интервью членов студенческих семей (с детьми и без детей) возрастных групп с 18 до 25 лет включительно ($n=80$; было

собрано 87 интервью, из них 7 отбраковано). Исследование проведено в 10 регионах России. Рекрутинг информантов производился через администрацию высших учебных заведений РФ, в исследовании приняли участие Московский городской педагогический университет, Московский медико-стоматологический университет, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва), Российский государственный социальный университет (г. Москва), Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва); Башкирский государственный университет (Республика Башкортостан, г. Уфа); Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (Республика Мордовия, г. Саранск), Удмуртский государственный университет (Удмуртская Республика, г. Ижевск); Волгоградский государственный университет (Волгоградская область, г. Волгоград), Муромский институт – филиал Владимирского государственного университета (Владимирская область, г. Муром); Ивановский государственный университет (Ивановская область, г. Иваново), Омский государственный университет (Омская область, г. Омск); Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Свердловская область, г. Екатеринбург), Тверской государственный университет (Тверская область, г. Тверь). Для обработки полученных результатов использовались метод «обоснованная теория» и методика реконструкции жизненного пути семьи.

Брачные стратегии членов студенческих семей

Брачные стратегии проанализируем через мотивацию к заключению брака, а также как систему взаимодействий молодых людей в семье после заключения брака. В исследуемых кейсах мотивация молодых семей формировалась как под давлением родителей (в этих случаях брак можно рассматривать как вынужденный [11]), так и независимо, в том числе без одобрения родителями. В то же время нам не встретились случаи разрыва отношений информантов с родительской семьей из-за заключения брака.

«Родители, конечно, не были уверены, нужно ли мне это сейчас, но пришлось смириться. Часто видимся с родителями, каждый день практически» (информант 1, жен., 23 года, г. Уфа);

«Мои родители с подозрением отнеслись (примечание: к решению заключить брак) и даже возражали, т.к. я ещё студентка и рано выхожу замуж; отец мужа – нейтрально» (информант 17, жен., 22 года, г. Москва);

«Маме супруга было жалко отдавать своего сына. Супруг часто советуется с мамой» (информант 26, жен., 19 лет, г. Муром);

«Мама сначала была против брака, но была рада Венчанию» (информант 86, жен., 23 года, 1 ребенок, г. Омск).

Необходимо отметить, что мотивация к заключению брака в студенческой семье формируется осознанно, брак становится результатом целерационального и ценностно-рационального действия, обусловленного специфическими обстоятельствами, в том числе серьезными событиями, которые привели к раннему взрослению личности; спецификой социализации, когда сформирована ответственность и установки к рождению детей.

«У меня была операция в 2020 году. И как бы, если человек об этом не знает <...> это никак особо не проявляется в жизни, но раз в восемь-десять лет мне нужно делать операцию. И я не скажу, что это долгий процесс, но и не быстрый. Психология немного меняется <...> Какая-то, короче, перезагрузка» (примечание: информант о мотивации регистрации брака) (информант 69, жен., 22 года, г. Ижевск);

«Свадьбы не было, просто расписались. Мне 20 лет должно было исполниться, нужно было, чтобы я паспорт поменяла. И решили, чтобы с документами не мучиться» (информант 76, жен., 21 год, г. Ижевск);

«Наше желание зарегистрировать брак было не потому, что мы хотели просто стать мужем и женой, а чтобы в наших отношениях появились дети. Как только почувствовали, что можем уже содержать ребенка, мы уже начали планировать» (информант 2, жен., 22 года, собственное жилье, г. Уфа).

Есть и мотивы, которые можно квалифицировать как аффективное действие, как удовлетворение эмоциональной потребности отделиться от родительской семьи, не учитывая рациональные аргументы, высказанные против брака.

«Он игривый, он любит поиграть, поэтому у нас часто бывают ссоры <...> Моя мама моего супруга, когда мы просто встречались, она его выгоняла из дома, он ей не нравился. Ну потому, что он приходил, отвлекал меня от экзаменов...» (информант 67, жен., 20 лет, г. Ижевск).

В случае вынужденных браков, заключенных под давлением родителей или в связи с внеплановой беременностью, супруги чувствуют неудовлетворенность [11]. В иных случаях положительно отзываются о брачном опыте: *«Супружество укрепило уверенность в завтрашнем дне, в том, что есть человек, который всегда рядом и всегда поможет»* (информант 19, жен., 23 года, г. Москва).

Важными критериями благополучия семьи являются наличие жилья и материальная обеспеченность. Студенческие семьи проживают и в университетских общежитиях, и в арендованном жилье, и в собственном, в том числе купленном по программам ипотечного кредитования (в этом случае хотя бы один из супругов должен быть официально трудоустроен), в жилье, находящемся в собственности родителей.

«Мы живем в семейной комнате общежития, от университета. Конечно, думаем о собственном жилье, но не знаю, насколько это реально в течение нескольких лет. О программах государственной поддержки даже не слышала» (информант 1, жен., 23 года, г. Уфа);

«На самом деле, обман – всё это, там, про 5% и так далее и тому подобное, потому что пока вы учитесь, вы, грубо говоря, официально нигде не работаете, и как бы ипотеку вам не дают. Нужно официально проработать полгода хотя бы, поэтому я устроился официально, чтобы взять ипотеку» (информант 7, муж., 22 года, 1 ребенок, г. Иваново);

«Стояли в очереди как молодая семья за сертификатом на покупку жилья. Встали в очередь, но пока поддержку не получили, потому что большая очередь» (информант 13, жен., 25 лет, 1 ребенок, г. Саранск).

Показательно, что если стратегия молодых супругов в браке – самообеспечение, то они становятся материально независимыми от родителей, показывают финансовую грамотность в планировании бюджета.

«Мы считаем, что денег много не бывает, люди всегда найдут, на что потратить. Для нас никогда не было страхом тратить больше и тем самым увеличивать свой доход. Мы всегда находим ресурсы для заработка, поэтому у нас нет такого, что нам не хватает денег» (информант 2, жен., 22 года, г. Уфа);

«Мы два работающих студента, финансов запросто хватает на жильё за МКАДом, на продукты, повседневные развлечения, досуг – кино, кафешки, выставки, концерты» (информант 18, жен., 20 лет, г. Москва);

«Вообще помощи не просим. У меня в моей семье 8 детей. Из них вот получается я третья уже в браке. Родители помогают старшему брату деньгами и старшей сестре. Ещё вот младшая беременная ходит, поэтому я сама справлюсь. Вот... А родители мужа, они старенькие уже, больные, поэтому мы им помогаем» (информант 67, жен., 20 лет, г. Ижевск);

«Сейчас финансовая ситуация гораздо лучше, чем когда я жила с родителями» (информант 86, жен., 23 года, 1 ребенок, г. Омск).

Доходы студенческой семьи не всегда зависят от того, являются оба супруга студентами или один из супругов уже закончил образование. Два подрабатывающих студента могут быть обеспечены так же хорошо, как и члены семьи, где один супруг является неработающим студентом, а второй – уже закончил образование и вышел на постоянное место работы. Возможно, это зависит, кроме личных установок, от региона проживания. Многие зависят и от понимания распределения обязанностей в семье.

«У меня всегда был пример моих родителей, где все-таки папа – это человек, который приносит доход в семью, а мама – это человек, который больше домохозяйка. Я понимала, что я точно, именно так, не хочу...» (информант 2, жен., 22 года, собственное жилье, г. Уфа);

«Он у нас добытчик в семье, он у нас работает, а я учусь за себя и за него, так сказать. Ну, я занимаюсь домашним хозяйством, естественно, а он нет. В будущем, конечно, я планирую работать, как закончу университет, чтобы помогать своему супругу, потому что мы собираемся брать ипотеку. Мы у родителей деньги не берем. Ну, на праздники они могут деньги подарить» (информант 6, жен., 21 год, г. Иваново);

«Например, если в традиционной семье, там сто лет назад, допустим, всё было понятно: мужчина – «глава семьи», «добытчик», а женщина, естественно, рождает, воспитывает детей, занимается домашним хозяйством, то сейчас это изменилось, это уже всё устарело. Мне кажется, вообще сейчас практически ни у кого в семьях уже нет подобного распределения ролей, ну, я думаю, везде уже равенство» (информант 72, жен., 20 лет, г. Ижевск);

«Нашу семью содержит муж. Я работаю для души, для себя, для удовольствия» (информант 75, жен., 21 год, г. Ижевск).

Беспокойство вызывают у части информантов ситуации, когда женщина ориентирована на традиционную модель семьи, но вынуждена работать: *«Нет такой возможности зарабатывать миллионы, чтобы меня содержать, вот приходится и мне, и ему работать»* (информант 76, жен., 21 год, жилье снимают, г. Ижевск).

Репродуктивные планы студенческих семей

Репродуктивные планы студенческих семей в основном сопоставимы со стратегиями, типичными для молодых семей. Есть кейсы с классическим обоснованием отложенного родительства – достижение материального благополучия, моральной готовности к деторождению,

ориентация на ответственное родительство. Мотивация не зависит от того, где проживают молодые люди – в общежитии или в собственном жилье.

«Ну, супруг говорил, что лет через 5 самое оптимальное, ну, я думаю, что ближе к 30 – нормальный возраст для того, чтобы создавать семью... в плане ребенка заводить» (информант 1, жен., 23 года, проживают в общежитии, г. Уфа);

«Если посмотреть глобально, хорошего времени не будет никогда, тем не менее для нас этот вопрос пока отложен. Количество... как Бог даст» (информант 15, муж., 25 лет, собственное жилье, г. Саранск);

«Не планируем. Значимые условия – моральная готовность и материальное положение. Семья мужа намекает на рождение ребенка, так как у них самих многодетная семья и первый ребенок родился в 20 лет; моя семья – просит не спешить, так как знает, как это трудно» (информант 19, жен., 23 года, собственное жилье, г. Москва);

«Я хочу каждый этап проходить вместе с ребёнком, каждый день быть с ним рядом, отдаваться ему максимально, а не разрываться между ребёнком и учёбой, и по итогу счастья от этого ни у кого не будет, я думаю» (информант 72, жен., 20 лет, жилье снимают, г. Ижевск);

«Мы пришли к мнению, что пока важнее карьера. Работа» (информант 82, жен., 21 год, жилье снимают, г. Ижевск).

Именно моральная готовность к рождению ребенка, то есть установки, сформированные в период социализации, становятся главным мотивом к рождению ребенка: *«В рождении ребенка главную роль играет мама, особенно на первых порах. Я поняла, что могу совмещать и карьеру, и воспитание ребенка»* (информант 2, жен., 22 года, г. Уфа).

В формировании установок большое влияние на студенческие семьи оказывают родители, в некоторых случаях они просят не откладывать рождение детей, в других случаях – не спешить с рождением:

«Я ещё учусь, родители считают, что это достаточно ранний возраст для воспитания детей» (информант 17, жен., 22 года, г. Москва);

«Родственники просят не спешить в этом вопросе, чтобы успеть пожить для себя» (информант 20, жен., 22 года, г. Москва);

«Сейчас мама очень жалеет, что других детей у нее не было, кроме меня, но я сама приемный ребенок» (информант 86, жен., 23 года, 1 ребенок, г. Омск).

Установки супругов могут совпадать, тогда оба супруга ориентированы не откладывать деторождение.

«Когда только поженились, решили, что долго не будем откладывать этот процесс. Дети особо не ограничивают жизнь. Поддержка, конечно, нужна физическая: посидеть с ребенком и по воспитанию. Планируем еще детей через какое-то время. Я в семье не одна, муж тоже, поэтому и мы хотим несколько детей» (информант 3, жен., 25 лет, собственное жилье, г. Уфа).

В большинстве кейсов установки супругов не совпадают. В ходе исследования была сформулирована гипотеза о том, что молодые люди в студенческих браках более, чем молодые женщины, ориентированы на деторождение (возможно, эту гипотезу мы сможем проверить в будущем), приведем примеры.

«Да, мой муж мечтает о большой семье. Мечтает о 5 детях, я планирую 2–3. Сейчас уже есть 1 ребенок» (информант 3, жен., 25 лет, 1 ребенок, г. Уфа);

«Всегда хотел троих, соответственно, еще два. Она сказала, рожать второго самому...» (информант 7, муж., 22 года, 1 ребенок, г. Иваново);

«Инициатива больше исходит от супруга (примечание: супруг хочет еще ребенка)» (информант 13, жен., 25 лет, 1 ребенок, г. Саранск);

«Так как мы детей любим, то поднимали даже вопрос взять из детского дома» (информант 15, муж., 25 лет, г. Саранск);

«Супруг из многодетной семьи, у него 5 детей в семье, поэтому он, возможно, захочет много, а мне поменьше хотелось бы. Оптимально один ребенок» (информант 1, жен., 23 года, г. Уфа);

«В целом супруг мечтает о двух, а я хочу всего одного» (информант 74, жен., 21 год, г. Ижевск);

«Я хочу детей, она не очень» (информант 80, муж., 18 лет, г. Ижевск).

Некоторые отказы молодых женщин от рождения детей (еще одного ребенка) обусловлены тревогой за собственное здоровье, страхом снижения привлекательности: *«Я переживаю, что я буду некрасивая, если рожу. Но с мужем обсудили, что он обеспечит мне здоровье и материальную поддержку. Даже если у меня все будет, я все равно хочу только одного ребенка»* (информант 8, жен., 22 года, г. Иваново).

В целом, репродуктивные установки тесно связаны с вопросами сохранения репродуктивного здоровья. На вопросы: «Планируете/планировали ли Вы беременность, каким образом планируете/планировали (питание, медицинское обследование, покупку жилья и др.)?» – были получены ответы, свидетельствующие о неготовности к рождению ребенка: *«Просто*

обсуждаем» (информант 5, муж., 25 лет, собственное жилье, г. Уфа), а также ответы, показывающие, что и студенческие семьи сталкиваются с медицинскими проблемами и нуждаются в поддержке: *«Пришлось обратиться к ЭКО»* (информант 12, муж., 25 лет, собственное жилье, 2 детей, г. Саранск).

Большинство кейсов показывают, что к планированию рождения ребенка тщательно готовятся: *«Мы высчитывали месяц, в котором хотим, чтобы появился наш малыш. Для нас было важно, чтобы мы могли позволить все то, что нужно будет ребенку при его рождении. Я всю беременность передвигаюсь на такси класса комфорт, а это около 300 рублей, и даже эти расходы мы предусматривали. Также витамины для беременных, анализы и другие расходы. Мы планировали ребенка именно в тот момент, когда мы могли бы все это обеспечить, так и получилось»* (информант 2, жен., 22 года, г. Уфа).

Таким образом, можно констатировать, что целерациональное поведение членов студенческих семей имеет разнонаправленные векторы. Аргументы как в пользу реализации репродуктивных установок, так и против рождения детей в студенческих семьях убедительны, за исключением случаев внеплановой беременности [11].

Самосохранительное поведение членов студенческих семей

Выявление самосохранительных установок, мотивов к долголетию производилось на основе ответов на вопросы о том, хотели ли бы информанты прожить долгую жизнь, какие причины мотивируют (или не мотивируют) прожить как можно дольше, что кажется наиболее привлекательным в долгой жизни.

Оценивая мотивацию прародителей к долголетию, информанты отмечали, что их бабушки и дедушки хотят дольше прожить, чтобы увидеть правнуков. Сами информанты разделились на две группы. Первая группа – информанты, у которых есть дети, они обязательно отмечают, что хотят увидеть, как растут дети, внуки и правнуки. Вторая группа – информанты, которые не имеют опыта родительства, их мотивации дифференцированы.

«Общение с близкими людьми» (информант 16, жен., 22 года, г. Москва);

«Увидеть, как дальше будет складываться моя жизнь и мир» (информант 18, жен., 20 лет, г. Саранск);

«Мне было бы интересно узнать и изучить, какие технологии появятся в будущем» (информант 38, жен., 22 года, г. Москва);

«Увидеть много стран, почувствовать разную жизнь. Насладиться жизнью – вот что самое главное. Понять, что ты прожил ее не зря» (информант 19, жен., 23 года, г. Москва).

Мотивы для продолжительной жизни разнообразны, но уверенность, что они могут прожить долгую жизнь, свойственна не всем молодым людям. Есть и тревожные настроения, обусловленные сложной социально-политической или экономической ситуацией, неуверенностью в качестве медицинского обслуживания, в материальных возможностях для обеспечения уровня жизни, приемлемого в разных возрастах.

«Ну, до 100 лет я не думаю, но мне хотелось бы прожить максимально сознательную жизнь. <Важно> здоровье ума, потому что с возрастом есть и деменция, и Альцгеймер, и Паркинсон – этого бы не хотелось» (информант 54, жен., 22 года, г. Тверь).

Большое влияние на молодежь оказывают родители. На вопросы: «Как в Вашей семье относятся к перспективе долгой жизни?» и «В кругу Ваших пожилых родственников и знакомых есть те, кто хотел бы жить как можно дольше?» – получены разнообразные ответы (опустим примеры с внуками и правнуками). Отметим, что тревогу за будущее молодежи часто транслируют старшие поколения.

«Есть же много человек, которые дожили до 100 лет. И они, как бы, говорят, что в этом ничего хорошего нету. Это пережить своих детей, своих внуков. Внуков пережить – это вообще-то страшно, наверное... Поэтому, я считаю, я не хочу долго жить» (информант 67, жен., 20 лет, г. Ижевск);

«Моя мама боится старости» (информант 23, жен., 23 года, г. Москва);

«Родители хотят жить в светлом уме, без выматывающих болезней. Иначе это не жизнь» (информант 20, жен., 22 года, г. Москва);

«Из-за ситуации в стране, которая сейчас происходит, из-за отсутствия материальных средств, потому что лекарства сейчас дорогие, из-за отсутствия семьи, детей – все приводит к отсутствию мотивации долгой жизни» (информант 11, жен., 23 года, г. Саранск).

Такие ответы определяются тем, что информанты не видят положительных примеров или пожилых людей, на которых хочется равняться, жизнь которых вызывает восхищение. В итоге пожилой возраст у информантов с повышенной тревожностью ассоциируется с болезнями, безрадостностью; а также формируются следующие установки – неприятие болезней, несчастий, отсутствие сочувствия, отстранение от пожилых людей, в результате – потеря межпоколенческих связей.

Молодые люди, которые видят примеры активности пожилых людей, восхищаются их умением стойко переносить («без нытья») испытания, готовностью пожилых людей осваивать новые технологии; умением через годы сохранить супружескую любовь; спортивными увлечениями.

«Я восхищаюсь теми людьми, которые развиваются и пробуют что-то новое для себя. Например, пожилые люди, которые резко меняют профессию или ведут тик-ток, например. Это здорово, когда они показывают, что старость – это не плохо, а очень даже весело» (информант 2, жен., 22 года, г. Уфа);

«Ну, у меня восхищение вызывает моя прабабушка, ей 96 лет сейчас будет. Ну, восхищение тем, что она до таких лет дожила, и она в здравом уме. Ей, конечно, помогают» (информант 6, жен., 21 год, г. Иваново);

«Недавно были в гостях у родной сестры деда, ей исполнилось 90 лет. Она очень подвижная, в погреб сама полезла доставать банки. У нее в голове этой цифры нет, она ее даже не чувствует» (информант 13, жен., 25 лет, г. Саранск);

«У нас есть бабушка, ей уже 90 лет, она всю жизнь маленькая, сухая женщина, но такая сильная характером, всю жизнь работала, рано погиб муж, воспитала двух детей, войну пережила. Долго сохраняла свою активность» (информант 3, жен., 25 лет, собственное жилье, г. Уфа);

«Вот, допустим у моего мужа бабушка и дедушка – идеал семьи, к которому мы стремимся, то есть они никогда не разводились, так сказать... Жили сразу вместе, с молодого возраста. У них идеальные отношения даже сейчас, в их возрасте. Знаете, вот есть такая мысль, что обычно с возрастом люди спят в разных комнатах. А у него они спят вместе. Для нас это показатель настоящей семьи, мы всегда на них смотрим и берем с них пример» (информант 6, жен., 21 год, г. Иваново).

Наряду с тем, что за образец взяты браки прародителей, некоторые информанты на вопрос: «Планируете всю жизнь прожить вместе?» – отвечали: «Да. Но сверх ожиданий, и иллюзий нет. Посмотрим» (информант 82, жен., 21 год, г. Ижевск).

Некоторые ответы о горизонте планирования продолжительности жизни также осторожны:

«В основном, я часто встречаю такие спокойные ответы из разряда: «Сколько Бог даст, столько и проживу» ...» (информант 22, жен., 22 года, г. Москва);

«Бабушки очень сентиментальные люди. Вот и дедушки тоже. Вот и сколько я себя помню, они все говорят: «Надо дожить до твоей свадьбы», а теперь все говорят: «Надо

дожить до твоих детей». Они люди советские, у них вообще всё завязано вокруг семьи» (информант 50, жен., 20 лет, г. Тверь).

Возможностями и мотивами расширить горизонт планирования продолжительности жизни молодые люди называют: доступное медицинское обслуживание; поддержку со стороны государства; безопасность; возможность реализовывать личные амбиции; желание путешествовать; улучшение экологии; повышение материального благополучия; уверенность в завтрашнем дне и будущем России; стабильность. Можно сказать, что на установки молодежи большое влияние оказывает старшее поколение, показывая образец, программируя самосохранительное поведение.

В целом, молодые люди осведомлены о политике государства, направленной на поддержку здоровья населения, некоторые информанты утилитарно рассуждают о ценности человеческой жизни для государства: «Человек является ценным, пока он активен, пока он работает» (информант 19, жен., 23 года, г. Москва), а также о пожилых людях: «Две бабушки только осталось. Люблю их, они мне деньги высылают» (информант 80, муж., 18 лет, г. Ижевск).

Поддержка членов студенческих семей

Результаты исследования показывают, что студенческие семьи плохо информированы о мерах поддержки молодой семьи. Сталкиваясь с конкретными проблемами, они редко ищут помощь в системе социальной защиты, в основном обращаются к родственникам и друзьям. Вместе с тем образовательные организации обладают ресурсами поддержки, как финансовой (материальная помощь), так и организационной (помощь в обучении, информирование и т.д.).

«Предусмотрены социальные стипендии, но надо лучше изучить этот вопрос. Пользовалась индивидуальным графиком (примечание: обучения)» (информант 3, жен., 25 лет, г. Уфа).

Что необходимо студенческим семьям?

«Я учусь на коммерции, возможно, скидка какая-нибудь за обучение, да, было бы неплохо... <...> В целом отдам должное, многие преподаватели и так идут навстречу, скидывают задание в ЭОС (примечание: электронная образовательная среда) <...> Всё равно есть переживание <...> Нет возможности прийти, я работаю, и грызет совесть, я понимаю, что я должен там быть, а у меня просто не получается сегодня прийти» (информант 7, муж., 22 года, 1 ребенок, г. Иваново);

«В материальной помощи не нуждались, но в качественных советах по супружеской жизни

я нуждалась. Спрашивала совет у родителей» (информант 8, жен., 22 года, г. Иваново);

«Нужна поддержка, столкнулись с проблемой, что в городе очень сложно найти няню, например. Можно найти социальную няню, но я не нашла. Насчет образования: много частных садов и государственных, поэтому проблемы нет» (информант 11, жен., 23 года, 1 ребенок, г. Саранск);

«С опытом приходит мудрость. Мама говорит, что нужно проявлять женскую мудрость, чего-то не замечать, где-то промолчать» (информант 13, жен., 25 лет, 1 ребенок, г. Саранск);

«Мама супруга забирает ребенка из садика, т.к. после работы не всегда получается. Это самая большая поддержка, которая требуется. Материальная поддержка не нужна» (информант 13, жен., 25 лет, 1 ребенок, г. Саранск);

«Ни я, ни жена не знаем, какую мы можем получить поддержку от государства» (информант 15, муж., 25 лет, г. Саранск).

Таким образом, студенческие семьи реализуют целерациональное, ценностно-рациональное действие. С одной стороны, они ориентированы самостоятельно решать проблемы, с другой стороны, им необходима как традиционная для молодых семей, так и специфическая поддержка – помощь в организации образовательного процесса, присмотре за детьми.

Заключение

В процессе разработки исследовательских задач для качественного исследования был поставлен вопрос: в каких случаях студенческие браки являются результатом аффективного действия молодежи, то есть обусловленного эмоциями, а в каких, в соответствии с типами социального действия М. Вебера, результатом целерационального, ценностно-рационального или традиционного действия. Выявлено, что студенческие браки полностью нельзя соотнести с идеальными типами М. Вебера, но можно выявить доминирующие мотивы. Студенческий брак является результатом аффективного действия в большей степени, когда детско-родительские отношения членов студенческих семей конфликтные и молодые люди рассматривают брак как выход из неудовлетворяющих их детско-родительских отношений. В остальных случаях основной мотив – ценностно-рациональное действие, которое после заключения брака трансформируется в систему целерациональных действий. Нельзя говорить, что студенческие браки являются результатом традиционных действий. Такие браки не являются традицией, так как статистически не распро-

странены, а в традиционных или патриархальных семьях, возможно, женщина не получает высшего образования.

Необходимо обозначить две стратегии развития отношений супругов после заключения брака – традиционная модель (мужчина «добытчик», женщина «хранительница очага») и партнерская, когда в семье формируются и воспроизводятся системы договоренностей. В партнерских семьях часто работают оба супруга. Показательно, что из 80 информантов больше половины отметили, что проживают в собственной квартире (купленной родителями одного из супругов до брака или приобретенной совместно по программам ипотечного кредитования). Информанты, проживающие в собственном жилье, отмечают, что не нуждаются в материальной помощи родителей, им требуется моральная поддержка, советы родителей, помощь по уходу за детьми. Студентам, проживающим в общежитиях, материальная помощь необходима, чаще всего отмечается, что ее оказывают родители.

Репродуктивные стратегии членов студенческих семей целерациональные. Следует подчеркнуть, что часто встречается следующий посыл информантов – супруг хочет большее количество детей, чем супруга. Зафиксировано в нескольких случаях, что причиной заключения брака стала внеплановая беременность, однако члены «вынужденных» студенческих семей характеризуют брачные отношения как конфликтные. В целом студенческие семьи стараются поддерживать отношения с родительскими семьями, однако в выборку не попали семьи, где молодые супруги проживают совместно с родителями. Благоприятные детско-родительские отношения являются для информантов ресурсом и значимым условием поддержки молодой семьи, в том числе многопоколенные семейные связи. Родители и прародители молодых супругов передают им установки на брачное, репродуктивное и самосохранительное поведение, в том числе и негативные.

Самосохранительное поведение молодых супругов строится по сценариям родителей, негативное отношение родителей к пожилому возрасту ведет к ослаблению многопоколенных связей, способствует росту тревожных настроений молодежи.

Студенческие семьи нуждаются в разнообразной помощи – материальной поддержке, психологической помощи, в получении жилья, в поиске работы, в уходе за детьми, поддержке при организации обучения, информировании. Часть обозначенных проблем можно решить с помощью ресурсов образовательных учреждений –

индивидуальные планы обучения для семей с детьми, выделение мест в общежитии, информирование о программах поддержки, организация стажировок у крупных работодателей и др.

Стратегии функционирования студенческой семьи зависят от многих факторов – готовности родителей материально помогать молодой семье, готовности и возможности молодых супругов совмещать работу и учебу, ситуации на рынке труда, потребности в отдельном жилье. Необходимо разрабатывать механизмы помощи студенческой семье в образовательных учреждениях, активизировать региональные программы поддержки, аккумулировать ресурсы помощи студенческим семьям, так как члены таких семей в большинстве случаев показывают высокий потенциал рождаемости за счет более раннего, по сравнению со среднестатистическим, сроком заключения брака, а в некоторых случаях и более раннего рождения детей.

Примечания

1. Предоставление единовременной компенсационной выплаты женщинам, родившим в возрасте от 20 до 24 лет включительно первого ребенка в период с 1 января 2018 года по 31 декабря 2019 года; женщинам, родившим в возрасте от 19 до 24 лет включительно первого ребенка в период с 1 января 2020 года // Администрация района Санкт-Петербурга. URL: <https://www.gosuslugi.ru/348984/1/info> (дата обращения: 17.10.2023).

2. Рассчитано по: Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2021 года: стат. бюллетень. Москва, 2021. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nas_el-pv_01-01-2021.pdf (дата обращения: 25.11.2023); Социальное положение и уровень жизни населения России 2021: стат. сб. / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_44/Main.htm (дата обращения: 25.11.2023).

Список литературы

1. Архангельский В.Н. Возможности использования показателей для реальных поколений при оценке динамики рождаемости // Human Progress. 2022. Т. 8. Вып. 2. С. 4. URL: http://progress-human.com/images/2022/Tom8_2/Arkhangelsky.pdf, свободный. DOI 10.34709/IM.182.4. EDN ANRXIU (дата обращения: 20.11.2023).

2. Allison R. «Why wait?»: Early marriage among Southern college students // Journal of Marriage and Family. 2023. Vol. 85. Iss. 4. <https://doi.org/10.1111/jomf.12910> (дата обращения: 10.12.2023).

3. Uecker J.E., Stokes C.E. Early Marriage in the United States // Journal of Marriage and Family. 2008. Vol. 70 (4). P. 835–846. URL: <http://www.jstor.org/stable/40056302> (дата обращения: 17.10.2023).

4. Carlson R.G., Wheeler N.J., Liu X. et al. The Relationship Between Social Support and Family Relationships Among Low-Income Couples Attending Relation-

- ship Education // Family Process. 2019. **59** (1). P. 1498–1516. <https://doi.org/10.1111/famp.12499> (дата обращения: 17.10.2023).
5. Booth A., Edwards J.N. Age at Marriage and Marital Instability // Journal of Marriage and Family. 1985. Vol. 47 (1). P. 67–75. <https://doi.org/10.2307/352069> (дата обращения: 20.11.2023).
6. Monahan T.P. Does age at marriage matter in divorce? // Social Forces. 1953. Vol. 32 (1). P. 81–87. <https://doi.org/10.2307/2572864> (дата обращения: 20.11.2023).
7. Hofferth S.L., Goldscheider F. Family structure and the transition to early parenthood // Demography. 2010. Vol. 47. P. 415–437. <https://doi.org/10.1353/dem.0.0102> (дата обращения: 20.11.2023).
8. Ростовская Т.К., Князькова Е.А. Институциональные основы становления студенческой семьи как ресурса демографического развития России // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15. № 1. С. 169–179. DOI: 10.17213/2075-2067-2022-1-169-179.
9. Ковальчук О.В., Лазуренко Н.В., Подпорошина Н.Н. Репродуктивные установки молодой (студенческой) семьи // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2018. Т. 43. № 2. С. 349–360.
10. Ростовская Т.К. Создание студенческой семьи: мотивация и жизненные стратегии членов молодых студенческих семей (итоги Всероссийского межвузовского исследования) // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Социальные науки. 2015. № 4 (40). С. 73–81.
11. Ростовская Т.К., Васильева Е.Н. Стратегии формирования благополучия студенческих семей (по результатам глубинного интервью) // Logos et Praxis. 2023. Т. 22. № 2. С. 67–80. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.8> (дата обращения: 17.11.2023).
12. Саралиева З.Х., Егорова Н.Ю., Рябинская Е.С. Брак и семья студентов в условиях трансформации // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15. № 1. С. 193–208. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-193-208> (дата обращения: 16.10.2023).
13. Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V., Vasilieva E.N. Institutional resources to support and develop the institution of student family: Regional dimensions // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2023. Vol. 16 (2). P. 112–126. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.6.
14. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4 т. Т. 1. Социология. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2021. 448 с.
15. Антонов А.И. Кризис фамилистической цивилизации в XXI веке // Экономические стратегии. 2016. Т. 18. № 1 (135). С. 40–43.

MARRIAGE, REPRODUCTIVE, SELF-PRESERVATION STRATEGIES OF STUDENT FAMILIES: ACCORDING TO IN-DEPTH INTERVIEWS

T.K. Rostovskaya, E.N. Vasilieva

Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS

Analysis of statistical data shows that the demographic situation in Russia remains unfavorable. Some regions have introduced lump-sum payments at the birth of the first child by women up to and including the age of 24 in order to prevent population decline and support fertility at earlier ages. Lowering the age of first births may have a favorable effect on the total fertility rate. The authors suggest developing strategies to support the institution of student families to overcome the risks of student marriage and fertility. The student family is a model of earlier marriage and, in some cases, earlier fertility compared to the average indicators in modern Russian society. The aim of the study is to describe the marital, reproductive and self-preservation strategies of members of student families. The findings in this paper are based on the results of in-depth interviews conducted as part of a nationwide survey ($n=80$).

The authors conclude that in order to develop the student family institution it is necessary not only to develop mechanisms to provide the basic needs of student families, but also to inform society about successful practices of its functioning. The study of marital, reproductive and self-preservation behavior of student family members shows that young people mainly reproduce goal-oriented and value-oriented strategies of behavior and are focused on self-sufficiency. Students are poorly informed about support programs for young families. Parents of young student families form young people's attitudes towards delayed parenthood, transmit negative attitudes towards old age and increased life expectancy. This has a negative impact on young people's self-preservation behavior strategies. Educational organizations are institutions that can support student families and become a channel for raising awareness among young people about young family assistance programs, health preservation.

Keywords: demographic situation, young family, student family, marital behavior, reproductive behavior, self-preservation behavior, types of social action, prosperous family.

УДК 316:61(075.9)
DOI 10.52452/18115942_2024_1_83

ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К ВАКЦИНАЦИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ КОВИД-19¹

© 2024 г.

А.А. Иудин, М.Б. Ротанова, Д.А. Шпилев

Иудин Александр Анатольевич, д.э.н.; проф.; профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
iudin46@mail.ru

Ротанова Мира Борисовна, к.филос.н.; доц.; и.о. заведующего кафедрой философии, общественных коммуникаций и туризма Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова
mrotanova@lunn.ru

Шпилев Дмитрий Анатольевич, д.соц.н.; проф.; профессор кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
shpilev72@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.10.2023

Статья принята к публикации 16.01.2024

На основании анкетного опроса «Социальная ситуация в пространстве ковид-19», проведенного авторами в декабре 2021 г. – феврале 2022 г., и многомерного статистического анализа полученных данных выявлены характеристики и размер групп сторонников и противников вакцинации, определены три типа мотивации, лежащих в основе отказа от вакцинации: обыденно-медицинская (в основе лежат мифы и стереотипы, связанные с медициной и охраной здоровья, – переболевшим ковидом прививка не нужна, прививка вызывает сильную аллергическую реакцию и т.д.), конспирологическая (существует благодаря паническим призывам, вбрасываемым в социальные сети, – коронавирус выдуман, крупные города скоро закроют на полный карантин, умерших тайно сжигают и т.д.) и криминальная (связана с покупкой QR-кода). Внутри каждой мотивации выявлены четыре группы – лояльные к требованиям государственной политики по борьбе с пандемией ковид-19, спокойные, равнодушные и нелояльные. Нелояльность воззрений различных групп населения базируется на идее о неоправданности ограничительных мер, используемой как триггер роста оппозиционных установок россиян. Лояльность, наоборот, связана с поддержкой ужесточения надзора за соблюдением правил санитарной безопасности и введения мер обязательной вакцинации. Исследование подтвердило отсутствие выраженной связи уровня лояльности к профилактическим мерам борьбы с ковидом с социально-демографическими характеристиками респондентов.

Ключевые слова: пандемия, COVID-19, вакцинация, QR-код, эмоциональное заражение, конспирология, антипрививочные настроения, группы, лояльные и нелояльные к требованиям государственной политики по борьбе с пандемией ковид-19.

Введение

Пандемия COVID-19, начало которой зафиксировано в Китае в декабре 2019 года, стала быстро распространяться по всему миру. В начале 2020 г. Всемирная организация здравоохранения объявила чрезвычайную ситуацию международного значения, определив оценку рисков как очень высокие. Пандемия затронула все сферы жизни общества – не только медицину, но и экономику, политику, международные отношения. Многие страны провели ряд необходимых изменений в законодательстве, а также ввели запрет на вывоз медицинских изделий [1, с. 143–158; 2, с. 9–25]. Дефицит средств индивидуальной защиты на первых этапах пандемии не только стимулировал развитие производства расходных средств этого товарного сегмента, но и вызвал определенные конфликты между различными странами. Возникли проблемы с аппаратами ИВЛ, радикально измени-

лись условия труда медиков. Произошло падение в области туристической, ресторанного бизнеса, транспорта, автомобильной промышленности, изменилась структура работы розничной торговли [3, с. 4–10].

Пандемия внесла серьезные изменения в привычные способы функционирования системы среднего и высшего образования, последствия которых до сих пор нуждаются в серьезной оценке [4, с. 39–50; 5, с. 18–22; 6, с. 21–25]. Серьезные изменения произошли и в системе управления персоналом [7, с. 216–218].

Медицинский аспект данной проблемы был решен достаточно быстро: вакцину «Спутник V» в России зарегистрировали в августе 2020 г., однако процесс вакцинации проходил в России, как и во всем мире, довольно медленно. Одной из причин таких недостаточно быстрых темпов явилось опасение людей по поводу безопасности вакцинации: «отношение к вакцинам от COVID-19 во всем мире остается неоднознач-

ным: от настороженности и неприятия до распространения дезинформации и пропаганды антивакцинаторства» [8, с. 6; 9, с. 231–234; 10, с. 8–22; 11, с. 36–40]. Эти опасения привели к тому, что темпы вакцинации в нашей стране, создавшей эффективную вакцину раньше других, до последнего времени были неудовлетворительными. Проведенные ранее исследования показали, что только небольшая часть населения готова в самом ближайшем будущем пройти вакцинацию от коронавируса (22%). Больше половины респондентов (65%) были, в общем и целом, не против вакцинации, но хотели максимально оттянуть это процедуру. Жесткими противниками вакцинации оказались 13% участников опроса [12, с. 1051]. Интересно, что в проведенных исследованиях существуют различия в оценке готовности вакцинироваться в зависимости от пола респондентов: в одних исследованиях гендерные различия выявлены, в других нет. Иные факторы, такие как возраст, семейное и материальное положение, наличие психических расстройств, оказались нерелевантными [13, с. 98].

В ряде публикаций справедливо отмечается, что пандемия ковид-19 порождает целый комплекс социально-психологических проблем, причем пандемия влияет на самоощущение индивида и социума опосредованно, из-за необходимости освоения новых социальных навыков – ношение масок, самоизоляция, использование санитайзеров [14, с. 7; 15, 153–159; 16, с. 105–108]. При этом вместе с пандемией в обиход вошли два синонимичных понятия – «социальное дистанцирование» и «социальная изоляция» [14, с. 6; 17, с. 115–122]. Чувство социальной изоляции может обостряться в связи с тем, что в некоторых странах национальный уклад жизни предполагает тесные физические контакты [14, с. 7; 18, с. 69–76]. Ситуация с отказом от вакцинации усугубляется из-за того, что в условиях переизбытка информации и стресса человек начинает искать простые ответы и решения для сложных проблем. На этой почве очень хорошо приживаются так называемые теории заговора и манипуляций социумом [19, с. 100; 20, с. 46–56; 21, с. 140–145]. Очевидно, что столь выразительный отказ от прививки нуждается в специальном анализе. *Цель исследования* – выявить и проанализировать отношение россиян к введению мер обязательной вакцинации, санитарных ограничений, вызванных пандемией COVID-19.

Методология

Статья основана на результатах анкетного онлайн-опроса «Социальная ситуация в стране в ковид-19», проведенного авторами в

декабре 2021 г. – феврале 2022 г., и многомерного статистического анализа полученных данных. Многомерный анализ осуществлен на расчете различных групп респондентов на основе уравнений регрессии, построенных на базе выделенных фрагментов корреляционного графа. Результаты расчетов проверены с использованием факторной модели. Инструментарий исследования был размещен на сайте НИСОЦ (www.nisoc.ru) с использованием авторского программного обеспечения. Выборка формировалась методом снежного кома. Ссылка передавалась по договоренности с широким кругом коллег по e-mail через респондентов людям, согласившимся заполнить анкету.

Было опрошено 543 респондента, в том числе до 20 лет (студенты младших курсов – 21%); 21–25 лет (старшие студенты и молодые специалисты – 21%); 26–39 лет (люди, обзаводящиеся семьей – 18%), 40–50 лет (зрелый и предпенсионный возраст – 17%); 50 и более лет (пенсионеры, 15%). Все эти группы имеют условные наименования. В выборку попали в основном жители Нижегородской области (41%), но были опрошены жители Москвы и Петербурга (18%), различных городов Центральной России (10%), Урала и Сибири (6%). Незначительное смещение выборки в сторону более молодых возрастных групп связано с наличием гипотез в публикациях на данную тему и результатов замеров, свидетельствующих о том, что радикальный отказ от вакцинации в большей степени свойственен сравнительно молодым людям, поскольку они, в силу повышенной коммуникабельности и мобильности, в большей мере страдали от ограничений. Проблема отказа от вакцинации наиболее ярко проявляла себя в крупных городах, где реально присутствовали ограничения, связанные с необходимостью предъявления QR-кода и сертификатов, необходимостью ношения масок, а также приостановлением деятельности предприятий общественного питания и связанных с развлечениями. Поэтому в данном случае генеральная совокупность не очень очевидна. Кроме того, цель исследования заключалась не в определении распространенности данного явления в России, а поиске групп, отличающихся как негативным, так и позитивным отношением к мероприятиям по антиковиду. Таким образом, выборка исследования целевая (ее можно назвать и аналитической). Эти группы предполагалось обнаружить прежде всего в крупных городах и среди молодежи, но в исследовании присутствовали и другие контрольные возрастные когорты. Реальный размер выделенных групп может быть пересчитан с использованием весовых коэффициентов.

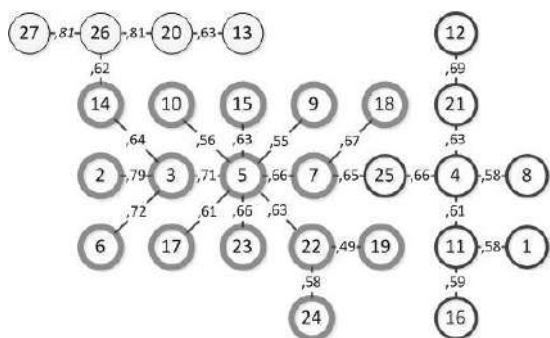

Рис. 1. Корреляционный граф отношения населения к проблеме пандемии

В силу того, что линейные распределения очень приблизительно описывают основные тенденции (тренды), но не позволяют четко выделить глубинные характеристики различных социальных групп, мы использовали методы многомерного статистического анализа, что предполагает работу на слабых гипотезах и осуществление поиска мотивационной структуры форм отказа от вакцинации по результатам поиска множественной корреляции широкого набора формулировок, представленных в анкете. Приведенные в анкете высказывания (тезисы) взяты из дискуссий в период пандемии в социальных сетях и в публикациях прессы.

Результаты

В последнее время была сформирована весьма перспективная гипотеза, согласно которой выделяют «четыре категории индивидов по их реакции на пандемию. Это ковид-диссиденты, ковид-паникеры, ковид-равнодушные и ковид-рациональные» [22, с. 541]. Там же отмечается, что исследований, показывающих размеры этих страт, пока нет. Эти четыре категории сформулированы в разных публикациях, первая из которых вышла в 2020 г. [22]. Данная статья во многом посвящена выявлению и описанию различных групп населения, имеющих разное отношение к проблеме ковида, и эти группы имеют довольно сложную структуру. В частности, мы выявили размер групп сторонников и противников вакцинации.

Выше отмечалось, что в работе использован многомерный анализ, позволяющий выделить группы респондентов, дающих более-менее согласованные ответы на некоторые группы вопросов. На основе матрицы парных корреляций, построенной на совокупности ответов респондентов на блок вопросов, связанных с отношением к различным довольно распространенным в массовом сознании тезисам о пандемии, был построен корреляционный граф (рис. 1). Вершины графа соответствуют номерам тезисов

(эти номера указаны в приведенных ниже таблицах), а на ребрах указаны соответствующие коэффициенты корреляции. Необходимо подчеркнуть, что граф был получен в результате анализа множественной корреляции широкого набора ответов на вопросы об отношении к предупреждению распространения ковида, причем эти ответы сформулированы в виде тезисов, по поводу которых респонденты выражают различные степени своего согласия или несогласия. Эти тезисы оценивались по 5-балльной шкале – от «совершенно согласны» с тезисом до «категорически не согласны». В приведенных ниже таблицах соединены ступени шкалы «Совершенно согласны» и «В основном согласны» (вариант ответа «Согласны»), а также «В основном не согласны» и «Категорически не согласны» (вариант ответа «Не согласны»)).

Прежде всего, на графе просматриваются три сюжетные линии протеста против прививок: обыденно-медицинская мотивация, конспирологическая мотивация и криминальная мотивация. Каждая сюжетная линия (мотивация) по сути представляет собой тенденцию, связанную с наличием или отсутствием в сознании конкретных групп граждан различных стереотипов, связанных с отношением к действиям органов власти по локализации пандемии. Каждая тенденция включает в себя 4 группы – лояльные, спокойные, равнодушные и нелояльные. Размер каждой группы, как отмечено выше, связан с характером конкретного комплекса ответов по поводу предложенных тезисов. Забегая вперед отметим, что размеры всех групп приведены на рис. 2.

Наиболее простой и компактной является криминальная мотивация, объединяющая реакцию на четыре тезиса о допустимости покупки QR-кода (табл. 1). Людей, наиболее последовательно придерживающихся этой мотивации, немного – всего 9%. Это группа с криминальными установками, представители которой чаще всего соглашались (полностью или в основном) с тезисами 13, 20, 26 и чаще всего категорически не соглашались с тезисом 27. В данном случае мы не использовали принцип конъюнкции, так как он основан на линейных представлениях.

Коэффициент корреляции между тезисами 26 и 27 имеет отрицательное значение – те, кто считает, что лучше всего купить себе поддельный сертификат и сохранить свое здоровье, обычно не соглашались с тезисом о том, что покупка QR-кода без прививки недопустима, это преступление. С этим тезисом соглашались представители лояльной группы (32%), которые чаще не соглашались с остальными тезисами.

Таблица 1

Тезисы, соответствующие криминальной мотивации респондентов, %

№	Тезисы	Согласны	Не согласны
13	Прививаться стоит только для того, чтобы получить QR-код	24	52
20	Прививку делать не следует, но если требуют, то лучше просто купить QR-код	8	60
26	Лучше всего купить себе поддельный сертификат и сохранить свое здоровье	9	61
27	Покупка QR-кода без прививки недопустима, это преступление	54	16

Таблица 2

Тезисы, соответствующие обыденно-медицинской мотивации респондентов, %

№	Тезисы	Согласны	Не согласны
1	Те, кто уже переболел, имеют право отказаться от прививки, так как у них уже есть естественный иммунитет	52	21
4	Каждый человек сам имеет право выбирать, будет он вакцинироваться от различных болезней или нет. Мое тело – мое дело!	58	22
8	Вакцина облегчает болезнь, но не так сильно снижает риск быть переносчиком, то есть не влияет на общую эпидемиологическую обстановку	37	26
11	Нельзя прививаться людям, принимающим сильные лекарственные препараты, не понятно, как они будут взаимодействовать с вакциной	39	16
12	Мои знакомые врачи отговаривают меня делать прививку	13	58
21	Нельзя прививать беременных и кормящих грудью	39	12
25	Ненавижу насилие и принуждение, а всеобщая вакцинация – это и есть насилие!	36	33

Обыденно-медицинская мотивация объединяет большее число тезисов, центральным из которых является тезис 4 – «Каждый человек сам имеет право выбирать, будет он вакцинироваться от различных болезней или нет. Мое тело – мое дело!» (табл. 2). С ним тесно коррелирует тезис о том, что всеобщая вакцинация – это насилие (тезис 25). Но главными тезисами являются не только те, что связаны со свободой личности, но и те, в которых выражается сомнение в медицинских показаниях к прививкам людей, принимающих сильные лекарственные препараты, или беременных и кормящих грудью женщин. Данный мотивация названа обыденно-медицинской в связи с тем, что она объединяет тезисы, в большинстве своем связанные с обыденным представлением о том, что полезно или вредно для человеческого организма. Можно согласиться, что «переболевшие ковидом имеют право отказаться от прививки, так как у них уже есть естественный иммунитет», тем более что этим людям разрешалось откладывать прививку. Сюда же относится и тезис о том, что «вакцина облегчает болезнь, но не снижает риска быть переносчиком и не влияет на общую эпидемиологическую обстановку». Сюда же отнесён и тезис о том, что знакомые не советуют делать прививку – с опорой на авторитет знакомых врачей. Следует отметить, что это самая нагруженная мотивация, и доля нелояльно настроенных людей, готовых последовательно придерживаться этой мотивации, довольно велика – 22% от выборки. Понятно, что не все эти люди безусловно соглашаются со всеми

этим тезисами, однако большинство из них в той или иной мере согласны с большинством из этих тезисов – у каждого респондента из этой группы может быть свой набор предпочтительных тезисов, но все они из данного списка. Мотивация представителей данных групп внешне может показаться неоднородной, однако наличие корреляций между этими тезисами означает, что совокупность этих тезисов поддерживается или отвергается в группах, связанных именно с этой мотивацией. Напомним, что в графе даются только максимальные коэффициенты корреляции, но все параметры коррелируют между собой. Однако параметры, находящиеся в одной группе, коррелируют между собой более значимо, чем с параметрами других групп.

Конспирологическая мотивация является центральным фрагментом графа, и именно с ним соприкасаются два остальных фактора, причем эта мотивация охватывает самый большой список тезисов. В центре этой мотивации находится тезис (№ 5) о том, что «прививка уничтожает наш иммунитет, мы потом обязательно заболеем» (табл. 3). Его окружает длинный список тезисов о том, что сами респонденты и их знакомые плохо переносят прививки и многие из них плохо чувствовали себя после этих прививок, а у некоторых случались психические расстройства. Недоверие вакцинам у части респондентов связано с убеждением, что «если бы существовала действительно эффективная вакцина, то это был бы один и тот же препарат, который бы применялся во всем мире». Часть респондентов считают, что «врачи сами не при-

Таблица 3

Тезисы, соответствующие конспирологической мотивации респондентов, %

№	Тезисы	Согласны	Не согласны
2	Под видом прививки людям вводят чипы, чтобы сделать общество управляемым	4	71
3	Под видом прививки на нас испытывают опасные лекарственные препараты	8	60
5	Прививка уничтожает наш иммунитет, мы потом обязательно заболеем	14	48
6	Коронавирус и прививка от него – это заговор мировых элит против остального населения планеты	11	59
7	Ковид скоро станет не опаснее обычного гриппа, поэтому прививаться нет смысла	23	42
9	Считаю свой иммунитет слишком слабым, чтобы добровольно подсадить себе коронавирус	15	52
10	У меня хороший иммунитет к респираторным заболеваниям, а инъекции я переношу плохо	13	47
14	Прививка не нужна, коронавирус хорошо лечится народными методами	6	63
15	Врачи сами не прививаются, так как знают об опасности и бесполезности прививки	15	43
16	Прививка может вызвать сильную аллергическую реакцию, вплоть до анафилактического шока	27	19
17	Мои знакомые плохо себя чувствовали после первой или второй прививки, поэтому я боюсь прививаться, так как не хочу лежать дома и болеть	24	49
18	Чем больше людей переболеет, тем быстрее у нас появится коллективный иммунитет, прививка только замедлит этот процесс	20	38
19	Мы все равно умрем каждый в свой час: чему быть, того не миновать	28	44
22	Если бы существовала действительно эффективная вакцина, то это был бы один и тот же препарат, который бы применялся во всем мире	30	33
23	После вакцинации у многих людей начинается психическое расстройство	6	47
24	Все наши чиновники делают себе прививки только зарубежными препаратами	18	19

виваются, так как знают об опасности и бесполезности прививки», а «все наши чиновники делают себе прививки только зарубежными препаратами».

Наиболее нагруженных конспирологическим смыслом тезисов немного, и они бывают двух видов: о том, что вся эта пандемия – мировой заговор, или о том, что разговоры о тяжести пандемии сильно преувеличены и это лишь обычное сезонное заболевание. Тезисы первого вида говорят о том, что «коронавирус и прививка от него – это заговор мировых элит против остального населения планеты», что «под видом прививки на нас испытывают опасные лекарственные препараты» или что «под видом прививки людям вводят чипы, чтобы сделать общество управляемым». Тезисы второго вида говорят о том, что «прививка не нужна, коронавирус хорошо лечится народными методами», что «ковид скоро станет не опаснее обычного гриппа, поэтому прививаться нет смысла» и что «чем больше людей переболеет, тем быстрее у нас появится коллективный иммунитет, прививка только замедлит этот процесс». Наиболее нагруженные конспирологическим смыслом тезисы люди отмечают не очень часто, но в любом наборе тезисов какой-то из них обязательно присутствует.

Конспирологическая мотивация является не очень распространенной, и в числе наиболее последовательных и нелояльных по отношению к официальной точке зрения людей охватывает

10% населения. Гораздо большая доля людей (38%) ни в коей мере не придерживаются этой мотивации. Таким образом, пропагандистские усилия целесообразно было концентрировать в области медицинского просвещения, что мы и наблюдали в отечественных СМИ в период пандемии.

Внутри каждой мотивации просматриваются по четыре группы – лояльные к действиям власти, спокойные, равнодушные и нелояльные к власти (рис. 2). Небольшая часть респондентов (примерно 5%) не вошла ни в одну мотивацию в связи с тем, что они игнорировали некоторые вопросы или их ответы выбивались из логики выделенных групп. Нелояльные в одной мотивации чаще придерживаются нелояльной позиции и в других мотивациях, хотя в одном случае человек может быть нелояльным по поводу одной мотивации и попадает в число равнодушных или даже спокойных в другой. Тем не менее среди групп населения есть интегрально лояльные и интегрально нелояльные, но структура интегральных групп является более обширной и выходит за рамки задач данной статьи.

Криминальные установки по отношению к прививкам от ковида связаны только с более-менее выраженной готовностью к покупке QR-кода без прививки. Лояльные чаще всех считают, что покупка QR-кода без прививки недопустима, что это преступление, а нелояльные уверены в том, что прививку делать не следует, но

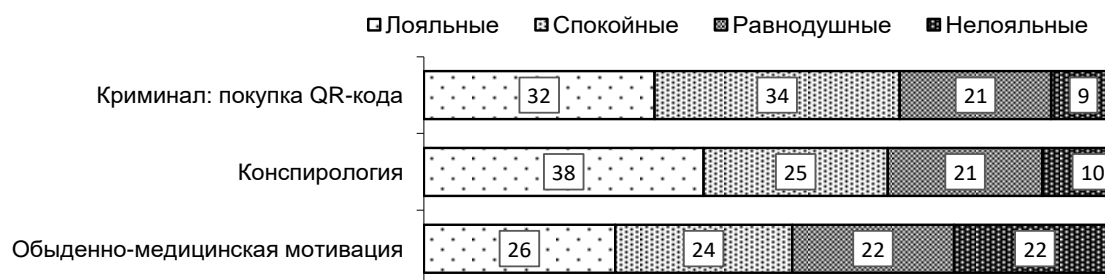

Рис. 2. Основные мотивации отношения к проблеме прививок от ковид-19, %

если власти это требуют, то лучше просто купить QR-код. Доля людей, считающих, что покупать этот код нельзя, – подавляющее большинство (60%), но категорически не соглашаются с допустимостью покупки QR-кодов 47%, а в целом соглашаются с тем, что этого делать не следует, 13%. Но далеко не все из этих шестидесяти процентов считают, что покупка QR-кода без прививки недопустима, что это преступление. Еще четверть респондентов затрудняются с ответом, то есть в той или иной мере готовы более-менее снисходительно отнестись к варианту покупки этого документа. В целом криминальная мотивация не только четко обозначена, но и борьба с этими нарушениями ведется наиболее четко и последовательно силами органов юстиции и МВД, на что, в частности, указывают публикации юристов, посвященные вопросам пандемии. В этих публикациях отмечается, что зафиксированы тысячи случаев дачи и получения взятки за незаконное (без проведения вакцинации) оформление сертификата о вакцинации, а также тысячи случаев посредничества во взяточничестве [23, с. 478].

Мотивация, которую мы назвали обыденно-медицинской, связана с наличием расхожих мифов и стереотипов, связанных с медициной и охраной здоровья. Эта мотивация просматривается в представлениях о том, что переболевшие ковидом имеют право отказаться от прививки, что вакцина облегчает болезнь, но не снижает риска быть переносчиком заболевания, что нельзя прививаться людям, принимающим сильные лекарственные препараты, что прививка может вызвать аллергическую реакцию, что врачи сами часто не прививаются и не советуют другим делать прививки. Характерно, что нелояльность, связанная с обыденно-медицинской мотивацией, является наиболее распространенной и представляет наибольшую опасность, отчасти в связи с тем, что здесь недостаточно традиционных методов медицинского просвещения или публичных выступлений эпидемиологов. Проблема состоит в том, что люди, подверженные нелояльным установкам по этой мо-

тивации, чаще всего не особо верят ни врачам, ни журналистам и охотно откликаются на всякого рода слухи и стереотипы.

Третья мотивация, представляющая особенно большой интерес, связана с конспирологическими мифами по поводу распространения пандемии ковид-19. Этому вопросу большое внимание уделяют СМИ, в первую очередь сетевые, потому что параллельно с распространением пандемии ковид-19 в информационном пространстве распространялся эмоциональный психоз, вследствие панических призывов, вбрасываемых в социальные сети и мессенджеры [19, с. 98]. В период обострения пандемии в Интернете оказывалось большое число ложных сообщений о том, что коронавирус выдуман, что крупные города скоро закроют на полный карантин, что в продуктовых магазинах пустые полки, что власть скрывает от нас масштабы бедствия и умерших гораздо больше, чем сообщается, что умерших тайно сжигают, что с вертолёта распыляют лекарство от коронавируса, что от коронавируса лечит водка, что вакцину испытывают на заключённых и много других [19, с. 98]. Конспирологическая мотивация имеет выраженные социально-политические последствия: отказ от прививки из-за опасения быть чипированным и утратить контроль над собой обостряет уже существующие социально-экономические и политические разногласия, негативно влияет на экономическую и политическую ситуацию [24, с. 61]. Кроме этого, антиваксеры ссылаются на неэффективность вакцины, побочные эффекты от вакцинации, вплоть до заболевания COVID-19. Такая позиция может быть вызвана отсутствием знаний, дезинформацией, ложными религиозными убеждениями [8, с. 9].

Следует отметить, что с мнением о том, что под видом прививки людям вводят чипы, чтобы сделать общество управляемым, респонденты соглашаются очень редко и чаще отвергают этот тезис (не согласны 71%, в том числе скорее не согласны 13%, категорически не согласны 58%). Не соглашаются с этим тезисом 81% ло-

ляльных и 64% нелояльных. При этом нелояльные чаще всех соглашаются с тем, что под видом прививки на нас испытывают опасные лекарственные препараты (29% против 8% лояльных). С тем, что коронавирус и прививка от него – это заговор мировых элит против остального населения планеты, согласны 7% лояльных и 34% нелояльных (именно они говорят о заговоре мировых элит). Значительно чаще других нелояльные соглашаются с тем, что их знакомые плохо себя чувствовали после прививки, что каждый человек сам имеет право выбирать, будет он вакцинироваться от различных болезней или нет. В массовом сознании наблюдается широкое разнообразие взглядов и установок, причем лояльность к действиям власти не всегда означает безусловную поддержку ее действий. Так, мнение о том, что если бы существовала действительно эффективная вакцина, то это был бы один и тот же препарат, который бы применялся во всем мире, разделяют 29% лояльных и 46% нелояльных. Правда, лояльные чаще всех не соглашаются с этим тезисом, но доля соглашающихся достаточно представительна. Таким образом, лояльность – это не безусловная поддержка официальной точки зрения, а сравнительно более рациональный подход к проблеме, причем и среди лояльных распространены самые различные мифы и стереотипы, но в их сознании эти мифы не доминируют. Соглашаясь с высказываниями, связанными с одним мифом, они отторгают большинство других, и в их коллективном сознании присутствует если не более рациональный, то, по крайней мере, более сдержанный подход к проблеме. Хотя определенные сомнения по самым разным вопросам остаются и у них.

Представители разных групп по-разному выстраивают иерархию своего отношения к приведенным в анкете высказываниям. Респонденты на первое место ставят тезис «покупка QR-кода без прививки недопустима, это преступление». С ним соглашается 71% лояльных (совершенно согласны 48%). Спокойные ставят этот тезис на третье место (согласны 49%), равнодушные – на пятое (согласны 49%), нелояльные – на седьмое (согласны 38%). Это единственный тезис, имеющий столь высокий уровень согласия лояльных (остальные тезисы предназначены для выявления нелояльных): все высказывания в целом имеют отрицательную коннотацию, и нелояльные реже всех соглашаются с каждым из них. Поэтому с остальными тезисами лояльные соглашаются заметно реже всех. Тем не менее, они немного чаще согласны, чем не согласны, что люди сами имеют право выбирать, будут ли они вакцинироваться, что

переболевшие имеют право отказаться от прививки, что вакцина облегчает болезнь, но не влияет на общую эпидемиологическую обстановку, что нельзя прививать беременных и кормящих грудью, что нельзя прививаться людям, принимающим сильные лекарственные препараты.

Нелояльные чаще всех соглашаются со всеми тезисами, кроме двух: во-первых, с тем, что вакцина облегчает болезнь, но не снижает риска быть переносчиком и не влияет на общую эпидемиологическую обстановку и, во-вторых, что покупка QR-кода без прививки недопустима. Чаще других они соглашаются и реже других отвергают самые непопулярные тезисы:

- коронавирус и прививка от него – это заговор мировых элит (согласны 34%);
- под видом прививки на нас испытывают опасные лекарственные препараты (согласны 29%);
- лучше всего купить себе поддельный сертификат и сохранить свое здоровье (согласны 21%);
- прививку делать не следует, но если требуют, то лучше просто купить QR-код (согласны 19%);
- прививка не нужна, коронавирус хорошо лечится народными методами (согласны 19%).

В среднем они в общем-то не соглашаются с этими тезисами, но уровень согласия с ними в данной группе самый высокий; среди лояльных уровень согласия с этими тезисами в 3–4 раза меньше. С самым непопулярным тезисом о том, что под видом прививки людям вводят чипы, чтобы сделать общество управляемым, согласились 7% нелояльных и лишь 3% лояльных, причем не согласились с этим тезисом 64% нелояльных и 84% лояльных.

Позиция нелояльных характеризуется заметно более высоким уровнем согласия, во-первых, с тезисами, характеризующими опасность или неэффективность прививки: те, кто уже переболел, имеют право отказаться от прививки, так как у них уже есть естественный иммунитет; нельзя прививать беременных и кормящих грудью; нельзя прививаться людям, принимающим сильные лекарственные препараты, не понятно, как они будут взаимодействовать с вакциной; прививка может вызвать сильную аллергическую реакцию, вплоть до анафилактического шока; после вакцинации у многих людей начинается психическое расстройство; вакцина облегчает болезнь, но не снижает риск быть переносчиком и не влияет на общую эпидемиологическую обстановку; знакомые плохо себя чувствовали после прививки, поэтому люди боятся прививаться. Во-вторых, они сомневаются в необходимости вакцинации: врачи сами не

прививаются, так как знают об опасности и бесполезности прививки; если бы существовала действительно эффективная вакцина, то это был бы один и тот же препарат, который бы применялся во всем мире; ковид скоро станет не опаснее обычного гриппа, поэтому прививаться нет смысла. В-третьих, сомнения нелояльных связаны с ограничениями свободы под видом пандемии или с наличием социального неравенства в прививочной кампании: каждый человек сам имеет право выбирать, будет он вакцинироваться от различных болезней или нет; ненавижу насилие и принуждение, а всеобщая вакцинация – это и есть насилие; все наши чиновники делают себе прививки только зарубежными препаратами; знакомые врачи отговаривают делать прививку.

Спокойные и равнодушные занимают промежуточное положение между лояльными и нелояльными; спокойные ближе к лояльным, а равнодушные – к нелояльным. Однако представители этих групп имеют некоторые черты, подчеркивающие их специфичность. Спокойные в целом реже других соглашаются и чаще не соглашаются с большинством тезисов, и в своих позитивных воззрениях они явно уступают лояльным. Более того, в оценке ряда тезисов они ближе к нелояльным, чем равнодушные, и эти тезисы чаще всего связаны с недоверием к вакцинам. Так, они чаще других (за исключением нелояльных) склонны соглашаться с тем, что переболевшие имеют право отказаться от прививки, что у них хороший иммунитет к респираторным заболеваниям, что считают свой иммунитет слишком слабым, чтобы добровольно подсадить себе коронавирус, что действительно эффективная вакцина должна быть универсальной для всех стран, что коллективный иммунитет появится только тогда, когда переболеет значительная часть населения. Чаще всех, и даже чаще нелояльных, они соглашаются с тем, что вакцина облегчает болезнь, но не снижает риска быть переносчиком, то есть не влияет на общую эпидемиологическую обстановку. Таким образом, спокойные отличаются от лояльных несколько более высоким уровнем согласия с негативными тезисами, и, кроме того, в их установках просматривается некоторая озабоченность, связанная с опасением заболеть и определенной неясностью по поводу возможных рисков в течении пандемии.

Равнодушные тоже как бы озабочены опасениями по поводу своего здоровья, но это не связано с опасностью ковида: они чаще всех соглашаются с тезисом, что каждый человек сам имеет право выбирать, будет ли он вакцинироваться от различных болезней. Но прежде всего

они являются выраженными противниками использования QR-кода. Они реже всех (и даже реже нелояльных) соглашаются с тем, что покупка QR-кода без прививки недопустима, это преступление, и чаще других они соглашаются с тем, что прививаться стоит только для того, чтобы получить QR-код. Как и нелояльные, они уверены в том, что прививку делать не следует, но если требуют, то лучше просто купить QR-код или привиться только для того, чтобы получить QR-код. Квинтэссенцией их воззрений является уверенность в том, что лучше купить себе поддельный сертификат и тем сохранить свое здоровье. Несколько пониженная нелояльность равнодушных в других тезисах связана с тем, что представители этой группы чаще других сомневаются в ответах и выбирают вариант «затрудняюсь ответить». Особенно часто они выбирают такой вариант ответа при оценке более сложных по смыслу тезисов. Например, пониженный уровень согласия и повышенный уровень затруднений вызывают у них тезисы, связанные с проблемами иммунитета.

Нелояльность воззрений различных групп населения связана, прежде всего, с тем, что «в условиях продолжающейся пандемии протестно-ориентированные сетевые лидеры общественного мнения будут продолжать использовать дискурс «неоправданности ограничительных мер» как триггер роста оппозиционных установок россиян, вовлеченных в антипрививочные информационные потоки» [25, с. 15]. Поэтому лояльность чаще связана с высказыванием необходимости ужесточения надзора за соблюдением правил санитарной безопасности и политики санитарных ограничений и введения мер обязательной вакцинации. Можно отметить, что лояльные немного чаще – это люди с высшим образованием, однако и среди нелояльных доля образованных людей тоже повышена. Лояльные чаще живут в крупных городах, и чаще это люди, проживающие в старых, но добротных домах, а нелояльные – в элитном жилье. Корреляция с доходами и качеством жизни небольшая, но в целом скорее обратная.

Выводы

Результаты опроса позволили выявить размеры и характеристики групп сторонников и противников вакцинации (см. рис. 2), определить три типа мотивации, лежащих в основе отказа от вакцинации, установить, что внутри каждой мотивации просматриваются по четыре группы – лояльные к требованиям государственной политики по борьбе с пандемией ковид-19, спокойные, равнодушные и нелояльные.

Нелояльность воззрений различных групп населения базируется на идее о неоправданности ограничительных мер, используемой как триггер роста оппозиционных установок россиян. Лояльность, наоборот, связана с поддержкой ужесточения надзора за соблюдением правил санитарной безопасности и введения мер обязательной вакцинации. Исследование подтвердило отсутствие выраженной связи уровня лояльности к профилактическим мерам борьбы с ковидом с социально-демографическими характеристиками респондентов.

Примечания

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы НГЛУ им. Н.А. Добролюбова.

Список литературы

1. Шпилев Д.А. Немецкая система здравоохранения в условиях противостояния COVID-19: уровень готовности и выводы на будущее // Социальные контексты здоровья: Монография / Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Н. Новгород: ООО «Научно-исследовательский социологический центр», 2020. С. 143–158.
2. Павловская А.В. Пандемия COVID-19 и особенности национального карантина // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 4. С. 9–25.
3. Абгалдаев В.Ю. Новая экономическая реальность в условиях пандемии // Экономика и управление: современные вызовы, тенденции и перспективы: Материалы Национальной научно-практической конференции ВСГУТУ «Образование и наука», Улан-Удэ, 20 апреля 2021 года. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2021. С. 4–10.
4. Бенкрид Д., Лезьер В. Ограничения прав и трансформация ценностей молодежи во Франции в период пандемии: семья, образование, здоровье // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 2. С. 39–50. DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-39-50.
5. Стрельцова Я.Р. Обучение и прием студентов в вузах Франции в период пандемии коронавируса // Актуальные проблемы общей теории языка, перевода, межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков: Сборник статей по материалам межрегиональной научно-практической конференции, Москва, 15–16 января 2021 года. Саранск: Индивидуальный предприниматель Афанасьев Вячеслав Сергеевич, 2021. С. 18–22.
6. Грузков М.Д. Новые вызовы в цифровизации высшего образования после пандемии COVID-19 // Общество. 2021. № 2-2 (21). С. 21–25.
7. Павловский М.О. Управление персоналом в условиях пандемии // Экономика труда и управление персоналом: Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 17 февраля 2021 года / Московский авиационный институт. М.: Изд-во «Знание-М», 2021. С. 216–218.
8. Горошко Н.В., Емельянова Е.К., Пацала С.В. Проблема ковид-антивакцинаторства: Россия на мировом фоне // Социальные аспекты здоровья населения [сетевое издание]. 2021. 67(4):3. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1282/30/lang,ru/>.
9. Абуев У.М., Шаллаев М.М. Отношение населения к вакцинации от ковид-19 как составляющая национальной безопасности // Неделя науки 2021: Сборник тезисов, Ростов-на-Дону, Таганрог, 19 апреля – 28 мая 2021 года. Ростов-на-Дону, Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2021. С. 231–234.
10. Бузин В.Н. Медиапространство и его влияние на вакцинацию от ковид-19 // Коммуникология: электронный научный журнал. 2022. Т. 7. № 2. С. 8–22.
11. Бхагди С. Массовая вакцинация. Вероятные последствия // Сохранение здоровья населения как глобальная проблема современности: Материалы Международной междисциплинарной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 09–10 апреля 2021 года. СПб.: Изд-во «Русь», 2021. С. 36–40.
12. Рязанцев С.В., Храмова М.Н., Смирнов А.В. Социально-демографические аспекты вакцинации населения России в контексте пандемии COVID-19 // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. 29 (5). С. 1047–1056.
13. Сорокин М.Ю., Лутова Н.Б., Мазо Г.Э. и др. Предпосылки формирования готовности к вакцинации против коронавирусной инфекции у жителей России // Бюллетень медицинской науки. 2021. № 4 (24).
14. Агзамова Н.Ш., Адилова А.Ш. Этические последствия пандемии Ковид-19 // Академический вестник ЭЛПИТ. 2020. Т. 5. № 3 (13). С. 6–10.
15. Логинов И.П., Савин С.З., Солодкая Е.В. Депрессивные расстройства в период пандемии коронавируса: социально-экономический ущерб // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 4-2 (106). С. 153–159.
16. Ванскова Е.Л. Социально-психологическое самочувствие лиц с ОВЗ в условиях ограниченных контактов // Цифровая трансформация инклюзивного образования в условиях пандемии COVID-19: Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции, Ставрополь, 13 марта – 13 апреля 2021 года. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2021. С. 105–108.
17. Чумаков В.И., Шишкина Е.В. Социально-экономическое положение населения региона в период самоизоляции // Современное общество: оценка состояния и перспективы развития / Волгоградский государственный университет. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2021. С. 115–122.
18. Туржанова К.М. Исследование особенностей применения технологии при оказании услуг Интернета вещей в период пандемии ковид-19 // Вестник Алматинского университета энергетики и связи. 2020. № 3 (50). С. 69–76.
19. Голубых М.Н. Роль СМИ в формировании отношения людей к пандемии коронавируса // Наукосфера. 2021. № 7 (1). С. 97–100.

20. Стоянова И.Я., Гуткевич Е.В., Лебедева В.Ф. Психологические факторы, наносящие трансграничный урон общественному психическому здоровью населения в период пандемии // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2022. № 1 (114). С. 46–56.

21. Бельтюкова О.В., Втюрина Т.А., Кириллова Е.П., Низовских Н.А. Психологическое благополучие и социальная успешность личности в условиях современных вызовов: итоги международного форума // Вестник Вятского государственного университета. 2021. № 4 (142). С. 140–145.

22. Кривошеев В.В. Поведенческие практики индивидов в условиях пандемии // Социальная компетентность. 2020. Т. 5. № 4. С. 541–548.

23. Батманова Л.А. Особенности расследования коррупционных преступлений в пандемию: оформление сертификата о вакцинации // Вопросы российской юстиции. 2021. № 15. С. 476–484.

24. Артеев С.П. Пандемия COVID-19: конспирология и антиконспирология // Власть. 2022. Т. 30. № 1. С. 58–63.

25. Батанина И.А., Парма Р.В., Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю. Портрет противников вакцинации в период пандемии COVID-19: результаты анализа больших данных // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. 2022. № 1. С. 8–18.

MOTIVATIONAL ATTITUDES OF RUSSIANS DURING THE COVID-19 PANDEMIC

A.A. Iudin¹, M.B. Rotanova², D.A. Shpilev¹

¹ Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

² Dobrolyubov State Linguistic University of Nizhny Novgorod

Based on the questionnaire survey «Social situation in the COVID-19 space» conducted by the authors in December 2021 – February 2022, and multivariate statistical analysis of the data obtained, the characteristics and size of groups of vaccination supporters and opponents were revealed, and three types of motivation underlying the refusal to vaccinate were identified: ordinary-medical (based on myths and stereotypes related to medicine and health care – those who have had a covid do not need vaccination, vaccination causes a strong allergic reaction, etc.), conspiratorial (exists due to panic attacks, etc.), conspiracy (exists due to panic attacks, etc.) etc.), conspiracy motivation (exists due to panic calls thrown into social networks – the coronavirus is made up, large cities will soon be closed for full quarantine, the dead are secretly burned, etc.) and criminal motivation (related to the purchase of a QR code). Within each motivation four groups were revealed – loyal to the requirements of the state policy to fight the pandemic COVID-19, calm, indifferent and disloyal. The disloyalty of the views of different groups of the population is based on the idea that restrictive measures are unjustified, used as a trigger for the growth of opposition attitudes of Russians. Loyalty, on the contrary, is associated with support for stricter supervision of compliance with sanitary safety rules and the introduction of compulsory vaccination measures. The study confirmed the absence of a pronounced link between the level of loyalty to preventive measures against covidae and the socio-demographic characteristics of respondents.

Keywords: pandemic, COVID-19, vaccination, QR code, emotional contagion, conspiracy, anti-vaccination sentiment, groups loyal and disloyal to public policy requirements to combat the COVID-19 pandemic.

УДК 316.4
DOI 10.52452/18115942_2024_1_93

ОСОБЕННОСТИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ПОЖИЛЫХ ЖЕНЩИН В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19 В ГОРОДЕ И В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

© 2024 г.

К.А. Галкин

Галкин Константин Александрович, к.соц.н.; старший научный сотрудник Социологического института РАН – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Санкт-Петербург
kgalkin1989@mail.ru

Статья поступила в редакцию 07.11.2023

Статья принята к публикации 19.01.2024

Рассматриваются особенности повседневной жизни пожилых женщин в период пандемии COVID-19 в городе и сельской местности.

Эмпирическую базу исследования составили полуструктурированные интервью с пожилыми женщинами из города федерального значения (Санкт-Петербург) и сёл Республики Карелия. Всего было собрано 40 интервью. В рамках тематического анализа нарративов в интервью выделены особенности повседневной жизни пожилых женщин в период пандемии, указано влияние ограничений и изоляции на половую дискриминацию, намечены перспективы занятости пожилых людей, выявлены особенности взаимодействия их с врачами и медицинским персоналом в целом.

В рамках исследования установлено, что наибольшей дискриминации подвергаются пожилые женщины из крупного города федерального значения. Женщины из сельской местности в период пандемии COVID-19 в меньшей степени подвергались дискриминации, связанной с различными ограничениями.

Сделан вывод о важности обучения информационным технологиям пожилых женщин, о необходимости совершенствования занятости населения как сферы, способной преодолеть ограничения и содействовать развитию активности пожилых женщин для обеспечения их интеграции в социальную жизнь после пандемии.

Ключевые слова: пожилые женщины; пандемия COVID-19; повседневность пожилых в период пандемии; постпандемийное время; дискриминация в период пандемии.

Введение

Демографические тенденции современной России обусловлены постоянным ростом пожилого населения. Об этом свидетельствуют и данные переписи населения, и возникающий исследовательский интерес к изучению роли пожилых женщин в современном российском обществе, к специфике их старения, возможностям, активностям и ресурсам [1; 2].

Заметной тенденцией стареющего российского общества выступает феминизация старости, связанная как с дискриминацией и различными проявлениями эйджизма, так и с новыми формами сексизма – ограничениями, заданными конкретной половой принадлежностью человека [3; 4].

Научные исследования, рассматривающие особенности старения и тенденцию активного долголетия, отмечают, что возраст и активности связаны нелинейно и неравномерно [5–7]. Существенные отличия фиксируются и в мерах социальной политики, направленных на поддержание активностей пожилых людей, на создание системы долговременного ухода и специальных программ для пожилых людей в различных странах и регионах [8; 9]. Ключевыми

проектами в Российской Федерации в сфере активного долголетия, интеграции пожилых людей в социальную жизнь и создания системы долговременного ухода за пожилыми людьми выступают национальные проекты «Старшее поколение», «Демография», Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года (Распоряжение Правительства РФ от 05.02.2016 № 164-р) [10–12].

В проектах и Стратегии подчеркивается необходимость внесения положительных изменений в систему ухода за пожилыми людьми, а также создания комфортной среды для пожилых людей в целях их интеграции в социальную жизнь, общения и активного долголетия. В Санкт-Петербурге реализуется ряд региональных проектов, направленных на поддержку пожилых людей и развитие активного долголетия. Одной из таких инициатив является «Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения» (региональный проект «Старшее поколение») [13]. В данную программу входят меры по поддержанию активного долголетия пожилых людей и организации различных культурно-досуговых и спортивных мероприятий, а также разработка системы дол-

временного нестационарного ухода за пожилыми людьми. Кроме того, следует отметить, что правительством Санкт-Петербурга разработана «дорожная карта» по оказанию комплексной медико-социальной помощи пожилым людям [14]. Многие КЦСОН (комплексные центры социального обслуживания населения) реализуют локальные мероприятия по активному долголетию и поддержке пожилых людей. В некоторых КЦСОН Санкт-Петербурга в рамках эксперимента создаются специализированные площадки по реализации медицинского обслуживания пожилых людей на дому, как, например, в СПб ГБУСОН «Комплексный центр социального обслуживания населения Центрального района». Также при КЦСОН в Санкт-Петербурге реализуются программы обучения пожилых людей пользованию информационными технологиями и другие курсы, направленные на повышение уровня коммуникации и социального взаимодействия (курсы изучения иностранных языков). Отдельного внимания заслуживает и реализация программ по активному долголетию НКО Санкт-Петербурга, а также развитие различных локальных инициатив по поддержке пожилых людей.

В целом, рассматривая систему поддержки активностей и помощи пожилым людям, следует обозначить несколько ключевых ее элементов в региональном контексте Санкт-Петербурга:

- реализация федеральных программ и национальных проектов «Старшее поколение», «Демография», а также указов Президента, имеющих отношение к поддержке пожилых людей. Как правило, в рамках реализации данных программ и законов в Санкт-Петербурге действуют региональные подпроекты, направленные главным образом на развитие физической активности, поддержание активного долголетия пожилых людей и их поддержку, а также на развитие системы долговременного ухода;

- локальные проекты по поддержке активного долголетия, реализуемые при КЦСОН Санкт-Петербурга; формирование различных клубов, литературных гостиных и экскурсий, организация разовых мероприятий (например, модных показов);

- мероприятия, проводимые при поддержке различных НКО и грантов; спортивные события, экскурсии и мероприятия, направленные на поддержку различных форм досуга.

При этом в Санкт-Петербурге не реализуются крупные программы поддержки пожилых людей. В период пандемии COVID-19 многие из инициатив, в особенности местных локальных инициатив, реализуемых КЦСОН, были приостановлены и сокращены. Наибольшие

проблемы возникли в ходе проведения мероприятий в офлайн-режиме, что, безусловно, как это отмечают исследователи, тормозило преодоление сложностей в жизни пожилых людей, обусловленных нарушением привычного режима, и, как следствие, препятствовало оказанию им поддержки [15].

В отличие от пожилых мужчин, пожилые женщины в большей степени становятся объектом дискриминации и чаще воспринимаются как «типичное лицо старости», неспособные реализовать свой потенциал, быть активными участниками социальной жизни из-за необратимых последствий для здоровья [16; 17].

Важным дискриминирующим фактором для женщин выступает общественно формируемый запрет на половые отношения в пожилом возрасте, а также изоляция и различные ограничения в рамках замкнутого пространства дома и внутри семьи [18; 19]. Как правило, пожилым женщинам приписывается активность, связанная с заботой о членах семьи, в том числе о своём стареющем супруге. При этом возможности, которые предоставляет активное долголетие (речь идёт, в частности, о продолжении занятости и переобучении), остаются недоступными и закрытыми. В то же время продолжение профессиональной занятости женщин старшего поколения характеризуется негативно, хотя процент занятых женщин выше, чем процент занятых мужчин такого же возраста.

В целом отношение к пожилым женщинам в России зависит от распределения власти и подчинения, что оказывает негативное влияние на их положение в российском обществе, на восприятие самими женщинами своего возраста, понимание ими процесса старения. Согласно исследованиям, пожилые женщины, проживающие в крупных населённых пунктах и городах федерального значения, в меньшей степени подвержены возрастной дискриминации. Для женщин из сельской местности более характерны ограничения, они имеют меньше возможностей для реализации своей активности, им часто недоступна качественная медицина и программы активного долголетия [20].

Пандемия COVID-19 и введение тотальных ограничений для пожилых людей обоих полов, безусловно, оказали негативное влияние на феминизацию старости в России. Для многих пожилых женщин тотальная изоляция и сопутствующие ей ограничения способствовали ухудшению психологического здоровья, стали препятствием для успешной и полноценной жизни, реализации всех её возможностей [21].

Общероссийские данные по смертности пожилых людей в период пандемии насчитывают

400 тыс. человек в период с ее начала в 2020 г. и до ее окончания 5 мая 2023 г. [22]. Изменения в занятости пожилых людей в период пандемии на всероссийском уровне не столь существенны, и 8.6 миллиона пожилых людей по-прежнему продолжали работать, по данным за 2021 г., опубликованным в аналитической записке Счетной палаты РФ [23]. Однако, как это отмечают исследователи, изменения в занятости пожилых людей произошли именно на локальном уровне и многие из пожилых в период пандемии или потеряли постоянную занятость, или перешли на другие, менее оплачиваемые должности [24]. Высока доля и тех пожилых людей, которые стали работать удаленно на позициях экспертов и консультантов и продолжают осуществлять данную деятельность после пандемии. Таким образом, меняется качество занятости пожилых людей и условия их работы, которые также создают определенные неравенства, например: переход на удаленный режим и необходимость освоения цифровых технологий, которые доступны не всем пожилым людям.

Период пандемии стал для пожилых женщин временем рефлексирования о прошлом, временем радостных воспоминаний об ушедшей – лучшей – жизни, воспоминаний о мобильности и открытости границ, которые были характерны до времени наступления пандемии [25–28].

Наступивший период постпандемии связан с рефлексированием и исследовательским интересом к таким изменениям, трансформациям и, конечно, к изменившейся роли пожилой женщины. В рамках настоящего исследования мы рассматриваем барьеры, изменившие привычную повседневность пожилых женщин в городе федерального значения и сельской местности в период пандемии.

Методы исследования и эмпирическая база

Исследование проводилось в период с сентября 2021 г. по март 2022 г. Оно позволило обозначить новые тенденции в трансформации ролей пожилых женщин в городе и сельской местности. Выборку составили 40 полуструктурированных интервью с пожилыми женщинами. Эмпирическая база исследования собиралась в двух локациях – г. Санкт-Петербурге и селах Республики Карелия. Выборка состояла из пожилых женщин, возраст которых колебался от 65 до 81 года.

Анализ интервью осуществлялся по тематическому методу. Мы выделяли ключевые темы, которые встречались в нарративах пожилых женщин об изменениях их повседневной жизни

в период пандемии и после неё. Во время интервью мы обращали особое внимание на то, как трансформируется эмоциональное восприятие ситуации в рамках возникающих изменений, которые задала пандемия COVID-19.

Сюжеты, встречающиеся в интервью, были объединены в три тематических блока, которые описываются в эмпирической части статьи: «Препятствия и проблемы, созданные пандемией»; «Занятость и продолжение трудоустройства»; «Поддержание здоровья и активностей».

Результаты исследования

Главное препятствие полноценной жизни в период пандемии, которое ограничивало активность пожилых женщин, — это изоляция. С ней связаны: представления об опасности заражения COVID-19; всевозможные ограничения; понимание роли пожилых людей в целом как нуждающихся в постоянной помощи; усиление стереотипов относительно женщин (представление о том, что в период пандемии COVID-19 пожилая женщина должна быть ещё более ограниченной рамками своего возраста):

«То, что я, простите, баба, так это еще только хуже: если дед еще там пошел куда-то – скажут, типа, вот молодец и силы есть, наверное, у него, и не ждет помощи внуков вообще; а тут нет, тут тебя сразу порицают и, типа, в таком ключе – куда идешь, что детей и внуков нет, или что так сильно жить надоело, и это все отчетливо во взглядах заметно» (ж., 70, Санкт-Петербург).

Дискриминация по полу, связанная с ограничениями, введенными в период пандемии COVID-19, в основном проявлялась в городе и была представлена в различных формах. Наиболее мягкими формами выступали обвинения женщин в их сопричастности к распространению вируса, что связано с ошибочным мнением о том, что COVID-19 распространяли преимущественно пожилые люди, и различные формы инфантилизации, подчеркивание невозможности пожилым женщинам самостоятельно решать свои проблемы без помощи семьи, волонтеров и социальных работников. Жесткие формы такой дискриминации – тотальная изоляция дома и подчеркивание роли женщины внутри семьи как хранительницы семейного очага.

Предписания относительно ролей женщин, существующие преимущественно в городской среде, являются противоречивыми. Как правило, эти представления были усилены пандемией COVID-19. Женщине в этот период приписывался образ пожилого и немощного человека, который должен либо укрываться один за сте-

нами своего дома, либо быть максимально включённым в семейную жизнь, семейные взаимодействия и при этом забыть о возможности быть мобильной, в том числе о том, чтобы выйти на улицу, посетить аптеки и магазины при необходимости.

В сельской местности практически все информантки — участницы исследования отмечали в интервью, что для них не было существенных препятствий и ограничений, а плотность сельской ткани с традиционными реципрокными отношениями и взаимодействиями, особенностями коммуникации и поддержки, наоборот, способствовала помощи, оказываемой пожилым людям. В рамках этих взаимодействий отсутствовала какая-либо дискриминация:

«Так тут у нас все свои, да и потом и раньше же тоже было довольно легко вообще, чего ходить только по селу, воздух свежий, вирус выдует (смеется), так вот поэтому не возникает вообще никаких сложностей с тем, чтобы там какие-то ограничения были, это в городе, ну и все как-то уважительно к возрасту относятся и здесь, вообще, если честно, то и без разницы – бабушка и все чем нужно помочь» (ж., 78, село, Республика Карелия).

Ограничения в сельской местности, равно как возникающая в связи с ними дискриминация, значительно не повлияли на восприятие пожилыми смыслов повседневности. Наиболее значимым ограничением, которое возникало на селе и отмечалось информантками в интервью, была проблема с доступом в Интернет, с недостатком навыков для использования Сети с целью коммуникации, переписки и традиционного ежедневного общения с родственниками. Специфика сельской инфраструктуры, проявляющаяся в частых отключениях электроэнергии и недостаточном знании информационных технологий, создавала трудности с использованием данных технологий для общения, ставила перед пожилыми женщинами барьеры в процессе коммуникации с родственниками.

Для городских пожилых женщин проблема доступности интернет-ресурсов была не столь значимой. Однако пожилые женщины старше 75 лет отмечали недостаток навыков, касающихся владения информационными технологиями, а также отсутствие соответствующей техники для общения и взаимодействия в Интернете.

Занятость и продолжение профессиональной деятельности

Как отмечает В.Г. Доброхлеб, пожилые женщины традиционно занимали различные позиции на российском рынке труда. Так, к

примеру, в 2017 г. доля работающих пожилых женщин в России составляла 11.9% (работали 1189.2 тыс. женщин) [29]. Многие из работающих пожилых женщин занимали квалифицированные должности в сфере транспорта, строительства и других близких к этим сферам профессий (12.9%) [29]. Столько же в процентном соотношении было и женщин, занимающих руководящие посты. Также отмечен и большой процент пожилых женщин, имеющих квалификацию высшего уровня (10.1%), из всех занятых [29]. При этом, как это рассматривает ученый, количество занятых пожилых женщин традиционно превышало количество занятых пожилых мужчин, и в особенности занятых высококвалифицированным и интеллектуальным трудом и на руководящих позициях [30].

Пандемия COVID-19 и вызванные ею ограничения, закрытие многих фирм и предприятий, невозможность работать «офлайн» имели негативный эффект для трудоустройства пожилых женщин. Он был связан как со стереотипами, постоянно усиливающимися в период пандемии (в частности, со стереотипами относительно возможности продолжения занятости и продолжения высококвалифицированной деятельности пожилыми женщинами), так и с возможностью освоения информационных технологий, общей доступностью информационных технологий для пожилых людей. Это создало многочисленные трудности с поиском новых форм занятости.

При этом традиционная роль помощи в семье, помощи по хозяйству остаётся наиболее часто приписываемой пожилой женщине в России, несмотря на занятость пожилых женщин на квалифицированных должностях. В период пандемии возможность перейти на другую работу, да и в целом продолжать работать, была заметно ограничена обществом.

В ситуации пандемии это было усилено для пожилых людей страхом заразиться и, следовательно, создавало дополнительные ограничения. Всё это, безусловно, повлияло на выбор пожилых женщин, и чаще всего такой выбор делался в пользу домашнего труда:

«Я знаю, что примерно так все и происходит в итоге, вообще я уже не могу, как раньше, на заводе пахать, спина не та и все уже боли вообще меня замучили, но все же я бы с удовольствием другую профессию освоила, например тем же секретарем, и поработала бы и пусть онлайн, это и не важно, главное, чтобы при делах, но так куда меня возьмут, все сейчас сократили в ковид все места, а теперь никто даже нормальных курсов и вообще обучение по тому же компьютеру и его использованию для

меня и предоставить не может. Это и есть текущая ситуация, и никуда от нее не деться, и это глупо, хочешь работать, а тебе все равно не дают» (ж., 68, Санкт-Петербург).

Если в городе процент пожилых женщин, добровольно выбирающих в период пандемии карьеру семейной заботы, был небольшим, то в сельской местности ситуация иная: среди сельских пожилых жительниц были информантки, которых устраивала семейная карьера, а ограничения, созданные пандемией COVID-19, не считались фатальными для ограничения их возможностей, активностей:

«Ну, мне говорят, мол, ты куда вообще-то собралась, мол, ты уже не молода, и все дела, как-то так. И, конечно, ты волею и неволею начинаешь думать – зачем тебе вообще что-то и куда устраиваться, пусть и вообще для того же общения, ну, и в итоге ты для себя выбираешь то, что есть сейчас, а сейчас (машет рукой), что – дети, внуки, пеленки» (ж., 69, Санкт-Петербург).

В сельской местности сохранялась и традиционная форма занятости пожилых: подработка, продажа саженцев, посадочного материала, овощей и ягод с приусадебных участков. Эта форма занятости тоже не изменилась в период пандемии COVID-19. А что касается необходимости освоения информационных технологий, то эта возможность в данном случае оказала преимущественно позитивное влияние на расширение занятости пожилых людей, к примеру в сфере монетизации своих хобби:

«Как освоила компьютер, так и, вообще, наслаждаться не могу. Все так легко и просто стало, в принципе. Потому что вообще и проблем-то никаких и не возникает, теперь вот на одном сайте мастерком дочка зарегистрировала – я там своих кукол выкладываю и заказы получаю. Заказы приходят, и в итоге все хорошо, а то раньше только по ярмаркам и продавала, а теперь эта ситуация даже и помогла мне лучше ориентироваться, и, вообще, больше заказов появилось» (ж., 70, село, Республика Карелия).

Некоторым сельским жителям пандемия COVID-19 позволила расширить круг возможностей для реализации своего потенциала, что способствовало увеличению их материального благополучия. В то же время пандемия COVID-19 оказала негативное влияние на сферу занятости городских пожилых женщин, на возможности их трудоустройства и переобучения.

Сложившиеся в отношении возраста стереотипы об опасности заразиться вирусом оказывают влияние и на посещение пожилыми женщинами врачей, на лечение различных, в том числе хронических, заболеваний. Участницы

исследования отмечали, что ключевым фактором при обращении женщин к врачам было восприятие их как больных, как людей, которые нуждаются в постоянной заботе, и эта ситуация усиливается с развитием пандемии COVID-19:

«Врачи тебя, практически, никак и не воспринимают, это если честно сказать. Потому что ты для них, помимо того, что старая, так еще и бабушка, и, вообще, смысл в лечении твоём – он в целом поверхностный, ну просто оказать помощь какую-либо – и все, на этом все лечение, в принципе и заканчивается» (ж., 66, Санкт-Петербург).

Отношение к пожилым женщинам как к объектам постоянного лечения, характерное и для города, и для сельской местности, усиливается в период пандемии и, как правило, депривирует пожилых женщин, лишая их возможности получения своевременной медицинской помощи и консультаций по здоровью:

«Раньше они приезжали, а теперь то ли отменили вообще, то ли вообще сократили автобусы, и, короче, вот в итоге что происходит – уже не ездят; и сейчас дочка мне планирует оставила с Интернетом, хороший такой планирует, а я не могу им особо и пользоваться, во-первых, и не знаю, на какие кнопки нажимать и какие кнопки, вообще, мне и использовать, а во-вторых, получается, что у нас два дня Интернет есть, а то раз и отрубили все на вышках – и полный в итоге аут» (ж., 73, село, Республика Карелия).

Сфера медицинского обслуживания для информанток – участниц исследования ассоциировалась с врачебными ошибками, невнимательностью медперсонала, отсутствием у них адекватного понимания возраста. Большинство пожилых женщин и в городе, и в сельской местности описывали сферу здравоохранения как такую, которая не способствует поддержанию необходимого уровня здоровья. Период пандемии создавал дополнительные сложности, которые были связаны с тем, что лечение хронических заболеваний практически останавливалось. Некоторые пожилые женщины отмечали, что особое, усиленное, восприятие возраста, связанное с полом, в данном случае создавало дополнительные сложности. Возникали трудности с получением необходимых лекарств и назначениями на приёмы к врачам.

Практически все истории в интервью, в которых затрагивалась тема взаимодействия врачей и пациенток, включали нарративы о дискриминациях, а нередко и об унижении, что в первую очередь было связано с загруженностью врачей в период пандемии.

В постпандемийный период, как отмечают участницы исследования, не происходит суще-

ственных изменений в помощи пожилым людям. Пожилые женщины по-прежнему не могут получать качественную медицинскую помощь как в городе, так и сельской местности. Отдельно следует отметить, что сама система медицинской помощи и поддержания здоровья в большинстве своём оценивалась информантками как создающая сложности, преграды для лечения заболеваний. В то же время понимание опасностей, связанных с возрастом и полом, усиливало в период пандемии различные ограничения, и в первую очередь они касались активности пожилых женщин.

Следует отметить, что медицина оценивалась пожилыми женщинами главным образом как экстренная помощь, а возможности здравоохранения для лечения заболеваний определялись на основе перспектив минимизации возможных экстренных состояний. При этом ресурсы такой помощи нередко обозначались в нарративах пожилых женщин как довольно ограниченные.

Заключение

В проанализированных интервью отражены повседневные практики жизни пожилых женщин в период пандемии COVID-19. Множество случаев показывают: усиленную в период пандемии дискриминацию, выраженную преимущественно через различные ограничения; проблему доступности здравоохранения и лечения в период пандемии; проблему продолжения занятости, реализации возможности переобучения и получения новой профессии, что главным образом характерно для пожилых женщин из города. Следовательно, пожилые жительницы города федерального значения испытывали на себе дополнительные структурные неравенства, которые продолжали усиливаться с момента наступления пандемии. При этом пол пожилых женщин выступал дополнительным фактором, который способствовал их стигматизации.

Основными дискриминирующими механизмами здесь выступают распространённые в России стереотипы о возрасте в целом, об опасностях заражения пожилых людей, а также о пожилых женщинах, чья активность должна ограничиться семейной помощью, семейной заботой, а в период пандемии ещё и стенами домов.

Для пожилых женщин из крупного мегаполиса наиболее значимыми барьерами стали ограничения, связанные с мобильностью и закрытием различных пространств. Также для пожилых жительниц города серьёзным препятствием была необходимость использования цифровых технологий, например для доставки

еды, что создавало сложности для тех из них, кто не владел навыком использования цифровых технологий или у кого подобный навык находился ещё не на достаточно развитом уровне. Для пожилых жительниц сельской местности основными барьерами, создающими неравенства, выступало отсутствие доступа к качественной медицине: в селе были ограничены возможности в оказании медицинской помощи ФАПами (фельдшерско-акушерскими пунктами) и амбулаториями. Следовательно, у пожилых людей возникало множество сложностей с получением терапии для лечения хронических заболеваний в период пандемии ввиду отсутствия у них возможности поехать в районные или городские больницы. Также у пожилых людей, живущих в сельской местности, возникал страх перед неизвестностью, порождаемой вопросами профилактики новой инфекции и отсутствием информации по её предотвращению, которая не предоставлялась сельскими медицинскими учреждениями. Другим не менее важным фактором, создающим неравенства в доступе к информации, выступало отсутствие возможностей использования Интернета и навыков поиска информации в Интернете, а также перебои с электроэнергией, обуславливающие сложности доступа к Сети. Для пожилых женщин, проживающих в сельской местности, сложности также создавало отсутствие возможности для расширения занятости и перехода работы в цифровой формат.

Основным механизмом сохранения и развития активности пожилых женщин как из сельской местности, так и из города выступали активное использование информационных технологий и интеграция в цифровую среду. Трудовая занятость тоже была важным путём к возможной интеграции в социальную жизнь, однако она дискриминировалась родственниками и была ограничена для пожилых женщин их навыками использования в повседневности информационных технологий.

Система здравоохранения, помощи со здоровьем рассматривалась пожилыми женщинами как в городе, так и сельской местности как несостоятельная, а занятость и перегруженность врачей, медицинского персонала только усиливали возможные депривации и ограничения. Традиционная система поддержки пожилых в семьях и в кругу близких людей была связана для женщин старшего возраста с символическим обесцениванием их роли и, следовательно, обозначалась ими (а это преимущественно жительницы городов) как депривирующая. Между тем возможность проявлять в жизни активность, управлять своей жизнью самостоятельно

способна положительно повлиять как на переживание пожилыми людьми психологических стрессов в периоды пандемии, так и на сохранение, развитие их ресурсов и здоровья.

Список литературы

1. Григорьева И.А., Сизова И.Л. Траектории старения женщин в современной России // Мир России. Социология. Этнология. 2018. Т. 27. № 2. С. 109–135.
2. Доброхлеб В.Г. Ресурсный потенциал пожилого населения России // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 55–61.
3. Богданова Е.А. Трудовые отношения с участием пенсионеров: забота или манипуляция? // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 4. С. 535–550.
4. Григорьева И.А. Пожилые женщины: «вниз по лестнице» возраста и гендера // Женщина в российском обществе. 2018. № 1. С. 5–18.
5. Видясова Л.А., Григорьева И.А. Предметное поле исследований активного/отложенного старения: результаты наукометрического анализа и картирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2023. Т. 16. № 1. С. 4–26.
6. Галкин К.А. Новые тренды в исследованиях возраста и старения в постпандемийный период (обзор исследований) // Успехи геронтологии. 2023. Т. 36. № 3. С. 284–291.
7. Парфенова О.А., Галкин К.А. Социальная активность и участие пожилых россиян в контексте активного долголетия // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26. № 1. С. 200–223.
8. Григорьева И.А., Колосова Г.В. Социальные взаимодействия в системе долговременного ухода за пожилыми // Успехи геронтологии. 2021. Т. 34. № 6. С. 919.
9. Chen L., Zhang L., Xu X. Review of evolution of the public long-term care insurance (LTCI) system in different countries: influence and challenge // BMC Health Services Research. 2020. V. 20. P. 1–21.
10. Федеральный проект «Старшее поколение»: перспективы реализации // Эффективная фармакотерапия. 2021. Т. 17. № 36. С. 38–41.
11. Паспорт Национального проекта «Демография». URL: <http://government.ru/info/35559/> (дата обращения: 05.12.2023).
12. Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 05.02.2016 № 164-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/7PvwllE5X5KwzFPuYtNAZf3aBz61bY5i.pdf> (дата обращения: 05.12.2023).
13. Региональный проект «Старшее поколение» от 09.12.2019 № 149-2019-П30077-1/1. URL: <https://ktzn.gov.spb.ru/nacionalnye-proekty/nacionalnyj-proekt-demografiya/regionalnyj-proekt-starshee-pokolenie/> (дата обращения: 05.12.2023).
14. Распоряжение правительства Санкт-Петербурга от 28.08.2018 № 38-рп «О Плане мероприятий (“дорожной карте”) по созданию системы комплексной медико-социальной помощи гражданам пожилого возраста в Санкт-Петербурге на 2019–2021 годы». URL: <https://base.garant.ru/43449620/> (дата обращения: 05.12.2023).
15. Анисимов В.Н. и др. Создание региональной системы оказания комплексной медико-социальной помощи гражданам старшего поколения: опыт Санкт-Петербурга // Успехи геронтологии. 2020. Т. 33. № 5. С. 809.
16. Payne S., Doyal L. Older women, work and health // Occupational Medicine. 2010. V. 60. № 3. P. 172–177.
17. Богданова Е., Зеликова Ю. Нормативность старшего возраста: выстраивая систему координат // Laboratorium: Журнал социальных исследований. 2020. № 2. С. 13–21.
18. Зеликова Ю.А. Конструирование старения: секс и интимность в пожилом возрасте // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16. № 1. С. 125–140.
19. Gewirtz-Meydan A., Ayalon L. Why do older adults have sex? Approach and avoidance sexual motives among older women and men // The Journal of Sex Research. 2019. V. 56. № 7. P. 870–881.
20. Зеликова Ю.А. «Чувствую себя просто бабушкой». Старение, эйджизм и сексизм в современной России // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2020. Т. 12. № 2. С. 124–145.
21. Галкин К.А. Ограниченное пространство: город в период пандемии в представлениях пожилых людей // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 2. С. 27–40.
22. Горошко Н.В., Пацала С.В., Емельянова Е.К. Смертность трудоспособного населения России в условиях пандемии COVID-19 // Социальные аспекты здоровья населения. 2022. Т. 68. № 5. С. 1–19.
23. Счетная палата назвала число пенсионеров в России // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20210825/pensionery-1747121552.html> (дата обращения: 05.12.2023).
24. Ермилова А.В., Захаров Д.В. Специфика занятости пожилых людей в условиях пандемии: социологический аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. № 3 (63). С. 125–132.
25. Roesch E. et al. Violence against women during COVID-19 pandemic restrictions // BMJ. 2020. V. 369.
26. Garcia-Portillaa P. et al. Are older adults also at higher psychological risk from COVID-19? // Aging & Mental Health. 2021. V. 25. № 7. P. 1297–1304.
27. VoPham T. et al. The impact of the COVID-19 pandemic on older women in the Women’s Health Initiative // Journals of Gerontology: Series A. 2022. V. 77. Suppl. 1. P. S3–S12.
28. Leinonen E. Everyday life and the new shapes of identities – The different meanings of ‘things that did not happen’ in the lives of Finnish older persons during the pandemic // Journal of Aging Studies. 2022. V. 62. P. 101052.
29. Доброхлеб В.Г. Непрерывное образование как фактор повышения уровня занятости и доходов старшего поколения современной России // Экономика. Налоги. Право. 2019. Т. 12. № 2. С. 83–90.
30. Римашевская Н.М., Доброхлеб В.Г. Старшее поколение как ресурс модернизации России // Народонаселение. 2013. № 3 (61). С. 20–26.

**FEATURES OF THE DAILY LIFE OF OLDER WOMEN DURING
THE COVID-19 PANDEMIC IN URBAN AND RURAL AREAS**

K.A. Galkin

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, a Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

This article examines the features of the daily life of older women during the COVID-19 pandemic in urban and rural areas.

The empirical basis of the study was made up of semi-structured interviews with older women from the city of federal significance (St. Petersburg) and villages of the Republic of Karelia. A total of 40 interviews were collected. As part of the thematic analysis of narratives in the interview, the key features of the daily life of older women during the pandemic are outlined, the influence of restrictions and isolation on sexual discrimination is indicated, employment prospects for older people are outlined, the peculiarities of their interaction with doctors and medical personnel in general are revealed.

As part of the study, it was found that older women from a large federal city are most discriminated against. In turn, women from rural areas during the COVID-19 pandemic were less discriminated against due to various restrictions.

The study also concluded about the importance of information technology training for older women, about the need to improve employment as an area that can overcome limitations and promote the development of activity of older women to ensure their integration into social life after the pandemic.

Keywords: older women; pandemic with COVID-19; everyday life of the elderly during the pandemic; post-pandemic time; discrimination during the pandemic.

УДК 316.7; 316.42

DOI 10.52452/18115942_2024_1_101

ПРОТИВОРЕЧИВАЯ РОЛЬ МАССМЕДИА В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2024 г.

А.В. Кульминская, Л.Д. Забокрицкая

Кульминская Алина Владимировна, к.соц.н.; доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Школы государственного управления и предпринимательства Института экономики и управления

Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург
a.v.kulminskaia@urfu.ru

Забокрицкая Любовь Дмитриевна, к.соц.н.; доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Школы государственного управления и предпринимательства Института экономики и управления

Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург
zabokritskaya@urfu.ru

Статья поступила в редакцию 29.10.2023

Статья принята к публикации 30.01.2024

Целью статьи является изучение того, как молодежь оценивает роль массмедиа в своей жизни и жизни общества, в развитии современной культуры. Для достижения поставленной цели был проведен обширный теоретический анализ научных публикаций, а также результатов эмпирического исследования. Представленные эмпирические результаты являются частью исследования «Студенчество России о народной культуре», реализованного Российским обществом социологов в 2022 г.

В теоретической части массмедиа раскрываются как динамично развивающийся элемент публичного пространства, тесно связанный с явлением матричной культуры. Сделан вывод о множественности массмедиа, часть которых находятся вне правового регулирования. Практическая часть содержит данные, подтверждающие, что молодежь признает значимую роль массмедиа, в том числе СМИ в формировании культуры, образа жизни, представления о государстве и народе. Наряду с этим отмечено, что молодежь признает риски, которые сопровождают их работу: ангажированность или зависимость журналистов, распространение ненормативной лексики, пропаганда насилия. Таким образом, в статье отражены ключевые аспекты, свидетельствующие о противоречивой роли массмедиа в развитии современной культуры.

Ключевые слова: молодежь, массмедиа, СМИ, новые медиа, традиционные медиа, публичная сфера, стереотипы, информационная капсула, мозаичная культура.

Введение

Когда мы смотрим на наследие древних культур, мы видим целостную картину из объектов материальной культуры, ценностей, норм и традиций. Культура конца XIX – начала XX веков похожа на лоскутное одеяло, где каждый кусочек – культура, связанная с национальными или политическими особенностями или субкультурами. Культуру начала XXI в. называют мозаичной. Мозаичная культура складывается из множества соприкасающихся фрагментов, но эти фрагменты не образуют четкие конструкции, в ней нет точек отсчета, нет ни одного подлинно общего понятия, но зато много понятий, обладающих большой весомостью (опорные идеи, ключевые слова и т. п.) [1]. Определенную роль в формировании такого типа культуры играют средства массовой информации. В.П. Майкова считает, что в основе мозаичной

(матричной у автора) культуры лежит возможность писать, т.е. производить компоненты культуры, а не усваивать, например, через чтение. В данном отношении производство компонентов культуры подразумевает, что у пользователей новых СМИ появляется возможность через осуществление обратной связи либо создание своих информационных сообщений не только усваивать, но и формировать свои смыслы, а именно в процессе создания информации вкладывать в нее содержание (взгляды, ценности, установки), которые уже будут влиять на мировоззрение других субъектов данной массовой коммуникации. Информационное поле, составляющее часть публичной сферы, настолько насыщено информационными поводами – событиями, что в них бывает сложно сориентироваться. И одной из задач формирования личности в современном обществе является развитие широты информационных интересов и навыков

работы с потоками информации [2]. Одной из задач федерального исследования Российского общества социологов «Студенчество России о народной культуре», проведенного в 2022 г., было определить, как молодежь оценивает роль средств массовой информации в своей жизни и жизни общества, в развитии современной культуры. Наше первоначальное предположение состояло в том, что роль СМИ является одной из ключевых для развития современной культуры, хотя молодежь может и не осознавать этого.

Теоретико-методологическая база

Развитие Интернета привело к расширению спектра средств массовой информации. С 2011 г. согласно Закону Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 14.07.2022) «О средствах массовой информации», под средствами массовой информации понимается «периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)» [3]. Под продукцией средства массовой информации законом понимается тиражируемая информация в печатном, аудио- или видеформате.

В сферу регулирования этого закона не входят популярные блоги или посещаемые страницы в социальных сетях, при этом для молодежи именно они становятся основным источником новостей. Замеры Фонда «Общественное мнение» в 2022 г. показывают, что 70% молодых людей получают информацию о последних событиях в сети Интернет [4], для каждого второго молодого человека социальные сети – основной источник новостей [5].

В литературе часто можно встретить деление информационных источников на традиционные СМИ и новые медиа (или новые СМИ). К традиционным СМИ относят печатные газеты, радио, телевидение. Хотя уже исходя из понятия, отраженного в ФЗ «О средствах массовой информации», понятие СМИ намного шире. Новые медиа включают в себя [6]:

– интернет-медиа – все многообразие инструментов коммуникации между производителями и потребителями информации в Интернете (включая технические протоколы, браузеры, систему гиперссылок);

– новые массмедиа или интернет-СМИ – порталы и ресурсы, имеющие статус средства массовой информации;

– социальные медиа (социальные сети).

Отметим, что устоявшаяся терминология в отношении так называемых неинституциональных медиа или «новых медиа» сегодня еще не выработана, поэтому для определения понятия «новые» и «традиционные» СМИ мы будем использовать понятие «массмедиа». Массмедиа неизбежно взаимодействуют, воздействуя на свои целевые аудитории. Эти отношения большинство исследователей характеризуют как «конкуренцию» [7, с. 89], предметом которой является «аудитория, ее свободное время и интерес» [7, с. 90] и которая воспринимается как тренд и как «вызов журналистике» [8, с. 24]. В этой конкуренции традиционные СМИ часто проигрывают, закрываясь или переходя (полностью или частично) в онлайн-формат, т.е. пополняя ряды новых медиа [9, с. 492]. С другой стороны, многие новые СМИ, зарождаясь в социальных сетях и добиваясь известности, начинают дублироваться традиционными СМИ. Соответственно, на современном этапе происходит активное смешение традиционных и новых СМИ.

Массмедиа являются значимым компонентом при формировании публичной сферы. По Х. Арндт, публичная сфера – это результат и условие для совместной деятельности членов общества, где каждый участник взаимодействия стремится показать свою уникальность [10]. По Ю. Хабермасу, публичное пространство – это пространство и среда, где происходит обсуждение вопросов, попадающих во внимание общества в целом или отдельных его групп [11, с. 26]. Основной принцип построения публичной сферы – принцип равенства субъектов взаимодействия, общедоступности информации, обязательности правил взаимодействия. Рассматривая публичную сферу как продукт взаимодействия индивидов, Хабермас считал, что она возникает тогда, когда общественность выражает и обсуждает проблемы. Но для обсуждения нужны факты, которые предоставляют массмедиа. Таким образом, традиционные СМИ создают почву для дискуссий, а новые СМИ с возможностью комментирования представляют и дискуссионную площадку. Сам Ю. Хабермас указывал на особую роль социальных медиа как инструмента гражданской журналистики. Результатом дискуссий в публичной сфере становятся установки и мнения, которые влияют на изменение ценностей и норм, социальных институтов и инструментов управления.

Мнение складывается на основе того, что сообщают другие, и того, что индивид сам способен вообразить. У. Липпман говорил о том, что между информацией, идущей от внешнего мира, и сознанием индивида лежат принятые образцы, стандартные варианты интерпретации

ситуации, которые ученый называл стереотипами. Стереотипы – это псевдосреда, располагающаяся между индивидом и средой, т.е. наше мнение или представление о среде, призма, через которую мы смотрим. Стереотипы не постоянны во времени, поэтому разные поколения, культуры, субкультуры могут не понимать друг друга [12]. Массмедиа распространяют и подтверждают стереотипы, поддерживая стабильность общества или его компонентов, а мнение одного человека становится частью общественного мнения.

Под общественным мнением мы понимаем выражаемое определенной частью общества или обществом в целом одобрение или неодобрение неких позиций и поведения. Таким образом, общественное мнение представляет собой оценку социально значимого происходящего, которая работает как инструмент формирования поведения отдельных индивидов [13]. Э. Ноэль-Нойман говорит о том, что тема общественного мнения формируется средствами массовой информации, а индивид не всегда осознает влияние информации и ее обсуждения на его поведение. Индивид видит согласованность действий и мнений и вынужден учитывать их в своем поведении. Если он не согласен с господствующим мнением, он попадает в спираль молчания [14].

К счастью, разнообразие СМИ в современном мире позволяет найти такой участок публичной сферы, где индивид будет чувствовать себя среди своих – среди людей, разделяющих его точку зрения. Такие специфические по разделяемым позициям участки называют «эхо-камерами» [15, 16] или «информационными капсулами». Первое понятие принадлежит политологии и акцентирует внимание исследователей на общности политических установок. Второе более операционально с точки зрения изучения публичной сферы как пространства коммуникации.

Информационную капсулу можно определить как «информационную структуру, в рамках которой циркулирующие в ее закрытом пространстве идеи, символы, смыслы, убеждения, мнения не изменяются за счет критического осмысления информации и восприятия альтернативных объяснительных моделей, а наоборот – лишь сохраняются, самоподдерживаются, закрепляются и даже усиливаются за счет многократного повторения, обсуждения, одобрения среди единомышленников» [17]. Информационные капсулы – это фрагменты мозаичной культуры. Это блоги и страницы в социальных сетях, это сайты информационных агентств, придерживающихся определенной редакционной политики, это любые сообщества, сформирова-

ровавшиеся вокруг некоего информационного ресурса, который работает как средство массовой информации.

Принято считать, что люди, занятые в сфере средств массовой информации, берут на себя ответственность, связанную с эффектом коммуникации, в том числе выраженном в общественном мнении. Действительно, в Уставе Союза журналистов России заложены этические принципы работы журналистов. Во втором разделе Устава представлены цели и задачи деятельности Союза: формирование свободного информационного поля, наполненного достоверной информацией и направленного на распространение идеалов демократии [18]. Российский кодекс профессиональных и этических принципов в PR_PACO определяет, что «практическая деятельность консультанта или агентства по связям с общественностью должна строиться на неукоснительном соблюдении принципов точности, правдивости и добросовестности передаваемой информации» [19]. Таким образом, в этическом плане роль средств массовой информации состоит в том, чтобы сделать общество лучше: «миссия журналиста заключается, прежде всего, в том, чтобы быть социально ответственным, то есть ориентироваться не на бизнес и не на власть, а на общество» [20, с. 152]. Развитие средств массовой информации и журналистики напрямую связано с погружением зрителей и читателей в общественную жизнь [21], так как взаимодействие поставщика и потребителя информации – это основное условие существования СМИ. Журналистика должна быть катализатором культурного роста [22], в то время как осознанная реализация манипулятивной функции в чьих-то интересах выходит за рамки этики этой сферы деятельности [23].

Бурное развитие публичной сферы и средств массовой информации не может остаться без внимания исследователей. Для целей нашего исследования наиболее интересны работы, посвященные массмедиа как социальному явлению. Ряд ученых использует лингвистический подход и рассматривает влияние средств массовой информации на развитие языка: функционирование и закрепление феминитивов [24] или англоязычной кальки (хайп, сейшн, кринж, гламур и другие) [25–29], а также влияние медиа на язык как комплексную систему, определяющую ценности и нормы повседневного взаимодействия [30]. Ряд ученых исследует создание неологизмов и иных компонентов культуры, связанных с интернет-средой, в том числе мемов [31, 32] – компонентов культуры, которые зарождаются в интернет-среде и выходят в офлайн.

Таблица 1
**Распределение респондентов
 по профилю обучения**

Профиль обучения	% от числа опрошенных
Гуманитарная	38
Техническая	25
Социально-экономическая	14
Естественно-научная	9
Медицина	7
Военная	2
Физкультура и спорт	3
Творческая	1
Сельскохозяйственная	1

Достаточно распространено использование культурологического или системно-культурологического подходов. Большой интерес представляют работы, посвященные реализации функций массмедиа в обществе: просветительской (сюда автор относит и сообщение новостей – информации о новых «социальных артефактах» [33]), функция сохранения культурной памяти [34] и манипулятивная [23, 35], включая геймифицированные практики (приемы отвлечения внимания от экономических и политических проблем и привлечения к досуговому, развлекательному контенту) [21].

Очень разнообразны исследования, посвященные роли массмедиа в трансляции ценностей и развитии культуры. Ряд исследователей работает в рамках проблематики социального института семьи (трансляция традиционных ценностей или, наоборот, разрушающая роль медиа) [36–38]. Еще заметна проблематика формирования инклюзивной культуры [39], ценностных ориентаций молодежи [40, 41], общественного сознания [42], интолерантности [43], норм социального взаимодействия между различными социальными общностями при помощи новых медиа [44], в том числе – аспектов профессиональной этики журналистов [45]. Другая часть исследователей направляет свое внимание на рефлексию по поводу особенностей развития и роли медиа в современном обществе [22, 46–50].

В любом упомянутом нами исследовании есть социологический компонент, который проявляется или в рассмотрении средств массовой информации как элемента системы общества, или в механизме взаимодействия между элементами системы общества.

Подводя теоретические выводы, мы можем констатировать: во-первых, сегодня существует множественность СМИ, часть из которых не зарегистрирована как СМИ, но фактически ими является. Различные виды СМИ все больше проникают друг в друга, добываясь таким обра-

зом роста целевой аудитории. Во-вторых, новые СМИ создали для населения неограниченные возможности выхода в публичную сферу вне зависимости от социального статуса. За счет этого растет их аудитория и значимость для населения. За счет новых СМИ все его субъекты получают возможность производить компоненты культуры, а не только усваивать их. Тем самым образуется тесная связь развития публичной сферы и матричной культуры.

Результаты

Эмпирическая база статьи – исследование Российского общества социологов «Студенчество России о народной культуре», проведенное в 2022 г. Массив данных составляют 10 078 анкет студентов вузов, выборка спонтанная. В исследовании участвовала учащаяся молодежь, 98% выборки составили юноши и девушки от 16 до 25 лет. Медианный возраст – 19 лет. Доля юношей – 36%, доля девушек – 64%. Подавляющее большинство респондентов (95%) – учащиеся очного отделения колледжей и вузов. Платно обучаются 28% респондентов, 72% – бюджетники. Ядро выборки составляют студенты первых–третьих курсов (84%), студентов четвертого–пятого курса – 12%. Магистранты, интерны, ординаторы, аспиранты – 4%. Распределение участников исследования по профилю обучения представлено в таблице 1.

Для того чтобы точнее определить роль средств массовой информации в формировании современной культуры глазами респондентов, в рамках исследования был задан вопрос: «Существуют разные оценки роли средств массовой информации в формировании культуры народа. С какими мнениями Вы согласны, а с какими нет?» Был предложен достаточно обширный перечень вариантов ответов (см. табл. 2).

В подавляющем большинстве вариантов ответов доминирует оценка «не совсем согласен». Это дает основание полагать, что респонденты по большинству вариантов ответов не склонны отводить СМИ решающую роль в формировании культуры. Значительная часть респондентов (почти каждый второй) определенно «согласны» с мнениями, что «журналисты показывают то, за что им хорошо платят» (47%), что СМИ «формируют образ жизни» (46%).

В целом же можно констатировать: респонденты действительно считают СМИ весьма значимым, но далеко не единственным субъектом по формированию культуры населения. При этом СМИ приносят в культуру как разрушительные, так и созидательные элементы. По мнению респондентов, положительно фор-

Таблица 2

Перечень мнений для оценки респондентами, % от общего числа ответов

Перечень мнений	Согласны ли Вы с мнением		
	да	не совсем	нет
Журналисты показывают то, за что им хорошо платят	47	40	13
Формируют образ жизни	46	43	10
Формируют уважение к Вашей стране	38	47	15
Формируют уважение к современной России	38	46	16
Формируют представление о глобальном мире	38	46	16
Формируют уважение к национальной культуре	33	51	16
У СМИ и блогеров нет позиции, им нужны «лайки»	31	47	22
Формируют уважение к Российской империи	28	50	22
Формируют уважение к Советскому Союзу	27	50	23
Формируют положительное представление о СНГ	26	55	19
Культивируют насилие, преступность	24	48	28
Дают объективную информацию	20	49	31
Разрушают семью	17	41	42

Источник: составлено авторами на основании данных, полученных по результатам исследования РОС «Студенчество России о народной культуре», 2022 г.

Таблица 3

Перечень мнений для оценки респондентами по полу, % от общего числа ответов по группам

Перечень мнений	Согласны ли Вы с мнением					
	да		не совсем		нет	
	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.
Журналисты показывают то, за что им хорошо платят	45	51	43	38	12	11
Формируют образ жизни	46	47	44	41	10	12
Формируют уважение к Вашей стране	36	41	49	43	15	16
Формируют уважение к современной России	36	41	48	43	16	16
Формируют представление о глобальном мире	38	38	46	42	16	20
Формируют уважение к национальной культуре	32	35	52	46	16	19
У СМИ и блогеров нет позиции, им нужны «лайки»	29	34	49	46	22	20
Формируют уважение к Российской империи	26	31	52	45	22	24
Формируют уважение к Советскому Союзу	26	29	52	47	22	24
Формируют положительное представление о СНГ	25	29	56	50	19	21
Культивируют насилие, преступность	23	26	49	47	28	27
Дают объективную информацию	20	21	49	44	31	35
Разрушают семью	14	21	43	41	43	38

Источник: составлено авторами на основании данных, полученных по результатам исследования РОС «Студенчество России о народной культуре», 2022 г.

мируют уважение к своей стране, современной России, формируют представление о глобальном мире и т.п. В то же время только один из пяти респондентов согласен, что СМИ дают объективную информацию. С совершенно негативными высказываниями («СМИ культивируют насилие, преступность»; «СМИ «разрушают семью») согласны только один из четырех респондентов (в первом случае) и один из шести (во втором). Действительно, СМИ и внедренные в них социальные технологии управления могут играть как созидательную роль для культуры, закрепляя в ней традиционные ценности, общечеловеческую мораль и этику, закон, идеологию своей страны, так и внедряя ценности, которые в конечном итоге ведут к деградации и распаду социальной системы. Такая противоречивая

роль СМИ доказывает, что их нельзя назвать однозначно хорошими или плохими. СМИ стали весьма важным институтом современного мира, который может работать как на благо, так и во вред социальной системы. Кроме того, в ходе исследования было установлено, что имеется связь между мнениями респондентов и их гендерными характеристиками (см. табл. 3).

Заметно, что в целом мужчины чаще склонны по данному вопросу выражать более четкую позицию по сравнению с женщинами. По всем мнениям женщины дают более нейтральные ответы «не совсем согласен» по сравнению с мужчинами. Данный факт, скорее всего, связан с психологическими особенностями женщин, их стремлением избегать открытых конфликтов, «сглаживать острые углы», избегать рисков.

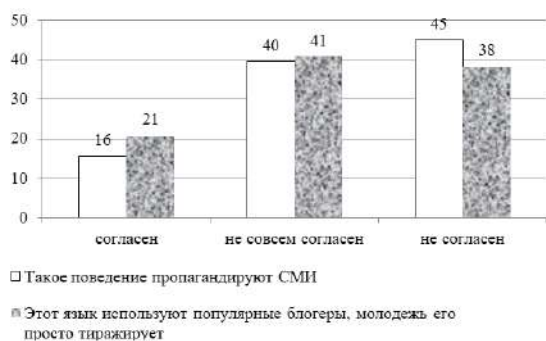

Рис. Влияние средств массовой информации на использование нецензурной лексики молодежью, % от общего числа ответов

Также было установлено, что мнения респондентов относительно роли СМИ находятся в зависимости от уровня доходов. Так, например, два из трех респондентов (65%) с очень низким уровнем доходов (по их самооценкам, они «едва сводят концы с концами; денег не хватает даже на продукты») полностью согласны с тем, что именно СМИ формируют образ жизни. В то же время в среднем с данным высказыванием согласны меньше половины респондентов (46%). Действительно, СМИ для ряда слоев населения являются более важным источником мнений и ценностей. С тем же высказыванием полностью согласны 70% респондентов, имеющих уровень подготовки – аспирантура. Таким образом, оценки роли и значения СМИ особенно высокие среди респондентов с очень низким уровнем дохода и высоким уровнем образования. Это нам показывает еще одну грань противоречивой роли СМИ в оценках разных групп респондентов. Но в целом можно говорить о том, что молодежь не видит особой роли СМИ в формировании народной культуры как целостного представления о государстве и его народе (будь то образ прошлого – Российская империя или Советский Союз – или настоящего).

Как мы уже говорили выше, традиционные СМИ в частности и массмедиа в целом играют как положительную, так и негативную роль в процессе развития культурных установок и ценностей народа. Для того чтобы более детально узнать о роли массмедиа, респондентам было предложено высказывание: «Существует мнение, что молодежь все чаще использует нецензурные выражения. Называются разные причины» – и среди целого перечня возможных причин нас интересовала роль СМИ и блогеров (см. рис.).

В целом всего один из шести респондентов (16%) согласен с тем, что на поведение, связанное с использованием нецензурных выражений, молодежь подталкивают именно СМИ, и лишь

один из пяти (21%) связывает такое поведение с работой популярных блогеров.

Имеются достаточно значимые различия в ответах на данные вопросы среди респондентов в зависимости от гендерных характеристик. Так, мужчины в 1.3 раза чаще женщин соглашались с тем, что на использование ненормативной лексики молодежь подталкивают СМИ, что «этот язык используют популярные блогеры, молодежь его просто тиражирует».

Примечательно, что особенно жестко реагируют на роль массмедиа в распространении нецензурной лексики в молодежной среде студенты-родители (хотя эта группа крайне мала – среди респонденток имеют детей чуть больше 3%, по всей выборке – менее 3%). Они вдвое чаще, чем бездетные, осуждают СМИ за пропаганду нецензурной лексики (29% и 15%) и в 1.5 раза чаще (32% – 21%) критикуют за это блогеров. Вероятно, такая более негативная оценка связана и с их заботой о развитии культуры поведения и речи своих детей.

Также было установлено, что уровень образования оказывает влияние на мнение респондентов о роли массмедиа в использовании молодежью ненормативной лексики (см. табл. 4).

Чем выше уровень образования респондента, тем выше уверенность в значимости роли СМИ и блогеров в формировании установок молодежи.

Также респондентам был задан вопрос: «Чье мнение в разных жизненных ситуациях для Вас наиболее авторитетно?» В качестве вариантов ответов были предложены такие варианты жизненных ситуаций: выбор профессии, выбор друзей, выстраивание отношений с людьми, организация своего быта, покупка одежды, обуви, проведение свободного времени, планирование доходов/расходов, выбор места подработки, выбор книг, музыки, фильмов, при оценке событий в стране, при оценке событий в мире, при выборе спутника жизни, планировании количества детей в семье. На каждую из жизненных ситуаций респондент выбирал, к мнению кого он прислушивается больше всего в данных ситуациях, а именно: мнению супруга/супруги, друзей, преподавателей, рекламодателей, блогеров, важнее собственное мнение.

Отметим, что по всем жизненным ситуациям респонденты отдавали предпочтение «собственному мнению», а вот блогеры оказались весьма непопулярны. Только в четырех жизненных ситуациях, таких как «покупка одежды, обуви» (3%), «выбор книг, музыки, фильмов» (4%), «при оценке событий в стране» (3%) и «при оценке событий в мире» (3%), респонденты прислушиваются в первую очередь к мнению блогеров. Выше мы упоминали, что, по

Таблица 4

Распределение мнений о значимости роли массмедиа в использовании молодежью ненормативной лексики в зависимости от уровня образования, % от числа ответов респондентов в каждой группе

Перечень мнений	Бакалавриат, специалитет		Магистратура, интернатура и т.п.	Аспирантура
	I–III курс	IV–V курс		
Согласен, что такое поведение пропагандируют СМИ	15	17	19	29
Согласен, что этот язык используют популярные блогеры, молодежь его просто тиражирует	21	22	24	26

Источник: составлено авторами на основании данных, полученных по результатам исследования РОС «Студенчество России о народной культуре», 2022 г.

данным Фонда «Общественное мнение», социальные сети – значимый источник информации для молодежи. Основываясь на результатах данного федерального исследования РОС, можно сделать вывод, что это источник новостей и мнений, но они не являются ведущим источником информации для принятия решений, по мнению респондентов.

Также результаты исследования показали, что молодежь довольно настороженно относится к средствам массовой информации. Об этом свидетельствует достаточно высокий уровень согласия с утверждением о зависимости журналистов. Респонденты признают роль массмедиа в формировании образа жизни, что дает нам основания утверждать, что они осознанно подходят к выбору источников информации. Значимыми факторами в формировании позиции по изучаемому вопросу является пол и детность респондентов. Мужчины имеют более определенную позицию, чем женщины. Детные респонденты более четко определяют деструктивную роль СМИ, это касается как пропаганды убийств, так и распространения ненормативной лексики. Роль блогов как одного из значимых средств массовой информации не подтвердилась, но заметна их роль в формировании поведенческих стратегий.

Заключение

Как отмечает Е.Л. Варганова, «можно предположить, что медиа, став неотъемлемой частью современного общества, имеют тройственную природу, будучи порождены: общественными потребностями в информации и коммуникации; прогрессом информационно-коммуникационных технологий; динамикой, возникающей в результате этих процессов системы репрезентации реальности посредством медиа, что можно считать информационным аналогом общества. Эта тройственная природа проявляется в медиа в виде проанализирован-

ной выше цепочки «содержание» – «канал» – «аудитория», в которой содержание соотносится с системой медиарепрезентации, канал – с технологиями, а аудитория – с общественным запросом» [51, с. 181]. И действительно, по результатам нашего исследования мы видим, что у молодежи наблюдается потребность в массмедиа и особенно в новых СМИ, молодежь активно использует их в своей повседневной деятельности, аудитория новых СМИ неуклонно растёт. Уже сегодня новые СМИ становятся основным источником новостей. Именно данные источники информации формируют в значительной мере установки и ценности в молодежной среде. Именно через массмедиа формируется в том числе и отношение молодежи к своей национальной культуре. Соответственно, усиливая трансляцию в новых СМИ позитивных ценностных установок и положительных стереотипов возможно влиять на самосознание современной молодежи.

Нормативно-правовое регулирование распространения информации через социальные сети, мессенджеры и блоги отстает от темпов их развития; так, в частности, многие социальные сети и блоги и информационные каналы в мессенджерах не зарегистрированы как СМИ, хотя по факту таковыми являются. Новые СМИ предоставляют возможность всем действующим субъектам производить компоненты культуры, а не только усваивать их. Кроме того, было установлено, что молодежь признает значимую роль всех массмедиа и стремится осознанно подходить к выбору источников информации. Адаптируясь к условиям информационной среды, молодежь нарабатывает навыки работы с информацией в массмедиа.

Список литературы

1. Моль А. Социодинамика культуры: Пер. с фр. / Предисл. Б.В. Бирюкова. Изд. 3-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 416 с.

2. Майкова В.П. Философия, СМИ и будущее культуры человека: проблема взаимных отношений // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. 2011. № 3. С. 195–198.
3. Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 14.07.2022) «О средствах массовой информации», статья 2. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/f977773d5130bd4b8aa5c541d1fa7ca381b18f4/ (дата обращения: 20.07.2022).
4. Источники информации: предпочтения. Стали ли люди чаще, чем раньше, обращаться за новостями к традиционным СМИ и интернету? // ФОМ: сайт. Публикация от 25.03.2022. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14705> (дата обращения: 20.07.2022).
5. Молодежь. Инфографика // ФОМ: сайт. URL: <https://fom.ru/uploads/Molodezh/index.html> (дата обращения: 20.07.2022).
6. Интегрированные коммуникации в новых медиа: Монография / Под ред. Л.П. Шестеркиной. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2016. 211 с.
7. Балчугов А.В., Пахомова Е.А., Устинкин С.В., Фоменков А.А. Перспективы взаимоотношений традиционных и новых медиа // Власть. 2020. № 28-6. С. 89–93.
8. Тепляшина А.Н. Новые медиа & традиционные СМИ: конкуренция как тренд // Вопросы журналистики. 2018. № 3. С. 24–35.
9. Чжан Юньшэн. Традиционные СМИ: горизонты развития в эпоху новых медиа // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 3 (88). С. 491–493. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-388-491-493. EDNQRIZGU.
10. Саликов А. Ханна Арендт, Юрген Хабермас и переосмысление публичной сферы в эпоху социальных медиа // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 4. С. 88–102.
11. Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади: коллектив. моногр. / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой и П.В. Романова (Библиотека «Журнала исследований социальной политики»). М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013. 360 с.
12. Липпман У. Общественное мнение. М., 2004. 384 с.
13. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996. 352 с.
14. Гаспарян Л.С., Данченко Н.Ю., Обшарская А.В., Туснетова А.И. Информационное воздействие на общественное мнение: эффект «спирали молчания» в региональном измерении // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2015. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnoe-vozdeystvie-na-obschestvennoe-mnenie-efekt-spirali-molchaniya-v-regionalnom-izmerenii> (дата обращения: 29.10.2023).
15. Поцелуев С.П., Подшибякина Т.А. О факторах политической радикализации в сетевой коммуникации посредством «эхокамер» // Научная мысль Кавказа. 2018. № 2 (94). С. 29–34.
16. Бадмацыренов Т.Б., Цыденов А.Б., Хандаров Ф.В. «Третье пространство», «эхо-камеры» и онлайн-сообщества: воспроизводство политических идеологий в социальных сетях // Политическая наука. 2021. № 1. С. 183–204.
17. Володенков С. В. Влияние технологий интернет-коммуникаций на современные общественно-политические процессы: сценарии, вызовы и акторы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 341–364. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.16>.
18. Устав Союза журналистов России // Союз журналистов России: [сайт]. URL: <https://ruj.ru/about/charter> (дата обращения: 07.08.2020).
19. Российский кодекс профессиональных и этических принципов в PR_РАСО // Российская ассоциация по связям с общественностью: [сайт]. URL: <https://www.raso.ru/profstandart.php> (дата обращения: 07.08.2020).
20. Сергеева Т.С. Арт-журналистика и современная российская культура: ценностно-смысловые доминанты и проблема сохранения человека // Вестник ЧелГУ. 2013. №22 (313). С. 152–156.
21. Басова М.В., Беленко В.Е. Геймифицированные практики современных СМИ // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. № 6. С. 41–52.
22. Высоцкий В.Б. Медиа в системе современной культуры // Медиа среда. 2020. № 1. Р. 12–15. DOI: 10.24411/2070-0717-2020-10102.
23. Хабекирова З.С., Хачецукова З.К., Калашаова А.А., Шхумишхова А.Р. Информационная культура как необходимый компонент медиаобразования // Межд. журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. 4-1 (67). С. 161–163.
24. Замышляева Ю.С. Функционирование феминитивов-неологизмов в современных СМИ // Вестник ЧелГУ. 2021. № 4 (450). С. 52–56.
25. Егошина Н.Б. Сленг в СМИ: лексикографический аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2013. 25 с.
26. Е Линь, Кончакова С.В. Прагматические функции неологизмов в современных СМИ // Вестник ТГУ. 2015. № 11 (151). С. 194–198.
27. Соловьёва А.Д. Новые значения слов в современных СМИ // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2010. № 1 (5). С. 38–40.
28. Скороходова Е.Ю., Щеголева М.М. Роль и употребление неологизмов в современных СМИ // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 5-3. С. 73–78.
29. Прохорова Е.Д. Ключевые слова эпохи в современных СМИ // Время науки – The Times of Science. 2014. № 2. С. 59–65.
30. Ерофеева И.В. Язык современных СМИ: проблема миромоделирования // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. 2012. № 4. С. 34–41.
31. Юсупова А.М. Интернет-культура в языке современных СМИ // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. № 2. С. 62–67.
32. Шомова С.А. «Война мемов»: новые повороты информационного противостояния // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 250–269. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.12>.
33. Гордиенко Н.Н. Просветительская деятельность современных СМИ // Вестник КГУ. 2022. № 1. С. 123–128.

34. Олешко В.Ф., Олешко Е.В. Коммуникативно-культурная память: идентификационные ресурсы современных массмедиа // Гуманитарный вектор. 2019. № 5. С. 77–86.
35. Кихтан В.В., Мамиева Б.Ю. К вопросу о манипулировании в современных СМИ // Вестник ВУиТ. 2018. № 2. С. 236–242.
36. Бодров А.В., Штейман-Шахмартова О.М. Образ семьи, создаваемый средствами массовой информации Пензенской области // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2014. № 4 (12). С. 182–189.
37. Автаева Н.О. Семейная тематика в современных печатных СМИ // Вестник ННГУ. 2012. № 1-2. С. 293–295.
38. Савинова О.Н. Ценностные ориентации в зеркале современных СМИ // Вестник ННГУ. 2013. № 4-2. С. 236–238.
39. Абрамовских Т.А. Роль печатных средств массовой информации в формировании инклюзивной культуры общества (на материале «Российской газеты») // Вестник ЧелГУ. 2017. № 8 (404). С. 5–12.
40. Нафталиева В.О. Влияние современных СМИ на молодежь // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2011. № 2. С. 182–195.
41. Мирзаханова З.А., Мирзаханов Д.Г. Роль СМИ в формировании ценностных ориентаций у современной российской молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 5. С. 68–72.
42. Ильченко Д.А., Майкова В.П. Влияние СМИ и Интернета на формирование общественного сознания в современной России // Вестник МГОУ. Серия: Философские науки. 2018. № 4. С. 17–25.
43. Полонский А.В., Глушкова В.Г. Современные СМИ и проблема интолерантности // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 1 (36). С. 171–181.
44. Тарасова А.А. Современные СМИ и публичная дипломатия: контексты // Вестник ЗабГУ. 2019. № 9. С. 97–104.
45. Шаховский В.И. Современные СМИ: ответственность журналиста // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 1. С. 1–12.
46. Хорольский В.В. Медийность и научность: сямские близнецы или дальние родственники? // Вестник ВолГУ. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2015. № 1 (14). С. 42–51.
47. Козьякова М.И. Медийное пространство и его парадоксы // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 4. С. 189–200.
48. Назметдинова И.С., Лебедева С.Э. «Новые СМИ» в современном медиадискурсе // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2018. № 4 (100). С. 77–87.
49. Вартанова Е.Л. О современном понимании СМИ и журналистики // Медиаскоп. 2010. № 1. С. 8.
50. Штейман М.С., Покачалова А.В. Тенденции развития и функционирования трэвел-журналистики в информационном поле российских СМИ // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. № 1. С. 129–146.
51. Вартанова Е.Л. Теория медиа: отечественный дискурс. М.: Фак. журн. МГУ; Изд-во Моск. ун-та, 2019. 224 с.

THE CONTROVERSIAL ROLE OF THE MEDIA IN THE DEVELOPMENT OF MODERN CULTURE

A.V. Kulminskaya, L.D. Zabokritskaya

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

The purpose of the article is studying of youth opinion about the role of the media in their lives, in the life of society, in the development of modern culture. The presented research results are part of the study «Russians Students about the Folk Culture», conducted by the Russian Society of Sociologists in 2022. In the theoretical part, the media are revealed as a dynamically developing element of public space, closely related to the phenomenon of matrix culture. It concludes about the plurality of media, some of which are outside of legal regulation. The practical part contains data confirming that young people recognize the significant role of the media in shaping culture, lifestyle, and ideas about the state and people. At the same time, it was noted that young people recognize the risks that accompany the work of the media: the bias or dependence of journalists, the spread of profanity, and the promotion of violence.

Keywords: youth, media, new media, traditional media, public sphere, stereotypes, information capsule, mosaic culture.

УДК 316.334.2+316.346.32-053.6
DOI 10.52452/18115942_2024_1_110

СОБЫТИЯ ФИНАНСОВОЙ ЖИЗНИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

© 2024 г.

Е.Л. Могильчак

Могильчак Елена Львовна, к. филос. н.; доц.;
доцент кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург
e.l.mogilchak@urfu.ru

*Статья поступила в редакцию 13.09.2023
Статья принята к публикации 29.01.2024*

Включение молодежи в экономическую жизнь общества всегда представляло собой социальную проблему. В условиях экономического кризиса данная проблема приобретает ещё большую актуальность. Остается недостаточно исследованным такой аспект изучения финансовой жизни студента, как ее успешность. Использование событийно-биографического метода дало возможность изучить финансовую жизнь в данном аспекте на основе разделения событий на положительные и отрицательные. Цель исследования – выявить характеристики воспринимаемых студентами изменений в финансовой жизни в условиях экономического кризиса. Опрос 272 студентов гуманитарных специальностей Уральского федерального университета был проведен в мае 2022 г. Данные сравнивались с результатами исследования 2015 г., когда было опрошено 382 человека. Кризис 2022 г. оказал большее отрицательное влияние на финансовую жизнь студента по сравнению с кризисом 2014 г. Это проявилось в существенном превышении числа отрицательных событий над числом положительных, появлении новых видов негативных событий. В результате кластерного анализа было получено два кластера. Представители успешного кластера чаще, чем неуспешного, имели удачный опыт на рынке акций, получали премии, повышение зарплаты, чаще совершали удачные покупки. Среднее число положительных событий в данном кластере в несколько раз выше, чем в неуспешном кластере. Дальнейшие исследования финансовой жизни студентов могут быть связаны не только с продолжением изучения ее успешности, но и с выявлением ее взаимосвязи с другими сферами жизни молодых людей.

Ключевые слова: студент, социальное самоопределение, событие, денежные отношения, кризис, успешность.

Введение

Включение молодежи в экономическую жизнь общества всегда представляло собой социальную проблему, в условиях экономического кризиса данная проблема приобретает ещё большую актуальность. Особенность данного процесса состоит в необходимости выполнения молодым человеком двух противоречивых задач – получение высшего образования и формирование домохозяйства, независимого от родительской семьи. От выбора студентом более значимой для него задачи зависит стратегия его экономического и образовательного поведения.

События финансовой жизни понимались нами как изменения в финансовых условиях, процессе и результатах деятельности по получению и использованию денежных средств. Эти события мы рассматривали как элементы жизненного пути молодого человека, которые в совокупности могут указывать на успешность социального самоопределения в сфере денежных отношений. Оно представляет форму включения молодежи в экономическую жизнь общества путём формирования независимого от ро-

дителей финансового статуса через выбор источников доходов и способов их использования.

Финансовый статус понимается нами как одна из разновидностей экономического статуса наряду с имущественным. Выбор источников доходов и способов их использования является средством осуществления социального самоопределения в сфере денежных отношений. Этот выбор предполагает «встраивание» денег в социальные взаимодействия разного типа.

Вивиана Зелизер писала о том, что «несмотря на принципиальную подвижность денег, люди всячески стремятся встроить их в определенное время, место и социальные отношения. <...> Люди производят разные денежные средства для многих, а возможно, и для каждого типа социального взаимодействия» [1, с. 60]. Можно говорить о таких типах денежных отношений студента, как отношения с родителями, работодателем, а также с коммерческими организациями, по отношению к которым студент выполняет роль покупателя (клиента). Отношения с родителями регулируются неформальными нормами, в том числе моральными. Отношения студента в качестве потребителя

товаров и услуг регулируются прежде всего формальными нормами, как и его отношения с работодателем. Нарушение данных норм может стать причиной изменений в финансовой жизни, неблагоприятных для студента.

Финансовая жизнь студентов изучалась рядом ученых. Исследовалось экономическое положение студентов, их поведение при зарабатывании и расходовании денежных средств [2–7]. Отдельно анализировалась проблема финансовой самостоятельности студенческой молодежи [8–11]. Выявлено несоответствие потребительских предпочтений финансовым возможностям студенчества. Доказано, что увеличение уровня финансовой независимости с течением времени улучшает материальное положение студента.

Как зарубежные, так и российские авторы исследовали влияние экономического кризиса на материальное положение и ценности студентов. В кризис происходит снижение доходов родительских семей студентов и расходов самих молодых людей, повышается значимость ценности безопасности жизни [12–15].

Говоря об институциональных изменениях в обществе, классики экономической социологии Т. Парсонс и Н. Смелсер указывали, что данным изменениям предшествуют явления, которые мы могли бы назвать *подобными кризисным*. Процесс начинается с сочетания неудовлетворенности производственными достижениями экономики, затем происходит скрытый процесс преодоления этих противоречий и мобилизации мотивационных ресурсов. Внедрение инноваций осуществляется предпринимателями [16]. Представитель культурно-исторического направления новой экономической социологии М. Аболафия также обращает внимание на способы преодоления кризисных явлений: противоречия разрешаются организованными действиями институциональных субъектов, которые стремятся сгладить очевидные негативные последствия для конкретных участников данного и смежных рынков [17].

На наш взгляд, мобилизация мотивационных ресурсов в условиях кризиса может осуществляться не только предпринимателями, институциональными субъектами, но и обычными людьми, в том числе студентами.

Можно говорить, что эмпирические исследования финансовой жизни студентов захватывают достаточно широкий круг явлений: это финансовое положение студента, характер его деятельности при зарабатывании и расходовании денежных средств, денежные взаимоотношения с родителями. Вместе с тем остается недостаточно исследованным такой аспект изучения и оценки финансовой жизни студента, как

ее успешность. Использование событийно-биографического метода дало нам возможность изучить финансовую жизнь в данном аспекте на основе разделения событий на положительные и отрицательные.

События финансовой жизни обычно исследовались социологами наряду с другими жизненными событиями [18, 19]. Мы изучили данные события как элементы исключительно финансовой жизни. Студенты-гуманитарии УрФУ были опрошены в 2015 и 2022 г. Это позволило сравнить данные, относящиеся к двум периодам развития экономического кризиса.

Цель исследования – изучить события финансовой жизни студентов как показатели ее успешности. В задачи исследования входило построение типологии респондентов по характеру событий финансовой жизни, выявление изменений, произошедших в содержании событий с 2015 по 2022 г.

Методы

В качестве генеральной совокупности выступали студенты 3–4-го курса гуманитарных специальностей Уральского федерального университета. Опрос проводился в мае 2022 и в декабре 2015 г. Объем выборки – 272 и 382 человека соответственно. Тип выборочной процедуры – квотная одноступенчатая выборка, квотный признак двухмерный – принадлежность к курсу обучения и факультету.

Для изучения событий финансовой жизни нами применялся событийно-биографический метод. Респондентам предлагалось ответить на открытый вопрос: «Какие события, произошедшие в Вашей жизни с февраля 2021 г. по апрель 2022 г. и связанные в той или иной степени с деньгами, финансами, Вам более всего запомнились? Опишите, пожалуйста, эти события, а также те эмоции, чувства, которые Вы испытали в момент, когда произошли данные события». В 2015 г. временной интервал, указанный в вопросе, составил с сентября 2014 по ноябрь 2015 г.

Методом анализа текста ответов на открытый вопрос был контент-анализ. Категориями контент-анализа выступали 1) эмоциональное отношение к событию (подкатегории – позитивное, негативное), 2) характер объекта события (подкатегории – деятельность, условия деятельности), 3) характер события в зависимости от его влияния на финансовое положение (подкатегории – положительное, отрицательное), 4) содержание события. Подкатегориями выступали повышение цен; удачная покупка; неудачная покупка; получение первой зарплаты; премия (повышение зарплаты); получение денег

от родственников (подарок, наследство); получение стипендии; лишение стипендии; удачный опыт на рынке акций, валют; покупка до повышения цен; нереализовавшаяся возможность приобрести товар (услугу); потеря работы; упущенные возможности; убытки.

В качестве единицы контекста выступал текст, описывающий каждое событие, единицы счёта – упоминание подкатегорий в тексте.

Всего получено 549 событий в 2022 г. и 482 события в 2015 г. Каждое событие при обработке данных было отнесено к соответствующей категориальной группе. Исходя из свойств описанных событий, было сформировано 20 переменных, измеренных с помощью номинальных и абсолютных шкал, 14 из них относились к содержанию событий.

Номинальный уровень измерения имели дихотомические признаки, отражающие содержание конкретного изменения в финансовой жизни, характер объекта события, характер события в зависимости от его влияния на финансовое положение. Также к группе переменных с номинальным уровнем измерения относилось наличие позитивных или негативных эмоций, испытываемых при восприятии события.

Абсолютный уровень измерения имели такие вторичные переменные (индексы), как число положительных и отрицательных событий, разность числа положительных и числа отрицательных событий.

Для каждого респондента определялся *индекс успешности финансовой жизни*. Он рассчитывался как отношение разности числа положительных и отрицательных событий к общему числу событий, указанных респондентом. Индекс изменяется от -1 до $+1$. Он равен нулю при равенстве числа положительных и отрицательных событий, $+1$ – при наличии только положительных событий, -1 – при наличии у респондента только отрицательных событий. Чем ближе индекс к $+1$, тем выше уровень успешности.

Формирование указанных переменных позволило применить при обработке данных корреляционный и кластерный анализ. Кластерный анализ осуществлялся с применением метода *k*-средних, обработка данных проводилась с помощью программы SPSS.

Результаты исследования

Еще раз отметим, что события финансовой жизни понимались нами как изменения в финансовых условиях, процессе и результатах деятельности по получению или использованию денежных средств. Мы фиксировали события, приведшие к улучшению и ухудшению финан-

сового положения студента. События, приведшие к улучшению финансового положения либо представляющие удачную попытку использования финансовых ресурсов, рассматривались нами как положительные. События, приведшие к ухудшению финансового положения либо представляющие неудачную попытку улучшения данного положения (неудачную попытку использования финансовых ресурсов), рассматривались как отрицательные.

Опрошенными было названо 549 событий в 2022 и 482 события в 2015 г. Положительные события чаще всего представлены трудоустройством и удачными покупками, отрицательные – повышением цен.

Мы ввели независимые критерии отнесения *отрицательных* событий финансовой жизни к двум типологическим группам: убытки и упущенные возможности. Упущенные возможности выражались в несостоявшейся поездке, покупке, упущенном месте работы из-за изменения условий экономической деятельности в связи с кризисом. Убытки выражались в потере вещи, краже, невыдаче зарплаты, денежном ущербе по вине финансовых организаций, лишении денег в результате мошенничества, лишении стипендии. Упущенные возможности отметил примерно каждый седьмой респондент, убытки – каждый десятый. Среди положительных событий значительно чаще, чем среди отрицательных, встречаются события, связанные с активностью студента, и, наоборот, реже – с финансовыми условиями его деятельности. Описанные закономерности относятся к данным как 2015, так и 2022 г.

Среди отрицательных событий, запомнившихся студентам, и в 2015, и 2022 г. чаще всего упоминается повышение цен на товары и услуги (табл. 1). При этом 4.5% опрошенных в 2022 г. указывает на повышение цен на *социально значимые товары* – продовольственные продукты и лекарства. В 2015 г. эти товары как особая категория отдельно не упоминались. Так, например, студентка указала, что «подорожали и исчезли из аптек многие лекарства, из-за этого я временно прервала прием необходимых лекарств. Не всегда есть лекарства, а если есть – то подорожавшие, волнуясь за немолодых родителей». Причина дефицита некоторых товаров, в том числе медпрепаратов, как известно, связана с ограничением поставок из-за рубежа, которое характерно именно для кризиса 2022 г.

Такое отрицательное событие, как повышение цен, реже упоминается работающими студентами. Известно, что экономические кризисы резко увеличивают неопределённость обстановки [20]. Работающие студенты имеют ресурсы

Таблица 1

**События финансовой жизни, произошедшие в 2021–2022
и в 2014–2015 годах и запомнившиеся студентам**

События	2014–2015		2021–2022	
	% от числа опрошенных	% от числа событий	% от числа опрошенных	% от числа событий
Повышение цен	39.8	18.0	37.5	19.6
В том числе повышение цен на продукты питания и лекарства	0.0	0.0	4.5	2.2
Удачная покупка	43.0	19.7	33.3	17.1
Премия, повышение зарплаты	32.5	15.0	10.0	4.9
Получение первой зарплаты	38.9	17.9	26.7	13.3
Получил деньги от родственников, подарок, наследство	6.1	2.8	6.7	3.3
Неудачная покупка	7.5	3.4	8.3	4.1
Не смог приобрести товар, услугу	0	0	11.7	5.7
Получил стипендию, повысилась стипендия	8.2	3.7	7.5	3.7
Лишился стипендии	8.8	4.0	1.7	0.8
Удачный опыт на рынке акций, валют	4.8	2.2	5.0	2.4
Успел совершить покупку до повышения цен	0	0	4.2	2.0
Лишился работы	5.3	2.4	20.8	10.4
Упущенные возможности в результате кризиса (несостоявшаяся работа, поездка, покупка)	12.3	5.6	15.8	7.8
Убытки (кража, невыплата зарплаты, мошенничество, денежный ущерб, нанесенный банком)	11.7	5.3	10.0	4.9
Всего	218.9	100.0	199.2	100.0

Примечание: сумма (всего) составляет больше 100%, поскольку респондент мог описать несколько событий.

для преодоления данной неопределенности и снижения зависимости от внешних условий экономической деятельности. *Чаще* повышение цен упоминается девушками, чем юношами, первокурсниками, чем второкурсниками.

Особо нужно отметить *положительные* события, связанные с повышением цен. Так, в 2022 г. в 4% случаев опрошенные указывают, что успели совершить покупку до данного повышения. Это может рассматриваться как успех в выполнении роли покупателя в условиях экономического кризиса. В 2015 г. такого рода события не упоминались.

В 2022 г. соотношение положительных и отрицательных событий изменилось в пользу отрицательных. Так, в 2015 г. число положительных событий превышало число отрицательных в 1.33 раза, в 2022 г. их количество уравнилось.

Нас интересовал не только характер изменений в личной финансовой жизни студентов, в том числе в связи с экономическим кризисом, но и *эмоциональная* «интерпретация» ими этих изменений.

Сущность чувства можно рассматривать как то значение, которое развивается в последовательном ряде приспособлений к требованиям жизни [21], эмоция представляет проявление важности, которое событие имеет в природном или социальном мире [22].

Из негативных эмоций, обозначенных студентами, можно назвать тревогу, отчаяние, негодование, из позитивных эмоций – радость,

счастье. Так, покупка билетов на мошенническом сайте вызвала апатию, поднявшиеся цены на продукты питания – тревогу, закрытие вывода средств для граждан РФ – отчаяние, негодование, получение гранта на миллион – радость, счастье, эйфорию.

События, связанные с работой и с потреблением товаров и услуг, наиболее часто упоминаются в ряду вызывающих *позитивные эмоции* событий. Чаще всего позитивные эмоции переживались после таких событий, как получение премии, повышение зарплаты и удачные покупки. Отметим, что в качестве вознаграждения работник получает не только доход, удовлетворение от работы, но и возможность реализовать личные ценности. Реализуемые ценности не обязательно относятся к сфере труда. Студенты рассматривают работу ещё и как способ обеспечения финансовой независимости от родителей и получения возможности приобретать товары и услуги. Примерно каждое шестое событие, вызвавшее позитивные эмоции, связано одновременно и с самостоятельными заработками, и с покупкой товаров, потреблением услуг. Данные события вызывают гордость, приятные эмоции от того, что товар или услуга приобретены на собственные деньги. Данные закономерности относятся и к 2022, и 2015 г.

Чаще всего отрицательные эмоции от событий финансовой жизни испытывают студенты, имеющие временную работу. Этот показатель выше в данной группе как по сравнению с име-

Таблица 2

Факторы финансовой успешности студентов. Корреляционная матрица

Факторы	2015	2022
Пол (0 – женский, 1 – мужской)	+0.250	+0.271
Наличие временной работы (0 – нет, 1 – есть)	-0.238	-0.263
Наличие постоянной работы (0 – нет, 1 – есть)	+0.211	+0.243
Курс обучения (0 – 3-й курс, 1 – 4-й курс)	-0.279	-0.245

* Примечание: использовался коэффициент ранговой корреляции гамма.

ющими постоянную работу, так и вообще не работающими.

При помощи корреляционного анализа было выяснено, что события, связанные с самостоятельными заработками и потреблением товаров и услуг, оказывают независимое друг от друга влияние на появление позитивных эмоций. Это относится как к данным 2015, так и 2022 г. Как самостоятельные заработки, так и удачная покупка или покупка на собственные деньги – проявление успеха в экономической деятельности. Можно утверждать, что осознание студентами потребительской и трудовой деятельности как успешной способствует повышению субъективного качества жизни даже в неблагоприятных экономических условиях.

Мы рассмотрели влияние на содержание, характер, объект и эмоциональное отношение к событиям финансовой жизни таких факторов, как пол, курс, форма обучения, а также наличие постоянной или временной работы. Выяснилось, что пол влияет на наличие удачного опыта на рынке акций, ценных бумаг, курс обучения – на нереализовавшуюся возможность найти работу и обеспокоенность повышением цен, наличие временной работы – на появление отрицательных эмоций от событий. Коэффициенты корреляции Крамера варьировали от 0.221 до 0.381 в 2022 году и от 0.275 до 0.391 в 2015 году. Юноши чаще девушек указывали на удачный опыт на рынке акций, валют; четверокурсники чаще, чем третьекурсники, – на упущенную возможность найти работу. Имеющие временную работу чаще, чем имеющие постоянную работу и неработающие, испытывали отрицательные эмоции от событий финансовой жизни.

Как уже указывалось, нами был разработан индекс успешности финансовой жизни, рассчитываемый как отношение разности числа положительных и отрицательных событий к общему числу событий, указанных респондентом. Напомним, что события, приведшие к улучшению финансового положения либо представляющие удачную попытку использования финансовых ресурсов, рассматривались нами как положительные. События, приведшие к ухудшению финансового положения либо представля-

ющие неудачную попытку улучшения данного положения, рассматривались как отрицательные.

Было построено распределение выборочной совокупности по значениям указанного выше индекса. В результате корреляционного анализа с применением коэффициента ранговой корреляции гамма было выяснено, что на значение индекса оказывают влияние такие факторы, как пол, курс обучения и трудовая занятость (табл. 2). Так, юноши более успешны, чем девушки, а третьекурсники успешнее четверокурсников. Был зафиксирован факт совместного влияния на успешность финансовой жизни таких факторов, как пол и форма обучения, коэффициент корреляции Крамера составил 0.381 в 2022 г. и 0.320 в 2015 г. Максимальный уровень успешности выявлен в группе юношей контрактной формы обучения.

Мы выяснили, что имеющие временную работу имеют минимальный уровень успешности, постоянную работу – максимальный. Не имеющие ни постоянной, ни временной работы занимают промежуточную позицию между указанными группами (табл. 3).

Нужно отметить особое положение занимающихся временной работой. Самый низкий уровень успешности здесь связан не только с более слабой распространенностью позитивных событий, связанных с трудом, но и с успешными покупками. Эта особенность данной категории студентов зафиксирована как по сравнению с занятыми постоянной работой, так и не занятыми работой вообще. Это относится и к 2015 г., и к 2022 г.

Отдельно отметим, что неработающие студенты совершают успешные покупки столь же часто, что и занятые на постоянной работе, а занятые на временной работе делают данные покупки реже всех. Это говорит о том, что потребительский успех может иметь качественно различные источники – самостоятельные заработки и финансы родителей. Временно работающие студенты в данном случае находятся в самой неблагоприятной ситуации. По всей видимости, имея низкие самостоятельные заработки, они не могут использовать в должной мере и помощь родителей.

Таблица 3

Категории	2015 год	2022 год
Юноши	+0.286	+0.166
Девушки	-0.245	-0.322
Юноши-бюджетники	-0.302	-0.364
Девушки-бюджетники	-0.194	-0.227
Юноши-контрактники	+0.516	+0.474
Девушки-контрактники	-0.347	-0.369
Студенты 3-го курса	+0.425	+0.326
Студенты 4-го курса	-0.201	-0.209
Не имеющие оплачиваемой работы	-0.046	+0.031
Имеющие временную работу	-0.655	-0.700
Имеющие постоянную работу	+0.589	+0.536

Таблица 4

События	Опрос 2015 года		Опрос 2022 года	
	Успешные	Неуспешные	Успешные	Неуспешные
Удачный опыт на рынке акций, валют	18.9	1.7	18.2	0.0
Премия, повышение зарплаты	41.5	15.0	36.4	1.0
Получение первой зарплаты	43.4	22.5	54.5	13.9
Не смог приобрести товар, услугу	29.1	3.1	36.4	1.0
Испытал после событий только положительные эмоции	39.6	19.2	47.8	25.8
Испытал после событий только отрицательные эмоции	17.0	40.0	2.2	46.1
Среднее число удачных покупок	2.64	0.17	2.61	0.125
Среднее число положительных событий	3.11	0.53	3.17	0.66
Среднее число отрицательных событий	0.47	1.24	0.48	1.26
Процент кластера в выборочной совокупности	25.5	74.5	17.0	83.0

В целях многомерной типологии респондентов нами был применен кластерный анализ. Было получено два кластера, которые различаются по характеру событий финансовой жизни.

Представители первого кластера (финансово успешный) чаще, чем представители второго кластера:

- имели удачный опыт на рынке акций;
- получали премии, повышение зарплаты;
- чаще совершали удачные покупки.

В целом среднее число положительных событий в успешном кластере значительно выше, чем в неуспешном. Разрыв составляет 5.9 и 4.8 раза для 2015 и 2022 г. соответственно. Можно говорить о более высоком уровне активности студентов, входящих в первый кластер, как в сфере труда, так и потребления. Особо нужно отметить, что субъективное качество жизни в успешном кластере значительно выше. На это указывают процентные показатели испытывавших положительные и отрицательные эмоции в кластерах (табл. 4).

Большинство опрошенных попало в финансово неуспешный кластер. Численность финансово успешного кластера составила в 2015 г. 25.5%, в 2022 – 17%. В связи с тем, что основная функция студенческого периода в жизни

молодых людей – образовательная, указанное соотношение типологических групп вряд ли существенно изменится в ближайшие годы.

Выводы

Характер событий финансовой жизни рассматривался нами как показатель её успешности. Было выяснено, что кластер, впоследствии названный финансово успешным, отличается не только позитивной направленностью событий финансовой жизни, но и значительно более высоким уровнем трудовой и потребительской активности. Большая распространенность в данном кластере положительного эмоционального отклика на события указывает на связь успешности финансовой жизни и высокого субъективного качества жизни в финансовой сфере.

Опрос 2022 г. показал меньшую успешность финансовой жизни студентов, чем опрос 2015 г. Это проявилось в существенном превышении числа отрицательных событий над числом положительных, появлении новых видов негативных событий. Однако следует отметить, что характер влияния на успешность таких факторов, как пол, курс обучения и характер занятости, не изменился. Из всех статусов занятости

увеличивает успешность финансовой жизни наличие постоянной работы, уменьшает – наличие временной работы.

Дальнейшие исследования финансовой жизни студентов могут быть связаны не только с продолжением изучения ее успешности, в том числе с применением индекса успешности, но и с выявлением ее взаимосвязи с другими сферами жизни молодых людей.

Список литературы

1. Зелизер В. Создание множественных денег // Экономическая социология. Электронный журн. 2002. № 4. С. 58–73.
2. Цапу А.Б. Социологический анализ потребления в среде российского студенчества: на материалах г. Санкт-Петербурга: Дис. ... канд. соц. наук. СПб.: РГПУ, 2008. 245 с.
3. Кузеванова А.Л., Тушикова О.С. Потребительское поведение российской студенческой молодежи в условиях глобализации // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2017. № 3. С. 5–18.
4. Земцов А.А., Осипова Т.Ю. Финансовая социализация в рамках предметной социализации студентов // Проблемы учёта и финансов. 2017. № 6. С. 22–27.
5. Дулина Н.В. Региональные различия в финансовых практиках и установках современного российского студенчества (по материалам прикладного социологического исследования) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 155–168.
6. Daud F.N., Norwani N.M., Yusof R. Students Financial Problems in Higher Education Institutions // International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences. 2018. № 8 (10). P. 1558–1565. URL: https://scholar.harvard.edu/files/btl/files/blong_-_the_financial_crisis_and_college_enrollment_-_july_2013.pdf (дата обращения: 01.03.2023).
7. Лактионов В.В., Максимова Д.В., Лаптева Л.А. Финансовое положение студентов // Международная студенческая научная конференция «Поколение будущего» 31 мая 2021. Россия, Санкт-Петербург. 2021. С. 211–217. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_38571493_21246926.pdf (дата обращения: 01.03.2023).
8. Потапова Ю.В., Маленова А.Ю. Личностные особенности и отношение к ситуации сепарации юношей и девушек с разной степенью финансовой независимости // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2015. № 2. С. 16–23.
9. Резник С.Д., Черниковская М.В. Моделирование системы повышения экономической самостоятельности студентов высших учебных заведений России // Друкеровский вестник. 2020. № 2. С. 220–233.
10. Рогачёв Д.Ю. Особенности финансового поведения студенческой молодёжи // Народнонаселение. 2021. № 2. С. 41–52.
11. Малкина М.Ю., Рогачев Д.Ю. Институты финансовой социализации российских студентов // Journal of Institutional Studies. 2021. № 13 (4). С. 126–139.
12. Long B.T. The Financial Crisis and College Enrollment: How Have Students and Their Families Responded? // In: J.R. Broun, C.M. Hoxby (eds.) How the Financial Crisis and Great Recession Affected Higher Education. University of Chicago Press, 2013. P. 1–34.
13. Sortheix F.M., Parker P.D., Clemens M.L., Schwartz S. Changes in Young Europeans' Values During the Global Financial Crisis // Social Psychological and Personality Science. 2019. № 10 (1) P. 15–25.
14. Kouroutsidou M., Raptis N., Karampela K. Researching the Impact of the Economic Crisis on Student Life in Greece // International Journal of Learning, Teaching and Educational Research. 2020. № 7. P. 143–158.
15. Гаврилова И.И., Руденко А.А., Руденко С.А. Влияние экономического кризиса на студентов Амурской области. URL: <https://www.informio.ru/publications/id1188/Vlijanie-yekonomicheskogo-krizisa-v-Rossiiskoi-Federacii-na-studentov-Amurskoi-oblasti> (дата обращения: 01.03.2023).
16. Parsons T., Smelser N. Economy and society. A study in the integration of economic and society. London: Routledge & Kegan Paul, 1956. 319 p.
17. Abolafia M.Y., Kilduff M. Enacting Market Crisis: The Social Construction of a Speculative Bubble // Administrative Science Quarterly. 1988. № 2. P. 177–193.
18. Лебедева Е.В., Сурнина О.Е. Особенности событийной структуры жизненного пути студентов в условиях современности // Педагогическое образование в России. 2014. № 2. С. 109–113.
19. Buri J.R., Post M.C., Cromett C.E. et al. Negative Life Events Scale for Students // 123rd Annual Convention of the American Psychological Association. Toronto, Canada, August, 2015. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED573492.pdf> (дата обращения: 01.03.2023).
20. Муздыбаев К. Переживание времени в период кризисов // Психологический журнал. 2000. № 4. С. 4–21.
21. Шибутани Т. Социальная психология. Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. 544 с.
22. Bericat E. The sociology of emotions: Four decades of progress // Current Sociology. 2016. March 4. P. 1–23.

EVENTS IN THE FINANSIAL LIFE OF STUDENS IN THE CONTEXT OF THE ECONOMIC CRISIS: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

E.L. Mogilchak

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg

The inclusion of young people in the economic life of society has always been a social problem. In the context of the economic crisis, this problem becomes even more relevant. Such an aspect of studying the financial life of a student

as its success remains understudied. The use of the event-biographical method made it possible to study financial life in this aspect based on the division of events into positive and negative. A survey of 272 students of the humanities of the Ural Federal University was conducted in May 2022. The data were compared with the results of the 2015 study, when 382 people were interviewed. The crisis of 2022 had a greater negative impact on the financial life of a student compared to the crisis of 2014. This was manifested in a significant excess of the number of negative events over the number of positive ones, the emergence of new types of negative events. As a result of cluster analysis, 2 clusters were obtained. Representatives of a successful cluster more often than an unsuccessful one had a successful experience in the stock market, received bonuses, salary increases, and more often made successful purchases. The average number of positive events in this cluster is several times higher than in an unsuccessful cluster. Further research into the financial life of students can be associated not only with the continuation of the study of its success, but also with the identification of its relationship with other areas of young people's lives.

Keywords: student, social self-determination, event, monetary relations, crisis, success.

УДК 316.016

DOI 10.52452/18115942_2024_1_118

ОЦЕНКА РАБОЧИМИ ТИПИЧНОГО ОБОРОННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ ПЕРСПЕКТИВ СВОЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

© 2024 г.

С.А. Золотов

Золотов Сергей Александрович, к.соц.н.; старший преподаватель кафедры журналистики
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
szolotov96@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 26.12.2023**Статья принята к публикации 16.01.2024*

Рассматривается оценка рабочими типичного оборонного предприятия перспектив своего профессионального развития. Исследование основывается на анализе данных опроса, проведенного в апреле 2023 г. на типичном оборонном предприятии Нижнего Новгорода. Выявлено, что большинство рабочих положительно оценивают перспективы своего профессионального развития на предприятии. Установлено, что процент оптимистично настроенных выше в молодежной возрастной группе (18–35 лет). Определен наиболее предпочтительный формат профессионального обучения работников – профессиональное обучение под руководством наставника. Проанализировано расхождение в ключевых целях профессионального обучения в зависимости от возраста: молодые рабочие ключевым результатом полагают улучшение качества выпускаемой продукции, а зрелые – повышение уровня заработной платы. Идентифицировано желание работников активно участвовать в рационализации деятельности предприятия путем выработки предложений по улучшению производства руководству и внедрению элементов совместного управления рабочий-менеджер, что свидетельствует об инновационном поведении рабочих. Установлен доверительный характер отношений между рабочими и менеджерами. Сделан вывод о преимущественно благоприятных условиях для профессионального развития рабочих на типичном оборонном предприятии Нижнего Новгорода.

Ключевые слова: перспективы профессионального развития, рабочие, оборонное предприятие.

Введение

Профессиональное развитие работников является одним из ключевых факторов, обеспечивающих устойчивый рост экономики. Процессы развития общества требуют развития работников во всех сферах трудовой деятельности. В некоторых из них, таких как космическое строение или оборонные производства, профессиональное развитие персонала становится ключевым фактором, определяющим стратегическое развитие предприятия.

Реализация трудового потенциала профессионально развитых рабочих в ракурсе увеличения объема выпускаемой продукции в значительной мере актуальна для предприятий оборонного комплекса, эффективность работы которых во многом определяется процентом выполнения или перевыполнения плановых (количественных) показателей государственного оборонного заказа.

Справедливо отмечается, что «процесс производства ставит непрерывно все новые и новые задачи постоянного роста квалификации работников, совершенствования их знаний и навыков и, тем самым, общего повышения квалификационного и образовательного уровня» [1, с. 6–7].

Отечественные ученые системно исследовали проблемы профессионального развития работников [2, с. 141]. В период нэпа первоочередной задачей являлся расчет обеспечения рабочих всем необходимым для нормального воспроизводства рабочей силы. Особое внимание уделялось вопросу поддержки наиболее образованных и производительных (профессиональных) работников. Была выявлена прямая связь образовательного уровня и уровня личной производительности труда. В связи с этим С.Г. Струмилин полагал, что «не может быть отвергнута, а, наоборот, должна быть поощряема высокая дифференциация в оплате труда разных квалификаций» [3]. С его точки зрения, это мотивировало рабочих обучаться, что, в свою очередь, способствовало ряду положительных эффектов на уровне не только предприятий, но и всей советской экономики.

Рост уровня жизни работников СССР обусловил актуальность исследования вопросов более высокого порядка, чем обеспечение базовых потребностей, например роли рабочих в государственном управлении производством и рационализации работы предприятий [4]. Для этого были объективные предпосылки. Так, по расходам на развитие образования, включая

профессиональное, СССР некоторое время лидировал в мире [5, 6]. В 1979 г. в Верховном Совете СССР относительным большинством среди различных социальных групп депутатов являлись рабочие, составляя 34.8% депутатов [7, с. 145].

В 1990-е гг. стратегии функционирования производственных предприятий складывались под воздействием в первую очередь неблагоприятной внешней среды и носили ситуативный характер [8, с. 193], что противоречило формированию рациональной модели развития профессиональных и личностных компетенций персонала предприятия.

Несмотря на то, что указанная негативная тенденция полностью не преодолена, выявляется необходимость теоретической разработки и практической реализации требований профессионального развития работников.

Предпринимаются попытки переосмыслить теоретическое наследие советских ученых в области профессионального развития работников с точки зрения теории человеческого капитала [9, с. 213].

Продолжается анализ такого развития в рамках более характерного для отечественной науки подхода – как момента расширенного воспроизводства рабочей силы, поскольку речь идет о развитии умственных и физических способностей, используемых в трудовой деятельности [10, 11]. При этом воспроизводство рабочей силы рассматривается на трех взаимосвязанных уровнях: индивидуальном, предприятия, общества [12].

В социально-экономической литературе представлены работы, анализирующие отдельные аспекты профессионального развития работников. Отмечается заинтересованность рабочей молодежи в профессиональной реализации [13]. Выявляются барьеры на пути такой реализации и раскрывается значение наставничества для профессионального становления молодых рабочих [14, с. 131]. Учитывается влияние возраста работников на возможность их профессионального развития [15]. Прогнозируются долгосрочные перспективы профессионального развития рабочих [16].

Опираясь на имеющиеся теоретические разработки, профессиональное развитие рабочего можно определить как процесс повышения образовательного-квалификационного уровня, рост рационализаторской активности и влияния на принятие управленческих решений.

Гипотеза исследования состоит в том, что потенциал использования профессионального развития рабочих для повышения эффективности работы каждого предприятия, оборонное не является исключением, в значительной степени зависит от их возраста.

Методология исследования

Для проверки гипотезы на производственном предприятии, которое по характеру выпускаемой продукции, расположению (один из районов Нижнего Новгорода) является типичным для оборонной промышленности, было проведено соответствующее исследование. Применительно к Нижнему Новгороду, типичными предприятиями оборонной промышленности являются организации, основанные, как правило, в советскую эпоху, но частично или полностью модернизированные в XXI веке. Численность производственного персонала на них варьирует в диапазоне от 200 до 800 рабочих. Производимая продукция – военного назначения. По характеру выпуска производимой продукции преобладает однородная продукция или частично дифференцированная, но единая по отраслевой принадлежности.

В апреле 2023 г. было проведено авторское исследование «Отношение рабочих к проблемам их профессионального развития и к участию в выявлении резервов и улучшению работы предприятия» в форме анкетирования.

Стандартизированным опросом были охвачены по 10 рабочих из каждого производственного подразделения (цеха) $N=200$ ($n=40$). Выборка носит стратифицированный характер. Были отобраны «типичные» рабочие (средние по производственным показателям) двух приблизительно сопоставимых по численности возрастных групп: молодежь и работники зрелого возраста. Характер производственной деятельности предприятия определяет практически гомогенный гендерный состав рабочих с явным преобладанием мужского пола. К возрастным особенностям персонала организации относятся примерно одинаковая численность возрастных групп с небольшим преобладанием рабочих старше 35 лет. В связи с характером производственной деятельности – работа интенсивная и требует высокой концентрации – на предприятии практически отсутствуют рабочие пенсионного возраста. Указанная специфика предопределила целесообразность сравнительного анализа отношения двух возрастных групп – молодежи и зрелых рабочих – к процессу профессионального развития.

Результаты исследования

Предпосылкой успешного профессионального развития является соответствующая мотивация работников. На первый вопрос анкеты: «Считаете ли Вы необходимым повышать Ваш профессиональный уровень (повышать разряд, осваивать смежные профессии и т.п.)?» – 100%

Таблица 1

Распределение респондентов по отношению к предпочитаемым формам профессионального развития в зависимости от возраста, %

Вариант ответа	18–35 лет	Старше 35 лет
Повышение квалификации по своей профессии	50.0	50.0
Обучение смежной профессии	5.5	18.2
Обучение в техникуме, вузе	5.5	0.0
Мастер-классы, тренинги	5.5	0.0
Другое	Повышение квалификации и обучение смежной профессии – 34.5	Повышение квалификации, обучение смежной профессии, участие в управлении предприятием – 31.8

Источник: составлено автором на основе анкетного опроса.

Таблица 2

Оценка рабочими перспектив собственного профессионального развития на предприятии, %

Вариант ответа	18–35 лет	Старше 35 лет
Очевидны перспективы развития	23.4	18.2
Скорее да, чем нет	47.0	40.9
Скорее нет, чем да	23.4	22.8
Перспективы развития неочевидны	6.2	18.1

Источник: составлено автором на основе анкетного опроса.

респондентов ответили утвердительно. Установлена общая заинтересованность в профессиональном развитии у всех респондентов данного предприятия независимо от возрастных различий. Подтверждается гипотеза Е.В. Красовой о необходимости обеспечения гармоничного сочетания труда и умственной активности для современных российских работников [17].

В профессиональном развитии особо значимы те виды деятельности, в которых приобретение навыков и знаний является непосредственной целью. В анкете были отражены следующие рубрики: повышение квалификации по своей профессии, обучение смежной профессии, обучение в техникуме/вузе, неформальное образование (мастер-классы, тренинги). Респонденты имели возможность предложить иную форму профессионального развития, отметив варианты ответа «Другое». Результаты представлены в таблице 1.

Наиболее предпочтительной формой профессионального развития для обеих возрастных групп респондентов является повышение квалификации (50%).

Вместе с тем у работников старше 35 лет более чем в 3 раза выше доля готовых к обучению смежной профессии. Значительное число опрошенных (около трети в обеих группах) заинтересованы в комбинации таких форм профессионального развития, как повышение квалификации и обучение смежной профессии. Это может быть связано с желанием не только повысить квалификационный уровень, но и сменить профессию, что расширяет возможности социально-трудовой мобильности. В целом можно

предположить, что с возрастом усиливается потребность в обновлении выполняемых трудовых функций, которые для начинающих работников ещё не стали рутинной.

Обращает на себя внимание, что в отличие от молодых работников рабочие старшей возрастной группы включают в процесс своего профессионального развития и участие в управлении предприятием. Желание работников влиять на управленческие процессы отражает хозяйский тип трудовой мотивации [18]. Обоснованно считается, что работники с хозяйским типом мотивации добросовестно выполняют трудовые обязанности и готовы к профессиональному развитию.

У молодых работников можно встретить намерение получить профессиональное образование в вузе или техникуме. Для рабочих старших возрастов эта задача уже неактуальна, как не привлекает их и участие в тренингах и мастер-классах – формах обучения, имеющих сравнительно небольшую историю.

В значительной мере перспективы профессионального развития связаны с возможностью их осуществления на самом предприятии. Респондентам было предложено оценить такую возможность (табл. 2).

Преобладающая часть респондентов обеих возрастных групп в целом положительно оценивает перспективы личного профессионального развития на предприятии. И все же уровень такого преобладания неодинаков: среди молодых рабочих доля положительных ответов составляет 70.4%, среди старшего возраста – 59.1%. Что касается уровня «пессимизма», то в

Таблица 3

**Предпочтения рабочих относительно формата профессионального обучения
в зависимости от возрастной группы, %**

Вариант ответа	18–35 лет	Старше 35 лет
Занятия в аудитории	5.0	5.0
Занятия по Интернету	20.0	5.0
Обучение с помощью наставника	75.0	87.5
Другой	0.0	2.5

Источник: составлено автором на основе анкетного опроса.

Таблица 4

**Мнение рабочих о ключевом результате профессионального обучения
в зависимости от возрастной группы, %**

	18–35 лет	Старше 35 лет
Увеличение выработки	16.7	0.0
Улучшение качества продукции	77.8	18.2
Повышение уровня зарплаты	5.5	36.4
Другое	5.5 – улучшение качества продукции при увеличении заработной платы 5.5 – увеличение выработки, улучшение качества продукции и повышение уровня заработной платы	9.1 – увеличение выработки и улучшение качества продукции 13.6 – улучшение качества продукции и повышение уровня заработной платы 18.2 – увеличение выработки, улучшение качества продукции, повышение уровня заработной платы 4.5 – снижение издержек производства Итого – 45.4
Затрудняюсь с ответом	0.0	0.0

Источник: составлено автором на основе анкетного опроса.

рассматриваемом отношении он значительно выше у тех, кто старше 35 лет.

Можно предположить, что на предприятии больше внимания уделяется профессиональному развитию молодых рабочих. С другой стороны, рабочие старших возрастов, очевидно, имели не только позитивный опыт в реализации целей своего профессионального развития. С учетом того, что «реальная трудовая деятельность тем успешнее, чем выше оценивает респондент возможности, которые предоставляет профессия для его профессионального развития и самореализации» [19, с. 49], руководству предприятия следует обращать больше внимание на потребности развития рабочих старшей возрастной группы.

Перспективы профессионального развития рабочих в организации в значительной мере связаны с возможностью и качеством профессионального обучения [20]. Представляется обоснованной точка зрения, что «профессиональное обучение нужно включать в рабочий день и согласовывать с профессиональными задачами» [21]. В условиях 8-часового рабочего дня выведение обучения в ограниченные рамки нерабочего времени явно нарушало бы баланс «работа – семья» и снижало бы эффективность обучения.

При определении формата обучения целесообразно учитывать предпочтения обучаемых.

Респондентам был задан следующий вопрос: «Какой формат профессионального обучения для Вас предпочтительнее?» В зависимости от возрастных категорий были получены следующие результаты (табл. 3).

Полученные результаты свидетельствуют об актуальном запросе рабочих на использование наставничества. В старшей возрастной группе запрос на наставничество актуальнее, чем в молодежной среде. Это может быть связано с недоверием к онлайн-обучению у респондентов зрелого возраста. Для молодых же рабочих занятия по Интернету на втором месте по предпочтительности. Можно предположить, что молодые рабочие – уверенные пользователи ПК и рассматривают обучение в Интернете как достаточно эффективное для их личного профессионального развития. Очевидно, что формы производственного обучения трансформируются в условиях цифровой экономики.

Развитие кадрового потенциала персонала предприятия повышает общую эффективность работы, следовательно, и такие показатели, как норма прибыли, норма выработки, качество продукции [22]. С целью определения мнения респондентов относительно ключевых результатов их профессионального обучения в анкету был включен следующий вопрос: «Какой результат Вашего профессионального обучения должен быть главным?» (табл. 4).

Таблица 5

**Отношение рабочих к радикальному улучшению в работе предприятия
в зависимости от возраста, %**

Вариант ответа	18–35 лет	Старше 35 лет
Да	77.8	81.8
Нет	5.5	13.6
Затрудняюсь с ответом	16.7	4.6

Источник: составлено автором на основе анкетного опроса.

Очевидно, что в ответах на поставленный вопрос наблюдается существенная дифференциация в зависимости от возраста респондентов.

Большинство молодых рабочих (77.8%) указали в качестве ключевого результата их профессионального обучения улучшение качества выпускаемой продукции. С учетом комбинированных ответов доля отметивших такой результат в этой группе достигает 88.8%.

У работников старше 35 лет данный вариант ответа выбирает меньшинство – лишь 18.2%. Доля отметивших такой результат с учетом комбинированных ответов возрастает до 63.6%, но все равно значительно – на 25.2 п.п. – ниже, чем по группе молодежи. Сказывается, вероятно, производственный опыт, свидетельствующий о том, что улучшение качества продукции – комплексная проблема, решение которой зависит не только от самого работника.

16.7% молодых респондентов выбрали ответ «увеличение выработки», в то время как никто из состава второй группы не указал на данный вариант. Ситуация меняется, если принять во внимание ответы тех, кто связывает данный результат с какими-либо другими. В этом случае удельный вес ответов в пользу этого результата составляет 22.5% в группе молодых и 27.3% в группе работников старшего возраста. Следовательно, речь не идет об отрицании возможности подобного эффекта более опытными работниками. Они в силу своего опыта осознают необходимость материального поощрения повышенной выработки.

Сделанный вывод подтверждается тем, что заметная доля респондентов в зрелой возрастной группе (36.4%) видят отдачу от профессионального обучения в повышении уровня заработной платы. На наш взгляд, это не говорит об игнорировании интересов производства, так как люди со стажем прекрасно знают, что повышать им зарплату без роста выработки никто не будет.

То, что значительное число опрошенных прогнозируют комбинацию положительных эффектов от профессионального обучения, является одним из признаков инновационного поведения, понимаемого как разновидность трудового поведения, направленного на совершенствование исполнения рабочих задач отдельным работником, рабочей группой или на

улучшение функционирования организации в целом [23, с. 217].

Одним из индикаторов инновационного поведения является отношение рабочих к прогрессивным изменениям в деятельности предприятия: если оно положительное, то это свидетельствует о потенциале инновационного поведения, если отрицательное, то налицо неготовность к инновациям. В данном контексте респондентам был предложен следующий вопрос: «Считаете ли Вы нужным радикальное улучшение в работе вашего предприятия?» Варианты ответов на него представлены в таблице 5.

Судя по приведенным данным, большинство сотрудников поддерживают перспективу крупных позитивных перемен в организации, что свидетельствует о потенциале инновационного типа поведения. Среди зрелой возрастной группы количество сотрудников, поддерживающих перемены, выше на 4%, чем среди молодежи. Это показывает, что инновационный подход к трудовой деятельности не является привилегией молодости, но предполагает и профессиональный опыт. При этом доля рабочих старше 35 лет, которых в целом устраивает существующее положение дел, значительно, чем в молодежной группе, так что прослеживается и усиление элемента консерватизма у работников старшего возраста. Среди молодежи 16.7% респондентов затруднились с ответом: проблематично сделать вывод о том, стоит или не стоит радикально улучшать деятельность предприятия, в силу недостаточного опыта работы и понимания производственной специфики.

Рабочие в силу своего положения могут видеть резервы производства, о которых не всегда знает руководство предприятия. Это обусловило следующий вопрос анкеты: «Какие резервы улучшения работы предприятия Вы видите?» (распределение ответов на него содержится в таблице 6).

Большинство респондентов в обеих возрастных группах (применительно к работникам старших возрастов – относительное большинство) выступают за комбинированное использование всех вышеуказанных резервов и включение в их число обновления оборудования. При этом свыше трети рабочих второй группы рассматривают в качестве такого резерва про-

Таблица 6

Выявление резервов улучшения работы предприятия в зависимости от возраста респондентов, %

	Вариант ответа	18–35 лет	Старше 35 лет
1	Правильное размещение производственного оборудования	11.1	13.6
2	Улучшение производственных навыков	11.1	13.6
3	Удобное расположение оснастки	16.7	13.6
4	Улучшение качества выпускаемой продукции	11.1	22.7
5	Другое	50.0 – варианты ответов 1, 2, 3, 4 и обновленное оборудование	36.5 – новое оборудование и обучение

Источник: составлено автором на основе анкетного опроса.

Таблица 7

Восприятие рабочими отношения менеджмента предприятия к их предложениям в зависимости от возраста респондентов, %

Вариант ответа	18–35 лет	Старше 35 лет
Поддерживает	22.2	4.5
Скорее поддерживает, чем не поддерживает	50.0	54.5
Скорее не поддерживает, чем поддерживает	15.8	22.7
Не поддерживает	12.0	18.3

Источник: составлено автором на основе анкетного опроса.

изводственное обучение. Очевидно, с опытом работы приходит более глубокое понимание роли работника в современном производстве.

22.7% рабочих старшей возрастной группы отмечают в качестве значительного резерва развития производства улучшение качества выпускаемой продукции, а 16.7% молодых рабочих видят резерв в удобном расположении оснастки. Это различие, несомненно, обусловлено опытом работы, позволяющим самостоятельно решить проблемы, возникающие непосредственно на рабочем месте.

Возможности проведения рационализации производства во многом связаны с вертикальным доверием (менеджер–рабочий) [24]. С целью проверки того, как выстроена коммуникация у рабочих с менеджментом (руководством), в анкету был включен следующий вопрос: «Как руководство относится к Вашим предложениям по улучшению работы предприятия?» (ответы на него сгруппированы в таблице 7).

Больше половины респондентов как в молодежной группе, так и в группе рабочих старших возрастов в целом положительно оценивают отношение руководства к их предложениям по улучшению работы предприятия. Это свидетельствует о высоком уровне вертикального доверия на предприятии и реальной возможности для эффективного проведения рационализации с учетом предложений рабочих.

Всего 27.8% молодых рабочих полагают, что менеджмент не поддержит их предложения по улучшению работы организации, из них только 12% категоричны в своей оценке.

Доля «пессимистов» у респондентов старшей возрастной группы – 41% – существенно выше. Возможно, сказывается опыт взаимодействия с руководством по вопросам рационализации, который сформировался в период кризисного состояния оборонной промышленности.

Потенциал инновационного поведения и доверительная вертикальная коммуникация с менеджментом у большинства респондентов образуют предпосылки для развития участия работников в управлении как одном из элементов их профессионального развития.

Чтобы проверить, в какой форме респонденты непосредственно готовы участвовать в процессе рационализации деятельности предприятия, был задан вопрос: «Как Вы видите свое участие в выявлении резервов работы предприятия?» (ответы приведены в таблице 8).

Большинство респондентов рассматривают в качестве наиболее предпочтительной формы участия в управлении выработку предложений по улучшению работы предприятия руководством. Налицо дополнительное свидетельство эффективно работающей вертикальной коммуникации на предприятии.

Значительная часть молодых респондентов – 22.2% и респондентов старшей возрастной группы – 36.4% заинтересованы во внедрении элементов совместного управления рабочий–менеджер. С одной стороны, рабочие считают себя достаточно квалифицированными, чтобы участвовать в процессе совместного управления (очевидно, это в большей степени относится к более опытным рабочим). С другой стороны, прослеживается стремление повысить по-

Таблица 8

Оценка рабочими форм участия в выявлении резервов работы предприятия в зависимости от возраста, %

Вариант ответа	18–35 лет	Старше 35 лет
Выработка предложений по улучшению руководству	55.5	40.9
Активизация работы по линии профсоюзной организации	11.1	9.0
Внедрение элементов совместного управления рабочий-менеджер	22.2	36.4
Другое	11.2	13.7

Источник: составлено автором на основе анкетного опроса.

средством такой деятельности свой статус на предприятии.

Реже всего выбираемый вариант участия в управлении – активизация работы по линии профсоюзной организации. Это свидетельствует о том, что падение роли профсоюзов в результате трансформации экономической системы в России осталось непреодоленным.

Заключение

Как продемонстрировало исследование, большинство респондентов типичного предприятия оборонной промышленности заинтересованы в своем профессиональном развитии. Преобладают рабочие, желающие повысить квалификацию по своей профессии. Вместе с тем рабочие старшей возрастной группы заметно чаще, чем молодые рабочие, отдают предпочтение освоению смежных профессий.

Большинство опрошенных в обеих возрастных группах позитивно оценивают перспективы своего профессионального развития на предприятии. Преобладание оптимистичных оценок перспектив профессионального развития особенно выражено в молодежной возрастной группе. Относительно высокая доля пессимистично настроенных в этом отношении респондентов зрелой группы является индикатором необходимости принятия менеджментом дополнительных мер для обеспечения на предприятии возможности для профессионального развития работников этой возрастной группы.

Абсолютное большинство респондентов обеих возрастных групп считают наиболее эффективной формой обучения наставничество. Возрастная специфика в оценке предпочтительных форм профессионального обучения состоит в том, что 20% молодых респондентов отдают свой голос в пользу онлайн-формата занятий, при том, что это делают только 5% более возрастных рабочих.

В отличие от молодых респондентов, считающих в большинстве своем, что главным результатом профессионального обучения станет рост качества продукции, рабочие старшей воз-

растной группы считают таким рост заработной платы.

Все респонденты в обеих возрастных группах видят резервы улучшения работы предприятия. Расхождение в оценке форм участия в управлении для реализации этих резервов состоит в том, что рабочие старшей возрастной группы чаще претендуют на более статусный для рабочих вариант использования элементов совместного управления предприятием.

Список литературы

1. Патон Б.Е. Диалектика в науках о природе и человеке: Тр. III Всесоюз. совещ. по филос. вопр. соврем. естествознания: в 4 т. / Отв. ред. И.Т. Фролов. М.: Наука, 1983. Т. 3. 399 с.
2. Володин С.Ф. Проблемы эффективности труда на страницах журнальной периодики 1920-х гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 4. С.140–152.
3. Струмилин С.Г. Доклад о проблеме регулирования заработной платы // Бюллетени Госплана. 1923. Вып. 6–7. С. 44–45.
4. Моисеенко Н.А., Попов М.В. Управление социалистической экономикой (политико-экономический аспект): Монография. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1981. 184 с.
5. Народное хозяйство Союза ССР в цифрах: Краткий справочник. М.: Центральное статистическое управление, 1988.
6. Россия и страны мира. 2022: Стат. сб. / Росстат. М., 2022. 624 с.
7. Миронов Б.Н. Коллективный портрет депутатов Верховного Совета СССР и Союзных республик в 1938–1989 гг. // Новейшая история России. 2023. № 1. С. 144–171.
8. Потемкин В.К. Мотивирование роста профессиональных компетенций работников в структуре стратегии развития предприятий // Социология. 2023. № 1. С. 193–204. DOI: 10.24412/1812-9226-2023-1-193-204.
9. Красова Е.В. Взгляды советского экономиста С.Г. Струмилина с позиции современной теории человеческого капитала // АНИ: экономика и управление. 2021. № 2 (35). С. 210–214.
10. Попов А.И., Якшибаева Г.В. Перспективы встраивания трудовой миграции в стратегию высокотехнологического развития экономики России // Государственное регулирование экономики. 2021. С. 74–83.

11. Ельмеев В.Я. К созданию теории воспроизводства на основе законов движения потребительной стоимости // Вестник СПбГУ. 2010. Серия 5 (2). С. 35–46.
12. Козырев В.М. Узловые проблемы воспроизводства рабочей силы в современной России (часть 1) // Вестник РМАТ. 2016. №4. С. 27–37.
13. Пасовец Ю.М. Трудовая мобильность молодежи: потенциал и факторы ее реализации в современных российских условиях // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. № 1. С. 14–21.
14. Чичиль Н.С. Исследование адаптации молодежи на предприятиях // Скиф. 2023. № 1 (77). С. 123–131.
15. Золотов А.В., Попов М.В. Перспектива преодоления социального разделения людей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 2. С. 218–232. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.207> (дата обращения: 10.06.2023).
16. Кравцевич С.В. Проблема воспроизводства рабочей силы в условиях несовершенной конкуренции // Социально-трудовые исследования. 2021. № 2 (43). С. 77–84.
17. Красова Е.В. Физический и умственный труд: противостояние или единство? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 228–250. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2323> (дата обращения: 12.06.2023).
18. Герчиков В.И. Типологическая концепция трудовой мотивации. Часть 1 // Мотивация и оплата труда. 2005. № 2. С. 53–62.
19. Эфендиев А.Г., Абрамова Е.В. Мотивационная основа трудовой деятельности: опыт реализации многомерного подхода // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. 26 (1). С. 26–57. <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.26.1.2>. (дата обращения: 12.06.2023).
20. Кожевников О.Л. Саморазвитие рабочего в процессе опережающей профессиональной подготовки // Человек и образование. 2022. № 2. С. 164–170. <http://dx.doi.org/10.54884/S181570410020695-9.8> (дата обращения: 14.06.2023).
21. Five ways to find time for self-development without being distracted from work. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5dfc9f539a79479d5663e552> (дата обращения: 04.06.2023).
22. Курагин В.С., Фельдман М.А. Современные промышленные рабочие в зеркале постиндустриальной модернизации // Вопросы управления. 2014. № 2 (8). С. 190–197.
23. Балабанова Е.С., Эфендиев А.Г., Гоголева А.С., Сорокин П.С. Инновационное поведение сотрудников российских и иностранных компаний // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2019. Т. 12. Вып. 3. С. 215–233. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.301> (дата обращения: 20.06.2023).
24. Германов И.А., Лапин П.М. Роль вертикального доверия в регулировании установок и трудового поведения работников предприятий // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 1. С. 131–140. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-131-140> (дата обращения: 14.06.2023).

THE WORKERS OF A TYPICAL DEFENSE ENTERPRISE EVALUATION OF THEIR PROFESSIONAL DEVELOPMENT PROSPECTS

S.A. Zolotov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The assessment by workers of a typical defense enterprise of the prospects for their professional development is considered. The study is based on an analysis of data from a survey conducted in April 2023 at a typical defense enterprise in Nizhny Novgorod. It was revealed that the majority of workers positively assess the prospects for their professional development at the enterprise. It has been established that the percentage of those who are optimistic in terms of professional development is higher in the youth age group (18-35 years). The most preferable format of vocational training for employees has been determined – vocational training under the guidance of a mentor. The discrepancy in the key goals of vocational training depending on age is analyzed: young workers consider the improvement in the quality of products to be the key result, and mature workers consider the increase in the personal level of wages. The desire of employees to actively participate in the process of rationalizing the activities of the enterprise by developing proposals for improving management and introducing elements of joint management of the worker-manager is identified. This indicates the innovative behavior of the workers. The trust character of the vertical trust of the worker-manager is established. The conclusion is made about predominantly favorable conditions for the professional development of workers at a typical defense enterprise in Nizhny Novgorod.

Keywords: professional development prospects, workers, defense enterprise.

УДК 316.4

DOI 10.52452/18115942_2024_1_126

АДАПТАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ МВД РОССИИ К ДИСТАНЦИОННОЙ ФОРМЕ РАБОТЫ И ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

© 2024 г.

Н.В. Капитанова

Капитанова Надежда Валентиновна, преподаватель кафедры психологии и педагогики
Нижегородской академии МВД России
900nnovgorod@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 13.10.2023**Статья принята к публикации 26.01.2024*

Представлен авторский подход к рассмотрению влияния процессов цифровизации на образовательную культуру России на примере функционирования вузов МВД. Работа нацелена на раскрытие характера новой культурно-образовательной среды, в которой технические средства обучения приобретают особую роль и, следовательно, силу воздействия на субъекта образовательного процесса. Определены новые вызовы для системы отечественного профессионального образования, которые обусловлены особенностями использования инновационных цифровых технологий. Проведен анализ адаптационных ресурсов педагогических работников вузов МВД России. Выводы о характере адаптационного потенциала преподавателей вузов МВД формируют новые возможности и перспективы внедрения цифровых технологий в образование.

Ключевые слова: адаптация, адаптационные ресурсы, преподаватели вузов, дистанционное обучение, цифровизация образования, цифровые технологии.

Введение

Актуальность исследования обусловлена особенностями современного общества, характеризующегося высоким уровнем динамики социальных процессов, быстротой и непредсказуемостью изменений. Растерянность в пространстве неопределенности жизненных стратегий, страх перед будущим стали неотъемлемыми чертами современного общества. Социальные процессы, происходящие в условиях своего ускорения, конфликтогенности и неопределенности, способствуют масштабной трансформации ранее сложившихся ценностных ориентаций и поведенческих стратегий отдельных личностей и целых социальных групп. Подобное положение дел негативно сказывается на поддержании жизнеспособности общества и возможностях обеспечения его дальнейшего развития.

Вызванные многогранными изменениями общественные риски являются неотъемлемой частью современной социальной реальности и обуславливают растущую потребность в формировании способностей человека к оперативной и эффективной адаптации в условиях быстроменяющегося мира. Как писал Э. Тоффлер, «шок будущего» требует от общества гибкости и адаптивности [1, с. 17–18]. Современный этап в динамике общественных изменений можно назвать техногенным, поскольку тотальное проникновение технических средств и технологий наблюдается во всех сферах жизни, что значи-

тельно изменяет культуру и духовный мир современного человека, его социальные взаимоотношения и поведенческие практики. Как отмечает С.Л. Ивашевский, «новый социотехнологический уклад жизни лишает человека самой возможности что-либо решать без новационных технологий, и даже само их появление выходит у него из-под контроля» [2, с. 52–53]. Таким образом, вызовы техногенного общества еще более обуславливают потребность в формировании адаптационной способности человека к быстро трансформирующейся социокультурной среде.

Особо остро проблема адаптационных ресурсов субъектов социальных процессов стоит в институтах социализации, профессиональной подготовки кадров для обеспечения общественного развития. Среди них важное место занимает система высшего образования. Она призвана созидать человеческий потенциал как основу существования общества. Остановить этот процесс, повергнуть его в хаос, подчинить страхам и неопределенности – недопустимо.

Особое место в системе высшего образования занимают вузы МВД России. Их выпускники обеспечивают ключевые потребности общества и государства – безопасность, стабильность, порядок, защиту прав и свобод человека. Процесс обучения в вузах МВД носит специфический характер, который особенно ярко контрастирует по ряду направлений (физическая, огневая, специальная подготовка) с направленностью цифровых реформ. Это требует нашего

внимания проблеме адаптации педагогических работников вузов МВД России к условиям цифровой трансформации образования. От успешности адаптации этой профессиональной группы к изменившимся условиям их трудовой деятельности зависит качество подготовки сотрудников правоохранительных органов страны, а значит, безопасность во всех сферах российского общества.

Весомый вклад в исследование адаптационных способностей человека и их роли в развитии социальных институтов и общества внесли классики мировой социологии, исследовавшие общество в рамках макро- и микросоциологических теорий: Д. Белл, М. Вебер, Э. Гидденс, Ф. Гиддингс, Ж. Деррида, Э. Дюркгейм, Дж. Дьюи, Г. Зиммель, О. Конт, Ч. Кули, Н. Луман, К. Манхейм, Р. Мертон, Дж. Мид, Т. Парсонс, П.А. Сорокин, Г. Спенсер, Г. Тард, М. Шелер, Ю. Хабермас. Их научное наследие дает возможность методологически правильно воспринять исходные понятия исследуемых социальных процессов и явлений, осознать общественное значение социальной адаптации и характер адаптационных ресурсов различных социальных групп.

Следует отметить значительный вклад в исследование проблемы социальной адаптации отечественных ученых – Т.Г. Анисимовой, Е.Б. Бабониной, Г.Л. Воронина, В.П. Казначеева, Л.В. Корель, П.С. Кузнецова, А.Г. Маклакова, А.В. Мозговой, М.В. Ромма, З.Х. Саралиевой, О.М. Слеповой, В.А. Ядова.

Отдельные вопросы процесса адаптации педагогических работников к новым условиям профессиональной деятельности, в том числе к преподаванию в цифровой среде и к виртуальной коммуникации с коллегами и обучающимися в условиях развития информационно-коммуникационных технологий, представлены в трудах А.В. Андрианова, Г.Е. Зборовского, В.А. Заиченко, Д.Ю. Нархова, В.Я. Нечаева, А.В. Носковой, Д.В. Голоуховой, Е.И. Кузьминой, Д.В. Галицкой, А.М. Бекарева, Г.С. Пак, А.А. Иудина, В.П. Козырькова, Т.В. Свадьбиной, О.А. Немовой, Г.С. Широкаловой. Имеющиеся в данной области работы утверждают необходимость для современного преподавателя менять характер своей многогранной профессиональной деятельности, включающей педагогический, научно-исследовательский, организационно-исследовательский и воспитательный компоненты, в соответствии с новыми условиями образовательного процесса, активизировать свой творческий потенциал в направлении овладения новыми средствами обучения при бережном отношении к традиционным.

Особенности и проблемы профессионального образования сотрудников ОВД привлекают пристальное внимание отечественной науки. В работах ученых С.Р. Аблеева, С.И. Кузьминской, А.А. Гридневой, Э.И. Мещеряковой, С.В. Кузнецова, В.М. Крука, В.Л. Кубышко, О.А. Ульяниной, Д.А. Шпилева, М.П. Щербаковой проведен анализ личностных и профессиональных качеств сотрудников ОВД и определены условия и факторы их успешного формирования.

Набирающая обороты цифровизация высшего образования формирует новые вызовы педагогическому сообществу. Они стали предметом многочисленных работ современных ученых. Среди них стоит особо отметить В.П. Вейдт, С.Л. Ивашевского, В.А. Кутырева, Е.В. Масланова, В.Н. Минину, Н.Ю. Налетову, А.А. Строкова, Г.Л. Тульчинского, А.Н. Фатенкова, О.И. Федосееву.

Между тем недостаточно, на наш взгляд, исследованы особенности процесса адаптации педагогических работников различных ведомств. В этой связи направленностью нашего исследования явилось определение особенностей адаптационного потенциала преподавателей вузов МВД России в условиях перехода к дистанционным формам работы и формирующейся цифровой среде. Их выявление позволит на новом качественном уровне решать проблемы образовательного процесса в конкретной сфере профессиональной подготовки.

Гипотезой нашего исследования является наличие изменений в процессе адаптации и адаптационных ресурсов преподавателей вузов МВД России, вызванных цифровизацией образования и формирующей новую реальность профессиональной деятельности для педагогов данного ведомства.

Цель данной работы – выявление направленности процесса адаптации педагогических работников вузов МВД России к условиям цифровизации образования.

К основным задачам работы можно отнести следующие:

- осуществить эмпирический анализ адаптационных ресурсов педагогических работников вузов МВД России, актуализированных в условиях цифровых образовательных технологий;
- определить характер развития адаптационных ресурсов педагогических работников вузов МВД России в условиях цифровой трансформации образования.

Методология

Теоретико-методологической основой работы явились социология цифровизации, теорети-

Таблица 1

Возраст респондентов	Количество респондентов, %
До 30 лет	4.8
От 30 до 50 лет	76.2
Более 50 лет	19

Таблица 2

Группа	Педагогический стаж	Количество респондентов, %
1	Менее 3 лет	11.9
2	От 3 до 10 лет	16.7
3	От 10 до 20 лет	33.3
4	Более 20 лет	38.1

Таблица 3

Варианты ответов	Количество респондентов, %
Доктор наук	9.5
Кандидат наук	71.4
Не имею ученой степени	19

ческие достижения современной социологии адаптаций и тех положений социологии труда и социологии профессий, которые имеют антропологическую центрированность исследований, нацеливающую прежде всего на изучение наиболее личностных аспектов социальных отношений, охватывающих проблемы профессиональной адаптации.

В работе применены системный, структурно-функциональный, диалектический подходы, проведен анализ социологической, философской, педагогической литературы, относящейся к исследуемой проблеме. Эмпирической основой работы стали результаты авторских исследований (2021–2023 гг. – онлайн-опросы преподавателей вузов МВД России, $n=420$).

Результаты

В рамках рассматриваемой темы автором было проведено эмпирическое исследование «Влияние цифровых образовательных ресурсов на профессиональную деятельность педагогических работников высших учебных заведений МВД России». Исследование проводилось в форме онлайн-опроса в 2021–2023 гг. в Восточно-Сибирском институте МВД России, Волгоградской академии МВД России, Краснодарском университете МВД России, Московском университете МВД России, Нижегородской академии МВД России с целью получения необходимой эмпирической базы для анализа характера адаптационных процессов преподавателей вузов МВД в новой цифровой реальности их профессиональной деятельности.

При генеральной совокупности ок. 3200 чел. (16 вузов МВД с филиалами, без учета Акаде-

мии управления, институтов повышения квалификации и суворовских училищ) выборка составила 420 респондентов.

Выборка репрезентативная, сформирована по принципу «случайного», активного сотрудничества. По структуре выборка представляет собой: по гендерному фактору мужчин – 88.1%; женщин – 11.9%. По возрастному составу большая часть участников (76.2%) находятся в возрастной категории от 30 до 50 лет (таблица 1).

По практическому опыту работы в учебных заведениях МВД: 1-я группа – 11.9%; 2-я группа – 16.7%; 3-я группа – 33.3%; 4-я группа – 38.1% (таблица 2) – можно сделать вывод о том, что 71.4% участников более 10 лет занимаются педагогической деятельностью, 38.1% – более 20 лет.

Все сотрудники имеют высшее образование, в том числе 41.5% среди опрошенных преподавателей являются выпускниками вуза «силовых» ведомств (МВД, МО, ФСБ). По профилю профессионального образования большая часть опрошенных участников опроса имеют гуманитарное образование (81%), а 14.3% респондентов имеют одновременно гуманитарное и техническое образование.

Квалификационные требования к преподавательской деятельности предполагают наличие ученой степени, и в ходе опроса были получены следующие данные (таблица 3).

Значительная часть опрошенных педагогических работников преподают учебные дисциплины, направленные на формирование теоретических знаний, – 42.9%. Формированием практических навыков и умений занимаются 23.8%; 33.3% – в рамках преподаваемых дисциплин сочетают теоретические и практические занятия (таблица 4).

Таблица 4

Направленность преподаваемых учебных дисциплин

Преподаваемые дисциплины направлены на ...	Количество респондентов, %
формирование теоретических знаний	42.9
формирование практических умений и навыков	23.8
равномерность в сочетании теоретических и практических занятий	33.3

Таблица 5

Отношение к цифровым технологиям в образовательном процессе

Варианты ответов	Количество респондентов, %
Отрицательное	9.5
Настороженное	33.3
Равнодушное	7.1
Положительное	47.6
Восхищенное	0

Таблица 6

Интенсивность взаимодействия преподавателей с цифровыми технологиями в образовательном процессе

Варианты ответов	Количество респондентов, %
Каждый раз при подготовке и проведении учебных занятий	19
Достаточно часто при подготовке и проведении учебных занятий	38.1
Часто при подготовке учебных занятий и редко при их проведении	23.8
Часто при проведении учебных занятий и редко при их подготовке	2.8
Взаимодействую редко	14.3
Не обращаюсь к цифровым ресурсам	2

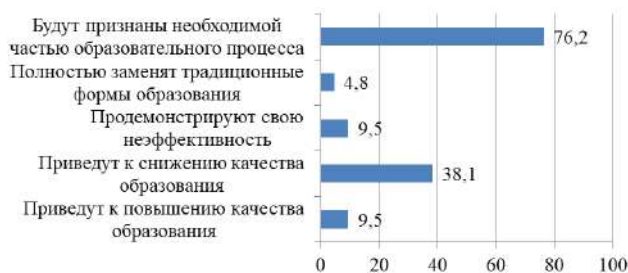

Рис. 1. Влияние цифровых технологий на образовательный процесс в будущем, %, множественный ответ

Отметим, что в период резкого перехода в тотальный дистант большая часть опрошенных преподавателей (85.7%) четко понимали и осознавали цель и задачи развернувшейся цифровизации образования, однако отношение к цифровым технологиям в образовательном процессе у педагогических работников было неоднозначным. Половина педагогов отметили настороженное и отрицательное отношение к цифровым новациям (таблица 5).

Вместе с тем технические средства и цифровые ресурсы уже давно используются педагогическими работниками в образовательном процессе, о чем свидетельствуют ответы участников опроса (таблица 6).

Полученные результаты свидетельствуют, что более 80% преподавателей используют цифровые технологии достаточно часто (каждый раз) при подготовке к учебным занятиям. Данный показатель подтверждает, что педагоги давно и уверенно используют цифровые ресур-

сы в своих ежедневных практиках.

Как следствие, педагоги указали уровень своей адаптации к формирующейся цифровой образовательной среде как высокий и выше среднего – 54.7%; 45.3% – указали на средний уровень адаптации. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что в момент проведения опроса (через год после начала всемирной пандемии) респонденты указали на достаточный уровень адаптации к цифровой образовательной среде. При этом 57.1% опрошенных отметили, что перевод образования в дистанционный формат в период карантина 2020 года ускорил их адаптацию к цифровой образовательной среде.

Значительная часть опрошенных (76.2%) указали, что в будущем цифровые технологии будут признаны необходимой частью образовательного процесса, а 38.1% преподавателей считают, что это приведет к снижению качества образования (рисунок 1).

Таблица 7

**Формы профессиональной подготовки педагогических работников
к овладению цифровыми технологиями для использования в образовательном процессе***

Формы подготовки	Количество респондентов, %
Учебные занятия (очно)	23.8
Учебные занятия (online)	45.2
Курсы повышения квалификации (очно)	16.7
Курсы повышения квалификации (online)	26.2
Рекомендованные ссылки на обучающие программы в Интернете	28.6
Инструкции по использованию новых ресурсов	52.4
Индивидуальные консультации специалистов	21.4
Психологическое консультирование	0
Не встречался (-лась)	7.1

* множественный ответ

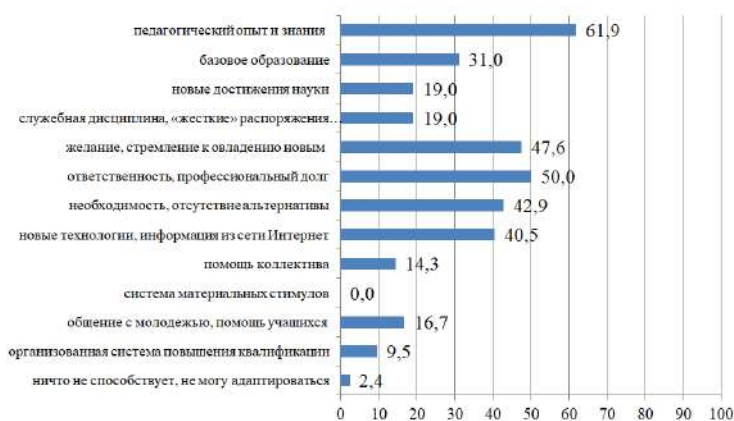

Рис. 2. Что способствует Вашей адаптации к цифровой образовательной среде?
(%, множественный ответ)

Таблица 8

**Формы поддержки педагогических работников
при овладении ими цифровыми технологиями вне учебного заведения***

Формы поддержки	Количество респондентов, %
Помощь членов семьи	26.2
Телевизионные программы	17.6
Интернет-трансляции блогеров	23.8
Курсы повышения квалификации, организованные органами местного самоуправления	4.8
Курсы повышения квалификации, организованные общественными организациями	14.3
Распространение специализированной литературы	11.9
Индивидуальные консультации специалистов с выездом к педагогическому работнику	2.4
Взаимопомощь педагогических работников	64.3
Помощь психолога	2.4
Не встречался (-лась)	9.5

* множественный ответ

На вопрос: «Комфортно ли Вам преподавать в дистанционном режиме?» – практически половина респондентов (48.3%) ответили положительно, другие – отрицательно, указав недостаток технических ресурсов и навыков работы в дистанционном формате. Поэтому закономерным становится вопрос о формах профессиональной подготовки педагогических работников

к овладению цифровыми технологиями для использования в образовательном процессе. Среди перечисленных педагоги назвали следующие (таблица 7).

Вместе с тем при овладении цифровыми технологиями вне учебного заведения преподаватели использовали следующие формы поддержки (таблица 8).

Таблица 9

**Сложно ли было овладеть навыками работы в электронной информационно-образовательной среде
Вашего учебного заведения?**

Варианты ответов	Количество респондентов, %
Нет, не сложно, достаточно быстро освоил(-ла)	78.6
Достаточно сложно, разобрался (-лась) самостоятельно, не сразу	14.3
Сложно, разобрался (-лась) с трудом, с чужой помощью	7.1

Таблица 10

**На Ваш взгляд, нагрузка на педагогических работников
в условиях дистанционного обучения ...**

Варианты ответов	Количество респондентов, %
в целом увеличилась	59.5
в целом уменьшилась	19
не изменилась	16.7
Затрудняюсь ответить	4.8

Закономерным становится вопрос, уже получивший развитие в отечественной науке [1, с. 74–81]: что и кто помогает современным преподавателям адаптироваться к цифровой образовательной среде? Полученные результаты позволяют сделать вывод, что основными адаптационными ресурсами преподавателей в цифровой среде являются: педагогический опыт и знания – 61.9%; ответственность и профессиональный долг – 50%; желание, стремление к овладению новым – 47.6%. Полученные результаты отражены на рисунке 2.

О высокой адаптивности педагогов свидетельствует то, что 78.6% достаточно быстро освоили навыки работы в электронной информационно-образовательной среде. Испытывающим трудности респондентам (21.4%) понадобилось время и помощь других лиц. При этом стоит отметить, что достаточно немного респондентов с трудом освоили цифровые технологии, а между тем 19% респондентов имеют возраст 50+ (таблица 9).

Несмотря на достаточно высокую адаптивность и наличие навыков работы с цифровыми ресурсами в электронной информационно-образовательной среде, 60% опрошенных указали на увеличение учебной нагрузки на педагогических работников в условиях дистанционного обучения (таблица 10).

Результаты опроса смогли выявить и наиболее острые проблемы, с которыми респондентам пришлось столкнуться в период карантина. По мнению преподавателей, наиболее важные – это отсутствие достаточного контроля за подготовкой учащегося (88.1%), снижение ответственности обучающихся за свои учебные результаты (66.7%), низкое качество работы цифровых ресурсов дистанционного обучения (71.4%). Довольно много респондентов (64.3%) отметили нехватку живого общения с коллегами и обучающимися (таблица 11).

Из-за трудностей, возникших по техническим причинам, абсолютному большинству респондентов понадобилась различная помощь, дабы овладеть навыками работы с инструментами дистанционного образования. Из опроса видно, что самым частым источником решения проблем и вопросов, связанных с освоением цифровых технологий, является взаимопомощь педагогических работников (64.3%) (таблица 8).

В целом, в период дистанционного обучения процессом преподавания были удовлетворены только 26% опрошенных преподавателей, в тот время как более 70% дали отрицательные ответы (таблица 12).

Вопрос о предпочитаемой форме преподавания выявил как недостатки, присущие дистанционной форме обучения, так и ее преимущества по сравнению с традиционной формой, что определило разнообразие вариантов ответов (рисунок 3).

Далее педагогическими работниками предлагалось оценить по 5-балльной шкале период дистанционного обучения с позиции решения задач по обеспечению качества профессионального образования: 1 – самая низкая оценка, 5 – самая высокая. Несмотря на все отмеченные респондентами положительные моменты, они довольно критично оценили данный период дистанционного обучения, что выразилось в низком общем среднем балле, который составил приблизительно 2.6 балла, то есть новая форма обучения нуждается в серьезной доработке и в некоторых случаях – кардинальном пересмотре подходов к преподаванию в дистанционном режиме (рисунок 4).

Полученные данные свидетельствуют, что только половина участников опроса дают удовлетворительную оценку дистанционному обучению с позиции решения задач по обеспечению качества профессионального образования, остальные же склонны оценить его негативно.

Таблица 11

С какими конкретно трудностями Вы столкнулись в процессе дистанционного обучения? *

Варианты ответов	Количество респондентов, %
Недостаточность опыта работы с цифровыми ресурсами дистанционного обучения	28.6
Низкое качество работы цифровых ресурсов дистанционного обучения	71.4
Подготовка и проверка большого объема учебных материалов, заданий, тестов	42.9
Невозможность полноценно контролировать подготовку учащихся	88.1
Снижение ответственности курсантов и слушателей за свои учебные результаты	66.7
Недостаток «живого» общения с коллегами и обучающимися	64.3
Появление/обострение проблем со здоровьем	9.5

* множественный ответ

Таблица 12

Удовлетворены ли Вы процессом преподавания в дистанционном режиме?

Варианты ответов	Количество респондентов, %
Да	7.1
Скорее да, чем нет	19
Скорее нет, чем да	57.1
Нет	14.3
Затрудняюсь ответить	2.5

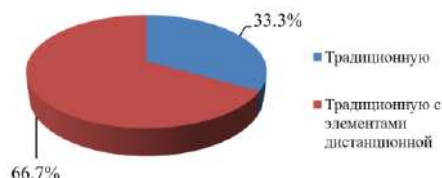

Рис. 3. Какую форму обучения сотрудников ОВД Вы считаете более эффективной в современных условиях?

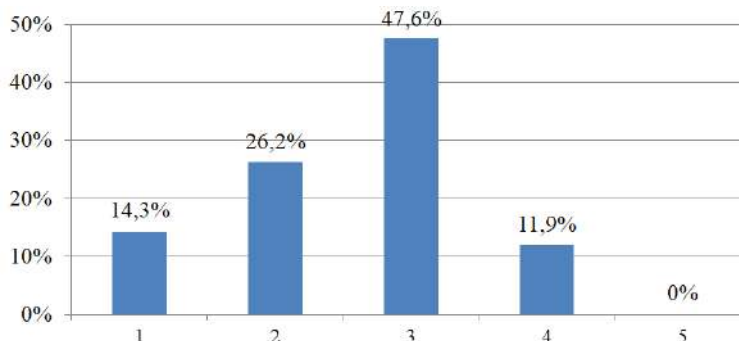
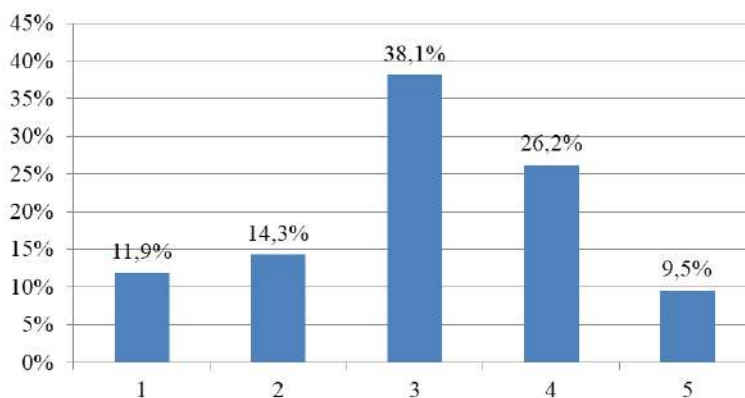
Рис. 4. Оцените по 5-балльной шкале период дистанционного обучения с позиции решения задач по обеспечению качества профессионального образования:
1 – самая низкая оценка, 5 – самая высокая

Рис. 5. Оцените по 5-балльной шкале роль научного фактора в процессе Вашей адаптации к цифровой образовательной среде (появление новых знаний, методов, методик...)

В заключение педагогам предлагалось дать оценку роли научного фактора в процессе их адаптации к цифровой образовательной среде (появление новых знаний, методов, методик...): 1 – самая низкая оценка, 5 – самая высокая. Большая часть опрошенных удовлетворительно оценивают роль научного фактора (38.1%), 35.7% дают положительную и отличную оценку. Вместе с тем 26.2 % низко оценили уровень развития и практической значимости новых педагогических технологий (рисунок 5).

Заключение

Таким образом, следует признать, что динамика развития современного общества делает цифровое образование неотвратимым этапом модернизации всей образовательной системы, а анализ имеющегося опыта работы преподавателей посредством цифровых ресурсов показывает основные направления этой модернизации. Прежде всего, в этом процессе необходимо исходить из того, что образование (и цифровое в том числе) является единым целенаправленным процессом обучения и воспитания. В своей профессиональной составляющей современное образование обязательно должно содержать богатую совокупность способов формирования опыта практической деятельности. Неотъемлемыми от него являются и сформированные у учащихся ценностные установки профессиональной деятельности. Для сотрудника ОВД, специалиста в сфере обеспечения прав и свобод человека, особое значение имеет возможность гармоничного развития в интеллектуальном, физическом и духовном планах. Попытка же простой трансформации привычной для вузов модели деятельности в режим удаленного доступа делает невозможной реализацию данных принципов. Образование, в имеющемся опыте дистанционного формата существования, собственно не стало цифровым, а лишь вынужденным обратиться к новым для себя техническим средствам, которые оказались не вполне органичны действующей образовательной модели, потенциал которых недостаточно осознан и, соответственно, не трансформирован в конкретные новационные формы образовательной деятельности.

К особенностям развития адаптационных ресурсов педагогических работников вузов МВД

России в условиях цифровой трансформации образования, обуславливающим направленность их дальнейшего развития, следует отнести: низкий уровень организации процесса, отсутствие «внешней» мотивированности, продуманной системы адаптационной поддержки педагогов в изменяющихся для них реалиях, недостаток научно-методического обеспечения и педагогических технологий решения профессиональных задач. Наличие этих проблем обуславливает формирование неинституционализированных практик решения новых профессиональных задач (взаимопомощь коллег, обращение за помощью к учащимся в образовательном учреждении, к собственным детям в семье, самообразование посредством Интернета).

Основными адаптационными ресурсами преподавателей в цифровой среде являются их личные качества – уже имеющийся педагогический опыт и знания, ответственность и профессиональный долг, желание и стремление к овладению новым. Между тем сохраняется дисгармония новой реальности с традиционными формами образовательной деятельности, что определяет возникновение конфликта ресурсов сохранения с ресурсами изменений.

Дальнейшая разработка выявленных проблем, определение индикаторов и критериев развития адаптационных ресурсов видится важным направлением научных исследований, имеющих важное практическое значение. Актуализированные в нашей работе вопросы ставят задачу тщательного анализа всех технологических новаций с позиции их соответствия интересам личности и общества. С опорой на эти интересы должна быть выстроена и система социальной адаптации как творческий процесс гармонизации техносферы и национальной культуры во всем многообразии их проявлений.

Список литературы

1. Тоффлер Э. Шок будущего: Пер. с англ. М.: АСТ МОСКВА, 2008. 557 с.
2. Ивашевский С.Л. Социальные проблемы цифровизации гуманитарного знания // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 1 (57). С. 52–57.
3. Бекарев А.М., Пак Г.С. Цифровая компетентность и возраст преподавателя в условиях префигуративной культуры // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 1 (65). С. 74–81.

**ADAPTATION OF UNIVERSITY TEACHERS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA
TO THE REMOTE FORM OF WORK AND DIGITALIZATION OF EDUCATION***N.V. Kapitanova*

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The text of the abstract. The article presents the author's approach to the consideration of the impact of digitalization processes on the educational culture of Russia on the example of the functioning of universities of the Ministry of Internal Affairs. The work is aimed at revealing the nature of a new cultural and educational environment in which technical means of teaching acquire a special role and, consequently, the power of influence on the subject of the educational process. New challenges for the system of domestic vocational education have been identified, which are due to the peculiarities of the use of innovative digital technologies. The paper provides an empirical analysis of the adaptive resources of teaching staff of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Conclusions about the nature of the adaptive potential of university teachers of the Ministry of Internal Affairs form new opportunities and prospects for the introduction of digital technologies in education.

Keywords: adaptation, adaptation resources, university teachers, distance learning, digitalization of education, digital technologies.

УДК 316.7; 316.42

DOI 10.52452/18115942_2024_1_135

СТРУКТУРА ПОЛЯ ВОЛОНТЕРСТВА В МЕДИЦИНСКИХ ВУЗАХ РОССИИ

© 2024 г.

А.Е. Мазанова

Мазанова Анна Евгеньевна, аспирант кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, ассистент кафедры общей и клинической психологии Приволжского исследовательского медицинского университета Минздрава России, Н. Новгород
mazanova.a.e@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 04.10.2023**Статья принята к публикации 15.01.2024*

Целью данного исследования является выделение содержания и особенностей волонтерской деятельности студентов медицинских вузов. Объект исследования – структура поля волонтерства в медицинских вузах. Предмет исследования – направления и функционал деятельности студентов медицинских вузов России в поле волонтерства. Для анализа использовались публикации ведущих медицинских вузов Министерства здравоохранения РФ согласно рейтингу RAEX о наборе волонтеров среди студентов в период с 2019 по 2021 г., размещенные в верифицированных интернет-сообществах ресурса vk.com. Для обработки данных был применен метод контент-анализа с помощью специализированного пакета «Лекта». В результате исследования были выделены профессиональное и общие направления волонтерства студентов-медиков. Доля профессионального волонтерства составила 58.82%, доля общих направлений волонтерской деятельности – 41.18%. Студенты-медики задействованы не только в сфере здравоохранения, но и в спортивном, экологическом, гражданско-правовом, виртуальном и медиаволонтерстве. Часть общих направлений волонтерства может содержать профессиональный компонент. Были выделены разные уровни мероприятий для волонтерского участия: междунациональный, всероссийский, региональный, городской и локальный, а также требования к будущим волонтерам. Рассмотрены координационная, информационная и педагогическая функции медицинских вузов по осуществлению набора волонтеров.

Ключевые слова: волонтерство студентов-медиков, волонтер-медик, студенческое добровольчество, медицинское волонтерство, волонтерство медицинского вуза.

Введение

Участие студентов в волонтерстве является наиболее доступной формой социальной активности молодежи [1; 2]. Волонтеры осуществляют добровольческую деятельность в общественно полезных целях, в том числе в содействии деятельности в сфере профилактики и охраны здоровья граждан, а также пропаганды здорового образа жизни, улучшения морально-психологического состояния граждан и в других целях, изложенных в пункте 1 статьи 2 Федерального закона № 135-ФЗ от 11 августа 1995 г. (ред. от 08.12.2020) [3].

Участие в волонтерских движениях и мероприятиях в студенческие годы широко распространено. Согласно опросу 450 вузов России, проведенному Министерством науки и высшего образования России и Ассоциацией волонтерских центров осенью 2021 г. [4], с 2018 г. в два раза выросло число студентов, вовлеченных в волонтерскую деятельность университетов: с 139 тысяч до 313 тысяч человек. То есть к 2021 г. волонтеры составляют около 10% российского студенчества: 313524 из 3761604 обучающихся

в вузах. Каждый пятый вуз интегрировал волонтерский центр во внутреннюю структуру. В ряде вузов введена дисциплина «Организация добровольческой (волонтерской) деятельности и взаимодействие с социально ориентированными НКО». 75% вузов – участников опроса отметили сотрудничество с городскими и федеральными некоммерческими общественными организациями. Волонтеры имеют возможность получить дополнительные баллы на вступительных экзаменах на разные ступени образования в вузе, повышенные стипендии, перевод на бюджетную форму образования, заселение в общежитие и прочие льготы. Однако такая практика не является повсеместной и реализуется согласно политике конкретного учебного заведения [4].

Большое вовлечение в волонтерскую деятельность университетской молодежи объясняется юридическим совершеннолетием и свободой в выборе места и вида деятельности, отсутствием остро стоящей задачи своего финансового обеспечения в связи с помощью родителей, интересом к общению и возможностью развития универсальных социально и профессио-

нально значимых компетенций, получения опыта решения неучебных проблем [1; 5].

Исследования волонтерства носят междисциплинарный характер, волонтерство характеризуется как сложный и многоаспектный феномен [6]. Волонтерство рассматривается как фактор профессиональной социализации и профориентации учащихся [7–9], фактор развития социальной активности молодежи [10], внеучебная и досуговая деятельность [11], особый вид занятости [12], фактор духовно-нравственного развития [13], формирования просоциального поведения [14], отмечается педагогический потенциал волонтерства [15].

На наш взгляд, волонтерство может быть рассмотрено как социальное поле, в котором реализуются организованные формы добровольного участия в различных общественных сферах (волонтерские практики). Волонтер включается в систему взаимодействия различных институтов, организаций, сообществ, общества в целом и конкретных благополучателей. Волонтерская деятельность студента является внеучебной активностью (досуговой), при этом содержит черты трудовой деятельности и выступает частью профессионализации. Можно предположить, что поле волонтерской деятельности студента пересекается с другими полями: образовательным, досуговым, профессиональным, трудовым. Данное определение волонтерства определяется методологической рамкой нашего исследования – концепцией поля и практик П. Бурдьё. Поле – это подпространство социального пространства, определяемое специфической силой – ансамблем различий активных свойств, обуславливающих его специфику, его отличие от любого другого подпространства. Согласно П. Бурдьё, поле – это специфическая система объективных связей между различными позициями, находящимися в альянсе или в конфликте, в конкуренции или в кооперации, определяемыми социально и в большой степени не зависящими от физического существования индивидов, которые эти позиции занимают [16, с. 569].

Будущий волонтер действует добровольно, исходя из собственных потребностей и мотивов. Волонтерская деятельность предполагает включение в сообщество волонтеров, принятие его ценностных, культурных ориентиров, взаимодействие внутри сообщества при общей цели реализации социально значимой помощи без расчета на материальное вознаграждение. К. Левин писал, что среда – это внешнее поле конкретных сил и воздействий, личность – это «внутреннее поле» систем напряжения потребностей. Человек и среда – это два полюса одной и той

поведенческой целостности, а именно «жизненного пространства». Жизненное пространство, включающее человека и его среду, по К. Левину, должно рассматриваться как одно поле [17, с. 264–265].

Мотивы участия студентов в волонтерской деятельности в разных культурах отличаются. Согласно кросс-культурному исследованию Ф. Хэнди, Р. Кнаана, Л. Хастинкса, Д. Хаски-Левенталя, К. Холмса, Д. Бруднея, студенты США и Нидерландов чаще участвуют в волонтерстве с целью улучшения своего резюме и развития профессиональных навыков; студенты Бразилии, Израиля и Хорватии рассматривают волонтерство как средство для социализации, установления социальных связей и развития личности [18]. Исследователями отмечается изменение мотивов волонтерства студентов со временем. Исследование студенческого волонтерства в университетах Австралии, Новой Зеландии, Канаде, Великобритании и США показало, что наиболее часто получателями волонтерских услуг оказываются молодежные, университетские, а также спортивные и культурные организации [19].

Особенностью волонтерства медицинского студенчества является профессиональная направленность. Доля профессионального (медицинского) направления в структуре вузовского волонтерства может достигать 65% [2]. Медицинский вуз выступает в качестве особой социально-организационной среды формирования и развития волонтерства [20]. Приоритетные цели волонтерства профессионально ориентированы: первичная профессионализация будущих медиков, приобщение к профессиональной культуре и сообществу, повышение конкурентоспособности будущего специалиста на рынке труда, способствование гуманизации отрасли и воспитанию социальных навыков и ответственности будущего специалиста.

Молодежь, занятая в волонтерстве, является мощнейшим трудовым ресурсом [21]. Волонтерская деятельность студента-медика, с одной стороны, призвана помочь снизить эффекты нехватки медицинского персонала, с другой стороны, вносит вклад в развитие профессиональных компетенций и раннюю интеграцию в профессиональную среду будущих специалистов. Медицинское волонтерство в период пандемии определяется как социально-медицинское, объединяя широкий функционал и состав волонтеров [22].

Е.Н. Рогова и Л.С. Яницкий отмечают, что для повышения вовлеченности и социальной активности студентов в волонтерстве необходима комплексная работа по развитию информационных центров в вузе, освоению студента-

ми образовательных волонтерских программ, формированию студенческих объединений и созданию системы эффективного взаимодействия с потенциальными благополучателями волонтерских услуг для выработки и реализации формата актуальной волонтерской помощи [23].

Появление и активное развитие цифровых практик коммуникации с волонтерами определяет новые подходы к рекрутингу волонтеров, расширение видов волонтерских практик [24]. Интернет используется как инструмент популяризации волонтерства, рекрутинговая площадка, сообщество участников волонтерских движений. Преимущества интернет-коммуникации волонтерских движений: широкий охват целевой аудитории, высокая скорость и динамичность коммуникации, повышение прозрачности деятельности и доверия интернет-пользователей.

Материалы и методы

Объект исследования – структура поля волонтерства в медицинских вузах. Предмет исследования – направления и функционал деятельности студентов медицинских вузов России в поле волонтерства.

Цель исследования – выявить содержание волонтерской деятельности на основе анализа объявлений о наборе волонтеров среди студентов-медиков на интернет-ресурсах вузов.

Для проведения исследования методом контент-анализа были отобраны публикации о наборе волонтеров в официальных сообществах медицинских вузов на сайте vk.com («ВКонтакте»), размещенные в период с 2019 по 2021 г.; 2020 г., ввиду пандемии COVID-19, характеризуется повышением спроса на волонтерское участие в социально значимых сферах, поэтому нами был рассмотрен период, охватывающий год до объявления пандемии COVID-19 и год снижения влияния пандемии.

Для анализа было выбрано 8 из 51 вуза, подведомственных Министерству здравоохранения РФ, их характеристика представлена в таблице 1.

Выбор ограничился данными вузами, поскольку они занимают лидирующие позиции в рейтинге вузов RAEX (рейтинговое агентство RAEX («РАЭК-Аналитика»)) в категории «Медицинское направление» по итогам 2022 г. Рейтинг вуза RAEX определяется интегральной оценкой качества подготовки учащихся на основе взвешенных критериев (факторов): условия для получения качественного образования (вес 0.5), уровень востребованности выпускников работодателями (вес 0.3), уровень научно-исследовательской деятельности (вес 0.2) [25].

Выбранные для исследования вузы активно освещают свою деятельность в сети Интернет и имеют наибольшее число участников официальных интернет-сообществ вуза на сайте vk.com (от 15000 участников). Выбор ресурса vk.com (социальная сеть «ВКонтакте») основывается на популярности социальной сети среди российской аудитории и наличием в ней верифицированных сообществ организаций, в том числе и высших учебных заведений. Совокупная российская аудитория Интернета составляет 98.6 млн человек старше 12 лет – 81% населения данной возрастной группы, крупнейшая доля (21%) активности приходится на социальные сети [26]. По данным Департамента средств массовой информации и рекламы г. Москвы, vk.com входит в топ-10 интернет-ресурсов России по объему ежемесячной аудитории [27]. Согласно итогам 2021 г., аудитория ресурса составляла 72.5 млн пользователей в РФ, дневная аудитория социальной сети – свыше 47 млн человек, что иллюстрирует высокий уровень вовлеченности аудитории [28]. Согласно данным Mediascope [29], каждый день «ВКонтакте» посещает 45% аудитории Рунета, а месячный охват – до 76%. «ВКонтакте» является самой массовой платформой по количеству публикаций, по данным Brand Analytics [30]. Состав участников социальной сети «ВКонтакте»: пользователей до 18 лет – 12.1%, 18–21 лет – 19.2%, 25–34 лет – 29%, 35–44 лет – 21.8%, 25–54 лет – 9.7%, 55 лет и старше – 8.3%, всего 23799675 авторов, 45.1% – мужского пола, 54.9% – женского [30].

Для обработки данных был применен метод контент-анализа с помощью специализированного пакета «Лекта». Контент-анализ включал 194 публикации, базовый словарь составил более 22000 слов, словарь для изучения содержания волонтерской деятельности студентов-медиков – 256 семантических цепочек. В результате факторного анализа получена 28-факторная модель, объясняющая способность модели 42%.

Результаты и их обсуждение

Характер содержания анализируемых категорий позволил выделить несколько блоков информации: функции вузов по осуществлению рекрутинга, общая информация о рекрутинге волонтеров среди студентов-медиков, направления волонтерской деятельности, функционал волонтеров разных направлений волонтерства, особенности подготовки для участия в волонтерской деятельности.

В анализируемых вузах имеются волонтерские центры на базе университета (например,

Таблица 1

Характеристика вузов, материалы которых составили базу исследования

Показатель индекса RAEX, 2022	Вуз	Баллы RAEX	Официальная группа или сообщество в vk.com	Количество участников сообщества вуза	Сообщество волонтерского центра вуза в vk.com	Количество участников сообщества волонтеров вуза
1	Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова Минздрава России	100.00	https://vk.com/sechenov_ru	36542	https://vk.com/sechenov_volunteer	9561
2	Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова Минздрава России	84.58	https://vk.com/rmimu	29981	https://vk.com/volrmimu	4981
3	Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. академика И.П. Павлова Минздрава России	72.66	https://vk.com/1spb_gmuofficial	18400	https://vk.com/dobro_med	2802
4	Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова Минздрава России	71.63	https://vk.com/szgmuniversity	22645	https://vk.com/volunteer_szgm ; https://vk.com/szgm.volcenter	1450 1511
5	Московский государственный медико-стоматологический университет им. А.И. Евдокимова Минздрава России	69.54	https://vk.com/mgmsulive	25992	https://vk.com/volmsmsu	1242
6	Сибирский государственный медицинский университет Минздрава России	56.94	https://vk.com/ssmutomsk	20768	https://vk.com/zdorovieuniversiteti	719
7	Приволжский исследовательский медицинский университет Минздрава России	56.03	https://vk.com/pimunn	22124	–	
8	Казанский государственный медицинский университет Минздрава России	55.82	https://vk.com/kazangmu	19978	https://vk.com/nashvybor18092018	118

волонтерский центр «Ориентир» СЗГМУ им. И.И. Мечникова, студенческий волонтерский центр «Добрый мед» ПСПбГМУ им. И.П. Павлова, волонтерская организация «Здоровые университеты» СГМУ). Объявления о наборе добровольцев и информация о волонтерской деятельности вуза размещаются в сообществах данных волонтерских центров и вузов на сайте vk.com.

14% объявлений о наборе волонтеров в исследуемых вузах анонсировали мероприятия, проводимые ВОД «Волонтеры-медики». Всероссийское общественное движение доброволь-

цев в сфере здравоохранения «Волонтеры-медики» является ключевым общественным ресурсным центром медицинского волонтерства: в России представлено 85 региональных отделений [31]. Региональные координаторы ВОД «Волонтеры-медики» непосредственно взаимодействуют с координатором волонтерского направления в вузе [32].

Были выделены следующие функции вузов при осуществлении набора волонтеров.

1. Координационная. Вуз является организатором мероприятия, требующего участия во-

лонтеров (конференция, форум, приемная кампания, олимпиада, акция, серия просветительских лекций), и непосредственно осуществляет набор волонтеров. Набор, подготовка и координация волонтеров ведутся представителями вуза.

2. *Информационная.* Вуз распространяет сведения о наборе волонтеров на вневузовские мероприятия. Организаторами таких мероприятий могут выступать государственные структуры, региональные, городские или частные благотворительные организации и движения (например, региональные отделения «Волонтеры-медики», Департамент здравоохранения Москвы, движение «Волонтеры Победы»). Роль медицинского вуза сводится к информированию студентов: предоставление данных о мероприятиях и контактной информации, при этом отслеживание участия и подготовка студентов-волонтеров не осуществляется.

3. *Педагогическая.* Вуз осуществляет обучение, тренинговые мероприятия для студентов-волонтеров. Обучение волонтеров, как правило, проводится опытными участниками волонтерских центров, что демонстрирует преемственность знаний, экспертность волонтеров, готовность трансляции знаний и подготовки новых кадров. Отмечено обучение профессиональным навыкам (оказание экстренной медицинской помощи, обучение медицинским манипуляциям).

Были описаны *общие критерии отбора студентов для участия в волонтерстве, предлагаемые вузами.* Можно выделить предложения для эпизодического волонтерства (набор на конкретное мероприятие) или вхождения в состав волонтерского центра вуза (набор в постоянный состав волонтеров вуза с указанием возможных направлений деятельности и требований к кандидату).

Как правило, объявления не содержат специфических требований к кандидатам в волонтеры (в ряде объявлений указывается, что студент должен быть старше 18 лет, активным, исполнительным, ответственным), исключение составляет медицинское направление.

Для участия в международных мероприятиях значилось требование владения английским языком. В 2021 г. часть объявлений стала содержать требование вакцинации от коронавирусной инфекции.

Замещение позиций волонтеров на некоторые мероприятия происходит на конкурсной основе, требуется заполнение анкеты и собеседование.

Набор осуществляется для индивидуальной и групповой (командной) формы волонтерства.

Были выделены следующие *уровни мероприятий для волонтерского участия:*

1. Международный (например, международный симпозиум Water-Rock Interaction, международная конференция по новым образовательным технологиям «EdCrunch Томск»);

2. Всероссийский (например, Всероссийский форум волонтеров-медиков, Всероссийская акция «Стоп ВИЧ/СПИД», Всероссийская акция взаимопомощи #МыВместе, ВОД «Волонтеры Победы», Всероссийская итоговая 78-я студенческая научная конференция им. Н.И. Пирогова, Всероссийский междисциплинарный конгресс «Молчановские чтения – 2020»);

3. Региональный (межвузовские олимпиады и конференции, спортивные и экологические мероприятия: например, региональный форум Сибири «Педагоги России», региональное движение «Бессмертный полк» в День Победы);

4. Городской (например, акция «Помощники вакцинации» г. Москвы; помощь волонтеров-медиков в НМИЦ онкологии им. Н.Н. Блохина; футбольные матчи, г. Санкт-Петербург; лекции школьникам, г. Нижний Новгород; Московский велофестиваль);

5. Локальный (мероприятия на базе вуза: дни открытых дверей, приемная кампания: например, работа в кол-центре приемной кампании ПМГМУ им. И.М. Сеченова, юбилей СЗГМУ им. И.И. Мечникова).

Мероприятия городского уровня составляли 38.24% от общего числа анонсируемых для волонтерского участия, регионального – 24.26%, локального – 22.06%, всероссийского – 13.97%, международного – 1.47%.

Для участия и получения дополнительной информации в анонсируемом мероприятии используются следующие каналы взаимодействия с потенциальными волонтерами:

1. Прямой личный контакт координатора;
2. Комментарии и обсуждение под информационным сообщением;
3. Общение в мессенджерах (группы в WhatsApp¹, Telegram);
4. Регистрация для участия с помощью электронных форм;
5. Регистрация на сайте мероприятия (например, волонтерыпобеды.рф).

По результатам анализа было выявлено стимулируемое и нестимулируемое волонтерство. Ряд объявлений содержат упоминание о поощрениях при участии в волонтерской деятельности, а именно:

1. Занесение отработанных часов в книжку волонтера, проставление верифицированных часов на платформе добро.ру;
2. Увеличенный коэффициент учета волонтерских часов;
3. Учет волонтерских часов в счет практики студента вуза;

Таблица 2

Направления волонтерской деятельности студентов медицинских вузов		
Профессиональное волонтерство (необходимы профессиональные компетенции)	Непрофессиональное медицинское волонтерство (общие направления)	
	Возможно содержание профессионального медицинского компонента	Общее
Медико-социальное волонтерство: 1. Медицинская помощь населению (помощь медицинскому персоналу, выполнение обязанностей врачей, среднего и младшего медицинского персонала, вакцинация, работа в регистратуре и пр.) 2. Волонтеры в донорстве 3. Просвещение населения и профилактическая работа (лекции в школах, работа с родственниками пациентов) 4. Социальная работа 5. Психологическая поддержка 6. Научные исследования в области медицины	Событийное волонтерство: 1. Спортивные мероприятия 2. Культурные и массовые мероприятия (творческий фестиваль «Таврида-арт»), 3. Молодежные и студенческие мероприятия (международные, всероссийские, городские мероприятия: «Студвесна», слеты молодежи, студенческие конференции и слеты и пр., локальные вузовские мероприятия (приемная кампания, олимпиада, выпускные балы и пр.)) Экологическое волонтерство (мероприятия по охране природы, помощь животным) Гражданско-правовое волонтерство (выборы, политические события, поиск пропавших людей, патриотические мероприятия, посвященные памяти ВОВ)	Виртуальное и медиа-волонтерство

4. Дополнительные баллы при поступлении в ординатуру;

5. Благодарственные письма и грамоты от организаторов мероприятия;

6. Компенсация расходов на дорогу и питание при выездном мероприятии.

Информацию об учете волонтерских часов при поступлении в ординатуру содержат 12.72% объявлений о наборе волонтеров медико-социального направления. Например, 12 декабря 2020 г. Волонтерский центр «Ориентир» СЗГМУ им. И.И. Мечникова анонсировал проект «Помоги врачу» ВОД «Волонтеры-медики»: «... Какие бонусы предоставляются волонтерам? Волонтерство как в зеленой, так и в красной зоне в период эпидемии COVID-19 дает возможность получить дополнительные 20 баллов при поступлении в ординатуру за 150 часов волонтерства. Волонтерство, не связанное с помощью в медицинских учреждениях (санитарно-просветительская работа, сопровождение спортивно-массовых мероприятий и др.), дает еще +20 баллов за 300 часов волонтерства...».

В объявлениях о наборе волонтеров подчеркивается возможность стать частью команды единомышленников, найти друзей, получить интересное общение и опыт, расширение профессионального общения. Волонтерство может выступать способом увеличения социального капитала за счет включения студентов в новую ресурсную сеть.

Было выделено два направления волонтерской деятельности студентов медицинских

вузов: профессиональное волонтерство, требующее наличия профессиональных компетенций медика, и общие направления волонтерства (таблица 2).

Вместе с тем волонтерская деятельность общего направления может содержать медицинский компонент в случае необходимости медицинского сопровождения мероприятий или оказания помощи животным (зооволонтерство).

Доля профессионального волонтерства составила 58.82%, общие направления волонтерской деятельности – 41.18%. Процентная диаграмма направлений волонтерства вузов представлена на рисунке.

Было проведено ранжирование предложений волонтерства студентов медицинских вузов по направлениям (табл. 3).

Предложения принять участие в медицинской помощи населению – самые распространенные (27.27% от общего числа объявлений о наборе волонтеров среди студентов), что свидетельствует о ведущей профильной ориентации рекрутинга волонтеров.

Функционал студентов-волонтеров разных направлений. Медико-социальная волонтерская помощь требовалась в поликлиниках и больницах, в том числе перепрофилированных под COVID-19, психоневрологических интернатах, детских домах-интернатах, отделениях реабилитации, хосписных отделениях, пунктах вакцинации. Контингент пациентов: взрослые, дети. Волонтерам требовалась медицинская книжка, в объявлениях указывалось обеспечение сред-

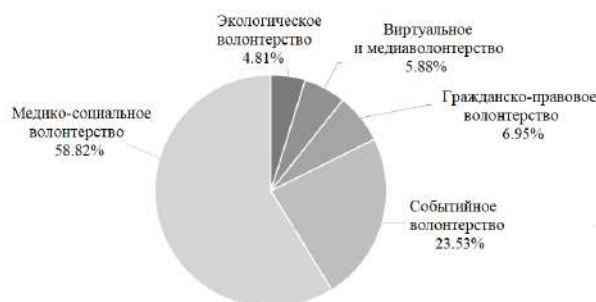

Рис. Процентная диаграмма направлений волонтерства в медицинском вузе

Таблица 3

Ранжирование предложений волонтерства студентов медицинских вузов по направлениям	
Направление волонтерства студентов медицинских вузов	Доля общая, %
1. Медико-социальное волонтерство	
1.1. Медицинская помощь населению	27.27
1.2. Социальная работа	11.23
1.3. Просвещение населения и профилактическая работа	8.56
1.4. Психологическая поддержка	6.95
1.5. Научные исследования в области медицины	2.67
Всего медико-социального волонтерства	58.82
2. Событийное волонтерство	
2.1. Молодежные и студенческие мероприятия	13.37
2.2. Культурные и массовые мероприятия	6.42
2.3. Спортивные мероприятия	3.74
Всего событийного волонтерства	23.53
3. Гражданско-правовое волонтерство	6.95
4. Виртуальное и медиаволонтерство	5.88
5. Экологическое волонтерство	4.81

ствами индивидуальной защиты. Работа предлагалась посменная по графику, в инфекционных отделениях требовалась помощь в «красной», «желтой», «зеленой» зонах.

Содержание волонтерской деятельности в медицинских учреждениях: административная работа (помощь в регистратуре, ведение статистики, ввод данных о вакцинируемых, участие в акции «Помощники вакцинации», работа в колл-центрах, маршрутизация пациентов), сестринский уход и проведение первичных исследований (измерение пульса, давления, температуры), телекоммуникация с пациентами, врачебная работа. Для осуществления медицинской помощи пациентам требуется профильное или среднеспециальное медицинское образование.

Содержание волонтерской деятельности студента-медика без профильного медицинского образования: административная работа, помощь в «желтой» зоне (привоз пищи, транспортировка белья в прачечную, помощь медицинскому персоналу в переодевании в специализированные медицинские костюмы и пр.), помощь пожилым и маломобильным пациентам на самоизоляции с покупкой продуктов и лекарств, санитарная работа.

Волонтеры в донорстве занимаются популяризацией кадрового (активного) донорства, участвуют в организации донорских акций, ин-

формируют о противопоказаниях и подготовке к сдаче крови, проводят анкетирование и первичный медицинский осмотр перед сдачей крови.

Содержание волонтерской деятельности в просвещении населения и профилактической работе: проведение лекций, мастер-классов, семинаров, тематических бесед в школах, ссузах, детских лагерях, медицинских учреждениях, подготовка информационных буклетов, памяток, направленных на популяризацию ЗОЖ, профилактику заболеваний (например, проект «Рак боится смелых!»), федеральная программа «Онкопатруль», профилактика сердечно-сосудистых заболеваний), создание благоприятного социально-психологического климата (профилактика школьного буллинга и кибербуллинга, конфликтного и противоправного поведения, обучение стрессоустойчивости).

Социальная работа студента волонтера-медика заключается в сопровождении людей с ограниченными возможностями здоровья при транспортировке, тьюторстве, обеспечении маломобильных граждан медикаментами, продуктами, проведении досуговых мероприятий в больницах, домах-интернатах, реабилитационных центрах, хосписах.

Содержание деятельности волонтера – участника научных исследований в области медицины: изучение последствий коронавирусной

инфекции путем сбора статистических и медицинских данных пациентов: проведение телефонных интервью по чек-листу с переболевшими коронавирусной инфекцией, изучение историй болезни пациентов.

Содержание деятельности волонтеров событийного направления: регистрация, встреча и навигация гостей и участников мероприятия, оказание справочной информации, распространение информации о событиях среди студентов, возможно медицинское сопровождение мероприятий.

Отмечено наличие объявлений об экстренном сборе волонтеров. В мае 2021 г. Казанский медицинский университет начал набор волонтеров, имеющих психологическое или психиатрическое образование, для работы с пострадавшими в теракте в гимназии № 175 г. Казани.

Волонтеры экологического направления задействованы в благоустройстве заповедников, расчистке природной территории, оказании помощи животным.

Содержание деятельности волонтеров гражданского активизма: помощь на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания, участие в патриотических мероприятиях, посвященных Дню Победы, шествию «Бессмертного полка», медицинское сопровождение участников мероприятий.

Деятельность волонтеров виртуального и медиаволонтерства включает освещение волонтерской деятельности вуза (публикации в СМИ, фото- и видеорепортажи), перевод материалов с иностранных языков, размещение материалов, коммуникацию с потенциальными волонтерами в сети Интернет, подготовку тематических материалов для мероприятий.

Информацию о специальной *подготовке волонтеров* содержало 14% размещенных объявлений. 54.3% из них связаны с профессиональным волонтерством, 16.3% – с событийным типом волонтерства, где студенты-медики могут выступать в составе медицинского сопровождения мероприятия.

Подготовка и обучение волонтеров включает общую универсальную подготовку или инструктаж, тренинг непосредственно перед мероприятием.

Могут быть выделены обучающие мероприятия, направленные на развитие универсальных (обучение стрессо- и конфликтоустойчивости, коммуникативным навыкам, тайм-менеджменту, ведению документации) и профессиональных (сертифицированное обучение инструкторов первой помощи, медицинское сопровождение мероприятий, коммуникация и психологическая поддержка пациентов с онкологическими или

инкурабельными заболеваниями и их семей) компетенций волонтеров-студентов медицинского вуза. Формы обучения: лекции (в том числе с применением дистанционных технологий), семинары, тренинги практических навыков.

Обучение волонтеров может осуществляться на базе волонтерского корпуса или отделов вуза (например, Школа лидеров ПМГМУ им. И.М. Сеченова, «Школа медицинского добровольца» волонтерского центра «Ориентир» СЗГМУ им. И.И. Мечникова, информационно-просветительский центр «Школа здоровья ПИМУ»), на специализированных интернет-ресурсах добровольчества (mosvolonter.ru, добро.ру, мывместе.рф), благотворительными фондами и организациями, общественными движениями медицинской и социальной направленности (ВОД «Волонтеры-медики», БО «Перспективы», БФ «Шердарь», БФ «Цветная планета»).

Заключение

Проведенный анализ содержания предложений участия в волонтерской деятельности для студентов медицинских вузов позволил предложить систематизацию волонтерства в медицинских вузах и выделить стороны системы волонтерства: вузы, являющиеся непосредственными организаторами волонтерских движений либо сотрудничающие со сторонними организациями, которым требуются волонтеры из числа студентов-медиков; организации, заинтересованные в участии волонтеров (могут быть как медицинского, так и общего профиля, являться благотворительными или частными); студенты медицинских вузов.

Результаты социологических исследований показывают рост вовлеченности студенческой молодежи в волонтерство. В период пандемии COVID-19 отмечено расширение волонтерских практик и движений, в 2020 г. проводилась кампания по популяризации волонтерской деятельности среди учащихся вузов, было особенно востребовано медико-социальное направление добровольчества, в которое активно включались студенты-медики. При этом снижения общего числа волонтеров после 2021 г. не отмечалось. Волонтерская деятельность становится востребованным видом социальной активности будущих врачей. Особенностью волонтерства студенчества медицинских вузов является его профессиональная направленность: профессиональное (медико-социальное) волонтерство выступает ведущим направлением волонтерской деятельности медицинских вузов.

Профессиональное волонтерство студентов медицинского вуза включает несколько направ-

лений: медицинская помощь населению (27.27% от общего числа предложений), донорство, просвещение населения и профилактическая работа, социальная работа, психологическая поддержка, научные исследования в области медицины.

Общими направлениями волонтерства были охарактеризованы событийное (включает спортивные мероприятия, культурные и массовые мероприятия, молодежные и студенческие мероприятия) – 23.53% от общего числа предложений участия в волонтерстве, гражданско-правовое – 6.95%, виртуальное и медиаволонтерство – 5.88%, экологическое – 4.81%. Вместе с тем участие студента-медика в общих видах волонтерства студента может содержать профессиональный компонент, например если волонтер осуществляет медицинское сопровождение мероприятий.

12.72% объявлений о наборе волонтеров медико-социального направления содержат информацию об учете волонтерских часов при поступлении в ординатуру, также ряд объявлений содержит упоминание о возможности получить благодарственные письма, часы производственной практики. Опыт волонтерской деятельности в объеме более 300 часов за год учитывается в качестве индивидуальных достижений при поступлении в ординатуру [32].

Были выделены координационная, информационная и педагогическая функции медицинских вузов по осуществлению набора волонтеров. Реализация координационной и педагогической функции возможна при активном участии волонтерского центра или координатора от вуза, тогда как информационная функция подразумевает исключительно информационную поддержку для сторонних мероприятий, то есть механическое размещение данных о них.

Для участия в профессиональном волонтерстве или оказания услуг медицинского сопровождения различных мероприятий потребуется предварительное специализированное обучение. Подготовка и обучение волонтеров осуществляется силами волонтерского центра вуза, специализированными интернет-ресурсами добровольчества, благотворительными фондами и организациями, общественными движениями медицинской и социальной направленности.

В качестве направления продолжения исследования перспективна оценка востребованности среди студентов медицинских вузов различных направлений волонтерства, предлагаемых вузами, оценка непроявленного спроса на волонтерские практики, а также удовлетворенности студентов-медиков волонтерской деятельностью.

Примечание

1. Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской в РФ.

Список литературы

1. Певная М.В. Студенческое волонтерство: особенности деятельности и мотивации // Высшее образование в России. 2015. № 6. С. 81–88.
2. Семенова О.А. Особенности волонтерской деятельности в медицинском университете // МНИЖ. 2019. № 9-2 (87). С. 24–27.
3. Методические рекомендации по федеральному направлению «Волонтерская помощь в медицинских организациях». М., 2021. 54 с. URL: <https://волонтеры-медики.рф/wp-content/uploads/2018/12/Metodic-heskie-rekomendatsii-po-volonterskoi---pomoshhi-v-meditsinskih-organizatsiyah-2021.pdf> (дата обращения: 02.06.2023).
4. Волонтерство идет в вузы: добровольцев среди учащихся стало вдвое больше. URL: <https://авц.рф/news-and-events/news/1155-volontyorstvo-idet-v> (дата обращения: 02.06.2023).
5. Волонтерское (добровольческое) движение в образовательной организации среднего профессионального и высшего профессионального образования / Под ред. Т.Н. Арсеньевой. Тверь: Полиграфическая компания «Печатня», 2016. 58 с.
6. Невский А.В. Социология волонтерства: определение границ исследования // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 1. С. 30–46.
7. Акутина С.П., Огородник С.И. Профессиональная волонтерская деятельность: опыт, проблемы, перспективы // Russian Journal of Education and Psychology. 2018. № 2-2. С. 16–28.
8. Арсеньева Т.Н. Психолого-педагогические основы разработки и внедрения инновационных проектов молодежного добровольчества // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2010. № 136. С. 46–55.
9. Пряжников Н.С., Алмазова О.В., Чурбанова С.М. Профориентация в системе социального волонтерства // Национальный психологический журнал. 2017. № 1 (25). С. 43–53.
10. Быстрова Н.В., Цыплакова С.А., Чумакова Л.А. Волонтерское движение как фактор развития социальной активности молодежи // КНЖ. 2018. № 1 (22). С. 73–76.
11. Груздев И.А., Косарецкий С.Г. и др. Дополнительное образование и внеучебная деятельность для развития навыков / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М., 2022. 77 с.
12. Забелина О.В., Мирзабалаева Ф.И., Вега А.Ю. Волонтерство как новая форма занятости // Экономика труда. 2019. № 2. С. 775–786.
13. Хаджалиев К.И., Айгубов Л.С. Роль волонтерской деятельности в воспитании социальной активности молодежи // Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки. 2015. № 3 (32). С. 69–75.
14. Кисляков П.А., Шмелева Е.А., Говин О. Современное волонтерство в воспитании просоциального поведения личности // Образование и наука. 2019. № 6. С. 122–145.

15. Сикорская Л.Е. Педагогический потенциал добровольческой деятельности студенческой молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 2. С. 213–217.
16. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц.; Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.
17. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000. 364 с.
18. Handy F., Snaan R.A., Hustinx L. et al. A cross-cultural examination of student volunteering: Is it all about resume building? // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2010. **39** (3). P. 498–523.
19. Cleaver S., Yuen S. Volunteer Motivation among University Students: A Study of Australian Undergraduates // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2017. **28** (1). P. 86–104.
20. Чуйков О.Е., Лагутин И.Б., Свечников В.А. и др. Волонтерство как одно из направлений деятельности медицинского вуза // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2022. **30** (2). С. 312–317.
21. Певная М.В., Калинина А.Н. Международное волонтерство российских студентов: взгляд социологов // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. №6 (39). С. 128–132.
22. Шонус И.Х. Эволюция моделей медико-социального волонтерства в XIX – начале XXI века (на примере борьбы с эпидемиями в Российской империи и пандемией COVID-19 в Российской Федерации) // Преподаватель XXI век. 2021. № 4. Часть 2. С. 316–325.
23. Рогова Е.Н., Яницкий Л.С. Готовность к волонтерству в дискурсе студенческой молодежи в условиях пандемии COVID-19 // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2020. № 4 (40). С. 40–47.
24. Мерсиянова И.В., Брюшно А.С. Цифровые волонтерские платформы: готовность россиян и потенциал применения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 357–375.
25. Методологические подходы к составлению рейтинга RAEX («РАЭК-Аналитика»). URL: https://raex-rr.com/education/russian_universities/top-100_universities/2022/methods/ (дата обращения: 10.05.2023).
26. Медиапотребление: Mediascope Cross Web, вся Россия, население 12+, Desktop & Mobile, 2022 г. URL: <https://mediascope.net/> (дата обращения: 02.06.2023).
27. Обзор рынка онлайн-ресурсов, публикующих материалы для аудитории жителей города Москвы. URL: https://www.mos.ru/upload/documents/files/9830/pr ezentaciya_Monitoringrinkamoskovskihgorodskihonlain-resyrov_2021_FINAL.pdf (дата обращения: 02.06.2023).
28. «ВКонтакте» подвела итоги 2021-го: 72.5 млн пользователей в России и рекордные 1.2 млрд просмотров видео в день. URL: <https://vk.com/press/q4-2021-results> (дата обращения: 02.06.2023).
29. Mediascope расширила измерения мобильного интернета до всей России. URL: <https://mediascope.net/news/1067271/> (дата обращения: 02.06.2023).
30. Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2021. URL: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2021/> (дата обращения: 02.06.2023).
31. Всероссийское общественное движение добровольцев в сфере здравоохранения «Волонтеры-медики». URL: <https://волонтеры-медики/o-nas/> (дата обращения: 02.06.2023).
32. Методические рекомендации по организации работы добровольцев (волонтеров) в сфере охраны здоровья. М.: Федеральный центр поддержки добровольчества и наставничества в сфере охраны здоровья Минздрава России, 2018. 28 с.

STRUCTURE OF THE VOLUNTEERING FIELD IN RUSSIAN MEDICAL UNIVERSITIES

A.E. Mazanova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Volga Region Research Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Nizhny Novgorod

The purpose of this study is to identify the content and features of volunteer activities of medical university students. The object of the study is the structure of the volunteering field in medical universities. The subject of the study is the directions and functionality of the activities of students of medical universities in Russia in the field of volunteering. For the analysis we used publications of leading medical universities of the Ministry of Health of the Russian Federation according to the RAEX rating on the recruitment of volunteers among students in the period from 2019 to 2021, posted in verified Internet communities of the resource vk.com. For data processing, the method of content analysis was applied using a specialised Lekta package. As a result of the study, professional and general areas of volunteering of medical students were identified. The proportion of professional volunteering was 58.82% and the proportion of general areas of volunteering was 41.18%.

Medical students are involved not only in the field of healthcare, but also in sports, environmental, civil law, virtual and media volunteering. Some of the general areas of volunteering may contain a professional component. Different levels of events for volunteer participation were identified: international, All-Russian, regional, city and local, as well as requirements for future volunteers. The coordination, informational and pedagogical functions of medical universities for the recruitment of volunteers are considered.

Keywords: medical student volunteering, medical volunteer, student volunteering, medical volunteering, medical university volunteering.

УДК 316.4.066

DOI 10.52452/18115942_2024_1_145

АНАЛИЗ МИГРАЦИОННЫХ НАСТРОЕНИЙ ГОРОДСКОГО СОЦИУМА В ПРИВОЛЖСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

© 2024 г.

Д.О. Мамлев

Мамлев Дмитрий Олегович, старший преподаватель филиала
Самарского государственного университета путей сообщения в г. Нижнем Новгороде
Marek_15@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 07.11.2023**Статья принята к публикации 17.01.2024*

Города Приволжского федерального округа, несмотря на сравнительно богатую технологическую, производственную и экономическую базу, в XXI веке отмечены тенденцией убыли населения по причине миграции. Сложившаяся схема миграционного процесса провоцирует целый комплекс проблем как для пунктов миграционного выбытия (деградация региональной экономики, отток высокопотенциального трудоспособного населения, ускорение стагнации региона), так и прибытия (утрата культурной идентичности, перегрузка городской инфраструктуры).

С учётом вышеизложенного раскрываются результаты проведённого авторского исследования, целью которого выступала оценка миграционных настроений городского населения Приволжского федерального округа посредством проведения социологического опроса и интервьюирования.

Результаты проведённых полевых исследований позволяют сформировать первичные представления о качественной оценке места текущего проживания респондентов, предрасположенности их к миграции, ключевых факторов принятия решения о миграции, а также выступают фундаментом для проведения дальнейших исследований по построению прогнозных моделей в области миграционного настроения населения и протекающих миграционных процессов.

Ключевые слова: миграционный процесс, миграционное настроение, миграция, факторы миграции, российский город, Приволжский федеральный округ.

Введение

Приволжский федеральный округ включает в себя 14 субъектов Российской Федерации. Указанная административно-территориальная единица имеет один из самых высоких показателей в стране по средней плотности населения. Занимаемая федеральным округом территория составляет 6% от общей площади России, при этом на указанной площади проживает 28 683 тыс. человек (по данным на 1 января 2023 г.). Как итог, средняя плотность населения в Приволжском федеральном округе составляет 27.83 чел./км². Необходимо отметить, что от общей массы доля городского населения в федеральном округе составляет 72.3%: наиболее урбанизированной является Нижегородская область (80.0%), наименее урбанизированной – Оренбургская область (59.9%) [1].

Экономика и промышленность рассматриваемой административно-территориальной единицы представлены широкой номенклатурой видов производственной деятельности: сельское хозяйство, тяжелое и легкое машиностроение, добывающая промышленность, химическая промышленность и нефтепереработка, авиапромышленность, а также высокотехнологичные и высокомаржинальные отрасли.

Несмотря на удачную для федерального округа комбинацию географического расположения в масштабах России, неагрессивных климатических условий, степени развития производственной базы и транспортных коммуникаций, на протяжении последних двух десятилетий регионы рассматриваемого федерального округа имеют отрицательные показатели по изменению численности населения по итогам миграции. Динамика данного процесса детально рассмотрена в трудах С.С. Самониной [2].

Исключение из общей картины составляют три региона: Республика Татарстан, Нижегородская и Самарская области (среднее значение миграционного сальдо среди городского населения по итогам года в период 2000–2022 гг. составило 8.1 и 0.5% соответственно) [3]. Необходимо отметить, что, как и на уровне 2010-х годов, так и на уровне 2020-х значительный вклад в итоговое значение сальдо миграции региона вносит приток трудовых эмигрантов из стран СНГ. Как указывает Е.Л. Ситникова, регулярный поток эмигрантов в данные регионы оказывает положительное влияние на общую численность населения региона с учётом выбытия и прибытия индивидуумов за отчётный период [4]. Основным направлением миграции

населения городов Приволжского федерального округа является Центральный федеральный округ. За указанный период в направлении городов Центрального федерального округа из городов Приволжского федерального округа проследовало 916 тыс. человек, в то время как в обратном всего 475 тыс. человек. Текущее состояние степени развития социально-экономической инфраструктуры городов регионов ПФО, а также Центрального федерального округа (ЦФО) полностью соответствует законам миграции Э. Равенштайна [5].

В контексте диагностированной тенденции проведено авторское социологическое исследование, направленное на изучение миграционного настроения социума в городах ПФО, а также выявление главенствующих факторов и установок, определяющих текущий статус и схему миграционных процессов.

Методология

В первую очередь выполнена операционализация ключевого для данного исследования понятия «город». Основываясь на научных взглядах Э. Гидденса, Т. Парсонса, О.В. Иншакова, Д.П. Фролова [6–8], город определён как социально-пространственная система, являющаяся местом накопления и хранения материальных и нематериальных ресурсов. Миссией города выступает удовлетворение потребностей общества с учётом его свойств и возможностей [9], а его воздействие и влияние на деятельность людей распространяется пропорционально размерам далеко за физическими границами [10]. В свою очередь, неравномерное рассредоточение ресурсов по физическому пространству (территории Российской Федерации), их дифференциация и поляризация по отдельным участкам (субъектам Российской Федерации) выступают катализатором миграционной активности индивидов как в физическом, так и в социальном пространстве в попытках завладеть максимально наибольшими активами в условиях их ограниченности, что соответствует теоретическим подходам П. Бурдьё [11]. В контексте данной обособленности восприятия индивидами городов при исследовании принят во внимание дифференцирующий подход к городам Г. Зиммеля [12]. Исходя из этого, количественные и качественные различия пула наиболее важных критериев оценки положения индивида в социальном пространстве, а также возможностей и имеющихся ресурсов физического пространства выступают детерминантами миграционных процессов, или так называемыми миграционными факторами выталкивания и притяжения (Pull-Push factors, Э. Ли [13]).

С учётом вышеизложенного в рамках исследования под мобильностью (как в физическом, так и в социальном пространстве), в соответствии с подходами Дж. Урри [14], подразумевается одномоментное перемещение социального агента между координатными точками физического пространства и регулярный социальный процесс его передислокации в определённое целеполаганием место для удовлетворения своих жизненных потребностей [7]. Продолжая нарратив данного подхода, в рамках исследования выполняется практическая верификация подхода Ч. Буга [15] по организации физического пространства на принципах проживания в одном месте и работы в другом в масштабах миграционных процессов в городах Приволжского федерального округа и Московской агломерации.

Следуя современным тенденциям в вопросах изучения миграционных процессов, касающихся не только его самого, но и причинно-следственных связей, обозначена необходимость адресного изучения миграционного поведения и настроения социума рассматриваемых территорий. В свою очередь, миграционное поведение представляет собой «...систему хозяйственных поведенческих практик, основанных на стремлении использовать различия экономической конъюнктуры (стоимости рабочей силы, качества и уровня жизни и т.д.), сложившейся в различных регионах страны или мира, путём перемещения с менее благоприятной на более благоприятную в социально-экономическом отношении территорию» [16, с. 24]. Для перехода к эмпирической части исследования методологическим «мостом» служит подход Р. Парка, отождествляющий проблемы городского пространства и социальные проблемы [17].

В рамках описываемого исследования изучению подлежит так называемая стадия «формирования миграционной подвижности». Руководствуясь данным фактом, для полевого этапа исследования применены хорошо зарекомендовавшие и являющиеся наиболее объективными и достоверными для данного этапа методы съёма информации: анкетный опрос действующих и потенциальных мигрантов, а также проведение фокусированного полустандартизированного интервью [18].

В рамках исследования на основании ответов респондентов были не только диагностированы преобладающие миграционные настроения индивидов рассматриваемых регионов, но и сформирована социально-экономическая характеристика данных административно-территориальных единиц. Эмпирическая часть исследования включает интервьюирование респондентов в количестве 15 человек, представляю-

Таблица

**Квотные группы респондентов в рамках социологического опроса
«Изучение миграционных настроений жителей регионов Российской Федерации»**

№ п/п	Группа респондентов	Численность (n=689)	% от масс опрошен- ных	Ошибка выборки, %	Статус населённого пункта проживания			
					Город	Село/ деревня	ПГТ	Маленький город/ пригород
1	Московская агломерация	116	16.9	8.3	115	0	0	1
2	Приволжский ФО	226	32.8	5.35	169	2	23	32
3	Нижегородская обл.	157	22.8	6.88	143	2	7	5
4	Р-ка Татарстан	61	8.8	11.99	57	0	1	3
5	Самарская обл.	57	8.3	12.44	51	0	1	5
6	Северо-Западный ФО	16	2.3	24.23	12	0	2	2
7	Сибирский ФО	5	0.7	43.7	5	0	0	0
8	Страны СНГ	1	0.2	98	1	0	0	0
9	Уральский ФО	18	2.6	22.21	16	0	2	0
10	Центральный ФО	24	3.5	19.67	21	0	1	2
11	Южный ФО	8	1.2	34.47	7	0	0	1

щих города регионов европейской части России (в очном и дистанционном формате, в зависимости от территориальной принадлежности), а также онлайн-опрос жителей регионов Российской Федерации с применением специализированных интернет-ресурсов.

Результаты и обсуждение

Рассматриваемое исследование выполнено в период 2021–2023 гг. В рамках полевого этапа проведено интервью с 15 респондентами, представляющими 9 регионов России. В состав респондентов включены как представители коренного населения городов регионов Приволжского федерального округа, так и мигрировавшие в города регионов из других федеральных округов. Для получения многоплановых взглядов на возможные и текущие причины миграции из Приволжского федерального округа состав респондентов сформирован из представителей разных социальных групп: студентов, пенсионеров, руководителей среднего и высшего звена, сотрудников крупных IT- и транспортных компаний. В процессе интервью акцентировалось внимание на качественной оценке респондентом региона текущего проживания, его миграционной биографии, причинах миграции (если она имела место), миграционных настроениях. Полученная качественная оценка о предрасположенности индивидуумов в определённом субъекте РФ к миграции для повышения достоверности исследования сопоставлена с количественными показателями результатов онлайн-опроса.

В рамках данного этапа исследования опрошено 689 респондентов. При обработке резуль-

татов опроса использована квотная выборка (по территории проживания респондента и статусам населённого пункта проживания – маленький город, ПГТ, село/деревня и город), представленная в таблице.

Доверительная вероятность выборок составила 95%. Опросный лист включает 46 вопросов закрытого и полужакрытого типа, затрагивающих различные сферы жизнедеятельности индивидов. При обработке результатов опроса вся генеральная совокупность респондентов разделена на 6 групп:

- респонденты, проживающие в Московской агломерации (г. Москва и города ближнего Подмосковья);
- респонденты, проживающие в городах субъектов Приволжского федерального округа, за исключением Республики Татарстан, Нижегородской и Самарской областей;
- респонденты, проживающие в городах Республики Татарстан;
- респонденты, проживающие в городах Нижегородской области;
- респонденты, проживающие в городах Самарской области;
- респонденты, проживающие в других регионах и государствах, не попадающих в фокус исследования (ответы данной группы при обработке результатов не учитывались).

Необходимо пояснить, что решение вынести в отдельные репрезентативные группы респондентов, представляющих Республику Татарстан, а также Нижегородскую и Самарскую области, связано с выпадением итогов межрегиональной миграции по данным административно-территориальным единицам из общей тенденции по

городам субъектов Приволжского федерального округа, а именно положительной или нейтральной динамикой по миграционному приросту/убыли населения [2, 19, 20].

Первый блок вопросов посвящён качественной и количественной оценке удовлетворённости респондентов степенью социально-экономического развития региона их проживания. Так, средняя балльная оценка для Московской агломерации составила 4.1, для Республики Татарстан – 3.7 балла, для Самарской области – 3.6 балла, для городов субъектов ПФО – 3.2. Наименьшая оценка диагностирована у Нижегородской области – 3.1 балла. В данных результатах выпадает Нижегородская область, имеющая парадокс: положительные итоги миграционного сальдо в период 2000–2022 гг. при наименьшей удовлетворённости населения степенью развития социально-экономической инфраструктуры региона в сравнении с другими субъектами Приволжского федерального округа. Из всех регионов ПФО Нижегородская область является наиболее приближенной в географическом плане к столичному региону. Высокая степень развития миграционной инфраструктуры (транспортных артерий), а также незначительная удалённость от Москвы (400 км) не позволяют диагностировать весь объём миграционных перемещений между двумя данными административно-территориальными единицами в силу значительной доли маятниковой миграции, не поддающейся объективному контролю и измерению. В свою очередь, значительная доля миграционного оттока населения Нижегородской области отмечается не через призму официальной миграционной статистики, а в соотношении дефицита рабочей силы на рынке труда и численности населения. Подтверждением данной проблемы служит конкретный пример и сформированные по нему меры: в 2018–2020 гг. в Нижегородской области отмечено явное увеличение показателей естественной убыли населения (только в течение рассматриваемого периода смертность по региону превышала рождаемость в 1.6 раза). При этом коэффициент миграционной убыли составил 7.5 на 10 тыс. человек [21]. В силу данных тенденций в Стратегии социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года одними из ключевых проблемных вопросов отмечены естественная убыль населения и его неконтролируемое перемещение из муниципальных районов области в г. Нижний Новгород и из городов Нижегородской области в направлении г. Москвы и Московской области [22].

Респонденты из городов Нижегородской области (34.8% от числа опрошенных) чаще дру-

гих искали работу в другом населённом пункте. При этом выражают своё согласие на переезд на временной или постоянной основе в другой регион около 37% опрошенных в городах регионов ПФО и 32% в Нижегородской области. В Республике Татарстан и Самарской области категорично уверенных, что они не заинтересованы в переезде, 51% и 40% респондентов соответственно. Если респонденты из Нижегородской области основным сдерживающим фактором называют наличие родственников, которых нельзя/не хотят оставлять (38%), и владение в текущем регионе недвижимым имуществом (42%), то у респондентов из городов других субъектов ПФО основным сдерживающим фактором является отсутствие жилья и средств на его наем в целевом населённом пункте (47%), а также нахождение в пользовании хозяйства в месте их проживания (25%).

Ведя речь о причинах миграции, необходимо отметить, что сегодня не потерял свою актуальность закон возвышения потребностей. Изменение общественного строя, появление новых видов деятельности за счёт новых достижений научно-технического прогресса постоянно трансформируют общество путём предоставления ему новых материальных и нематериальных благ. Данные перспективные ресурсы провоцируют новые запросы от социума на их приобретение. При этом современные технические коммуникационные средства и транспортные технологии позволяют наблюдать за уровнем жизни других сообществ и возникающими новыми благами, формируя тем самым предпосылки для будущих миграций.

Так, с возможностью сопоставлять своё текущее положение и положение среднего индивида в другой точке страны, для респондентов из городов субъектов ПФО и Нижегородской области основным фактором возможной миграции становится низкий уровень оплаты труда (45 и 44% соответственно). В Республике Татарстан и Самарской области данную причину указали лишь 21 и 36% опрошенных. 70% от числа опрошенных из Республики Татарстан назвали текущее место проживания как соответствующее их потребностям.

При ответе на вопрос: по какому из направлений требуются изменения в населённом пункте проживания, чтобы сократить отток молодежи и квалифицированных трудовых кадров (допускалось выбрать несколько вариантов) – получены следующие данные: для репрезентативной группы «Города субъектов ПФО» наиболее популярными стали ответы «Развитие сферы занятости» (62% частота ответа), «Развитие среды населённого пункта» (59% частота отве-

та), «Повышение уровня медицинского обслуживания» (53% частота ответа). Для Самарской и Нижегородской областей наиболее часто фигурирующей инициативой стало «Развитие сферы занятости» (66 и 53% соответственно) и «Благоустройство среды населённого пункта» (50 и 46% соответственно).

Показательными являются результаты опроса респондентов всех репрезентативных групп о наиболее комфортном федеральном округе для работы и жизни – Центральный федеральный округ (от 37 до 54%) и г. Москва в частности, что соответствует законам миграции Э. Равенштайна. Исключение составили респонденты из Республики Татарстан, указавшие в качестве оптимального Приволжский федеральный округ (43%), что соответствует статистическим данным по миграционному сальдо для данного региона начиная с 2000 г. [19]. При этом если по другим репрезентативным группам в качестве основополагающего фактора при определении целевого пункта миграции выступают только экономические факторы (в среднем для 40–56% опрошенных в зависимости от региона проживания), то для респондентов из Республики Татарстан – экономические (42%) и социальные (36%).

Основными факторами притяжения для потенциальных мигрантов в направлении Московской агломерации выступают перспективы карьерного роста (в среднем 41%) и увеличения своего дохода (42%), что во многом является взаимосвязанными между собой событиями. Опрос респондентов, проживающих в настоящее время в Московской агломерации, но не являющихся её коренными жителями, показал, что причинами их переезда стали прохождение обучения в одном из вузов столицы (36%), неудовлетворённость условиями проживания на прежнем месте жительства (23%) и более привлекательные условия труда (21%). Указанные факторы миграции выступают обоснованием габитуса индивида [23], который соотносит информацию о сосредоточении ресурсов и возможностей в одном из участков физического пространства и своё положение в текущем социальном пространстве на другом участке физического пространства и как итог формирует миграционные установки.

В качестве уточнения необходимо отметить, что около половины опрошенных респондентов из всех рассматриваемых субъектов ПФО, выразивших готовность/склонность к миграции в другой населённый пункт страны, рассматривают возможность проживания в своём населённом пункте и работу в другом при условии развития высокоскоростных транспортных систем и технических средств для дистанционной работы.

Заключение

Проведённое исследование показало, что в условиях сохраняющейся тенденции по убыли численности населения регионов Приволжского федерального округа (в частности, городского) около трети их жителей имеют предрасположенность к миграции, в первую очередь в столичный регион. Ключевыми целями миграции для жителей ПФО выступают перспектива карьерного роста (41%) и как итог – увеличение своего дохода (37%), улучшение среды обитания (31%), расширение возможностей для личностного саморазвития (25%). Данная количественная оценка получила своё подтверждение в рамках проведения интервью: респондентами, как уже мигрировавшими, так и рассматривающими данную возможность, одними из ключевых факторов указывались недостаточность размера дохода в текущем месте проживания и отсутствие возможностей для приобретения жилища. При упоминании респондентами г. Москвы и прилегающих городов, помимо возможностей для личностного и профессионального роста, отмечалась в качестве факторов притяжения комфортная городская среда и высокий уровень развития социальной сферы в регионе. Социальные портреты потенциального мигранта представлены следующим образом: индивид в возрасте 22–27 лет (безработный или студент, на заключительной стадии обучения, находящийся в поиске «работы мечты», холостой/незамужняя) и в возрасте 30–34 лет (имеет постоянную работу, женат/замужем).

Список литературы

1. Численность населения по субъектам Приволжского федерального округа // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Оренбургской области [Электронный ресурс]. URL: https://56.rosstat.gov.ru/storage/document/document_statistic_collection/2023-10/23/Численность%20населения%20по%20субъектам%20Приволжского%20федерального%20округа.pdf (дата обращения: 22.10.2023).
2. Самонина С.С. Современные миграционные процессы в Приволжском федеральном округе // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. География. Геология. 2017. Т. 3 (69). № 3-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-migratsionnye-protsessy-v-privolzhskom-federalnom-okruge> (дата обращения: 17.11.2023).
3. Внутророссийская миграция по территориям прибытия и выбытия («шахматка» по федеральным округам) // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 18.09.2023).

4. Ситникова Е.Л. Социальная адаптация трудовых мигрантов: на примере Нижегородской области: Автореф. дис. ... к. соц. н. Нижний Новгород, 2013. 23 с.
5. Ravenstein E.G. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society of London. June, 1885. Vol. 48. № 2. P. 167–235.
6. Гидденс Э. Устроение общества: Очерки теории структуризации. М.: Академический Проект, 2005. С. 174–235.
7. Парсонс Т. Система современных обществ / Перевод на русский язык: Л.А. Седов и А.Д. Ковалев. М., 1998 [Электронная публикация]. Центр гуманитарных технологий. 09.09.2012. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/5395> (дата обращения: 08.12.2022).
8. Иншаков О.В., Фролов Д.П. Институциональность пространства в концепции пространственной экономики // Пространственная экономика. 2007. № 1. С. 5–21.
9. Lappo G.M., Honsch F.W. Urbanisierung Rußlands. Berlin: Borntraeger, 2000. S. 48–49.
10. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Л. Вирт. Избранные работы по социологии. М., 2005. 100 с.
11. Бурдые П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение / Пер. с фр. Н.А. Шматко; Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. С. 33–52.
12. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь: Пер. с нем. М.: Strelka Press, 2018. 106 с.
13. Lee E. A Theory of Migration // Demography. 1966. № 3 (1). P. 47–57.
14. Урри Дж. Мобильности / Пер. с англ. А.В. Лазарева, вступ. статья Н.А. Харламова. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. 576 с.
15. Николаев В.Г. 2013.02.015. Бут Ч. Жизнь и труд лондонцев (фрагменты) (Перевод с англ.). Booth Ch. Life and labour of the people in London. L.: Macmillan & Co., 1897. Vol. 9. P. 159–161, 176–188; 1903. Vol. 17 (final). P. 32–38 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: Реферативный журнал. 2013. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2013-02-015-but-ch-zhizn-i-trud-londontsev-fragmenty-perevod-s-angl-booth-ch-life-and-labour-of-the-people-in-london>
16. Завалишин А.Ю. Территориальное поведение социально-территориальной общности (на примере региональных общностей России): Автореф. дис. ... д-ра соц. н. Хабаровск, 2009. 39 с.
17. Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3.
18. Ситникова Е.Л. Идеи Чикагской школы социологии в современных исследованиях миграции населения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2009. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idei-chikagskoj-shkoly-sotsiologii-v-sovremennyh-issledovaniyah-migratsii-naseleniya> (дата обращения: 26.11.2022).
19. Пруель Н.А., Липатова Л.Н., Градусова В.Н. Миграция в современной России: масштабы, основные направления и проблемы // Регинология. 2020. № 1 (110). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsiya-v-sovremennoy-rossii-masshtaby-osnovnyie-napravleniya-i-problemy> (дата обращения: 17.11.2023).
20. Фокин В.Я. Влияние занятости и уровня жизни на миграционный прирост населения региона // Дискуссия. 2013. № 3 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-zanyatosti-i-urovnya-zhizni-na-migratsionnyu-prirost-naseleniya-regiona> (дата обращения: 19.11.2023).
21. Демографическая обстановка в Нижегородской области за январь–сентябрь 2019 года // Официальный сайт Правительства Нижегородской области [Электронный ресурс]. URL: <https://government-nnov.ru/?id=246461> (дата обращения: 20.12.2019).
22. Стратегия социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года. Утверждена постановлением Правительства Нижегородской области от 21 декабря 2018 года № 889. С. 18 // Сайт «Стратегия развития Нижегородской области» [Электронный ресурс]. URL: <https://strategy.government-nnov.ru/> (дата обращения: 23.03.2023).
23. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть / Пер. с франц.: В.И. Иванов [Электронная публикация]. Центр гуманитарных технологий. 18.12.2006. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/883>. (дата обращения: 31.08.2023).

ANALYSIS OF MIGRATION ATTITUDES OF URBAN SOCIETY IN THE VOLGA FEDERAL DISTRICT

D.O. Mamlev

The Branch of the Samara State Transport University in Nizhny Novgorod

The cities of the Volga Federal District, despite the relatively rich technological, industrial and economic base, are marked by a trend of population decline due to migration. The current scheme of the migration process provokes a whole range of problems for both migration departure points (degradation of the regional economy, outflow of high-potential able-bodied population, acceleration of stagnation of the region) and arrivals (loss of cultural identity, overload of urban infrastructure).

Taking into account the above, the results of the author's research are disclosed, the purpose of which was to assess the migration attitudes of the population of the Volga Federal District through a sociological survey and interviewing.

The results of the conducted field studies allow us to form primary data on the qualitative assessment of the respondents' current place of residence, their predisposition to migration, key factors in making a decision on migration, and also serve as a foundation for further research on the construction of predictive models in the field of migration mood of the population and ongoing migration processes.

Keywords: migration process, migration mood, migration, migration factors, Russian city, Volga Federal District.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378.4

DOI 10.52452/18115942_2024_1_151

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩИХ ИНЖЕНЕРОВ С ПРИМЕНЕНИЕМ СРЕДСТВ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

© 2024 г.

Г.А. Кручинина, Е.А. Пушкарева

Кручинина Галина Александровна, д.пед.н.; проф.; профессор кафедры педагогики
и управления образовательными системами

Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
galinakruchinina2009@rambler.ru

Пушкарева Евгения Александровна, старший преподаватель кафедры английского языка
для естественно-научных специальностей

Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
evg.pushkareva@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 26.12.2023

Статья принята к публикации 16.01.2024

Профессионально-деловая иноязычная компетенция будущих инженеров представляет собой динамический личностный ресурс, обеспечивающий их готовность к иноязычному деловому взаимодействию, в том числе в условиях цифровой трансформации профессиональной деятельности. Эффективным средством формирования профессионально-деловой иноязычной компетенции являются средства цифровых технологий. С их применением становится возможно качественно трансформировать профессионально-иноязычную подготовку будущих инженеров с учетом актуальных и перспективных потребностей инженерной сферы; обеспечить междисциплинарную интеграцию; реализовывать инновационные методы, технологии, формы обучения, ориентированные на исследовательский и творческий характер работы студентов в реальной и цифровой среде. В статье представлена модель формирования профессионально-деловой иноязычной компетенции будущих инженеров с применением средств цифровых технологий. Ее специфика заключается в интегративном потенциале на основе профессионального (инженерного) компонента и применении системы средств цифровых технологий: объединении требований компетентностного и личностно ориентированного подходов; интегрировании универсального, междисциплинарного инженерного и предметного содержания обучения, активных методов обучения и средств цифровых технологий. Предлагаемая модель содержит взаимосвязанные между собой блоки: целевой, теоретический, содержательно-процессуальный, контрольно-результативный; в статье рассмотрено их содержание. Данная модель была реализована в группах будущих инженеров-строителей. Всего в эксперименте приняли участие 248 студентов ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет». Продемонстрированы результаты экспериментального исследования, которые подтвердили эффективность предлагаемой модели за счет повышения уровня сформированности мотивационно-ценностного, когнитивно-деятельностного и рефлексивно-оценочного компонентов профессионально-деловой иноязычной компетенции будущих инженеров.

Ключевые слова: профессионально-деловая иноязычная компетенция, модель, цифровые технологии, будущие инженеры.

Введение

В современных условиях перехода к «Индустрии 4.0» как новому подходу к производству, научным исследованиям, бизнес-процессам и взаимодействиям содержание деятельности инженеров претерпевает значительные изменения: усиливается междисциплинарный, комплексный и нестандартный характер решаемых задач; стремительно меняются технологии; интенсифицируется инновационная деятельность; со-

здается новый уровень взаимоотношений между инженерами, заказчиками, научно-исследовательскими центрами и другими заинтересованными участниками. Умение отвечать на такие вызовы определяет пути совершенствования высшего образования.

Значимой частью профессиональной деятельности инженеров, существенно влияющей на ее эффективность, являются деловые коммуникации на иностранном языке. Способность к данному виду коммуникаций – профессиональ-

но-деловая иноязычная компетенция – представляет собой динамический личностный ресурс, обеспечивающий готовность инженеров к иноязычному взаимодействию, в том числе в условиях цифровой трансформации профессиональной деятельности. Профессионально-деловая иноязычная компетенция инженеров проявляется в успешном решении профессионально-иноязычных коммуникативных задач в деловых ситуациях в реальной и цифровой среде; в умениях выполнять поиск, анализ, синтез, оценку, структурирование и формализацию профессионально-деловой иноязычной информации, необходимой для изучения зарубежного опыта, осуществления инженерной деятельности в международных проектах, для научных исследований.

Эффективным средством формирования профессионально-деловой иноязычной компетенции являются средства цифровых технологий. Исследования ученых-педагогов, в частности Г.А. Кручининой, М.В. Кручинина, И.В. Роберт и др. [1–5], убедительно показывают, что на современном этапе развития цифровых технологий их применение становится необходимым условием реализации педагогических методов и моделей, активно вовлекающих обучающихся в учебный процесс и моделирующих их будущую профессиональную деятельность. Использование средств цифровых технологий позволяет качественно трансформировать профессионально-иноязычную подготовку будущих инженеров с учетом их актуальных и перспективных потребностей; обеспечить междисциплинарную интеграцию; реализовать инновационные методы, технологии, формы обучения, ориентированные на исследовательский и творческий характер работы студентов в реальной и цифровой среде [6–8]. Однако, несмотря на многочисленные исследования по вопросам использования средств цифровых технологий в изучении иностранных языков, специальные работы, посвященные проблемам формирования профессионально-деловой иноязычной компетенции будущих инженеров в современных условиях цифровой трансформации их деятельности, отсутствуют. Следовательно, требуется разработка педагогической модели, которая позволила бы трансформировать цифровые решения в иноязычное образовательное пространство, интегрирующее профессионально-деятельностные, коммуникативные, развивающие, научно-исследовательские и другие функции.

Методология

Проблема педагогического моделирования отражена в педагогических исследованиях А.К. Крупченко, С.М. Марковой, Н.В. Софроновой, Н.Х. Фроловой и др. [9–12]. В их иссле-

дованиях показано, что моделирование является и формой отражения действительности, и интегративным научным методом, который позволяет объединить эмпирическое и теоретическое содержание, повышая эффективность педагогического исследования. Модель содержит в себе потенциальное знание, которое становится наглядным при ее исследовании и использовании. В нашем исследовании модель – система, включающая элементы, которые воспроизводят определенные стороны, связи и функции процесса формирования профессионально-деловой иноязычной компетенции будущих инженеров с применением средств цифровых технологий. Специфика предлагаемой модели заключается в ее интегративном потенциале на основе профессионального (инженерного) компонента и применении системы средств цифровых технологий: объединении требований компетентностного и личностно ориентированного подходов; интегрировании универсального, междисциплинарного инженерного и предметного содержания обучения, активных методов обучения и средств цифровых технологий.

Спроектированная нами модель формирования профессионально-деловой иноязычной компетенции будущих инженеров с применением средств цифровых технологий содержит взаимосвязанные между собой блоки: целевой, теоретический, содержательно-процессуальный, контрольно-результативный; предусматривает обеспечение обратной связи, проведение анализа и коррекции полученных результатов (рис.).

Целевой блок модели представляет собой конкретизированное и структурированное предназначение модели – формирование профессионально-деловой иноязычной компетенции будущих инженеров с применением средств цифровых технологий.

В результате анализа научной, научно-педагогической и психолого-педагогической литературы [14–20] нами определено, что профессионально-деловая иноязычная компетенция будущих инженеров представляет собой целостную системную организацию из трех составляющих: как части профессиональной деятельности инженера (функционально-деятельностные кластеры); как способности личности к осуществлению профессионально-деловой иноязычной коммуникативной деятельности (компоненты); как области освоения инженерной деятельности (содержательные элементы).

Под функционально-деятельностными кластерами мы понимаем, вслед за М.В. Захарченко, «группу функционально-систематизированных способностей» [21, с. 15].

Рис. Модель формирования профессионально-деловой иноязычной компетенции будущих инженеров с применением средств цифровых технологий

Информационный кластер профессионально-деловой иноязычной компетенции будущих инженеров обусловлен процессами работы с информацией и включает способности осуществлять поиск, отбор, анализ, синтез, оценку, структурирование, формализацию, перевод профессионально-деловой иноязычной информации (документов, инструкций, отчетов, планов, графиков, баз данных, исследований и др.). **Проектировочный кластер** профессионально-деловой иноязычной компетенции связан со способностью будущих инженеров разрабатывать проектные решения профессионально-деловых иноязычных задач. Для этого будущим инженерам необходимо уметь: идентифицировать проблемы в деловых коммуникациях, формулировать цели, ставить задачи, прогнозировать, выбирать методы решения, планировать, организовывать реализацию решений, оформлять полученные результаты в виде документации. **Коммуникативный кластер** профессионально-деловой иноязычной компетенции включает способности конструктивного иноязычного делового взаимодействия в профессиональной сфере. Примерами коммуникаций такого характера являются деловая беседа, совещание, переговоры, прием и выдача инструкций, доклад, дискуссия, презентация проекта и его обсуждение. **Цифровой кластер** профессионально-

деловой иноязычной компетенции включает способность осваивать и реализовывать профессионально-деловую иноязычную компетенцию в профессиональной сфере с использованием средств цифровых технологий.

В контексте нашего исследования структурными составляющими функционально-деятельностных кластеров профессионально-деловой иноязычной компетенции являются компоненты, сопряженные с личностными характеристиками будущих инженеров, к которым мы относим в соответствии с работами Г.А. Кручининой, Е.Б. Михайловой и др. [22–24]: мотивационно-ценностный, когнитивно-деятельностный и рефлексивно-оценочный.

Мотивационно-ценностный компонент профессионально-деловой иноязычной компетенции будущих инженеров представляет мотивы и ценности, определяющие отношение обучающихся к указанной компетенции как профессиональной ценности и побуждающие к ее освоению и использованию в профессиональной сфере. **Когнитивно-деятельностный компонент** отражает способность к применению знаний, умений, навыков профессионально-деловых иноязычных коммуникаций для решения профессиональных задач в деловых ситуациях, в научных исследованиях, в том числе с использованием средств цифровых технологий. **Рефлексивно-оценочный компонент** включает самооценку готовности к применению профессионально-деловой иноязычной компетенции в инженерной сфере и выстраивание траектории ее дальнейшего развития. Взаимосвязь кластеров и компонентов профессионально-деловой иноязычной компетенции будущих инженеров отражена в таблице 1.

Содержательные элементы исследуемой компетенции конкретизированы по уровням: универсальному (метапредметному), профессиональному (общепредметному инженерному), предметному (иноязычному коммуникативному).

Теоретический блок модели реализован на основе системного, компетентностного, личностно ориентированного, контекстного подходов к организации обучения будущих инженеров и принципов, обеспечивающих формирование профессионально-деловой иноязычной компетенции с применением средств цифровых технологий. В качестве ведущих педагогических принципов, помимо общедидактических (сознательности, самостоятельности, активности, посильности, систематичности обучения, наглядности, научности содержания обучения), нами определены принципы: профессиональной направленности, персонализации, интеграции, коммуникативности, цифровой трансформации обучения.

Таблица 1

Взаимосвязь кластеров и компонентов профессионально-деловой иноязычной компетенции будущих инженеров

Клас-теры	Компоненты профессионально-деловой иноязычной компетенции будущих инженеров		
	Мотивационно-ценностный	Когнитивно-деятельностный	Рефлексивно-оценочный
Показатели компонента			
Информационный	Отношение к работе с профессионально-деловой иноязычной информацией как профессиональной ценности	Отбор, анализ, синтез, оценка, формализация, структурирование, перевод профессионально-деловой иноязычной информации	Самооценка степени подготовленности к работе с профессионально-деловой иноязычной информацией
Проектировочный	Отношение к разработке проектных решений профессионально-деловых иноязычных задач как профессиональной ценности	Способность разрабатывать проектные решения профессионально-деловых иноязычных задач	Самооценка степени подготовленности к разработке проектных решений профессионально-деловых иноязычных задач
Коммуникативный	Осознание значимости деловых иноязычных коммуникаций для профессиональной деятельности	Конструктивное коммуникативное взаимодействие в деловых ситуациях в профессиональной сфере на иностранном языке	Самооценка степени подготовленности к иноязычным деловым коммуникациям в профессиональной сфере
Цифровой	Осознание значимости освоения и реализации профессионально-деловой иноязычной компетенции с использованием средств цифровых технологий	Рациональное использование средств цифровых технологий для освоения и реализации профессионально-деловой иноязычной компетенции	Самооценка степени подготовленности к освоению и реализации профессионально-деловой иноязычной компетенции с использованием средств цифровых технологий

Содержательно-процессуальный блок модели включает:

- профессионально ориентированную учебную дисциплину «Иностранный язык», учебные дисциплины общеобразовательного и профессионального циклов, факультативный курс «Инженерия», средствами которых формируется профессионально-деловая иноязычная компетенция будущих инженеров;

- этапы формирования профессионально-деловой иноязычной компетенции будущих инженеров;

- методы и технологии обучения (метод проектов, технология развития критического мышления через чтение и письмо, кейс-технологии, игровые методы, дискуссии и др.);

- формы организации обучения (традиционные (фронтальная, групповая, индивидуальная); инновационные (с применением средств цифровых технологий);

- компоненты системы средств цифровых технологий (информационно-содержательный, организационно-процессуальный, коммуника-

ционно-деятельностный, интеллектуальный) и их элементы.

Профессионально-деловая иноязычная компетенция будущих инженеров преимущественно формируется при изучении профессионально ориентированной учебной дисциплины «Иностранный язык». В качестве ключевых дисциплин общеобразовательного и профессионального циклов, участвующих в формировании данной компетенции, мы рассматриваем те из них, которые изучаются синхронизированно с дисциплиной «Иностранный язык». Также реализация спроектированной нами модели осуществлялась посредством разработки и внедрения факультативного курса «Инженерия».

С учетом ведущих подходов и принципов формирования профессионально-деловой иноязычной компетенции мы разработали и интегрировали в учебный процесс содержание, ориентированное на подготовку будущих инженеров к профессионально-деловым иноязычным коммуникациям с применением средств цифровых технологий.

На занятиях по профильным учебным дисциплинам вуза формирование профессионально-деловой иноязычной компетенции студентов реализуется:

1) в процессе использования студентами возможностей сети Интернет для освоения зарубежного опыта в сфере профессиональной деятельности; подготовки к участию в научных студенческих конференциях; в процессе выполнения курсовых и выпускных квалификационных работ; во время встреч, вебинаров, мастер-классов с представителями зарубежных компаний и организаций;

2) в использовании профессионального и универсального содержания профессионально-деловой иноязычной компетенции в той или иной предметной области инженерного образования, заключающегося в применении предметно-интегрированных знаний и умений и универсальных способностей, в частности умения использовать средства цифровых технологий для делового взаимодействия, исследований и др.

Процесс формирования профессионально-деловой иноязычной компетенции будущих инженеров мы определяем как педагогический процесс по организации персонализированной профессионально ориентированной деятельности будущих инженеров с применением средств цифровых технологий при освоении и «переоткрытии» ими предметно-интегрированного и междисциплинарного инженерного содержания; стимулированию их мотивационно-ценностного отношения к профессионально-деловой иноязычной компетенции и деятельности инженеров. Данный процесс реализуется на трех этапах (ориентировочном, праксиологическом, интегративном).

В соответствии со спецификой взаимодействия участников учебно-воспитательного процесса мы выделяем традиционные формы организации обучения (фронтальная, групповая и индивидуальная формы) и инновационные, с применением средств цифровых технологий.

В спроектированной модели формирования профессионально-деловой иноязычной компетенции будущих инженеров предусмотрено применение системы средств цифровых технологий. Для основания систематизации нами выбрана их такая дидактическая функция, как способ взаимодействия с пользователем, и выделены четыре обязательных компонента, интеграция которых способствует более эффективному формированию профессионально-деловой иноязычной компетенции будущих инженеров: информационно-содержательный, организационно-процессуальный, коммуникационно-деятельностный и интеллектуальный.

Информационно-содержательный компонент системы средств цифровых технологий использовался нами для организации информационного пространства в цифровом формате и включал: учебно-тематический план; комплект рабочих программ; библиотечные издания по профессионально ориентированной учебной дисциплине «Иностранный язык»; учебные материалы по факультативному курсу «Инженерия»; методические рекомендации по организации самостоятельной работы студентов; технологическую карту по профессионально ориентированной учебной дисциплине «Иностранный язык»; учебные презентации, имеющие строительно-ориентированную направленность; хот-листы профессионально ориентированных порталов и сайтов сети Интернет; примерный перечень вопросов к зачету (экзамену); информационные продукты студентов (лучшие работы обучающихся прошлых лет и новые, отобранные преподавателем, работы); персональную информацию о преподавателе и дополнительную информацию, связанную с различными вопросами образовательного процесса.

Организационно-процессуальный компонент системы средств цифровых технологий составляют: инструменты «Задания с ответом в виде файла», «Зачетная книжка», «Опросы», «Вопросы», «Комментарии»; электронное учебно-методическое пособие «English for Engineering: Discovering Projects» (английский язык для инженерии: проекты на основе открытий). Организационно-процессуальный компонент системы средств цифровых технологий использовался для предоставления доступа к заданиям, которые включали: описание задания, инструкции к его выполнению; рекомендации о том, как организовать информацию, полученную в сети Интернет; набор информационных источников; критерии оценивания; шкалу рефлексии.

Коммуникационно-деятельностный компонент системы средств цифровых технологий предоставляет возможность использования электронного пространства для совместного участия в дискуссиях и создания образовательных продуктов. В работе по формированию профессионально-деловой иноязычной компетенции будущих инженеров нами использовались сервисы для совместной работы, форумы, вики-страницы, глоссарий, интеллект-карты, авторский образовательный сайт с выходом в социальную сеть «ВКонтакте» и др. Коммуникационно-деятельностный компонент системы средств цифровых технологий обеспечивал взаимодействия в формате «преподаватель–студент(ы)», «студент–студент(ы)», активно вовлекая студентов в образовательный процесс в роли ис-

следователей, организаторов и участников профессионально-деловой иноязычной коммуникации.

Интеллектуальный компонент системы средств цифровых технологий применялся для организации работы с программами, обладающими функциями искусственного интеллекта. Наиболее значимыми направлениями искусственного интеллекта в формировании профессионально-деловой иноязычной компетенции являются экспертные системы и обработка естественного языка. Экспертные системы – это компьютерные системы, которые имитируют способность принятия решений человеком, в основном с помощью правил «если – то». Примером такого рода программ являются системы управления обучением (LMS), позволяющие реализовывать интерактивные тестовые задания, онлайн-симуляции, средства Microsoft Office, интерактивные аудиолингвальные комплексы и др. В случае если программа способна обрабатывать естественный язык (например, генеративный искусственный интеллект ChatGPT, программы-переводчики Google Translate, DeepL, «Яндекс.Переводчик» и др.), то она понимает вводимый текст и генерирует релевантный ответ.

Генеративный искусственный интеллект дает большие возможности в работе над расширением профессионального тезауруса будущих инженеров через толкование концептов, подбор синонимов, использование слов и выражений в контексте профессиональной деятельности; может оценить сформированность различных коммуникативных навыков и предоставить рекомендации по их улучшению. Он способен осуществлять различную работу с текстами (аннотирование, изложение, перевод высокой точности), что позволяет работать с научной и технической литературой на иностранном языке уже на начальном этапе обучения.

Результаты

Экспериментальное исследование проводилось в ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет» со студентами инженерно-строительных направлений подготовки. Для проведения педагогического эксперимента были определены контрольная (КГ, $n = 120$) и экспериментальная (ЭГ, $n = 128$) группы. Практическое воплощение разработанной нами модели формирования профессионально-деловой иноязычной компетенции будущих инженеров с применением средств цифровых технологий в учебном процессе осуществлялось на формирующем этапе опытно-экспериментальной работы в экспери-

ментальной группе студентов. Процесс формирования профессионально-деловой иноязычной компетенции у студентов контрольной группы осуществлялся по традиционной технологии.

Первый этап формирования профессионально-деловой иноязычной компетенции – ориентировочный, основной целью которого является формирование направленности будущих инженеров на освоение профессионально-деловой иноязычной компетенции для применения в учебной и будущей профессиональной деятельности, в том числе с применением средств цифровых технологий; стимулирование мотивации к формированию профессионально-деловой иноязычной компетенции как способности, имеющей профессиональную ценность. На этом этапе анализировался исходный уровень владения профессионально-деловой иноязычной компетенцией обучающихся и их индивидуальные особенности; задавались требования к уровню освоения профессионально-деловой иноязычной компетенции; происходила подготовка студентов к работе со средствами цифровых технологий и формированию индивидуального образовательного маршрута; выстраивалось личностное отношение обучающихся к данной компетенции и к будущей профессии инженера. Проекты, реализуемые на ориентировочном этапе: «English for civil engineers» (английский для инженеров-строителей), «Bring your own device» (использование собственного цифрового устройства), «Problem-solving study tips» (советы по решению проблем в учебе). Деловая иноязычная коммуникативная деятельность студентов была направлена на имитацию делового общения в профессиональной сфере и коммуникативного поведения в стандартных ситуациях по инструкции. При работе обучающиеся применяли такие средства цифровых технологий, как электронные учебно-методические и учебные пособия, программно-методический комплекс, образовательные сайты.

Последующий *праксиологический* этап направлен на изучение новой информации посредством ее восприятия, осмысления и сопоставления с ранее полученными знаниями; систематизацию, приобретение опыта применения профессионально-деловой иноязычной компетенции будущих инженеров в реальной учебной и цифровой среде. Участвуя в деловых играх, дискуссиях, исследовательских проектах, студенты вырабатывали собственные умозаключения на основе анализа, синтеза, интерпретации информации; создавали творческие продукты с применением средств цифровых технологий. Проекты этого этапа: «Is civil engineering a challenging profession?» (является ли строитель-

Таблица 2

Оценка степени сформированности компонентов профессионально-деловой иноязычной компетенции будущих инженеров (данные констатирующего и контрольного этапов педагогического эксперимента)

Компоненты / Уровни сформированности профессионально-деловой иноязычной компетенции будущих инженеров	КГ (n=120)		ЭГ (n=128)		Конст. этап пед. эксп. ($\chi^2_{кр} =$ =5.991)	Контр. этап пед. эксп. ($\chi^2_{кр} =$ =5.991)	
	Конст. этап пед. эксп.	Контр. этап пед. эксп.	Конст. этап пед. эксп.	Контр. этап пед. эксп.			
	% (n)	% (n)	% (n)	% (n)			
Мотивационно- ценностный	Базовый	26 (31)	13 (16)	35 (45)	4 (5)	2.696	15.665
	Функцио- нальный	66 (79)	76 (91)	56 (72)	69 (88)		
	Высокий	8 (10)	11 (13)	9 (11)	27 (35)		
Когнитивно- деятельностный	Базовый	88 (106)	21 (25)	92 (118)	6 (8)	1.168	19.092
	Функцио- нальный	7 (8)	69 (83)	4 (5)	67 (86)		
	Высокий	5 (6)	10 (12)	4 (5)	27 (34)		
Рефлексивно- оценочный	Базовый	65 (78)	43 (52)	69 (89)	3 (4)	0.787	59.344
	Функцио- нальный	31 (37)	46 (55)	26 (33)	69 (88)		
	Высокий	4 (5)	11 (13)	5 (6)	28 (36)		

ная инженерия сложной профессией?), «Communicate effectively» (общайтесь эффективно), «Innovation pitch event» (презентация инновационного проекта), «Innovative breakthrough in construction» (инновационный прорыв в строительстве), «Achieving success» (достижение успеха), «Vital communication» (жизненно важная коммуникация). Иноязычная коммуникативная деятельность студентов на праксиологическом этапе допускала элементы самостоятельности при решении профессионально-деловых иноязычных задач как индивидуально, так и в группе, с применением средств цифровых технологий. При работе обучающиеся применяли такие средства цифровых технологий, как электронные учебные и учебно-методические пособия, программно-методический комплекс, образовательные сайты, сайты социальных сетей, а также средства цифровых технологий, используемые в формировании профессиональной компетентности инженеров на дисциплинах, изучаемых синхронизированно.

На третьем этапе – *интегративном* – у будущих инженеров происходило формирование целостной картины о профессионально-деловой иноязычной компетенции, ее взаимосвязи с профессиональными знаниями и умениями; включение новых знаний в существующую личностную систему знаний и ее практического применения, формирование оценочного суждения и выводов; выработка собственного мнения и личностного отношения к профессионально-деловой иноязычной компетенции и к будущей профессии. Деятельность студентов была направлена на практическое применение профессионально-деловой иноязычной компетенции: в процессе

реализации и оценки исследовательских и творческих проектов строительной направленности; в совместной работе по развитию образовательного сообщества в социальной сети и демонстрации полученных образовательных результатов. Интегративный этап осуществлялся при реализации проектов: «Copying nature» (копирование природы), «Economical vs ecological» (экономичность vs экологичность), «Construction industry» (индустрия строительства), «Dream job» (работа мечты) «What's next?» (что дальше?). Иноязычная коммуникативная деятельность студентов на этом этапе позволяла им творчески участвовать в проектах в реальной учебной и цифровой среде, аргументировать и отстаивать свое мнение в квазипрофессиональных ситуациях, уверенно использовать средства цифровых технологий в деловых иноязычных коммуникациях.

Контроль и мониторинг поэтапного формирования профессионально-деловой иноязычной компетенции будущих инженеров с применением средств цифровых технологий позволяли корректировать деятельность обучающихся, оценивать полученные результаты и сформировать дальнейшие шаги по улучшению достижений в освоении профессионально-деловой иноязычной компетенции.

Диагностирование уровня сформированности профессионально-деловой иноязычной компетенции будущих инженеров осуществлялось по разработанным нами показателям и их дескрипторам. Оценка уровня сформированности мотивационно-ценностного и рефлексивно-оценочного компонентов профессионально-деловой иноязычной компетенции у будущих инженеров производилась на основе: адаптиро-

ванных нами психолого-педагогических методик, разработанных Г.А. Кручининой, Н.В. Пятеевой на базе материалов, применявшихся в ходе совместного проекта Министерства образования РФ и Британского совета по модернизации российского образования в области преподавания английского языка для профессиональных целей; опросника изучения мотивов учебной деятельности в модификации А.А. Реана, В.А. Якунина; анализа эссе обучающихся. Определение уровня сформированности когнитивно-деятельностного компонента профессионально-деловой иноязычной компетенции у будущих инженеров проводилось с использованием средств цифровых технологий с помощью тестовых заданий, электронного портфолио, а также путем оценки проявления исследуемой компетенции в ситуациях устного иноязычного профессионально-делового общения.

Для определения статистической значимости изменений был использован критерий χ^2 Пирсона. По итогам констатирующего этапа педагогического эксперимента статистически значимых различий по уровню владения профессионально-деловой иноязычной компетенцией у студентов в контрольной и экспериментальной группах обнаружено не было. На контрольном этапе педагогического эксперимента нами был установлен уровень сформированности профессионально-деловой иноязычной компетенции по компонентам (мотивационно-ценностному, когнитивно-деятельностному, рефлексивно-оценочному) (табл. 2). У студентов экспериментальной группы формирование профессионально-деловой иноязычной компетенции по предложенной нами модели имело положительную динамику и привело к более высоким результатам.

Заключение

Таким образом, сконструированная нами модель формирования профессионально-деловой иноязычной компетенции будущих инженеров с применением средств цифровых технологий предполагает целенаправленную систематическую подготовку студентов к применению профессионально-деловой иноязычной компетенции в учебной и будущей профессиональной деятельности.

Применение активных методов и технологий обучения, использование системы средств цифровых технологий повышают мотивацию, общую познавательную активность и самостоятельность обучающихся; приобщают к работе с профессионально значимыми информационными источниками и деловому взаимодействию в реальной и цифровой среде; открывают новые

педагогические возможности для формирования профессионально-деловой иноязычной компетенции будущих инженеров.

Список литературы

1. Кириллова И.К., Солуянова О.Н. Информационно-коммуникационные технологии в образовательном процессе вуза // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2022. № 1 (59). С. 139–143.
2. Кручинин М.В., Кручинина Г.А. Исследование потенциала применения видеоконференцсвязи в дистанционной форме обучения в высшей школе // Казанский педагогический журнал. 2022. № 2 (151). С. 76–84.
3. Кручинин М.В., Кручинина Г.А., Петрукович Л.А. Применение цифровых технологий обучения в высшей школе: проблемы и перспективы, SWOT-анализ // Казанский педагогический журнал. 2020. № 3 (140). С. 64–75.
4. Роберт И.В. Развитие понятийного аппарата педагогики: цифровые информационные технологии образования // Педагогическая информатика. 2019. № 1. С. 108–121.
5. Кручинин М.В., Кручинина Г.А., Седов Д.С. и др. Традиционные и цифровые технологии обучения в оценке студентов высшей школы // Человек и образование. 2020. № 3 (64). С. 55–61.
6. Hockly N., Clandfield L. Teaching Online. London: Delta Publishing Company (IL), 2010. 111 p.
7. Безукладников К.Э., Гитман Е.К., Глумова Е.П. и др. Новые подходы в лингводидактике и педагогическом образовании: Коллективная монография / Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова. Нижний Новгород, 2022. 312 с.
8. Крылов Э.Г. Интегративное билингвальное обучение иностранному языку и инженерным дисциплинам в техническом вузе: Монография. Изд. 2-е, испр. и доп. Ижевск: Изд-во УИР ИжГТУ им. М.Т. Калашникова, 2023. 386 с.
9. Крупченко А.К., Кузнецов А.Н. Основы профессиональной лингводидактики: Монография. М.: АПКИППРО, 2015. 232 с.
10. Маркова С.М. Проектирование педагогических систем и их реализация в условиях региональной системы профессионального образования (на примере Мининского университета): Монография. М.: ФЛИНТА; Нижний Новгород: Мининский университет, 2017. 168 с.
11. Софронова Н.В., Горохова Р.И. Моделирование педагогических систем: Монография. Saarbrücken: LAP LAMBERT Acad. Publ., 2012. 260 с.
12. Фролова Н.Х., Поваренкина И.А. Образовательная модель на основе электронных ресурсов для групповой подготовки программных инженеров // Инженерное образование. 2019. № 26. С. 84–91.
13. Сафонова В.В. Коммуникативная компетенция: современные подходы к многоуровневому описанию в методических целях: Монография. М.: НИЦ «Еврошкола», 2014. 108 с.

14. Stangaliyeva N.K. Formation of foreign communicative competence of technical universities students // Bulletin of the Academy of Pedagogical Sciences of Kazakhstan. 2021. № 1 (99). P. 95–100.

15. Sokolova E.G., Baranova E.V. Formation of foreign language professionally oriented communicative competence in engineering universities // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2022. № 3 (86). С. 99–102.

16. Елашкина Н.В. Интерпретация сущности иноязычной коммуникативной компетенции и понимание учебной компетенции зарубежными лингвистами в методической науке // Молодежный вестник ИрГТУ. 2019. Т. 9. № 2. С. 162–165.

17. Петрова В.И. Методика формирования профессионально-ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции студентов бакалавриата в образовательном пространстве вуза: Дис. ... канд. пед. наук. Пермь, 2017. 155 с.

18. Oberemko O.G., Glumova E.P., Shimichev A.S. The language worldview formation through learning several foreign languages // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. Nizhny Novgorod, 2021. P. 904–912.

19. Романова И.Н. Формирование профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции будущих инженеров пожарной безопасности в изучении английского языка и дисциплин професси-

онального цикла: Дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2017. 317 с.

20. Леушина И.В. Профессионализация образовательного процесса в техническом вузе (на примере иностранного языка) // Научная дискуссия: вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Нижний Новгород, 2023. С. 287–292.

21. Захарченко М.В. Формирование иноязычной компетенции бакалавров государственного и муниципального управления на основе системно-кластерного подхода: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Орел, 2020. 24 с.

22. Михайлова Е.Б., Кручинина Г.А. Информационные и коммуникационные технологии в формировании профессионально-иноязычной компетентности студентов инженерных специальностей // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2010. Т. 16. № 1. С. 302–306.

23. Будникова А.С., Иванова Е.В. Метод кейсов и его роль в формировании иноязычной коммуникативной компетенции // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2022. № 1 (61). С. 179–184.

24. Цыгулева М.В. Развитие рефлексивного компонента профессиональной компетентности будущих инженеров в процессе изучения гуманитарных дисциплин: Дис. ... канд. пед. наук. Омск, 2017. 267 с.

MODEL OF FORMATION OF PROFESSIONAL AND BUSINESS FOREIGN LANGUAGE COMPETENCE OF FUTURE ENGINEERS USING DIGITAL TECHNOLOGY TOOLS

G.A. Kruchinina, E.A. Pushkareva

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The professional and business foreign language competence of future engineers is a dynamic personal resource that ensures their readiness for foreign language business interaction, including in the context of digital transformation of professional activities. Digital technologies are an effective means of professional business foreign language competence formation. Their use makes it possible to qualitatively transform the professional foreign language training of future engineers, taking into account the current and prospective needs of the engineering field; ensure interdisciplinary integration; implement innovative methods, technologies, and forms of education, focused on research and creative work of students in the real and digital environments. The article presents a model of formation of professional and business foreign language competence of future engineers with the use of digital technologies tools. Its specificity lies in the integrative potential based on the professional (engineering) component and the application of a system of digital technologies tools: combining the requirements of competency-based and personality-oriented approaches; integrating universal, interdisciplinary engineering, and subject content of training; active teaching methods and digital technology tools. The proposed model contains interrelated blocks: target, theoretical, content-processual, control-result; their contents are discussed in the article. This model was realized in groups of future civil engineers. A total of 248 students of Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering took part in the experiment. The results of the experimental research are demonstrated, that confirmed the effectiveness of the proposed model by increasing the level of formation of motivation-value, cognitive-activity and reflexive-evaluative component of professional and business foreign language competence of future engineers.

Keywords: professional and business foreign language competence, model, digital technologies, future engineers.

УДК 378

DOI 10.52452/18115942_2024_1_160

АРТ-ИНФОРМАТИКА КАК НОВАЯ ОБЛАСТЬ ЗНАНИЙ В УСЛОВИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ МЕЖПРЕДМЕТНЫХ СВЯЗЕЙ

© 2024 г.

И.А. Нагаева, И.А. Кузнецов

Нагаева Ирина Александровна, д.пед.н.; доц.; заведующая кафедрой естественно-научных дисциплин
Московского международного университета
i.a.nagaeva@yandex.ru

Кузнецов Игорь Александрович, старший преподаватель кафедры естественно-научных дисциплин
Московского международного университета
i.kuznetsov@mmu.ru

Статья поступила в редакцию 14.06.2023

Статья принята к публикации 25.01.2024

Рассматривается область знаний «Арт-информатика» как новый опыт интеграционных технологий. Выявлен синтез знаний естественных и гуманитарных наук. Авторами раскрыты особенности преподавания информационных технологий в высшей школе на основе интегрированного и конвергентного подходов.

Гармонично сформированные эмоционально-образное и рационально-логическое типы мышления позволяют нестандартно мыслить, предлагать креативные решения, выполнять нетривиальные задачи.

В рамках STEAM-конвергенции предлагаются новые пути освоения знаний и умений, использование современных технологий прогнозирования компетенций для повышения конкурентоспособности и цифровых инструментов для подбора образовательных активностей. Авторами предлагается концептуально новый межпредметно-интегративный подход к образовательному процессу подготовки специалистов в области культуры и искусства. Представленный материал позволяет сделать вывод о значимости междисциплинарного направления «Арт-информатика» в сфере технологического знания и искусства.

Ключевые слова: интегрированный подход, междисциплинарный синтез, информатика, искусство, информационные технологии, студенты.

Введение

Актуальность проблемы

Постоянно возрастающая значимость и востребованность информационно-коммуникационных технологий в динамично изменяющейся социальной среде активизирует изучение в педагогической науке процессов оптимизации формирования профессиональных и социокультурных качеств будущих специалистов, что становится одной из самых значимых и явно востребованных задач в современной науке.

В современной гуманитарной парадигме образования отображена необходимость трансформации законов и постулатов естественно-научного знания соответственно требованиям к нравственности информации и ее оценке. Гуманитарное знание выступает составляющей фундаментального образования, формирующего не узко подготовленного профессионала, но личность с широким взглядом на природу, мир, человека [1]. Поэтому решение актуальных задач в сфере педагогики требует не только использования лучших традиций гуманитарного образования, но и осознания значения цифрови-

зации для гуманитарного знания и профессиональной деятельности именно на основе освоения искусства и продуктивной художественно-творческой деятельности.

Современная система высшего образования в последние годы стала носить «многофункциональный» характер, обеспечивающий охват смежных профессий для решения более широкого круга задач. Культура, искусство, являясь базисными элементами развития любого общества, попадают под влияние технологического прогресса. Появилась потребность создания и использования передовой концепции науки и образования, в основе которой лежит STEAM-конвергенция, подразумевающая совместное изучение искусства, науки и техники. Дословный перевод STEAM – Science (наука), Technology (технология), Engineering (инженерия), Arts (искусство), Mathematics (математика). Данный подход рассматривает творчество в самом широком смысле. Идея состоит в том, чтобы интегрировать концепции с реальным подходом и подготовить критически мыслящих людей.

Выделим преимущества инновационного подхода:

- сочетание трудносочетаемого: точности, логики, технологий, творчества;
- анализ проблемы в целом, не в разрезе конкретной науки или теории;
- опора на проектную деятельность;
- применение теоретических знаний и представлений на практике.

Современные тенденции

Технологии STEAM-конвергенции раскрывают гуманитарный синтез предметов, в котором искусство связано с культурологией, этнографией, историей, информационными технологиями, естественными науками и пр. Исследование показало, что в настоящее время актуальна проблема соотношения науки и искусства, категориального и художественного мышления, понятия и образа. В настоящее время технические возможности светотехники и звукозаписи, изобретение лазера и компьютера, запись и тиражирование звука и цвета, графических символов и текста изменили в гуманитарной сфере уровень соотношения знаний и художественной культуры.

Специалист, который хочет быть успешным в современных реалиях, должен комбинировать и постоянно развивать навыки изобретателя и новатора, оперативно реагировать на постоянное изменение набора ключевых умений.

Современные интегративные процессы привели к появлению отраслей знаний междисциплинарного характера. В последнее время мы видим активное внедрение технологий искусственного интеллекта в различные сферы, например музыку и дизайн.

В 2010 году сотрудники института искусств (Калифорния) А. Капур и М. Дарлинг создали самообучающегося робота-композитора Karmetik Machine Orchestra, который может исполнять музыкальные произведения на аналоговых инструментах.

В 2016 году научно-исследовательское подразделение Sony Computers Science Laboratories представило Flow Mashines – искусственный интеллект на основе нейросетей. Французский композитор Б. Карре создал трек Dady's Car совместно с Flow Mashines, который обучался на 13 000 различных композициях.

Руководитель подразделения Sony CSL Ф. Паше разработал DeepBach, нейросеть для создания симфонической музыки без вмешательства человека. Обучение нейросети основано на прослушивании известных классических музыкальных произведений.

В 2019 году был заключен первый в истории человечества контракт между компанией Warner Music и нейросетью Endel, которая создаёт и исполняет музыкальные треки в зависимости от настроения пользователя.

Современные возможности искусственного интеллекта в данной области:

- генератор голоса, решения для клонирования голоса, воспроизводство естественно звучащих голосов для различных приложений;
- генераторы текстов песен.

На данный момент существуют различные генераторы звука с искусственным интеллектом на основе нейросетей: Riffusion, Jukebox, Aiva, Musenet, Boomy, Ecrett music, Mubert, Amper music, Soundraw. Генераторы работают на принципах нотной генерации (запись аудио с помощью последовательного ряда символов), создания аудиосигнала (генерирование последовательности нот, создание аудиоэффектов, подбор переходов и тональностей, перевод цифровой информации в музыкальные произведения) [2].

В мае 2022 года Tele2 и компания Platforma, специализирующаяся на разработке бизнес-решений на основе больших данных, запустила проект по созданию музыкальных композиций, воплощающих звучание пяти российских городов: Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Архангельска и Казани. Для создания треков были использованы два типа данных: фотографии линии горизонта и геоданные городов. С помощью нейросети линия горизонта была преобразована в форму волны, отвечающую за тембр, а плотность населения в разных районах города стала основой для секвенсора, который расставил ноты и задал ритм. Популярные музыканты каждого из этих городов (симфонический оркестр, битмейкер CVPELLV, инди-исполнитель Радиф Кашапов, рэпер Ира PSP, музыкант Михаил Карлос) создали собственные композиции, основанные на треках, сгенерированных нейросетью [3].

В марте 2023 года «Русская медиагруппа» (PMГ) объявила о запуске онлайн-станции Neuro Flow, все треки в эфире которой созданы с помощью нейросети Mubert. По указанному музыкальному направлению нейросеть создала треки, а также названия, описания и обложки [4].

Применение возможностей ИИ в фотографии:

- удаление фона или водяных знаков;
- генерация портрета человека;
- создание уникальных изображений;
- создание логотипов;
- повышение качества изображения;
- подбор шрифтовых пар или палитры цветов.

Наиболее распространённые и простые в использовании инструменты ИИ для создания изображений: NightCafe, DALL-E, Deep Dream, Artbreeder, Big Sleep, DeepAI, StarryAI, Fotor, Runway ML, WOMBO Dream.

Нейросетью Midjourney созданы изображения городов России в образе людей [5].

Современное историческое знание сейчас развивается в направлении визуальной истории, которая изучает человека и общество с помощью работы с визуальными источниками. Применение цифровых технологий оказывается более удобным и соответствующим духу времени инструментом для воссоздания событий прошлого, построения визуальной исторической шкалы времени.

Материалы и методы исследования

Цель этого исследования заключается в обосновании внедрения направления «Арт-информатика» в рамках STEAM-подхода, а также создании соответствующего учебного предмета.

Для осуществления исследовательской работы было использовано несколько методов. В начале был проведен анализ научных источников, чтобы получить теоретическую основу. Методологическую основу исследования составили теоретические положения об интеграции, межпредметных связях и комплексном взаимодействии искусств (И.М. Красильников, Т.В. Надолинская, Б.М. Неменский, Л.Г. Савенкова, Б.П. Юсов и др.) [6–10]. Затем было выполнено обобщение научных выводов, педагогического опыта и систематизация данных по диагностике и статистической обработке экспериментальных данных. Эффективность обучения студентов оценивалась различными критериями, основанными на показателях готовности к интерактивному мультимедийному проектированию, уровня общекультурного развития, информационной грамотности.

По результатам проведения анализа образовательных программ общеобразовательного процесса (ОПОП) по различным гуманитарным направлениям подготовки, таким как 42.03.01 «Реклама и связи с общественностью», 42.03.02 «Журналистика», 50.03.01 «Искусства и гуманитарные науки», 51.03.01 «Культурология», 54.03.01 «Дизайн», выявлено, что общепрофессиональная компетенция, а именно способность решать стандартные задачи профессиональной деятельности на основе информационной и библиографической культуры с применением информационно-коммуникационных технологий, присутствует во всех образовательных программах.

В рамках STEAM-подхода к образовательному процессу И.А. Нагаевой предложено и разработано новое направление, известное как «Арт-информатика». Инновационное направле-

ние является областью, которая направлена на создание художественных информационных продуктов в виде интерактивных мультимедийных проектов. Арт-информатика объединяет искусство и информатику, отражая их взаимодействие и взаимную связь [11, 12].

И.А. Нагаева разработала одноименный учебный курс об использовании новых информационных технологий в междисциплинарной подготовке студентов. Курс направлен на расширение и углубление знаний и навыков в области информационных технологий, применяемых в профессиональной подготовке студентов высших учебных заведений [13]. В рамках курса рассматриваются такие темы, как основные методы оперирования информацией, преобразования графической, аудио- и видеоинформации, анимации и интерактивных презентаций, а также разработки собственных мультимедийных ресурсов. Кроме того, студенты знакомятся с онлайн-ресурсами и сервисами, такими как конструкторы сайтов и видео, а также с основами нейросетей с использованием ресурса PlaygroundAI.com [13].

Освоение направления арт-информатики представляет собой процесс информатизации обучения и художественно-творческой деятельности студента [14]. Компьютеризация затрагивает сферы искусства, культуры, основными функциями которых являются творчество и коммуникация, а информационных технологий – преобразование информации. В рамках арт-информатики студенты занимаются художественным творчеством используя современные информационно-коммуникационные технологии для создания уникальных и общественно значимых информационных ресурсов.

Использование технологий арт-информатики в образовательных организациях позволяет обновлять содержание дисциплин и способствует личностному развитию обучающихся. Конвергенция художественного творчества и информационной деятельности обеспечивает широкие возможности применения технологий арт-информатики в профессиональной сфере, связанной с распространением культурных ценностей.

Учебный курс можно разбить на две части: базовую (универсальную) и вариативную (позволяющую выстроить индивидуальную траекторию обучения). Преобразование традиционного учебника в комплекс образовательных ресурсов и инструментов позволит связать обучение с реальной экономикой.

Студенты, изучая курс «Арт-информатика», развивают универсальные и профессиональные навыки, которые позволяют им применять свои знания и умения в различных областях, таких как аудио- и видеооформление мультимедий-

ных проектов; 3D-моделирование; создание виртуальных экскурсий и онлайн-выставок, художественное проектирование [13]. При освоении современных информационных технологий предлагалось следующее программное обеспечение: графические редакторы GIMP, Paint 3d, MyPaint, Adobe Photoshop, 3D Builder, Sketchbook; редактор нот Guitar Pro; аудиоредакторы Sound Forge, Adobe Audition; видеоредакторы Sony Vegas Pro, Pinnacle Studio; программа – эмуляция традиционных средств в рисунке и живописи ArtRage; разработка анимационных проектов Adobe Animate CC; разработка презентаций MS Power Point; онлайн-сервисы для созданий презентаций и видео Wideo, Animation Maker, MakeWebVidos, Renderforest, Prezi, PowToon, GoAnimate; симулятор фотоэлектронного оптического музыкального инструмента (синтезатора АНС).

Цель изучения данного курса заключается в развитии творческого потенциала студентов через использование медиаинструментов. Курс поможет расширить опыт студентов в области информационных технологий и их прикладных возможностей в художественной деятельности. Он также предоставит студентам возможность овладеть аудио-, видео- и графическими инструментами в процессе своего обучения [14].

Ключевые идеи STEAM-конвергенции (междисциплинарный синтез знаний естественных и гуманитарных наук, конвергенция сферы культуры и искусства с информационными и коммуникационными технологиями) положены в основу направления «Арт-информатика», что позволяет сделать акцент на различных видах деятельности, а не на отдельных предметах; разрабатывать междисциплинарные проектные и исследовательские практики; активизировать потребность в самообразовании и творческой деятельности; актуализировать роль самоорганизации в процессе обучения. Подход арт-информатики позволяет студентам активно и заинтересованно осваивать информационные технологии в областях, связанных с искусством и культурой, таких как музыкально-компьютерное творчество, медиаобразование, анимация, телевизионная журналистика, создание видео и др.

Внедрение инфокоммуникационных технологий позволяет экспериментировать с эмоционально-образными компонентами различных видов искусств в условиях учебного процесса в образовательных учреждениях.

Результаты

Студенты осваивают новейшие информационно-коммуникационные технологии, вовлека-

ются в процесс творческого проектирования, одновременно привлекая к участию других студентов и преподавателей. Одновременно перестраиваются образовательная среда и образовательное пространство в вузе. Только привлекая именно современное программное обеспечение, новейшие достижения в области цифровых технологий и средств и развивая способность создавать креативные медиапродукты, возможно обучить и подготовить специалиста с высоким уровнем компетенции и квалификации, умеющего продуцировать новую художественную информацию.

Учебный процесс осуществлялся на основе интегрированного и конвергентного подходов.

1. В русле рассматриваемой проблемы возможны два уровня интеграции: 1) предметный (внешний) – объединение знаний об одних и тех же явлениях действительности из различных предметных областей; 2) технологический (внутренний) – использование возможностей компьютерных технологий для создания художественного образа в творческом процессе. Процесс интеграции идёт в направлении создания новых предметов и спецкурсов, обновления содержания дисциплин, разработки интегрированных занятий на основе одного или нескольких предметов.

2. Конвергентный подход основан на междисциплинарном синтезе естественно-научного и гуманитарного знания; переориентации учебной деятельности с познавательной на исследовательскую, проективно-конструктивную, сетевую коммуникацию; сочетает междисциплинарный и прикладной характер, является инструментом в развитии критического мышления и исследовательских компетенций. Конвергенция обеспечивает построение целостных учебных дисциплин, в которых интегрируются научные знания в области искусства и технологические достижения.

Подход STEAM-конвергенции нашёл отражение в опоре на знания из области физики (законы восприятия света, теория звука), математики (золотое сечение, симметрия), из области инженерии (эквалайзер, мультимедийный компьютер), из различных сфер искусства (декоративно-прикладное искусство, изобразительное искусство, музыка, архитектура и пр.), что является концептуально новым межпредметно-интегративным подходом к освоению современных информационных технологий будущими специалистами в области культуры и искусства.

Студенческие мультимедийные проекты, как результат выполнения учебных заданий, можно увидеть на странице автора ianagaeva.ru: «Пуш-

кинские места в Санкт-Петербурге», «Туристические места Казани», «Русская живопись», «Стили живописи», «Музеи-усадьбы Москвы», «Дивные места России и их архитектура», «Художники-передвижники», «Памятники архитектуры на грани исчезновения», «Живопись в кино», «Храмовые фрески», «Виртуальная картинная галерея»; «Русская архитектура за рубежом», «Самые знаменитые картины мира», «Русские художники-пейзажисты», «Великие русские художники», «Ипатьевская долина»; «Шедевры отечественной и зарубежной литературы», «Музей-усадьба Ясная Поляна», «Поэзия панелек».

Эффективность проектной деятельности в рамках изучения данного курса проявляется в следующем: наличие стабильного уровня качественных творческих результатов; постоянное развитие и реализация креативного потенциала каждого студента и всей группы; разнообразие достижений каждого студента с учетом различных видов деятельности, авторских разработок, масштаба и сложности проектов; повышение самооценки студентов и объективная оценка их достижений. Представленные проекты уникальны, оригинальны и персонализированы, имеют культурно-просветительную направленность.

Настоящие достижения студентов подтверждают на практике результативность внедрения учебного курса «Арт-информатика» в подготовку студентов гуманитарного профиля и являются обоснованием введения направления «Арт-информатика» в рамках STEAM-подхода.

Заключение

Работы студентов позволяют проследить поэтапный процесс формирования компетенций применения современной технической базы и цифровых технологий в создании интерактивных мультимедиа-продуктов в различных знаковых системах (фото, аудио, видео, графической) и дальнейшего совершенствования.

Проведенное исследование в рамках совместного научного и образовательного проекта позволило выявить новые аспекты изучаемой проблемы. В результате разработана интеграционных направлений обучения и внедрение новых учебных программ в систему высшего гуманитарного образования сформировались как одно из направлений исследований научной школы Е.Ф. Командышко «Педагогический потенциал искусства» [15].

Научным результатом в области методологии и технологии профессионального образования стала разработка И.А. Нагаевой педагогической системы электронного обучения студен-

тов гуманитарного профиля в условиях освоения арт-информатики. Основной отличительной характеристикой данной педагогической системы является направленность на художественно-творческое развитие личности и выполнение конкретных творческих задач, а также практических упражнений в условиях освоения арт-информатики. Концептуальная модель вышеназванной системы раскрывает реальные возможности для личностного общекультурного, творческого и профессионального развития студентов на современном этапе.

В процессе обучения на занятиях по курсу «Арт-информатика» формируется способность решать стандартные задачи профессиональной деятельности на основе информационной и библиографической культуры с применением информационно-коммуникационных технологий, что влияет на дальнейшее развитие креативной деятельности, приобретение культурологических знаний и освоение цифровых технологий.

Современному обществу требуется личность с креативным и критическим мышлением, основанным на научных методах познания, мотивированная на творческую деятельность. Концепция введения направления арт-информатики является междисциплинарной и интегративной основой для преодоления границ между искусством и технологическим знанием, которая будет мотивировать студентов к самореализации в креативных проектах с помощью современных конвергентных технологий [13].

Проведенное исследование не исчерпывает всех аспектов обучения в области информационных технологий, что предполагает дальнейший поиск путей в совершенствовании профессиональной подготовки студентов гуманитарных направлений. Данная тема, представленная в докладе на международной конференции «Актуальные тенденции развития образования: лучшие российские и международные практики», заинтересовала широкий круг педагогов-исследователей. Однако в рамках одной публикации весьма сложно осветить весь спектр вопросов, связанных со стремительным внедрением современных информационных технологий в гуманитарные сферы.

Список литературы

1. Гаража Н.А. Гуманитарные науки в экономике будущего // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 4-2. С. 168–172. URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=2780> (дата обращения: 07.06.2023).
2. От сюит до Nirvana: послушайте созданную нейросетью музыку // Сайт «РБК тренды». URL: <https://trends.rbc.ru/trends/> (дата обращения: 08.04.2023).
3. Нейросеть написала музыку для пяти городов России // Сайт «Новости Timeweb Community». URL:

<https://timeweb.com/ru/community/articles/neyroset-na-pisala-muzyku-dlya-ryati-gorodov-rossii-na-baze-bolshih-dannyh> (дата обращения: 29.03.2023).

4. В России появилась ИИ-радиостанция с созданными нейросетью треками // Сайт 4pda.to. URL: https://4pda-to.turbopages.org/4pda.to/s/2023/03/28/411397/v_rossii_poyavilas_ii_radiostantsiya_s_sozdannymi_nejrosetyu_trekami/ (дата обращения: 31.03.2023).

5. Нейросеть показала города России в людском облике, и от этих шедевров глаз не оторвать // Сайт life.ru. URL: <https://life.ru/p/1559908> (дата обращения: 12.04.2023).

6. Красильников И.М. Электронное музыкальное творчество в системе художественного образования: Дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02. М., 2007. 494 с.

7. Надолинская Т.В. Подготовка педагогов-музыкантов к игровому моделированию интегративных уроков музыки в условиях высшего профессионального образования: Автореферат дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02. М., 2008. 44 с.

8. Неменский Б.М. Педагогика искусства / Ред. Д.Д. Зуев. М.: Просвещение, 2007. 253, [2] с. (Библиотека учителя).

9. Савенкова Л.Г. Проблема комплексного взаимодействия искусств в исследованиях института ху-

дожественного образования и культурологии // Учитель музыки. 2018. № 1. С. 9–17.

10. Юсов Б.П. Полихудожественный подход как способ развития креативных способностей личности [Электронный ресурс]. 2012. URL: http://www.newtemper.com/dom/semya/polihudozhestvennyu_podhodkak_sposob_razvitiya_kreativnyh_sposobnostey_lichnosti_616 (дата обращения: 16.03.2021).

11. Нагаева И.А. Арт-информатика: основы, технологии, перспективы: Монография. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2021. 121 с.

12. Нагаева И.А. Педагогическая система электронного обучения студентов гуманитарного профиля в условиях освоения арт-информатики: Дис. ... д-ра пед. наук. М., 2022. 408 с.

13. Нагаева И.А. Арт-информатика: Учебное пособие. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2021. 369 с.

14. Нагаева И.А. Использование информационно-коммуникационных технологий в подготовке будущих специалистов сферы культуры и искусства // Казанский педагогический журнал. 2020. № 4. С. 99–106.

15. Направления исследований научной школы «Педагогический потенциал искусства» / Сост. Е.Ф. Командышко, д.п.н. М.: ФГБНУ «ИХОиК РАО», 2023. 36 с.

ART-INFORMATICS AS A NEW KNOWLEDGE FIELD IN CONDITIONS OF PROFESSIONAL ORIENTATION OF INTERDISCIPLINARY RELATIONS

I.A. Nagaeva, I.A. Kuznetsov

Moscow International University

The article considers the field of knowledge «Art-Informatics» as a new experience in integration technologies. An interdisciplinary synthesis of natural science and humanitarian knowledge has been identified. The author revealed the features of teaching information technology in higher education based on integrated and convergent approaches. The harmonious development of rational-logical and emotional-imaginative types of thinking contributes to the formation of the ability to think creatively, propose innovative solutions, and perform non-trivial tasks. Within the scope of STEAM convergence, new ways of learning and skill development are proposed, including the use of modern technology for competence prediction to enhance competitiveness, and digital tools for selecting educational activities. A new interdisciplinary direction of modern informatics called «Art-Informatics» is suggested, which results in the transformation of the system of accumulation, reproduction, transmission, and transformation of knowledge in the field of culture and art. The presented material allows for the conclusion of the significance of inter-subject integrative approaches for overcoming interdisciplinary boundaries in the fields of art and technological knowledge.

Keywords: integrated approach, interdisciplinary synthesis, informatics, arts information technology, students.

УДК 378.14.014.13

DOI 10.52452/18115942_2024_1_166

ВИРТУАЛЬНАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В ИНЖЕНЕРНЫХ ВУЗАХ

© 2024 г.

А.С. Сухристина

Сухристина Анна Сергеевна, к.пед.н.; начальник Управления международной деятельности, доцент кафедры иностранных языков в профессиональной коммуникации Казанского национального исследовательского технологического университета
sukhristina@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 01.06.2023**Статья принята к публикации 16.01.2024*

Анализируются виды виртуальной академической мобильности преподавателей и студентов как средства интернационализации инженерных вузов. Автор рассматривает различные варианты организации виртуального обучения с целью повышения квалификации преподавателей, приобретения навыков работы в виртуальном пространстве, коммуникативных навыков у студентов и этики поведения в межнациональном виртуальном сообществе. Целью статьи является изучение возможностей реализации академической мобильности в российских вузах с участием международных партнеров в дистанционном режиме. Выделены следующие задачи: проанализировать опыт организации международной академической мобильности в виртуальном формате на примере инженерного вуза; идентифицировать наиболее распространенные форматы виртуальной академической мобильности; определить перспективы развития виртуальной мобильности. На примере российского инженерного вуза рассмотрены наиболее распространенные виды мероприятий, проводимых в дистанционном или смешанном формате, сделано заключение о целесообразности участия в них и перспективах развития таких форм сотрудничества.

Ключевые слова: виртуальная мобильность, академическая мобильность, инженерные вузы, интернационализация, международное сотрудничество.

Введение

Сравнительно недавно виртуальная академическая мобильность и онлайн-методы обучения представляли собой наименее популярные форматы проведения занятий. В период пандемии новой коронавирусной инфекции образовательные учреждения по всему миру были вынуждены использовать дистанционную форму работы. Сначала такой переход был связан с большим количеством трудностей – недостатком разработанных онлайн-курсов, отсутствием опыта работы с использованием виртуальных средств и несовершенством доступного программного обеспечения, необходимостью адаптации содержания учебных материалов к дистанционному общению со студентами и пр. Впоследствии и студенты, и преподаватели научились подстраиваться под требования времени, признали существование положительных сторон виртуального обучения и стали наиболее оптимально использовать возможности, которые оно дает.

Для многих российских вузов переход образовательного процесса в дистанционный формат работы обнажил проблему цифровизации в области образования. Начался интенсивный поиск возможностей по созданию виртуальной образо-

вательной среды, разработке онлайн-курсов, использованию образовательных платформ и средств коммуникации между преподавателями и студентами. В процессе создания и совершенствования этих инструментов появилось понимание их преимуществ перед традиционными средствами, а также возможностей, которые они открывают перед вузами и студентами [1, 2].

Несмотря на отмену ограничений, связанных с распространением инфекции, российские университеты продолжили работу в данном направлении и ежегодно создают новые онлайн-курсы, разрабатывают модули для дистанционного обучения, задействуют виртуальные формы для проведения различных мероприятий и организации академической мобильности. Нарботанный опыт и методическое обеспечение позволили создать необходимые условия для функционирования международных программ и курсов в онлайн-формате в условиях глобального кризиса и резкого повышения стоимости авиабилетов.

Проблематика развития дистанционного образования затрагивается в работах П.Н. Осипова, Ю.Н. Зиядиновой, А.И. Горылева, А.Ю. Румянцевой, О.А. Тарутько, Т.О. Гаврилиной.

Российские исследователи подчеркивают, что образовательная среда включает в себя со-

вокупность условий, связанных не только с инфраструктурным обеспечением, но и с формами взаимодействия между участниками образовательного процесса [3, 4]. В современных реалиях такие формы сотрудничества часто обеспечиваются виртуальными программами и онлайн-курсами, встречами в дистанционном формате и видео-конференц-связью, а также смешанными видами организации мероприятий.

В то время как обучение в онлайн-режиме подвергается критике со стороны и преподавателей, и обучающихся в связи со смещением фокуса внимания студентов, спадом их мотивации, отсутствием личного контакта с преподавателем и прочими факторами, использование виртуального пространства для проведения краткосрочных образовательных мероприятий приобретает популярность при организации обучающих семинаров, конференций, олимпиад, программ и курсов дополнительного образования. Особенно ценят такую возможность взрослые слушатели, т.к. при этом они могут максимально эффективно распределять свободное время.

Профессор П.Н. Осипов отмечает, что цифровизация в образовании – это сложный процесс, который имеет не только положительные последствия, но и негативные. Так, автор говорит о развитии привычки полагаться на гаджеты и электронные информационные ресурсы. При этом страдают навыки аналитического мышления, грамотной устной и письменной речи, снижается творческий потенциал [5].

Доцент Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского А.И. Горылев говорит о влиянии цифровизации на процессы интернационализации, приводя в пример совместные образовательные программы с зарубежным партнером, реализуемые с применением дистанционных технологий [6].

Представители Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики анализируют проблемы перехода российских университетов к дистанционному обучению, разрабатывают рекомендации по преодолению препятствий на пути его развития, а также определяют тенденции по использованию онлайн-формата в образовательных целях [7].

Исследователи из Уральского федерального университета рассуждают о достоинствах виртуальной мобильности как с точки зрения участников образовательного процесса, так и для образовательной организации и регионального развития. Они рассматривают предпосылки развития виртуальной мобильности на примере своего региона и определяют готовность субъектов к такому формату [8].

Целью данной статьи является изучение возможностей реализации академической мобильности в российских вузах с участием международных партнеров в виртуальном формате. Для достижения поставленной цели были выделены три задачи:

- проанализировать опыт организации международной академической мобильности в виртуальном формате на примере инженерного вуза;
- идентифицировать наиболее распространенные форматы виртуальной академической мобильности;
- определить перспективы развития виртуальных форм мобильности.

Помимо обстоятельств, связанных с периодом пандемии, актуальность исследования обусловлена такими социальными факторами, как рост трудовой занятости студентов и стремление минимизировать временные затраты на обучение. Кроме того, комплекс логистических барьеров при осуществлении международных визитов также вносит вклад в поиск альтернативных путей реализации интернациональных образовательных проектов [9].

Методы исследования

В основу исследования легли следующие методы:

- теоретические: анализ литературных источников по изучаемой проблеме, обобщение педагогического опыта, сравнение, синтез, прогнозирование;
- эмпирические: анализ и изучение механизмов реализации международной академической мобильности в виртуальном формате на примере российского инженерного вуза, включенное наблюдение.

Результаты и обсуждение

Рассмотрим практику осуществления международных образовательных проектов в виртуальной форме на примере ведущего российского университета в области химической технологии – Казанского национального исследовательского технологического университета (КНИТУ).

Период пандемии заставил академическое сообщество переосмыслить значимость обучения в дистанционном формате и пересмотреть его возможности. Как и большинство российских вузов, КНИТУ приступил к перестройке собственных образовательных программ, создавая онлайн-курсы и среду для цифровизации.

При взаимодействии с иностранными коллегами все чаще стали использоваться виртуальные формы и онлайн-ресурсы. Так, за послед-

ние два года ряд мероприятий был реализован в виртуальном формате.

В декабре 2022 г. состоялись онлайн-лекции на кафедре материалов и технологий легкой промышленности по дисциплине «Материаловедение в производстве изделий легкой промышленности» с привлечением преподавателей Ташкентского института текстильной и легкой промышленности (Республика Узбекистан) и Технологического университета Таджикистана. Лекции были организованы для иностранных студентов из этих стран. Такая возможность позволила создать доверительную атмосферу в аудитории, ребята высоко оценили шанс прослушать лекции на родном языке, почувствовали себя частью университета и положительно отнеслись к подобной практике.

Для другой группы студентов вуза, готовящихся поступать на программу двойных дипломов с китайским партнером, был предоставлен доступ к онлайн-курсу «Китайский мост. Современный Китай – прекрасный новый Хайнань», организованному Хайнаньским университетом. В рамках занятий ребята познакомились с основами китайского языка, обсудили особенности культуры и этики, узнали о жизни китайских студентов. Курс позволил некоторым из участников принять решение о поездке в Китай на обучение, другим помог снять страх, связанный с коммуникацией с иностранными преподавателями.

В апреле 2023 г. студенты Института управления, автоматизации и информационных технологий КНИТУ приняли участие в I Международной открытой интернет-олимпиаде по информатике на базе Международного университета нефти и газа имени Ягшыгелди Какаева (Туркменистан). Трое участников заняли призовые места, получили дипломы об участии в международном мероприятии и укрепились в уверенности в собственных силах.

В течение нескольких лет студенты КНИТУ имеют возможность слушать цикл лекций по экономике («Энергетическая экономика и климатическая политика», «Экономика образования», «Экономика труда», «Экономика энергетики и рынок электроэнергии») от международного партнера.

Преподаватели также активно вовлекаются в новые правила игры. В 2022 г. в онлайн-формате состоялся курс лекционных и практических занятий по академическому письму на английском языке. В рамках курса слушателям демонстрировались особенности написания исследовательских работ в англоязычном пространстве, а также научных публикаций в журналах, индексируемых в базе данных Scopus.

В 2022/23 учебном году сотрудники и преподаватели КНИТУ присоединились к шести-недельному модульному курсу повышения квалификации преподавателей на английском языке в дистанционной форме. Курс был подготовлен мировыми экспертами в области образования и предоставил возможность молодым и более опытным преподавателям работать совместно, организовывать обсуждения, а также применять на практике инновационные методы и принципы преподавания.

Кроме того, дистанционный формат был адаптирован и для проведения рабочих встреч с зарубежными коллегами. Так, только за первое полугодие 2023 г. 90% совещаний по вопросам международного сотрудничества было проведено в смешанном или онлайн-режиме. Признавая, что такая форма не может стать полноценной альтернативой «живых» встреч, все же отметим удобство такого формата для решения текущих вопросов.

Например, на регулярной основе виртуальный формат совещаний применялся нами при разработке программы двойных дипломов с китайскими коллегами. Соглашение о реализации этой программы также было подписано в рамках видео-конференц-связи. Тем не менее остались вопросы, которые требуют личного общения руководителей университетов.

Ежегодная встреча Координационного совета Сетевого университета СНГ организуется в смешанном формате. КНИТУ представляет свои выступления по видеосвязи, а для обсуждения предусмотрены виртуальные комнаты в соответствии с реализуемыми направлениями подготовки, что позволяет развести представителей университетов по интересам.

Анализируя результаты проведения этих мероприятий, мы пришли к выводу, что хотя виртуальные площадки не могут заменить личное общение и офлайн-встречи, подобный формат расширяет возможности для международных образовательных проектов, исключает затраты на логистику, закладывает перспективы дальнейшего сотрудничества и является удобным механизмом по поддержке взаимосвязей.

Заключение

Опыт взаимодействия с иностранными коллегами позволяет выделить следующие наиболее распространенные виды онлайн-мероприятий: видеоконференции, олимпиады, курсы повышения квалификации, лекционные и семинарские занятия.

Как видно из рассмотренных примеров, в случае инженерного вуза виртуальный формат академической мобильности является сопут-

ствующим механизмом реализации образовательных программ. Онлайн-мобильность в технических университетах чаще используется в качестве дополнительного инструмента развития основных направлений деятельности, который им способствует и стимулирует их реализацию, нежели как самостоятельное средство обучения. Так, в стремлении привлечь интерес к международным программам по химической технологии студентам предлагают изучать иностранные языки в дистанционном режиме. Развивая компетенции по написанию научных работ, к удаленным занятиям привлекают практиков со всего мира. Тем самым происходит насыщение основных программ факультативными или дополнительными компонентами в дистанционном виде.

В то время как у дистанционных событий существуют неоспоримые преимущества, такие как экономия на логистических расходах, рациональное планирование рабочего графика, развитие компьютерной грамотности, традиционные форматы международных встреч остаются предпочтительными для установления связей, решения сложных задач в индивидуальном порядке и мотивации молодых студентов.

В этой связи развитие виртуальных форм академической мобильности представляется перспективным для дальнейшего продвижения образовательных программ российских вузов на международной арене, укрепления сотрудничества, реализации краткосрочных проектов и решения текущих задач.

Список литературы

1. Ziyatdinova J.N. Current trends in international academic mobility // *International Research Journal*. 2023. № 1 (127). P. 62.
2. Прохоров Д.И. Направления внедрения онлайн-обучения // *ФМО*. 2020. № 3 (25). Ч. 1. С. 74–79.
3. Зиятдинова Ю.Н. Инновационная образовательная среда исследовательского университета // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 3. С. 471.
4. Сухристинина А.С. Англоязычные образовательные программы как средство повышения привлекательности отечественных инженерных университетов // *Бизнес. Образование. Право*. 2022. № 4 (61). С. 485–490.
5. Осипов П.Н. «Вирусная» цифровизация и ее последствия // *Профессиональное образование и рынок труда*. 2020. № 2. С. 75–77.
6. Горылев А.И. Влияние цифровизации на процессы интернационализации университетов (на примере создания и реализации международных совместных магистерских программ) // *Векторы развития магистратуры будущего в условиях глобальных вызовов: Сборник статей участников Международной конференции / Науч. ред. С.Д. Макарова, М.В. Прохорова; отв. ред. С.В. Напалков. Н. Новгород: ННГУ*, 2020. С. 110–114.
7. Румянцева А.Ю., Тарутько О.А. Анализ влияния пандемии на образовательную экосистему // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2022. 34 (68). С. 188–194.
8. Гаврилина Т.О., Цховребова Л.Р., Шуклина Е.А. Виртуальная академическая мобильность как инструмент развития сетевого взаимодействия вузов в регионе // *Высшее образование в российских регионах: вызовы XXI века: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (17 сентября 2018 г., УрФУ, Екатеринбург)*. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2018. С. 110–114.
9. Сухристинина А.С. Академическая мобильность студентов из Азии как критерий эффективности международного сотрудничества // *Казанский педагогический журнал*. 2016. № 5 (118). С. 120–124.

VIRTUAL ACADEMIC MOBILITY IN ENGINEERING UNIVERSITIES

A.S. Sukhristina

Kazan National Research Technological University

The article analyses types of virtual academic mobility of faculty members and students as a mean of internationalization in engineering universities. The author considers different options for professional development of faculty, for training skills to work in virtual environment, students' communicative skills, as well as ethical behavior in international virtual community. The aim of the paper is to study the opportunities for academic mobility with international partners at Russian universities in online mode. The following objectives were stated: to analyze the experience of international academic mobility in virtual mode at the example of an engineering university; to identify the most popular forms of virtual academic mobility; and to determine the prospects of its development. The main types of events arranged online at an engineering university were studied. The author provided reasons of participating in such events and made a conclusion on their further development.

Keywords: virtual mobility, academic mobility, engineering universities, internationalization, international cooperation.

УДК 796/799

DOI 10.52452/18115942_2024_1_170

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ МЕТОДИКИ ВИЗУАЛИЗАЦИИ НА РЕЗУЛЬТАТЫ СОРЕВНОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ

© 2024 г. *Л.А. Трухачева, М.А. Васильева, Ю.М. Скороходова, А.С. Фаренбрух*

Трухачева Лидия Андреевна, старший преподаватель кафедры физического воспитания
Липецкого государственного технического университета
truhacheva.lida@yandex.ru

Васильева Маргарита Александровна, старший преподаватель кафедры физического воспитания
Липецкого государственного технического университета
myhomor.86@yandex.ru

Скороходова Юлия Михайловна, старший преподаватель кафедры физического воспитания
Липецкого государственного технического университета
skorohodova-yulya76@mail.ru

Фаренбрух Анна Сергеевна, преподаватель кафедры физического воспитания
Липецкого государственного технического университета
buryakova.n@outlook.com

Статья поступила в редакцию 26.10.2023

Статья принята к публикации 19.01.2024

Рассматривается методический аспект подготовки спортсменов к соревновательной деятельности. Предлагается применение визуализации во время тренировок. Доказывается эффективность внедрения визуализации при подготовке студентов к спортивным соревнованиям путем рассмотрения научно-исследовательской литературы по анализируемой теме, выбора наиболее рациональной методики визуализации с последующим использованием полученной методической базы при подготовке одной из команд к участию в соревнованиях. При сопоставлении результативности работы данной команды с двумя другими были выявлены преимущества подхода визуализации по сравнению со стандартными тренировочными процессами – значительная слаженность, командный дух, готовность к постоянно меняющейся игровой ситуации, нацеленность на победу и успех. По количеству победных матчей команда, пользовавшаяся приемами визуализации, сравнялась с командой, устраивавшей индивидуальные тренировки помимо регулярного посещения командных. Это доказывает необходимость выработки позитивного типа мышления, грамотного целеполагания в спортивной деятельности. Обоснована актуальность исследования, описана сущность и определены этапы процесса визуализации, а также основные факторы, влияющие на успешное освоение приема. Полученные данные могут быть использованы в дальнейшем для организации тренировочного процесса в других вузах и спортивных учреждениях.

Ключевые слова: визуализация; спорт; тренировочный процесс; соревнования; студенты; психоэмоциональное состояние; спортивная психология.

Введение

Актуальность вопроса подготовки спортивного резерва и кадров подтверждается реализацией федерального проекта «Спорт – норма жизни», в рамках которого предполагается организация глобальных спортивных мероприятий («Золотая шайба», «Лыжня России», «День физкультурника» и др.). С целью успешного участия в соревнованиях необходимо решение проблемы снижения результативности спортсменов в связи с отсутствием стабильного психоэмоционального состояния [1]. С точки зрения спортивной психологии считается возможной адаптация спортсменов к физическим изменениям и крайне затруднительной – к эмоциональным переживаниям без специальной под-

готовки. В связи с этим даже при высокой степени готовности к соревнованиям отсутствие проработки неуверенности в себе и возможных препятствий, «сценария» выступления может привести к отрицательным результатам. Решением данной проблемы выступает метод визуализации в комплексе с физической подготовкой.

Основной идеей визуализации в спорте является систематичное представление спортсменом себя в условиях реализации цели, при этом выявляются возможные препятствия и негативные воздействия, способные ухудшить результат. Творчески моделируя свое поведение в разнообразных ситуациях, спортсмен обучается способности рационального выбора образа поведения в реальных состязательных условиях. Таким образом, помимо работы над уровнем

физической подготовки необходимо комплексное выполнение упражнений по визуализации и психоэмоциональной составляющей в целом.

В настоящее время визуализация применяется при подготовке спортсменов в профессиональном спорте наряду с возможностью работы со спортивным психологом (в США с 1960-х гг.), известен ряд зарубежных исследований, посвященных данной теме.

Эрик Бертран Ларссен рассматривает приемы и востребованность спортивной визуализации [2]. Визуализация применяется при непосредственной подготовке к началу соревнований, позволяет сконцентрироваться на поставленных задачах, вспомнить особенности маршрута (для лыжного вида спорта) или технические приемы (бокс, фехтование). При этом актуальна техника «внутренней камеры», заключающаяся в рассмотрении выступления с субъективной точки зрения. Доказательством эффективности приема, по мнению автора, выступает исследование Аудуна Мюскья среди баскетболистов. После фиксирования первоначального уровня подготовленности по количеству попаданий мяча в корзину участников разделили на три группы: без практики; с ежедневной отработкой бросков и с визуализацией попаданий. Результаты работы в течение трех месяцев показали отсутствие улучшения среди игроков первой группы, улучшение попаданий второй группы на 36% и третьей – 18%. Таким образом, процесс визуализации показал эффективность половины практических занятий, а комплексное применение практических тренировок и визуализации могло бы продемонстрировать максимальный результат.

Кеннет Баум в книге «Грани ума» описывает другое исследование [3]. В олимпийском тренировочном центре (Колорадо) 30 спортсменов для ежедневных тренировок по гольфу разделили на три группы. Первая команда визуализировала полный процесс выполнения броска с точным попаданием в лунку, вторая – бросок с отклонением в сторону или остановкой мяча, третья продолжала стандартные занятия. Статистическая обработка результатов показала улучшение эффективности удара первой группы на 30%, третьей – на 11% и снижение количества попаданий второй команды на 21%. Данное исследование показывает прямую зависимость позитивного или негативного самовосприятия и успехов в спорте.

Исследователь работы человеческого мозга Ричард Рестак утверждает, что при мысленном представлении активных действий происходит активация мозговых центров, улучшающих работоспособность [4]. Это демонстрируют ска-

нограммы ПЭТ (позитронно-эмиссионной томографии), на которых заметна работа префронтальной области мозга, формирующей моторные программы. Таким образом, биологический смысл визуализации заключается в активации мозговых центров для выполнения дальнейшей физической деятельности.

При этом в нашей стране проблеме психоэмоционального состояния при занятии спортом уделяется относительно меньше внимания. На уровне вузов в связи с недостатком методических данных и нехваткой временных ресурсов визуализация не является распространенной практикой и не вводится в тренировочный процесс целенаправленно и коллективно.

Целью исследования является доказательство целесообразности подхода визуализации в спортивной деятельности вузов. Задачи исследования – проанализировать существующие методики визуализации, выбрав наиболее рациональную в условиях подготовки студентов вуза к соревнованиям по спортивным играм; доказать эффективность внедрения визуализации в тренировочный процесс путем разделения спортсменов на три группы с различными условиями подготовки и дальнейшего анализа их результативности.

Методология

Исследование базируется на рассмотрении и анализе существующих научных исследований, теоретического и методического аспектов спортивной визуализации с целью предложения оптимальной методики визуализации. Составленный комплекс приемов был внедрен в тренировочный процесс для одной из трех сборных команд спортсменов-волейболистов при подготовке к внутривузовским соревнованиям по спортивным играм. Вторая команда посещала стандартные тренировки без применения инновационных подходов, для третьей было выбрано сочетание групповых и индивидуальных занятий с учетом личных особенностей физической подготовки во внеучебное время. Затем производилась оценка уровня физической подготовленности по каждой из трех групп и результатов соревнования.

Результаты

Наряду с имеющимися исследованиями по рассматриваемой теме можно выделить ряд общих методик визуализации, применимых для улучшения не только уровня спортивной подготовки, но и качества жизни в целом.

1. Методика освоения нового навыка заключается в выборе и формулировании конкретного

навыка для освоения, анализе настоящего уровня владения навыком, процессе детализированной визуализации осуществления всех предусмотренных навыков действий, повторении упражнения на протяжении более недели (по 20 минут в день), проверке результативности в реальности с фиксированием показателей прогресса.

2. Улучшение восприятия необходимо для развития памяти, понимания событий и поведения людей и включает такие действия, как поиск тихого места и фокусировка внимания на окружающем; воссоздание зрительных образов с закрытыми глазами (цветов, текстур, форм объектов); повторение упражнения до максимальной мысленной передачи окружающего пространства.

3. Повышение самооценки базируется на следующих действиях: представление себя с закрытыми глазами в большой пустой комнате; последовательная визуализация входящих в комнату людей, высказывающих одобрение по поводу работы, результатов деятельности и пр.; представление рассказа о своих достижениях в комнате, наполненной людьми. Процесс улучшения самооценки является длительным, и результативность проявляется при регулярном применении его принципов в течение 10–20 минут в день.

4. Физическое и умственное расслабление в стрессовой ситуации. Принять положение сидя или лежа в спокойной обстановке, при необходимости использовать негромкую расслабляющую музыку. При глубоком дыхании мысленно считать от 50 до 1 с одновременным последовательным расслаблением каждой мышцы тела. Представить наиболее комфортное для себя пространство (например, дом), поддерживая умиротворенное состояние, затем акцентировать внимание на приоритетах, задачах, в решении которых поможет выработанное ощущение.

5. Физическое и умственное исцеление. Методика основывается на принципе плацебо, т.е. улучшении состояния в связи с уверенностью в положительном воздействии фактора. Действенность исцеления связана с созданием системы убеждений, позволяющих мозгу влиять на выработку нейротрансмиттеров и химических соединений, запускающих внутренние биологические процессы и определяющих процесс выздоровления. Методика включает три способа: визуализация энергии Земли, золотого и огненного шаров.

6. Формирование плана действий: расслабление; визуализация с закрытыми глазами необходимых для осуществления в ближайшее время планов (конкретная формулировка плана, ощущения в процессе реализации, план действий, взаимодействие с людьми, возможные препят-

ствия и способы их преодоления, итог); учесть возможность изменения внешних условий и придумать различные сценарии для адаптации.

7. Достижение целей. Данный метод наиболее эффективен для спортивной деятельности, это обусловлено направленностью любого спортивного соревнования на конечный численно измеримый результат. При этом методика освоения нового навыка ограничена отдельной способностью, что делает ее лишь вспомогательной для спортсмена, так как в любой спортивной деятельности необходимо комплексное развитие системы навыков. Другие рассмотренные методики выступают дополнением к основному тренировочному процессу, затрагивая лишь отдельные стороны физического и умственного совершенствования. В связи с этим для детального рассмотрения была выбрана именно методика достижения целей.

Основные приемы и правила визуализации, выбранные для внедрения в тренировочный процесс волейболистов, сформулированы на основе методики достижения целей Джона Кехо [5]. В результате рассмотрения научно-исследовательской литературы и на базе собственных выводов предлагается следующая методология визуализации. Главным первоначальным этапом визуализации является точная постановка цели, определение объекта визуализации как сложный многостадийный процесс. Рассмотрим характерные этапы процесса постановки целей у спортсменов (таблица 1).

После решения вопроса целеполагания необходимо расслабление и отвлечение от внешних факторов, после чего спортсмен переходит к основному этапу визуализации. Этапы визуализации – физическое и умственное расслабление, идеальное состояние, непосредственная визуализация на максимуме возможностей, формирование и закрепление образа и фиксирование конечного результата. Главными принципами данных этапов являются системность (ежедневно по 10 минут утром и вечером), последовательность представления (четкая ориентация на обозначенную ранее цель), настрой на позитивное мышление (понимание того, что для воплощения ожидаемых результатов в жизнь требуется практика и время), детальность (представление арены, окружения, соперников, обращение внимания на свои собственные ощущения и мысли в момент выступления).

В противовес методу диссоциации предпочтительнее метод ассоциации, связанный с представлением самого себя и происходящего «от первого лица». Следует стремиться к более осознанной, яркой и системной визуализации.

Таблица 1

№	Наименование стадии	Этапы стадий	Содержание
1	Целеобразование	Формулирование идеальной цели	Иерархия целей включает глобальную цель и второстепенные. План достижения может быть долгосрочным, среднесрочным и краткосрочным
		Определение средств достижения	
		Планирование	
2	Целеудержание	Энтузиазм на начальном этапе	Борьба с «выгоранием», нахождение баланса между успехами и неудачами, рациональная самооценка, саморегуляция с учетом личного уровня, работа без отвлечения на побочные обстоятельства
		Падения и взлеты	
		Внутренний конфликт	
		Формирование личных стандартов	
		Побочное влияние	
3	Целереализация	Осмысление итогов	Анализ и осмысление результатов, пересмотр цели при необходимости
		Отказ от результата	

Таблица 2

№ команды	Кол-во матчей		Кол-во побед		Кол-во поражений		Кол-во забитых мячей		Кол-во пропущенных мячей		Всего мячей	
	Контрольных	Соревновательных	Контрольные матчи	Соревновательные	Контрольные матчи	Соревновательные	Контрольные матчи	Соревновательные	Контрольные матчи	Соревновательные	Контрольные	Соревновательные
1	6	6	3	4	3	2	10	13	14	10	24	23
2	6	6	2	1	4	5	7	8	15	14	22	22
3	6	6	4	4	2	2	11	15	16	11	27	26

В комплексе с визуализацией необходимо внедрение следующих приемов: отдых (прогрессирующая мышечная релаксация, медитация, расслабляющая музыка); самовнушение (закладка образа позитивного мышления и установок, направленных на успех); самомотивация (поддержание необходимого уровня вовлеченности в тренировочный процесс путем обращения к мотивирующим идеям, мыслям или возможным результатам) [6].

Применительно к формированию слаженности командной работы предлагается использование аудиовизуальных технических средств (демонстрация рисунков, видеороликов, записей успешных выступлений, таблиц и диаграмм при необходимости) [7, 8].

На базе Липецкого государственного технического университета было проведено исследование целесообразности внедрения визуализации при подготовке спортсменов к соревновательной деятельности. Среди участников предстоящего внутривузовского соревнования по волейболу было выделено 3 команды юношей по 6 игроков с различными условиями подготовки. Сформулированная ранее методика визу-

ализационного подхода в тренировочном процессе послужила основой для тренировки первой команды, при этом двигательная активность в привычном понимании оставалась минимальной, без дополнительных физических занятий. Вторая команда тренировалась с применением стандартной методики без инновационных подходов, участники третьей команды помимо групповых тренировок занимались во внеучебное время лично с учетом индивидуальных предпочтений и особенностей.

В общей сложности на подготовку к соревнованию по волейболу было выделено 2 месяца, по истечении которых команды проявили достигнутые результаты. До внедрения вышеуказанных методик тренировки были проведены контрольные матчи в целях установления текущего уровня игровых и командных навыков спортсменов, результаты которого наряду с оценкой итогов соревнования показывают улучшение качества бросков (по проценту количества забитых мячей от общего количества мячей, т.е. забитых и пропущенных) в первой команде – на 26%; второй – на 13%; третьей – на 29% (таблица 2) [9].

Таблица 3

Усредненная динамика физиологических показателей и субъективных ощущений спортсменов при переходе к методу визуализации

№ спортсмена	ЧСС		АД		Субъективные ощущения и мысли
	После активной деятельности	После визуализации	После активной деятельности	После визуализации	
1	107	76	120/82	112/71	Состояние покоя, умиротворения
2	121	81	125/79	115/69	Расслабленность и комфорт, отвлечение от посторонних мыслей
3	98	69	117/73	108/61	Сложности создания точного зрительного образа, успокоение
4	106	72	127/84	118/74	Погружение в объекты визуализации, измененное состояние сознания
5	115	79	124/75	106/63	Улучшение мыслительных процессов, высвобождение энергии
6	99	68	132/86	120/76	Сложности в концентрации при общей вовлеченности в процесс визуализации

Результаты соревнования показали равное количество побед (по 4 победы из 6 игр) у первой и третьей команды, занимавшихся визуализацией и комплексной командно-индивидуальной работой соответственно. По количеству забитых мячей лидировала третья команда с разницей в 2 мяча по сравнению с первой. Наихудший результат показала команда, работавшая по минимальному плану стандартных тренировок без дополнительных занятий (1 победа из 6 матчей и наибольшее количество пропущенных мячей – 14). Вместе с этим у первой команды наблюдалась значительная степень слаженности, готовности к постоянно меняющейся игровой ситуации и уверенности каждого игрока в себе и в общем успехе. Таким образом, при сопоставлении результатов контрольных матчей и соревнований наблюдается наибольшая эффективность дополнительных индивидуальных тренировок и методики визуализации, причем небольшое преобладание результативности первых объясняется недостаточностью базовых занятий без личностного подхода к студентам в комплексе с визуализацией. Возможно выдвинуть гипотезу о наибольшей эффективности применения методики визуализации в комплексе с лично ориентированными дополнительными тренировками.

Докажем влияние методов визуализации на количественные результаты соревновательной деятельности. Изначальное распределение спортсменов по сборным командам производилось с учетом оценки уровня физической подготовленности по результатам сдачи контрольных нормативов по бегу, прыжкам в длину, отжиманиям и метанию гранаты, теста Купера, после чего выбирались спортсмены с максимально

приближенными нормативными характеристиками: для бега на 100 м – в диапазоне 13.1 – 13.5 с; челночного бега 3×10 м – 6.9–7.3 с; прыжков в длину с места – 225–240 см; отжиманий – 28–32 (количество раз от пола); метаний гранаты (700 г) – 25–30 м. По результатам теста Купера, состоящего из 4 заходов для 4 упражнений по 10 повторений каждое (отжимания, прыжки из упора лёжа, поднимания туловища, выпрыгивания из полного седа), выбирались спортсмены с хорошей физической подготовкой, которой соответствует время выполнения 4 минуты. Возраст испытуемых – 20–22 года, что также минимизировало возможные расхождения в итогах состязаний в связи с возрастными различиями уровней физической подготовленности. До начала исследования рассматривались медицинские карты спортсменов на предмет наличия диагнозов или возможных отклонений, способных выступить фактором, усложняющим фиксацию результативности визуализации при прочих равных условиях. Таким образом, уровень начальной подготовки до соревнования условно примем одинаковым для спортсменов трех команд.

Проверка достижения спортсменами первой команды эффективного для успешной визуализации состояния производилась фиксацией ЧСС, АД (со сравнением показателей с данными сразу после двигательной активности для каждого спортсмена), анализом субъективных ощущений и мыслей спортсменов по результатам опроса. У всех участников команды наблюдалось снижение приведенных показателей (таблица 3), что свидетельствует о достижении состояния релаксации и покоя для абсолютного большинства спортсменов, являющегося первой

стадией эффективной визуализации. По данным опроса, на первых занятиях испытуемым удавалось достаточно точное воспроизведение зрительного образа через 30–40 с после начала визуализации, в дальнейшем этот временной интервал снизился до 10–15 с, при этом визуально наблюдалось расслабление мышц, отвлечение от посторонних мыслей и отрешенность от внешних объектов. Были выявлены сложности, связанные с необходимостью концентрации внимания и вовлеченности в процесс, помехи в создании точного зрительного образа, что заметно улучшалось с тренировкой и практически было решено на финальных этапах подготовки с использованием методики визуализации.

Исходя из относительного равенства начального уровня подготовки спортсменов, можно сделать вывод о положительном влиянии именно методов визуализации на координацию, слаженность действий команды, волевые качества (большая уверенность в достижении результата, точность, стрессоустойчивость).

Дальнейшими перспективами развития исследования являются: проверка результативности визуализации в других видах спорта и проведение спектрального и корреляционного анализа компьютерной электроэнцефалографией для подтверждения и уточнения влияния процесса визуализации на работу головного мозга [10].

Результаты исследования свидетельствуют об эффективности методики визуализации наряду с физическими нагрузками в спортивной деятельности, что демонстрируют количественные характеристики проведенных матчей.

Заключение

Таким образом, в рамках научной статьи была достигнута основная цель и выполнены задачи исследования. Полученные данные позволяют судить о наибольшей слаженности, уверенности в действиях и результативности волейбольной команды, занимавшейся в процессе тренировок визуализацией, что свидетельствует о применимости методики визуализации при подготовке к соревнованиям в вузах. Проведенное исследование может быть использовано при поиске новых

методов подготовки спортсменов в других вузах, а также спортивных организациях.

Список литературы

1. Бурякова Н.С., Трухачева Л.А. Влияние занятий физической культурой на эмоционально-психологическое состояние // Современные технологии здоровьесбережения и безопасности жизнедеятельности в педагогическом процессе: Материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2022. С. 87–91.
2. Ларссен Э.Б. Без жалости к себе. Раздвинь границы своих возможностей. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 210 с.
3. Baum K. The Mental Age: Maximize Your Sports Potential with the Mind-Body Connection. New York: TarcherPerigee, 1999. 192 p.
4. Рестак Р. Поразительная память. Тайны, секреты, факты. Руководство для улучшения работы мозга. М.: Изд-во «АСТ», 2022. 273 с.
5. Кехо Дж. Подсознание может все. Минск: ООО «Попурри», 2014. 140 с.
6. Боженова Н.А., Джумагалиева А.А., Заикина О.А. Использование метода визуализации при подготовке студентов-спортсменов // Международный студенческий научный вестник. Сетевое издание. 2018. № 5. URL: <http://eduherald.ru/article/view?id=18801>
7. Тихонова И.В., Пиллок Н.Н., Жигайлова Л.В. Применение визуализации при формировании и выполнении командных действий (на примере групповой акробатики в парашютном спорте) // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2019. Т. 4. № 4. С. 144–147.
8. Загrevский В.И., Загrevский О.И., Иванчиков Н.В. Визуализация техники спортивных упражнений в вычислительном эксперименте // Научно-методическое обеспечение физического воспитания и спортивной подготовки студентов вузов: Материалы Международной научно-практической конференции. Минск: Белорусский государственный университет, 2018. С. 518–522.
9. Головин В.В., Москвин Н.Г., Саламашкина Н.В. Методы визуализации в карате и других видах спорта // Визуальная коммуникация в социокультурной динамике: Материалы Международной научно-практической конференции. Казань: Казанский федеральный университет, 2015. С. 473–478.
10. Корюкалов Ю.И. Электроэнцефалографические особенности биоэлектрических процессов мозга при визуализации // Человек. Спорт. Медицина. Челябинск: ЮУрГУ, 2005. С. 232–235.

RESEARCH OF THE INFLUENCE OF VISUALIZATION TECHNIQUES ON THE RESULTS OF STUDENTS' COMPETITIVE ACTIVITIES

L.A. Trukhacheva, M.A. Vasilyeva, Yu.M. Skorokhodova, A.S. Farenbrukh

Lipetsk State Technical University

The article discusses the methodological aspect of preparing athletes for competitive activities. The use of visualization during training is proposed. The effectiveness of introducing visualization in preparing students for sports competitions is proven by reviewing scientific research literature on the topic being analyzed, choosing the most rational visualization tech-

nique, followed by using the resulting methodological base when preparing one of the teams to participate in competitions. When comparing the performance of this team with two others, the advantages of the visualization approach compared to standard training processes were identified – significant coherence, team spirit, readiness for an ever-changing game situation, focus on winning and success. In terms of the number of winning matches, the team that used visualization techniques was equal to the team that organized individual training sessions in addition to regularly attending team training sessions. This proves the need to develop a positive type of thinking and competent goal setting in sports activities. The relevance of the study was substantiated, the essence was described and the stages of the visualization process were determined, as well as the main factors influencing the successful development of the technique. The data obtained can be used in the future to organize the training process in other universities and sports institutions.

Keywords: visualization; sport; training process; competitions; students; psycho-emotional state; sports psychology.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 008.2

DOI 10.52452/18115942_2024_1_177

РОССИЙСКАЯ НАУКА ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ВРЕМЕНИ: БУДУЩЕЕ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ¹

© 2024 г.

Р.Г. Стронгин

Стронгин Роман Григорьевич, д.ф.-м.н.; проф.;
президент Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
president@unn.ru

Статья поступила в редакцию 11.01.2024

Статья принята к публикации 31.01.2024

Наука не является чем-то дополнительным. Наука и технологии, которые реализуют ее открытия, являются главной преобразующей силой развития.

Уже в 70-е годы прошлого века в развитых странах энерговооруженность одного работающего по сравнению с эпохой до паровой машины выросла в 100 тысяч раз. Ядерная энергетика добавила новые возможности. Произошло преодоление энергетического барьера.

Глубокое разделение труда и широкая кооперация позволяют создавать изделия небывалой сложности, включающие сотни тысяч разных компонентов. А всякое удвоение (по сложности, по объему, по стоимости) учетверяет информационные потоки, необходимые для управления. Возникает информационный барьер. И безоружный интеллект не может его преодолеть.

Как ответ создаются гигантские вычислительные мощности, возникают виртуальные сети. И новый барьер также преодолевается.

Огромный опыт, который аккумулирует наука, сегодня доступен в цифровой форме. Информационные технологии позволяют преобразовывать этот огромный опыт в рекомендации по выбору решений. Это и есть искусственный интеллект. Он делает прошлый опыт массово доступным.

Наука рождает конкурентные преимущества той страны, которая ее развивает. Это может препятствовать распространению достижений. Но даже если дверь к плодам науки открыта, нужны люди, которые имеют достаточную подготовку, чтобы войти в эту дверь. Например, такие как Ломоносов или такие как главные исполнители нашего ядерного проекта. Эти люди фактически – национальное достояние.

Национальная наука не возникает сама. Ее развитие – задача власти. Именно Петр Великий заложил основы нашей Академии и университетского образования. Роль этой стратегической линии видна и на Нижегородской земле.

1945 год показал, что одна бомба может уничтожить целый город. И в том же году в Горьковском университете был открыт первый в Советском Союзе факультет для освоения фундаментальных основ радиолокации. Выпускники этого факультета создали НИИ, конструкторские бюро, заводы и даже два физических института Академии наук в нашем городе. Мы стали столицей отечественной радиолокации и мировым центром изучения волновых явлений.

Еще один пример. В 1963 году в Горьковском университете был создан первый в Советском Союзе факультет вычислительной математики и кибернетики. Это стало возможно благодаря тому, что органы власти восприняли нарождающуюся вычислительную технику как источник масштабных преобразований, требующих принципиально новых кадров, и поддержали начинание университета.

Сегодня этому первому факультету исполнилось 60 лет. Тысячи его выпускников работают во многих промышленных, исследовательских и коммерческих организациях. Показателен уровень подготовки. Студенты факультета были призерами и победителями многих международных соревнований (в том числе Чемпионата мира по программированию, конкурса по программированию суперкомпьютеров в США и др.). В 2011 году учебный план факультета по подготовке специалистов в области супервычислений был представлен на конкурсе в Евро-

пе и занял первое место (т.е. мы учим по лучшему в Европе учебному плану).

Более того, американская система ScholarGPS, определяющая рейтинги университетов мира, показывает, что по одному из направлений этого факультета Университет Лобачевского последние 5 лет входит в тройку лучших университетов мира.

Нижегородская деятельность в области информационных технологий сегодня значительно усиливается. Правительство области под руководством губернатора реализует масштабный проект создания межвузовского научно-образовательного ИТ-кампуса мирового уровня для тысяч студентов.

В национальном рейтинге научно-технологического развития субъектов Российской Федерации Нижегородская область прочно занимает лидирующие позиции. То есть речь не только об информационных технологиях.

Люди, подготовленные нашим образованием, вели и ведут масштабные научные и прикладные исследования абсолютно мирового уровня. Горьковскими учеными под руководством Андрея Викторовича Гапонова-Грехова был предложен новый принцип нагрева плазмы. Сегодня производимые в нашем городе приборы, реализующие этот принцип (они называются *гиротронами*), имеют лучшие в мире показатели. Эти приборы используются в международном проекте создания экспериментального термоядерного реактора (его называют ТОКА-МАК), который должен реализовать управляемый термоядерный синтез как абсолютно безопасный и неисчерпаемый источник энергии.

В ТОКАМАКе нужно создать такие же условия, как на Солнце, т.е. нагреть плазму до 100 миллионов градусов. Это должно осуществляться с помощью гиротронов. Другой проект создания такой новой энергетики реализуется у нас рядом – в Сарове.

Я специально говорю о том значимом, которое рядом. Мы смогли. И должны справляться дальше.

Наука обладает свойством саморазвития. Она рождает новые направления, которые первоначально могут казаться даже экзотическими. Но потом оказывается, что они критически важны.

Например, изучение атомного ядра, за которым со временем последовало освоение атомной энергии, ядерное оружие, атомный ледокольный флот.

Или полеты в космос. Зачем? Ведь так много дел на Земле. Но, например, американская навигационная система GPS и наша система ГЛОНАСС невозможны без космоса. А эти системы нужны не только для транспорта, но и

для точного наведения оружия. То есть для защиты страны. И можно продолжать.

Ресурсы всегда ограничены. Отложив развитие конкретного научного направления, можно законсервировать оборудование и сооружения. Но нельзя законсервировать творческие способности исследователей. Они теряются с прекращением деятельности (и возможно – необратимо).

Поэтому нужны такие институты сохранения научного потенциала, как, например, ядерный центр в Сарове. Деятельность талантливых людей в таких институтах может при необходимости вернуть утраченное в других областях науки и технологий. А ведь этот центр собирались закрыть. И именно Православная церковь первой выступила в защиту ядерного центра, расположенного на святой земле преподобного Серафима Саровского (сочетается и святое имя, и святое дело защиты Отечества).

Российская наука, разумеется, есть часть мировой. Но она рождается в России. Я уже говорил, что наука не есть нечто дополнительное. Но она и не есть нечто изолированное. Она отражает жизнь российского общества, которому присущи и общность мировоззрения, и опыт совместного проживания многих народов и разных конфессий, и – самое главное – способность к самоорганизации в защите страны.

Все это имеет цивилизационный характер. Существование российской цивилизации есть факт, даже если кто-то этого еще не осознал.

Но есть и другая цивилизация, изначально признающая неравенство народов. Есть избранные (они построили Сад, как недавно сказал Боррель), и есть остальные. Раньше говорили *недочеловеки*, а теперь говорят, что у них нет демократии, нет культуры и т.п. На этих других не распространяются понятия добра и зла.

Поэтому нормально, когда зачищают территорию этих других и присваивают их блага. Рождение ядерного оружия выделило в этой грабительской цивилизации страну-гегемона. И Россия, которая исторически всегда справлялась со своей защитой, стала главным препятствием для господства этой грабительской силы.

Важно отметить, что научно-технологическое развитие меняет характер войны. Она уже не только на земле, на воде, в воздухе и даже в космосе. Гигантские вычислительные мощности, виртуальные сети, искусственный интеллект ведут к войне за доминирование в ментальной сфере.

Идет борьба за смыслы: кто мы, что мы, зачем мы живем? И мы должны сохранять и развивать себя, а не терять. И это не чья-то задача. Это задача всех нас. Мы должны сдать и этот экзамен (в таких делах переэкзаменовок обычно не бывает).

Важным полем этой борьбы является защита русского языка. И это не только гуманитарная задача. В свое время наш замечательный земляк Алексей Максимович Горький в заметке «Несвоевременные мысли» писал: «*Промышленность есть основа культуры*». Промышленность продвигает знание, образование и самих людей во всех отношениях.

Задолго до Горького известный российский историк Владимир Соловьев отметил, что «Ломоносов был первый русский, который с ученою Европою заговорил на ее языке». И он продолжил: а потом «долго, долго русские люди в школах своих по сочинениям Ломоносова учились писать, думать и чувствовать по-русски».

С одной стороны, возникновение славянской письменности было связано с потребностями развития государственности и с потребностями крещения славянских народов, что одновременно было одной из форм укрепления их самостоятельности. С другой стороны, труды Ломоносова несли опыт Европы в естественных и точных науках. А в итоге – «думать и чувствовать по-русски». То есть обретение научных знаний никак не разрушает цивилизацию, а способствует ее расцвету.

Язык – важнейшее средство объединения народа. При утрате гармонии народа и его языка возникает опасность отрыва народа от его истории, культуры, от ценностей, воспитанных

жизнью, и, в конечном счете, от его исторической территории.

Для народов, которые вместе строили единое государство, гармония с исторически сложившимся общим языком еще более важна. И это относится к русскому языку.

И наука, и культура есть исторически сложившиеся взаимосвязанные формы накопления и передачи опыта жизни народа, необходимого для сохранения цивилизации. Такой формой является также и Религия.

Религия воспитывает готовность к служению, которое рождает способность к единению в главном, без которого успехи невозможны.

Признавая высокую значимость всех наших главных конфессий, нельзя не видеть историческую роль православия в единении всех наших народов и в сохранении и развитии уникальной общности, какой является Россия.

Вызовы были и будут всегда. Но российская цивилизация показала свою способность и противостоять вызовам, и преодолевать собственные ошибки.

Примечание

1. Доклад на Международных Рождественских образовательных чтениях на тему: «Православие и отечественная культура: потери и приобретения минувшего, образ будущего»; Нижегородский региональный этап 1 декабря 2023 года.

RUSSIAN SCIENCE FACED THE CHALLENGES OF THE TIME: THE FUTURE OF RUSSIAN CIVILIZATION

R.G. Strongin

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

**ВЕСТНИК
НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО**

Серия СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 1 (73)

2024

Главный редактор
д.э.н., проф. С.Н. Яшин

Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Таймс»
Уч.-изд. л. 24. Усл. печ. л. 20,1. Тираж 100 экз. Заказ № 518.
Дата выхода в свет: 29.03.2024
Свободная цена

Учредитель журнала: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Издательство Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Отпечатано в типографии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-66314 от 01.07.2016 г.

Информационная продукция для детей старше 16 лет